

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 13

ВОЙНА И МИР

ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ
И ВАРИАНТЫ

Весь Толстой в один клик

Лев Толстой

**Полное собрание сочинений.
Том 13. Война и мир. Черновые
редакции и варианты**

«Библиотечный фонд»

1863-1869, 1873

Толстой Л. Н.

Полное собрание сочинений. Том 13. Война и мир. Черновые редакции и варианты / Л. Н. Толстой — «Библиотечный фонд», 1863-1869, 1873 — (Весь Толстой в один клик)

Содержание

Лев Николаевич	7
Предисловие к электронному изданию	8
ВОЙНА И МИР. ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ	10
ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИНАДЦАТОМУ ТОМУ	11
РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ	13
ВОЙНА И МИР	15
ПЛАНЫ И ЗАМЕТКИ К «ВОЙНЕ И МИРУ»	16
** № 1 (рук. № 47).	16
** № 2 (рук. № 1).	16
* № 3 (рук. № 2).	23
* № 4 (рук. № 3).	24
* № 5 (рук. № 4).	24
* № 6 (рук. № 5).	24
* № 7 (рук. № 6).	25
* № 8 (рук. № 7).	25
* № 9 (рук. № 8).	26
* № 10 (рук. № 9).	27
* № 11 (рук. № 10).	28
* № 12 (рук. № 11).	30
* № 13 (рук. № 12).	30
* № 14 (рук. № 13).	31
* № 15 (рук. № 14).	31
* № 16 (рук. № 15).	32
* № 17 (рук. № 16).	34
* № 18 (т. II, ч. 5).	34
* № 19 (рук. № 89).	34
* № 20 (рук. № 17).	36
* № 21 (рук. № 18).	36
* № 22 (рук. № 19).	36
* № 23 (рук. № 20).	38
* № 24 (рук. № 21).	38
* № 25 (рук. № 22).	39
* № 26 (рук. № 23).	40
* № 27 (рук. № 24).	41
* № 28 (рук. № 25).	42
* № 29 (рук. № 26).	43
* № 30 (рук. № 27).	43
* № 31 (рук. № 28).	44
* № 32 (рук. № 29).	44
* № 33 (т. IV, ч. 1, гл. XII).	46
* № 34 (рук. № 30).	47
* № 35 (рук. № 31).	47
* № 36 (рук. № 32).	47
* № 37 (рук. № 33).	48
* № 38 (рук. № 34).	48
* № 39 (рук. № 35).	48

* № 40 (рук. № 36).	49
* № 41 (рук. № 37).	49
* № 42 (рук. № 38)	50
* № 43 (т. IV, ч. 4).	50
№ 44 (рук. № 38а).	51
ВСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДИСЛОВИЯ И ВАРИАНТЫ НАЧАЛ «ВОЙНЫ И МИРА»	52
** № 1 (рук. № 47).	52
** № 2 (рук. № 39).	52
** № 3 (рук. № 40).	53
** № 4 (рук. № 41).	54
** № 5 (рук. № 89).	55
* № 6 (рук. № 42).	63
1.	63
2.	64
* № 7 (рук. № 49).	65
№ 8 (рук. № 51).	68
* № 9 (рук. № 52).	70
** № 10 (рук. № 43).	70
** № 11 (рук. № 44).	76
** № 11а (рук. № 44).	79
* № 12 (рук. № 45).	80
** № 13 (рук. № 46).	84
** № 14 (рук. № 46).	87
* № 15 (рук. № 46).	106
№ 16 (рук. № 46).	110
* № 17 (рук. № 46).	122
* № 18 (рук. № 49).	124
* № 19 (рук. № 47).	124
1.	125
2.	128
3.	130
5.	133
6.	136
7.	138
8	140
9.	143
** № 20 (рук. № 48).	144
** № 21 (рук. № 48).	145
* № 22 (рук. № 48).	147
* № 23 (рук. № 48).	150
** № 24 (рук. № 48).	151
ВАРИАНТЫ К ТОМУ ПЕРВОМУ «ВОЙНЫ И МИРА»	162
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	162
* № 1 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. I—VI).	162
* № 2 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. V—VI).	180
* № 3 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XVII, XIX—XXI).	194
* № 4 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXII).	199
* № 5 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXII).	200

* № 6 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXII).	202
* № 7 (рук. № 49. Т. I, ч. 3, гл. III).	204
* № 8 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXIV—XXV).	207
* № 9 (рук. № 50. Т. I, ч. I, гл. XXII—XXV).	208
* № 10 (рук. № 51. Т. I, ч. I, гл. V—VI).	213
* № 11 (рук. № 51. Т. I, ч. I, гл. V—VI).	215
* № 12 (рук. № 51. Т. I, ч. I, гл. VII).	217
* № 13 (рук. № 51. Т. I, ч. I, гл. XIX—XXI).	217
Конец ознакомительного фрагмента.	219

**Лев Николаевич
Толстой**
**Полное собрание сочинений. Том 13. Война
и мир. Черновые редакции и варианты**

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1949

Электронное издание осуществлено в рамках краудсорсингового проекта [«Весь Толстой](#)

[в один клик»](#)

Организаторы: [Государственный музей Л.Н. Толстого](#)

[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)

[Компания АБВУУ](#)

Подготовлено на основе электронной копии 13-го тома Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, предоставленной [Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам info@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

*Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»
Фекла Толстая*

Л. Н. Т О Л С Т О Й

П О Л Н О Е   С О Б Р А Н И Е   С О Ч И Н Е Н И Й

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. Г. ЧЕРТКОВА

ПРИ УЧАСТИИ РЕДАКТОРСКОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ:

Н. Е. ГУДЗИЯ, Н. Н. ГУСЕВА, М. М. КОРНЕВА,

Н. Е. ПИКСАНОВА, Н. С. РОДИОНОВА,

М. А. ЦВЕТОВСКОГО

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ
В СОСТАВЕ: Ф. М. ГОЛОВЕНЧЕНКО, В. С. КРУЖЕВОВА,
А. М. ПАНКРАТОВОЙ, А. А. ФАДЕЕВА, М. А. ПОЛОХОВА

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Т О М

13

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1949

Перепечатка разрешается безвозмездно.

ВОЙНА И МИР. ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИНАДЦАТОМУ ТОМУ

В тринадцатый том настоящего издания входят планы и заметки, вступления, предисловия, начала, черновые редакции и варианты, относящиеся к первым двум томам основного текста «Войны и мира».

Несмотря на то, что рукописи романа сохранились неполностью, они настолько обильны вариантами, что в силу необходимости их приходится помещать в двух томах: к I и II томам «Войны и мира» – в тринадцатом томе, к III и IV томам в следующем – четырнадцатом томе настоящего издания. В четырнадцатом же томе будет помещена статья „История писания и печатания «Войны и мира»“, подробно освещающая все идейные и творческие проблемы, связанные с созданием «Войны и мира», а также статья „Описание рукописей «Войны и мира»“ и аннотированный указатель собственных имен, встречающихся в тринадцатом и четырнадцатом томах.

При отборе вариантов редакторы стремились по возможности дать полную картину творческой работы Толстого над романом. Поэтому наряду с совершенно новыми вариантами в отдельных случаях помещаются варианты, с первого взгляда кажущиеся как будто близкими к печатному тексту, но на самом деле отличающиеся от него рядом интересных творческих деталей.

Размеры «Войны и мира», сложность замысла и содержания и длительность работы Толстого (семь лет) определили характер творческой работы писателя над романом. Рукописи «Войны и мира» не имеют в себе полных редакций всего романа в целом и даже отдельных его частей. В них есть главы, которые Толстой переделывал более десяти раз, и есть главы, написанные почти сразу, с незначительной их последующей обработкой. Обычно в начале работы Толстого над тем или другим эпизодом имелось несколько редакций, но под конец работы эти отдельные редакции в большинстве случаев постепенно сливались в одну редакцию. Нередки и такие случаи, когда несколько редакций в процессе исправления оказывались настолько слитыми между собою, что выделить какую-нибудь одну из них, не нарушая связного чтения, представлялось совершенно невозможным.

Однако в работе Толстого над «Войной и миром» отчетливо можно проследить четыре основных этапа.

Первый – это работа над черновыми рукописями романа с их последующей, иногда многократной, переработкой.

Второй этап – это работа над копией, снимавшейся с черновых рукописей романа и почти полностью подвергавшейся исправлениям и переработке Толстого.

Третий – это просмотр автором и переработка отдельных мест второй копии, являвшейся наборной рукописью.

И, наконец, четвертый этап – это работа над корректурами: гранками и версткой.

Эти этапы в основном соответствуют хронологическому порядку, в котором писался роман «Война и мир».

В соответствии с этим варианты располагаются в следующем порядке: в пределах каждой части романа первоначально помещаются варианты из черновых рукописей, начиная с вариантов к первой главе и к следующим главам до конца части, вслед за ними – варианты из копий, наборной рукописи и корректур.

Более обильны вариантами черновые рукописи. Много вариантов имеется в копиях. Значительно меньше извлечено вариантов из наборной рукописи и корректур.

Располагая варианты по рукописям и по ходу романа, редакторы все же по возможности стремились в пределах рукописи сохранять в вариантах последовательность редакций, давая одну основную редакцию того или другого варианта, не дробя на мелкие отрывки. Иногда же

приходилось давать контаминированные варианты и помещать зачеркнутые места в тексте в ломаных скобках.

Значительные по размерам отрывки, зачеркнутые Толстым в процессе переработки текста, выделены в самостоятельные варианты.

Планы, заметки и варианты начал «Войны и мира» выделены в самостоятельные группы вариантов и помещаются в начале тома.

Значительную помощь в переписке рукописей «Войны и мира» оказали редакторам С. А. Стахович и В. В. Шершенев. Кроме того, С. А. Стахович принимала участие в переводах иностранных текстов.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Тексты Толстого, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии, но с воспроизведением начертаний до-Гротовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга (сватьба, цаловать, фелдвель и др.).

При воспроизведении текстов соблюдаются следующие правила.

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

Неполно написанные конечные буквы (как напр, «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-рый» вместо «который» и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[ак] к[ак]» и т. п. лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках [?].

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 *неразобр.*] или: [2 *неразобр.*] и т. д., где цифры обозначают количество неразобранных слов.

На месте слов, неудобных в печати, ставятся их начальные буквы и число точек, равное числу выпускаемых букв.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что признает редактор важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест на крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других самых редких случаях – с оговоркой в сноске: *Абзац редактора.*

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [ ] скобках.

Пометы: *, ** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте при номерах вариантов означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого.

**ВОЙНА И МИР
ВАРИАНТЫ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ**

РЕДАКТОР
М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ

ПЛАНЫ И ЗАМЕТКИ К «ВОЙНЕ И МИРУ»

** № 1 (рук. № 47).

¹ Были два брата и две сестры Мосальских. Старший брат Аркадий умер, оставив вдову умную, чопорную и одного сына Бориса, чистого, глуповатого рыцаря, красавца.²

Другой брат в 11 году был министром и имел двух сыновей: Ивана гордеца (mordant), дипломата, и Петра кутилу, сильного, дерзкого, решительного, непостоянного, нетвердого, но честного. Дочь Марья была за Волконским и умерла. Волконской – гордый, дельный, разумный и богач, его дочь старая дева, спасающаяся самоотвержением, даровита, музыкантша, поэтическая, умная и аристократка, недоступная пошлости житейской.³ Вдова Аркадия – кузина и друг детства глупого доброго графа Толстого. Гр[аф] Т[олстой] женат на плебейке воспитаннице; у него сын Николай даровитый, ограниченный и три дочери: старшая блондинка Лиза, умна, хороша, дисграциозна, заботлива⁴ [?], вторая Александра, веселая, беззаботная, любящая и третья⁵ Наталья, грациозный поэтический бесенок. Анатолий сын сестры гр[афи]ни Т[олстой], молодой пройдоха.

Единственный сын богач, Илья, кроткой умница, женат на красавице б. . . ., её брат *дурак* светской делает карьеру нечаянно.

Берг – ловкий немец, делает карьеру больше всех.

Борис, Петр и Илья – друзья с молодости. Берг женится на Александре, Борис на Нат[алье], Ив[ан] на Лизе, Петр на кузине.

** № 2 (рук. № 1).

Борис – Наталья.

Имуществ[енное]. Богат, щедр, воздержан. Не понимает бедности.

Обществ[енное]. Большие связи, честолюбив, такт[ичен], тверд в исполнении долга. Кроток с подчиненными.

Любовное. Постоянен, любит одну всегда, чист, невинен, любит общество женщин.

Поэтическое. В музыке не смыслит, но верной голос. Пишет стишки в альбом, понимает и высоко ценит дружбу и семейную жизнь.

Умственное. Много читает, огромная память, последователен, логичен. Математик хороший. Отлично говорит на языках. Хорошо в шахматы. Наполеона обожает.

Семейство. Мать чопорна, нежна, аристократка, двоюродная кузина кн[язя] Болкон[ская], дальняя родня Толстые.

Жизнь с 11-го по 13 год. 20 лет. Едет по своему желанию в Турцию, прощается с Нат[альей] смотря на нее, как на будущую невесту. Слабо спорит с Петр[ом] и с Аркадием за правительство, они все трое либералы, и советует ему работать над собой. Переписывается с кузиной. В Турции наивно думает, что он герой; получает отличие, возвращается к матери. Успех ему кружит голову. Он верный слуга. Встречается с Петром накануне дуэли, идет в секунданты. На бале с Аркад[ием] и женой его. Она делает ему авансы. Он бежит в Москву, еще больше влюб-

---

¹ *Зачеркнуто:* В 11 году у старого князя Волконского гостит молодой Зубцов

² *Зач.*: и дочь красавицу за Мещерским

³ *Зач.*: Третья сестра

⁴ *Переделано из:* копотлива

⁵ *Зач.*: Анна

ляется в Нат[алью] и кладет себе ждать еще год. В походе 12-го года получает важное назначение, прощается, как с чужою, и едет. Прежде отдает все деньги Петру, успевшему задолжать в Москве, у Аркадия нет – жена промотала. Встречается с Анатолом, кормит и веселится смотреть на него.

В Вильне бал; полька соблазняет его, он опять победитель. Пишет ей письма и её письма. Отступление, он всё забывает под влиянием⁶ чувства долга, командует полком. Французская храбрость. Перед Бородиным он⁷ скачет узнать. Она бежит от него, ничего не говорит. Аркадий тут ополченцем, она бросалась на него. И всё рассказала. Кузина письмо [?].

Ночь накануне. Петр весь раскрылся и говорит, что он простил бы, и плачет. Он влюблен в На[талья] и чернил себя. Под Бородиным без фраз уже он хочет умереть.⁸ Он всё забывает – блеск, слава сражения и вдруг пуля, и несут в мир гноя, пыли, грабежа. Он умиляется один раз с фельдшером и всем и всё прощает. Его везут в Москву и на их подводах в Нижний. Она его бежит. Он притащился и насильно прощает. Всё расскажите, я хочу страдать, не воротись. Он плачет. И всё, всё прощает. Он другой человек. В Нижнем сватья, и он едет к армии.

Петр.

Имуц[ественное]. Отец богат. Сын промотал всё, что дали, два раза платил долги, отказался. Щедр, игрок, знает бедность и не потеряется.

Обществен[ное]. Знает людей, умеет обманывать легко и смеется. Может играть всякую роль – вельможи, бедняка. Связи презирает, всё сам. Честолюбив выше обыкновенного. Не знает долга и всегда идет напротив. Не признает порядка вещей. Жесток и добр до бесконечности.

Любовное. Любит быстро, страстно и тотчас же ненавидит, кого любил. Презирает женщин. Терпеть не может обществ[а] женщин – все дуры. Не презирает никакое⁹

Поэтическое. Страстно любит музыку, голос фальшив. Поет.¹⁰ Влюблен, ничего не помнит до успеха, страстно любит Россию, в дружбе тверд.

Умствен[ное]. Всё быстро понимает. Красноречив во всех родах. Видит далеко. Философ такой, что себя пугается. О бессмертии говорит часто и мучим вопросом. Наполеона ревнует.

Семейство. Отец министр француз. Брат дипломат, которого ненавидит,¹¹ кузина Волконская по матери. Мать рожд. [?] Офросимова.

С 11-го до 13-го 20 лет. Приезжает из-за границы с славой милого повесы. Записан в¹² коллегия, но нигде не служит. Бросается на кузину. Она отталкивает его и влюбляется, шалости, горит. Александра родила. В Петербурге связь с M-me¹³ St[?] (на бале встретил). Она умирает в родах.¹⁴ Министрам нет покоя.¹⁵ Получает пощечину за Балакирева, убивает и еще другого. Играет. Всё проигрывает. Анатолий при нем собачка.¹⁶ Отец отказывается платить долги. Борису он всё рассказывает. Бросается в воду.¹⁷ Аркадий по совету Бориса берет его к себе.¹⁸

⁶ *Зачеркнуто:* оскорбленного чувства

⁷ *Зач.*: ранен

⁸ *Зач.*: его ранят. Из блеска

⁹ *Не дописано в рукописи.*

¹⁰ *Зачеркнуто:* пляшет по русски

¹¹ *Зач.*: сестра красавица жена Аркадия

¹² *Зач.*: полк

¹³ *Зач.*: Берг

¹⁴ *Зач.*: Он убит горем. Убивает мужа. Аркадий по совету Бориса зовет его к себе. Отец.

¹⁵ *Зач.*: связь с belle-soeur, едет к мужу

¹⁶ *Зач.*: шулерничает

¹⁷ *Зач.*: за собачкой

¹⁸ *Зач.*: связь с сестрой, женой Аркадия. Подкидывает анонимное письмо Аркадию.

Живет один с медведем,¹⁹ история с квартальным. Высылают в Москву. Собачка с ним. Сестра в Москве (брат уехал). Связь с belle-soeur. У Аркадия нельзя брать денег. Опять игра, близкие сношения с Волконской, делает ей предложение. Вы одна не поддались мне. Она думает. Он сходится с танцовщицей, бьет ее. Потехи с старушками. Шулерничает. Убивает за то полковника. Анатолий даже отшатывается от него. Что мне делать, из за ленты не могу. Дай мне дело?²⁰ Ненавидит лично Наполеона. Его судят, старик Толстой принимает его. И веселый вечер с нарядами трогает его, он плачет и едет домой, пишет письмо в ополчение. В партизаны. Делает чудеса. Французский пленный офицер. Доказывает ему, что он великодушнее. Канун Бородин. Письмо от кн[язны] Волк[онской], отказывает ей, отдает всё и имеет цель революцию²¹ и работает, как вол, за солдат. Устраивает Бориса. Выручает Аркадия. Дает денег Толстому и помогает Волх[онскому]. Строгость к себе. Он и она самоотверженно вместе.

Аркадий 28 [лет].

Имущество. Огромное состояние, не знает счета деньгам, думает, что без 1000 р. в месяц нельзя жить, боится бедности.

Общественное. Такт[ичный], добродушный, дружба со всеми, честолюбия и тщеславия никакого, всегда со всеми кроток. Не признает²² наших [?] законов. Крайний либерал в мысли и в жизни.

Любовное. Не знает любви к женщин[е].

Поэтическое. Литературу любит и понимает. Любит забыться, выпить, поздно сидеть и болтать. Дружба выше всего [?] и крепок.

Умственное. Очень тонко умен. Начитан. Всё читал и никогда²³ говорит мало, Наполеона презирает.

Семействен[ное]. Сирота. Жена случайная, двоюродной брат Борису.

С 11 до 13.²⁴ Делал предложение Волконской, она отказалась, его женили. Жена кокетничает, он видит, что скверно, махнул рукой и пьет. Друзья уходят. Он хлопочет за Петра, но не может помочь, читает, говорит, пьет. Жена распутная бросает. В 12 году идет в ополчение и не знает зачем. Жену бросает и ребенка тоже. Храбр, но бестолков и никому никакой пользы.

Берг.

Имуществен[ное]. 200 душ у трех братьев. Скул, расчетлив.

Общественно[е]. Не понимает другого порядка, как настоящий, достойно пролазлив, долг выше всего. Всё помнит.

Любовное. Не любит, но²⁵ жена и в физическом и в общественном смысле нужна.

Поэтическое. Никакого, кроме поэзии правильности и порядка.

Умственное. Логично очень умен, образован в том, что нужно для успеха. Математика, фортификация.

Семействен[ное].²⁶ Мать и сестра, которых он содержит, и брат, от которого он отрекся.

С 11 до 13. Вышел 21²⁷ года из корпуса, обратил внимание начальства, женился на дочери полкового командира. Работает в академии, и²⁸ частные работы. Послан в командировку в Турцию, узнает, что жена беременна без него, бросает ее и просит развода. Жена умирает. Он рад

¹⁹ *Сверх текста написано*: Связь с Аркад[иевой] женой. Убивает человека

²⁰ *Зач.*: Начинает читать Contrat social [Общественный договор]

²¹ *Зачеркнуто*: Много читает. Она отдается ему

²² *Зач.*: никаких

²³ *Зач.*: не

²⁴ *Зач.*: Только что женился

²⁵ *Зач.*: женщины

²⁶ *Зач.*: брат такой же

²⁷ *Цифры «21» переправлены из «22».*

²⁸ *Зачеркнуто*: на знакомство

и содействует этому.²⁹ Едет жениться, делает предложение Волконской, отказ. Получает новые командировки.³⁰ Женится на его³¹ Лизе, думает приданое – ошибается. Дети, хороший отец и не пропускает ни одного случая, проекты кампании. На бале в Вильно блестящий офицер. Презирает П[етра] и Борису удивляется, под Бородиным хватает шпагу в левую руку и награжден генералом и начальником³² Петра. П[етр] оскорбляет его, но он выше этого. Убирается заблаговременно из Москвы и богатеет поручениями. Тестю не помогает,³³ но жена в руках, мучается.

Толстые.

Отец.

Имущество расстроенное, большое состояние, небрежность, затеи, непоследовательность, роскошь глупая.

Обществен[ное]. Тщеславие, добродушие, уважение к знатым.

Любов[ное]. Жену, детей ровно, богобоязненно и никогда неверности.

Поэтическ[ое]. Поэзия грандиозно[сти] и добродушно[го] гостеприимства. Не прочь выпить. Дарован[ие] к музыке.

Умствен[ное]. Глуп, необразован совсем.

Семейс[твенное]. Жена, сын,³⁴ три дочери.

От 11 до 13. Жуирует в деревне и городе, поручил всё Свечину, чувствует, что запутался, и не считается. *Idée fixe* – становится отдать замуж дочерей (совещаются с женой – оба глупы). Страсть – сын. Ищет места, но тщетно, в 12-м году в Москве. Всех к себе тащит. Анатоля очень любит за почтительность. Гордится чистотой дочерей. В³⁵ намерения Бориса не верит. Раз расстается с женой и пишет утешенья. Торопится увезти всю библиотеку из Москвы (О Наполеоне не знает хвалить или ругать) и на подводах возит раненных. Не в отчаянии и радуется женитьбе Нали (прежде). Искательство Берга нравится. Не любит дочь, но плачет и невольно обманывает приданым.

Мать.

Полное доверие, роскошь.

Grande dame, влюбленная, глупая и капризная, и добрая.

Вышла безнадежной старой девой и обожает мужа.

Любит страшные романы и привидения.

Суеверная.

Братья беспутные. Одна с мужем.

Обожает сына.³⁶

Николай.

Имуществен[ное]. Роскошно живет по отцу, но расчетлив.

Общ[ественное]. Такт, веселость, всегдашняя любезность, все таланты понемножку.

Поэти[ческое]. Всё понимает и чувствует понемногу.

Умствен[ное]. Ограничен, отлично говорит пошло. Страстен по моде.

*Любовн[ое].*³⁷ Никого не любит крепко, маленькая интрига, маленькая дружба.

²⁹ *Зач.*: Женится на Софье и счастлив по связям с Ив[аном] К[уракиным]

³⁰ *Зач.*: через Ив[ана] К[уракина]

³¹ *Зач.*: belle-soeur

³² *Зач.*: Ивана

³³ *Зач.*: и жена убегает от него

³⁴ *Зач.*: две

³⁵ *Зач.*: желания

³⁶ *Зачеркнуто*: думает о бедности

³⁷ *Зач.*: Любит сестер

С 11 по 13 ему 17 лет. Ему дают любовницу.³⁸ Танцор без значенья на балах. Дружится с Бергом, содействует его браку, потому что Берг того хочет, потом с П[етром] К[уракиным]. Имеет успех в свете. Просится на войну. Делает всё, что другие. Имеет успех у Арк[адиевой] жены. Ведет себя не слишком хорошо, тщеславно, говорит фразы пленному и отдает ему хлеб, нужный его деньщику, мирит сестер. Весел с ними, поет, играет – пренебрегает Соней, и его хотят женить на княжне, и он очень рад.

Лиза.

Корыстолюбива.

Чопорна, горда, в душе робка, не любима, тщеславна.

Никакой, кроме нарядов и желания возбуждения зависти в сестре.

Умна логично, много знает и читала, любит судить и удивляется, что ее умное не выходит умным.

Никого не любит, но расчувствоваться умеет при всяком случае.

³⁹ 18 лет. Начинает изнывать в девичестве, кидает сети напрасно, завидует сестре. Ловит Берга почти обманом. Рожает скучно, в отчаянии от потери и покоряется взгляду мужа.

Наталья. 15 лет.

Щедра безумно.

Верит в себя. Капризна, и всё удастся, и всех тормошит, и всеми любима.⁴⁰ Честолюбива.

Музыкой обладает, понимает и до безумия чувствует. Вдруг грустна, вдруг безумно радостна. Куклы.

Любов[ное]. Просит мужа, а то двух, ей нужно детей и любовь и постель.

Глупа, но мила, необразована, ничего не знает и всегда умеет скрыть.

Влюблена в учителя, в Бориса, кукла Биби, дружба с Соней. Первый бал, влюблена в царя. Деревня,⁴¹ Михаил, влюбление, падение. Ужас и веселость. Концерт. Отношения полудружбы с Аркадием. С Петром. Она хочет погубить себя. Он ранен. Она бежит от него. Объяснение. Свадьба – платя.

14 лет Соня. Кузина воспитанница.

Щедра и скупа.

Застенчива, жива, всегда весела, любима.

Всё понимает, ничего не может отлично.

Как сестра, но тверда в одном.

⁴² Ясна, кротка, но недалеко и не судит, молчалива.

Ее брат женат [?] она стыдится, русопят и в 12 году показывает себя плохо.

Куклы, заодно с меньшей против старшей, любовь с Николаем, поцелуи. Восторженность то музыки, то театра, то писатель. Горе от его любовницы. Следит за ним и радуется его успехам на бале. Страстная любовь за то к Нат[алье]. Поддерживает П[етра] К[уракина], никаких отношений с Арк[адием], но они любят друг друга. Негодует на Мих[аила], хочет его убить, ходит с кинжалом. Объяснение с Арк[адием], она всё любит Николая.

Саша.

---

³⁸ *Зач.:* Он влюблен в княжну. В Петербурге

³⁹ *Зач.:* Выходит за Б.

⁴⁰ *Зач.:* Немн[ого]

⁴¹ *Зачеркнуто:* Анатолий

⁴² *Зач.:* умна

Меньшой брат, ребенок 13 лет, добрый пузан.

Ив[ан] Кур[акин]

Иму[щественное]. Осторожен, воздержан, пышен.

Горд, mordant,⁴³ почтителен глубоко.

Чувственен, но владеет собой и не любящ.

Пышность и презрение с высоты знати.

Умен, не далеко *gepartie*.⁴⁴

Презирает брата и мать и отца. Жена молодая, наивная, свежая, аристократка Г. Щербат[ова].

Женится – уезжает – узнает о связи с братом. Как будто не знает этого – уважает Наполеона. В 12-м году ничего не видит, кроме спасения своего достоинства и карьеры. Жена делается по нем.

Анатоль.

Беден, в долгу, но умеет тянуться за аристократией кости.

Низкопоклонен, умея скрыть низкопоклонство в виде развязности.

Чувствен грубо, немножко любит, но не имеет светского соображения воли.

Поэзия *comme il faut*⁴⁵ или грубого разврата. Бездарен.

Ничтожен, как по уму, так [?] и по жизни.

Мать не нарадуется, старая директриса, сестра классная дама, он стыдится их.

Тянется за⁴⁶ Петром и Борисом, унижение съедает. Соблазняет нечаянно, сам не знает хорошо или дурно. Живет в Москве, бежит, не спасает ни мать, ни т[анцовщицу]. Она его любит, всё немного. П[етр] хочет его убить. Он плачет.

Волк[онский].

Богат и сам увеличивает и организует богатство.

Екатерин[инский] в немилости, переносит гордо и достойно.

Любит одну дочь.

Поэзия порядка, гармонии только.

Умен, генерального штаба.

Дочь и кутила русопят сын.

Строится. Не выдавал дочери. Принимает у себя. Любит Бориса. П[етр]⁴⁷ портит Александру. Увлекает – бес в ребро – *Eritienne*. Не верит 12-му году. Посылает сыну. Французы идут. Он ничего не хочет делать, разорять, и вдруг делает больше всех – умиляется, прощает сына и выдает дочь.

М. Вол[конская].

Презирает всё вещественное.

Всеми любима и *veperee*,⁴⁸ нежна и ласкова.

Всё и всех любит христиански.

Отлично играет и любит музыку мистически.

Умна, тонкий поэтический ум.

---

⁴³ [язвителен]

⁴⁴ [находчив]

⁴⁵ [порядочности]

⁴⁶ *Зачеркнуто*: Бергом

⁴⁷ *Зач.*: соблазняет

⁴⁸ [уважаема]

В переписке тайной с братом. Лелеет отца, играет, поэтизирует. Любит П[етра], хотя и отталкивает, любит Бор[иса]. Делает корпию, за ранеными. Называется Петру.

Аркадиева жена.

Скупа.

Всем равно такт, улыбка.

Ничего не любит, одна чувственность.

Ничего, кроме бала. Не кормит детей грудью, бриллианты.

Глупа совершенно.

Дочь, сын, муж, мать, братья – все живут на счет мужа.

Вышла замуж, ищет любовника.⁴⁹

Понимает свое положение отлично. Всегда побеждает мужа цинизмом глупости. Заман[ивает] Бориса и Петра. Петр ее ругает и чуть не бьет. В связи с царем. Берг в связи с ней после и счастлив. Муж ее⁵⁰ оставляет, и она считает себя чистой. У французов в Москве в связи с генералом.

17 лет Mme Берг.

Беспечна, неряшлива.

Робеет, конфузится, желает *comme il faut*.

Любит тихо родных и мужа, но чувствена судорожно.

Музыку, бал, любовь.

Глуповата, но в наивности не глупа.

Мать, отец, сестра, пропасть маленьких братьев.

Не нарадуется счастьем носить чепчик. Еще радость – за ней волочатся. И вдруг это всё страшно, страшно, роды ее – и смерть.

Мать Бориса.

Аккуратна, расчетлива, небогата.

Сдержанна, но большие связи. Дам воспитанье сыну.

Сына любит и память мужа.

Поэзия чистоты, нравственности и образования.

Умна, усталые глаза.

Вывела и выводит сына, имеет одно желание лелеять вну[чат], живет в Петербурге. Свои друзья.

Танцовщица.

Курчаявая, здоровая и милая добрая русская девка, несмотря на всю школу. *Se laisse aimer*.⁵¹ Требовательна и не боится его.

1) Борис × 1

2) Аркадий × 2

3) Петр × 3

4) Берг × 4

5) Иван × 7 – его жена

6) Илья – 7) Николай Т. × 5, Т. × 6

8) Анатолий × 8

9) Волконской⁵² × 9

<10) Mme Берг 14>

11) Арк[адиева] жена 15

---

⁴⁹ *Зачеркнуто:* Анатолий и Берг сначала, потом она презирает их.

⁵⁰ *Зач.*: прогоняет

⁵¹ [Позволяет любить себя.]

⁵² *Зач.*: 13

- 12) Лиза × 10
- 13) Соф[ья] × 11
- 14) Натал[ья] × 12
- 15) Марья Волк[онская]⁵³
- 16) Мать Бориса 18
- 17) Танцовщица 19
- 18) Толстая 17

*№ 3 (рук. № 2).

- 1) Наполеон откупщик. Презрение к людям, успех. Врозь презирают, вместе поклоняются.
- 2) Юродивый в обществе, унижение, – унижен и рад унижению – для бога.
- 3) Засоренная глубина совести у старика – Воейков, Исленьев никогда не смотрят вглубь.
- 4) Rattraper le temps perdu⁵⁴ старик волочится за всеми.
- 5) Поэзия молодости с презрением к заботам старости, и права – как и права старость.
- 6) Главное подраздел[ение] людей – сильные и слабые; мужики говорят – легкий и твердый.
- 7) Женщина сильная, красивая, широкая, грацией своей неприятна, почти страшна.
- 8) Лучшее в людях – минуты умиления.
- 9) Пропал, пощечина и нет.
- 10) Девушка молодая чисто, страстно любит и ревнует к девке.
- 11) Alexandrine обращает в веру и мило любит тихого, добродушного безбожника.
- 12) Чувствительность напущенная – Стерновская – того века, Карамзинская всегда – а потому не действует.
Главное faire de l'argent.⁵⁵
- 13) Наглый, дерзкой – успех.
- 14) Отношения к девственнику и к распутному.
- 15) Мужчину проходят, женщина всё одна с своим выработанным характером.
- 16) Страница верит, что она святая, и в распутстве своем видит чудеса.
- 17) Anatole за ляжки.

–
Едет министр с⁵⁶
Из дому убежала.
Куклу венчали.

I-я глава. Бал. Только от государя, оделся и едет. Полковник. Обед у государя, дома сборы, братья дома, Сережа дома – скука – его сателит Шостак.⁵⁷ Входы. Государь, мимо него толкается С., жолчный Волх[онский] о политике. Старая гофдама, ее сын Н. С. А. И. С. je danse avec la plus jolie femme,⁵⁸ не отвечает откуда уверенность, толкает. Рост[ов] сын с женой, только что женился.⁵⁹ Ревнует, заговаривает, ждет у подъезда... Антипатичен. Он уговаривает ее в

---

⁵³ Зач.: 16

⁵⁴ [Нагнать упущенное время]

⁵⁵ [наживать деньги.]

⁵⁶ Так в рукописи.

⁵⁷ Зачеркнуто: А. И. обе

⁵⁸ [я танцую с самой красивой женщиной,]

⁵⁹ Зач.: Провожает

церковь, дуэль. А. И. секундант – убит. Подле вместе. Я был виноват. Il faut faire une position à sa femme.⁶⁰

* № 4 (рук. № 3).

Свет Московской и Петерб[ургский] заняты своими исключительными интересами, не признают людьми не *Апраксин[ых]*, а горе, несчастья их сближают с *русским* и с помещиками и с народом.

Разумовской весел и любезен, потеряв два миллиона.

Слипух [?] хлеба

Белого [?]... Нет аржаного и одношерстной собаке отдать... И выходит, не оттого, что знает одношерстную, но оттого, что верит. Религия [?] тоже.

Является к Сперанскому и думает, что в нем всё премудрость.

Тетинька, как ваше здоровье? Нарочно спокойно.

4 декабря 1863. Три друга честолюбив[ы] по Нап[олеону], Борису 19, Федору 16, Арк[адию] 23.

Сам себе напортил и разозлился на всех и никогда так не убежден, что прав.

Федор соблазнил Александру и поссорился с стариком, и дома поссорились.

* № 5 (рук. № 4).

Борис и Nicolas два типа – поэтич[еский] и нет.

В самые поэтические минуты как многого недостает.

Судьба всего человеческого неполнота. Дело – предприятие[?], препятствие, время. Оружие третя и стареет.

Поэзия – увлечение мешает исполнению.

Слово речь – нельзя сказать – всё ложь.

Люди – чем лучше, мудрее, тем слабее.

Психологические максимы – хозяйство.

Высшая мудрость людей – словами оправдать себя.

Речи парламента.

У детей и даже [и] у больших есть то, что не могут слушать, что им говорят, потому что наблюдают, как им говорят.

* № 6 (рук. № 5).

Борис влюблен, но Наташа делает ему предложение, он отказывается. Они остаются так. К[нязь] Андрей у Бергов узнает их любовь и делает предложение.

К[нязь] А[ндрей] с Р[иетг'ом] о Карамзине. Презрение к русским писателям.

К[нязь] А[ндрей] в ложе, речь.

N[icolas] зарыдал после Фридланда.

Сперанский⁶¹ покоряется мысли и логике, как все *parvenus*.⁶²

К[нязь] А[ндрей] ни разу не ездил на балы. Он библейскому обществу принадлежит.

---

⁶⁰ [Нужно создать своей жене положение.]

⁶¹ *Зачеркнуто*: логически верит

⁶² [высочки.]

* № 7 (рук. № 6).

Pierre приходит к Паздееву. Паздеев строго учит его – грязная квартира.

Польза и значение иероглифического языка. Такой ответ сделает масон, что и деист, и еврей, и магометанин – согласятся.

Вверены тайны камня. Масонам. А Иоанну тайны небесные.

Неясности мистического масонского учения скрыты тем, что другие их, будто, знают.

Свет воссияет (éclat). Когда тьма доходит до последней степени своего сгущения.

4 темперамента: хол., огонь, сангв., воздух. Лимф. вода. Меланх. земля. Сверхнатуральное состояние любви и лицемерие бога. Внутренний человек.

Pierre увлечен идеей совершенствования.

Тем и кажись, что ты есть.

Ничто не будь в твоих глазах ни малым, ни великим.

Будь верен в самых малостях.

Обращай всё внимание на то, чем ты на сей час занимаешься, так, как бы оно было единственным предметом всех помышлений и дел.

Взирай просто на дела посторонних.

Около себя гляди.

Отдавай каждому должное.

Предай сердцеведцу свое сердце.

Будь исправен и справедлив в мелочах.

Уповай, расширяй твое существование в будущем, умеи надеяться, научись наслаждаться всем и обходиться без всего.

Каждый порок имеет свою свойст[венную] ему силу, так что, побеждая последний, побеждаешь все.

7 grade le mot des chevaliers de [1 неразобр.] Cabaliesta. Le mot de [3 неразобр.] tace ou Tace⁶³

* № 8 (рук. № 7).

К[нязь] А[ндрей] в Петербурге – свидание с Pierr'ом.

Обед французской у Hélène.

⁶⁴ Легитимисты. Старики (очерк).

Кочубей и⁶⁵ аудиенция у Сперанского.

Работы – Розенкамф, Ильинский, ссора.

⁶⁶ Дневник P[ierr'a]

Вечер у него.

Ложа, где к[нязь] А[ндрей] ищет иллюминатства.

Ростовы.

Бал.

К[нязь] А[ндрей] не поехал, а P[ierre] прочел свою речь и произ[вел] скандал.

---

⁶³ [В седьмой степени пароль рыцарей [1 неразобр.] Кабалиеста. Пароль [3 неразобр.] безмолвствуй или Безмолвствуй]

⁶⁴ *Зачеркнуто:* Вечер с

⁶⁵ *Зач.:* вечер

⁶⁶ *Зач.:* Вечер у Pierr'a

* № 9 (рук. № 8).

В 1810. Все в Петербурге. Свадьба Берга. А[нна] П[авловна] любит Наполеона. К[нязь] В[асилий] сам себя заглушает звука[ми] своего голоса. Бал. К[нязь] А[ндрей] едет в Турцию, прощается с Н[аташей]. Она дрожит от страсти, а он холоден. Дайте мне мужа.

В 12-м году старый к[нязь] умирает от злости и волнения. Бредит ругательствами. М-Ле В[ougienne] уговаривает к[няжну] М[арью] принять подданство. К[няжна] М[арья] в азарте удивляет всех.

После Бородина съезжаются раненные. Андр[ей], N[icolas], к[няжна] М[арья] и Наташа.⁶⁷ К[няжна] М[арья] не хочет жертвовать.

Конец. К[нязь] А[ндрей] команд[ует] полком под Красным, обожаем солдатами. Плачет с Pierr'ом. P[ierre] женат на Наташе. N[icolas] лежит больной у к[няжны] М[арьи].

Тушин с оторв[анной] рукой городничим.

Борис и Берг больш[ое] повышен[ие] за Бородино.

Соня упрямо решила быть его женой или ничьей.

В 1810 Наташа: дайте мне мужа. Всех сводит с ума: Пьера, Андрея, Анатоля. Борис не смеет не любить. Ее удивление. Даже Берга надо сбить с толка.

У М[арьи] Д[митриевны] убиты все 4 сына. Жюли богата. Борис сватает. Она убита, лучше бы за Nicolas.

Переписка к[няжны] М[арьи] с Ж[юли] и P[ierre'a] с Андр[еем].

К[нязь] Андрей приезжает в Москву, узнает о франц[узах] в Минске, и письмо от Наташи.

1812. Зимой. Наташа умирает со скуки. Ст[арый] гр[аф] едет продавать дом и устроить службу: P[ierre'a] и Анатоля везет с собой. Ан[атоль] вырывается по[д] предлогом службы. N[icolas] уже на службе.

1812. N[icolas] приехал из полка⁶⁸ устроить дела. Обругал, прибил и выгнал Митиньку. Разорвал вексель А[нны] М[ихайловны], охотится. Едет с отцом в Москву.

После открытия истории А[натоля] Соня об одном только боится, это гнев N[icolas] и дуэль. Она пишет Дол[охову] и умоляет его спасти. Дол[охов] убивает А[натоля]. А[натоль] трепещет и глупо просит жизни под его пистолетом.

1812. Наташа одна перебирает свои вещицы, всё воспоминания. И горюет о том, что она стареется. Купается, хорошеет и никого.

Во время истории с Анатодем она скорее, скорей губит себя, именно затем, что чувствует, как это дурно.

Старик Ростов говорит с Pierr'ом о делах, о Сперанском, о иллюминатах, а А[натоль] с Наташей.

Одни легитимисты, другие иллюминаты, третьи служаки иллюминаты.

К[нязь] А[ндрей] раненный, злится, стыдится, не хочет перевязок, везется, слышит разговор Репнина с Бонапартом.

Через четыре недели он был здоров и с одной мыслью не служить, жить с отцом, женой и ребенком, зарыться, ехал в деревню. Как всегда после раны, ждал новой жизни.

В Л[ысых] Г[орах] ждали акушера, вместо его приехал к[нязь] Андрей, за ним акушер. Она умерла, старик притворился спящим, сын тихо вошел и всё таки сел. Старик дрогнул лицом. Сын заплакал,⁶⁹ и они обнялись.

⁶⁷ Зачеркнуто: Pierre

⁶⁸ Зач.: охота

⁶⁹ Зачеркнуто: и убеж[ал]

Поедем в Москву и кн[яжна] Марья.

Разговор с Рieгг'ом. Всё пустяки, всё вздор, кроме дружбы. Любви мне не дал бог. Я был горд. Поедем к Рост[овым]. К[нязь] Андрей без умиления и улыбки не может видеть и слышать голоса Наташи. Борис обижен, но успокоивается. N[icolas] с Соней только дружны, но N[icolas] помогает разорять именье. Долохов влюблен.

—

<Прошло два года. Тильзит. Эрфурт. Ан[на] Павл[овна] любит Буонапарте. <К[нязь] Андрей ожил,> едет в Турцию почти женихом Наташи. Берг женится. Старик умирает, дела расстроены. Они живут в бедности. <N[icolas] привозит Анатоля> в деревню, роман с Анато-лем. Nicolas женится на княжне М[арье]. Роман. К[нязь] А[ндрей] убит. Едет в Турц[ию] перед 9⁷⁰ годом.>

N[icolas] в связи с Элен. Рieгге пьет.

Старый князь одержим болезнью злобы.

В комочек собранное выражение Наташи.

Только в Москве и Петербурге о Аустерлицком деле. Суд над Пржиб[ышевским] (М[и-хайловский] Д[анилевский] 1805), измена австрийцев. А[нна] П[авловна] помалчивает о победе.

<Тильзит.

1) Обед Багратиона. Ростов, Долох[ов], Рieгге.

2) К[нязь] Андрей жена[т] в 1806.>

3) К[нязь] Андрей и Рieгге филос[офствуют].

Гердер. Р[ieгге] франмасон.

Ополчение в Лысых Горах.

4) Тильзит. Борис. Петербург. А[нна] П[авловна] и Н[élène].

5) Наташа в деревне. Первый бал. К[нязь] А[ндрей], Рieгге.

Борис равнодушен, любит к[нязя] А[ндрея].

К[нязь] Андрей краснеет при Наташе, и это решает ее судьбу, она не боится его и любит.⁷¹
1810.

Ростовы в Петербурге. Анатолий любовь. К[нязь] А[ндрей] приезжает из Турции, бал. А[нна] П[авловна] после Эрф[урта].

К[нязь] Андрей с М[арьей] улыбаются над кроватью.

* № 10 (рук. № 9).

Глава 1-я.

1) Смотр. Полковник, Долохов. Кут[узовская] свита.

2) В глав[ной] кв[артире].⁷² Немцы адъютанты.

Болк[онский] пишет письмо. Мак.

3) Р[остов]. Телянин. Выговор.

4) Мост. Несвитской. Nicolas. Его спрыскивают.

5) Брюнн.

6) Общ[ий] обзор. Отряд Баграт[иона]. Обоз.

7) Кут[узов] прощается с Баграт[ионом].

8) Тушин на батарее.⁷³

⁷⁰ Цифра «9» написана поверх цифры «12»

⁷¹ Зач.: Р[ieгге] гросмейстер

⁷² Зачеркнуто: Кутузов

⁷³ Зач.: Б[олконский]

- 9) Правый фланг.
- 10) Левый фланг, атака Долох[ова]. Багра[т] едет туда и не может доехать.
- 11) Т. Офицер убитый. Ахраси[мов].
- 12) Привал.

* № 11 (рук. № 10).

- 1) <К[нязь] А[ндрей] объезжает полки. Его дневник. Разговор немцев о войсках.> Смотр полка Долохова.
- 2) Браунау. Шут. Мак.
- <3) Мост. Т[ушин] и Б[елкин], бессмертие души. Т[олстой] Телянин. (Общий вид, монашени, Несвицкий, Тел[янин].)>
- 3) Мост.
- 4) Общий обзор А[ндрея] в Брюнне.
- 5) Письмо из Вены.
- 6) Войска Б[агратиона]. Всё стратегическое дело письмо Мюрата. <Т[ушин] и Б[елкин] о бессмертии души.> Измученный Бел[кин].
- <7) Ан[аньев], Долохов. Пишет письмо, и дерзость во фрунте.> <бессмертие души начало дела.>
- 8) <Б[агратион] с Австр[ийцем] (дети).>
- 9) <К[нязь] А[ндрей] переговоры. Д[олохов].>
- <10) Обоз.> 10 Б[елкин] и Т[ушин], бессмертие души. Разговоры штаб[ных], панический страх в обозе.
- 11) К[утузов] с Б[агратионом]. К[нязь] А[ндрей] просится, выстрел.
- 12) Б[агратион] подъезжает, шутки Ж[еркова], перестанет.
- 13) Свой мирок у Туш[ина] (выпил – фантазирует).
- 14) Вид с бат[ареи] Туш[ина]. (Его распекают, он плачет).
- 15) Павлоградцы. Н[иколай] выпил и ничего не помнит, – представляется.
- 16) Долохов. Засада.
- 17) Ночь. В избе Ж[ерков].
- 18) Отдых. Победа или нет. Скромнос[ть]. Один ухарь. Все на него.
- 19) Н[аташа] влюблена в Р[ierre], Р[ierre] в Н[é]lène, в театре. А[натоля] едет в деревню.
- 20) К[нязь] гонит А[натоля], он едет в армию. Через два месяца он встретил войска при соединении. Кн[язна] М[арья] наряжена, жалка. (Раскаянье. Страница).
- 21) Свидан[ье] Б[ориса] с N[icolas], столкн[овение] с к[нязем] А[ндреем].
- 22) Смотр.
- 23) Б[орис] по штабам. N[icolas] проиграл, занимает и женщину.
- 24) Дело под Вишау. Государь, раненный.
- 25) Долгор[укый] после переговоров.
- 26) Ночь, месяц, туман; к[нязь] Андрей. Что я такое?
- 27) Движение наших, путаница. Н[аполеон] на аванпостах.
-
- 28) Утро, выезд Наполеона. Скучно и вяло бьются у Ланжерона. Ошибки. Судят.
- 29) На Працене. Несвицкой бежит, злобно трусит. Андр[ей] и Туш[ин] погибают. Всё бежит.⁷⁴

---

⁷⁴ Зачеркнуто: Долохов у

30) N[icolas] послан. В гвардии. Государь.⁷⁵ Долохов у Пржебышевского. Обозы на мостах. Борис. (Гвардия в ногу).

31) Сон и бред к[нязя] Андрея.

32) В Петерб[урге] ужин. P[ierre] делает предложение.

33) N[icolas] кутит, с музыкантами обед Багр[атиону]. Н[аташа] влюблена в себя. Долохов в связи с Héléne, влюблен в Сою.⁷⁶

34) К[нязь] А[ндрей] выздорав[ливает]...⁷⁷ P[ierre] с к[нязем] А[ндреем].

35) Смерть княгини ...⁷⁸ перед смертью.

7) Движение наших колонн, путаница, ночь, месяц, туман. Нап[олеон] на аванпостах. Огни.

Утро. Наполеон выезжает.

8) <Борис адъютантом у Дохтурова.> Скучно и вяло бьются внизу у Ланжерона и видят, что ошибки везде. Ахрасимов.

9) Общий вид с Праце[нских] высот, выезд императоров. Кут[узов]. Милор[адович]. Бегство. К[нязь] А[ндрей] на батарее Т[ушина] погибает.

10) <Кутерьма у прудов. Обозы. Ермолов <моя> атака. Б[орис] и N[icolas] рассказывают друг другу, скачет к> N[icolas], заезжает в гвардию. Интриги Б[ерга] и Борис. Берг рассказывает свое⁷⁹ N[icolas]. N[icolas] скачет искать полк – и видит государя. Едет в обозы на мостах и всё бросил, не дают вина.

11) Сон и бред кн[язя] А[ндрея] на поле. Ликуют франц[узы] – ces lâches.⁸⁰ Долохов раненный режет фран[цуза] и уходит. Нет правды и неправды. Хорошо ли храбрость и слава? Ничего не знаю. Надо умереть.

П[ьер] с красавицей в театре.

Театр, P[ierre] в ложе, на плечи смотрит и что то во всем свадебное. P[ierre] дома, приезжает Анаг[оль], хохочет, <занимает деньги и едет к актрисе. Charmante petite!>⁸¹

Анатоль с отцом. Попугая выучил матерно и целует сестру.

Его гонят.....⁸² Говорят о свадьбе Pierr'a.

⁸³ Старик. Известие смерти сына. Утешение религией. Убирайся к чорту, роды и смерть. Беда одна не ходит.

<К[нязь] Б[олконский] в⁸⁴ деревне, вечер у J[ulie], там⁸⁵ Анатолий. К[няжн]а наряжена, жалка и весела. <Утро Ан[атоль] с князем>. Пошел вон, дурак. Нат[аша] с Pierr'ом. Pierre с красавицей.⁸⁶

P[ierre] женат, в Петербурге у A[nnette] Ш[ерер]>.

⁸⁷ Н[аташа] влюблена в П[ьера], театр, плечи, и в⁸⁸ к[нязя] Кур[агина]. <Б[олконский] обижен. N[icolas] кутит в клубе. Обед Багра[тиону] в клубе.> А[натоль] едет в деревню.⁸⁹

⁷⁵ Зач.: Обозы на мостах

⁷⁶ Зач.: Смерть княгини

⁷⁷ Вырвана середина строки.

⁷⁸ Вырвана середина строки.

⁷⁹ Зач.: генералу

⁸⁰ [эти трусы.]

⁸¹ [Очаровательная девочка!]

⁸² Многоточие в рукописи.

⁸³ Зачеркнуто: А. Смерть княгини.

⁸⁴ Зач.: Москве вечер с

⁸⁵ Зач.: б[ыл]

⁸⁶ Зач.: Вечер у Pierr'a. Анаг[оль] и

⁸⁷ Зач.: N[icolas] в Москве

⁸⁸ Зач.: его жену

Кн[язь А[ндрей] гонит Анатоля. Он едет в армию. Аустерлиц.
P[ierre] в Петербурге, ужин, он делает предложение. Известие о смерти Андр[ея] и об Аустерлице.

⁹⁰ Б[олконский] обижен. N[icolas] кутит. Обед Багратиону. Наташа влюблена в Пьера, в себя, в голос. Тушин.

Смерть княгини.

К[нязь] А[ндрей] выздоравливающий. Свидание с Пьером за границей.

* № 12 (рук. № 11).

К[нязь] Багратион в картузе с смушками, суворовская шпага, – поминают о Суворове. Крепкое, карее лицо с мутными, мертвыми глазами. К[нязь] Андрей думает и не знает, есть ли что за этими глазами. Убило казака. К[нязь] Баграт[ион] оглянулся, что они глупости делают. Он едет к правому крылу. Минута нерешительности. Молча слезает,⁹¹ расправляет ноги, как гулять. Все смотрят на него, и пошел и пошла вся колонна (неудержимое движение). Ура! Обогнули их. Всё бежало, но нарастало, как ком у вала. Д[олохов]. Он бежал в атаку. Долохов в крови бьется за валом. Не дам французам (в азарте). Багратион.⁹² Вечером мимо пушек остановился, отдыхая, и опять поехал, где была стрельба.

N[icolas] трусит при атаке так же, как и первый раз.

На л[евом] ф[ланге] начальства нет.

Т[ушин] в лощине бьет, не видя, как его действие отзывается на франц[узах]; подход[ят] близко.

Вечером в Гунтерсдорфе едят все и знамя.

* № 13 (рук. № 12).

N[icolas] и Наташа в деревне – охота – лучшее время, воспоминания. Едут в Москву, Н[аташа] и от[ец]. N[icolas] уезжает, после праздник[ов] скромн[?]. Привозят с собой Ан[атоля] и Pierr'a.

Упадок Pierr'a. Андрей ничего не пишет.

Pierre весь разменялся на гостинный ум.

Hélène приглашает к себе Наташу, забавляется любовью ее к брату.

N[icolas] и Н[аташа], охота, лучшее время, воспоминанья.⁹³

N[icolas] мучают требованием жениться.

Кн[язна] Мар[ья] поздравительное письмо.

Жюли с выход[ом] за Бориса. Жизнь с Коко. Сватовство Nicolas, Тушин и к[нязь] А[ндрей]. N[icolas] в Отрадном с Соней. Святки. В саду ночью. Мороз – там тени. Борис и Жюли mariage de convenance.⁹⁴ Pierre свихнувшийся с Адонирам[ом]. Приезд графа с Нат[ашей].

История Долохова.

Соблазнение. Письмо.

12-й год, общий ход дел. Смоленск Долохов зажигает.⁹⁵

Н[аташа] с К[няжной] М[арьей] говеет.

⁸⁹ Зач.: К[няжна] М[арья]

⁹⁰ Зач.: Смерть княгини в деревне.

⁹¹ Зач.: и идет

⁹² Зачеркнуто: раскидать

⁹³ Зач.: Старик и Н[аташа] едут в Москву

⁹⁴ [брак по расчету.]

⁹⁵ Зач.: К[нязь] Б[олконский] умирает

Старик умирает.⁹⁶

Собрание в Москве, Рост[овы] и Pierre.

К[нязь] Андрей Мефистофель <из> Петербурга в армию.

Бородино.

N[icolas] в Москве, узнает об Анат[оле], к[оторо]го он видел накануне. Долох[ов] убивает.

⁹⁷ Бегство из Москвы, ранен[ые].

К[нязь] А[ндрей] и Нат[аша].

Hélène и французы.

N[icolas], Денисов и к[няжн]а и Берг.

P[ierre], Нат[аша] и к[нязь] Андрей в Тамбове. К[нязь] А[ндрей] получил письмо и едет в армию.

Тарутинский лагерь.

* № 14 (рук, № 13).

В Смол[енске] пыль, жара.

К[нязь] А[ндрей] узнает себя в Смоленске и опять начинает муравейную жизнь.

Путаница хуже после отъезда государя. В[еликий] к[нязь] К[онстантин] П[авлович] теперь за атаку и ненавидит Барклая.

1) Положение армии; русские вдвое слабее – и раскинуты. Барк[лай] может и не мо[жет] приказыв[ать].

1) Соединение армий нечаянно произвело отступление.

2) Багратион, чтоб не соединиться, придумывал планы, чтоб итти в Украину. И казалось, что нельзя.

3) Барклай в шарфе. Баграт[ион] старше чином.

Графы Браницкий, Любомирский, Влодск[ий] – отосланы с бумагами к государю.

4) Посылают офицера сделать рекогносцировку – он не хочет сраженья – едет вместо на позицию в гости и говорит, что позиция не годится.

К[нязь] А[ндрей] на Аустерл[ицком] поле – видит, что Б[онапарт] с своим подбородком не человек, нет жизни, а машина с своим подбородком. Привычка – левую ладонь к левому глазу. Не думает никогда о других, о том, что др[угие] о нем думают.

К[нязь] А[ндрей] ненавидит отечество, но заплакал, когда он увидел Смоленск.

N[icolas] не смеет разочароваться в Тильзите, но спутан. А[лександр] лицо – человек. Н[аполеон] – холодность итальянца-певца.

* № 15 (рук, № 14).

Зажжение Смоленска Долоховым есть начало Москвы 12-го года.

Для успеха в жизни – быть послем, минис[тром], главнок[омандующим], даже царем – надо быть орудием, а это не может самобытный человек.

Кутузов принимает армию. Восторг к нему, потому что так нужен восторг к кому-нибудь.

Дневник к[нязя] А[ндрея] во время отступления.

Он спасается от горя службой запоем.

Сцена в деревне бессмысленности толпы.

То принять Бонап[арта], то бить франц[узов].

---

⁹⁶ Зач.: N[icolas] приезжает в Москву

⁹⁷ Зач.: Наташа

Перед Бородиным портрет du roi de Rome.⁹⁸

Дядя N[icolas] охотник говорит: Бон[апарт] свое дело знает, а я свое.

Увидав поло Бородина, P[ierre] говорит: и это сделал один человек, я его убью.

Puisqu'ils en veulent encore, donnez leurs en.⁹⁹

К[нязь] А[ндрей] лежит на Аус[терлицком] поле, страдает, видит страдания других и тут вдруг видит спокойное, торжествующее лицо Напол[еона], удерживает боль, чтоб презирать.

Кутузов в Филях на совете – велик, но он только полководец, а не русский.

Кутузов и Растропчин вместе.

Наслаждение разрушения. Солдаты жгут Смоленск. М[ария] Ф[едоровна] согласна на мир перед Бород[инным].

Всё лганье о Бородине.

К[онстантин] П[авлович] за мир. Charmant! L'emp[ereur] renvoie les drapeaux autri[chiens] amis et égarés qu'il a trouvé hors de la route.¹⁰⁰

Бор[одино]. Государь в ужасном положении, получив известие о нем. Бородино.

Юрковский: рубай их в песи! и [1 неразобр.]

Le duc (d'Oldenbourg). En voyant le duc on est dans le cas d'admirerle triomphe de la vertu, car sa fermeté est une chose admirable ainsi que l'égalité de son humeur.¹⁰¹

В 11 году сочинение о освобождении крестьян.

После 12 года. Франц[узская] барыня торжествует и пишет: мы не колебнулись.

В разговорах о либерализме. Различные оттенки: 1) Католики. 2) Мистики. 3) Государств[енный] либер[ализм] Чич[ерин].

4) Иллюминаты. 5)...¹⁰²

В разговоре у ст[арого] кн[язя]. Каждый берет то направление, которое ему нужно.

К[нязь] А[ндрей] говорит об отце – он военный и либерал и потому либерал, что недоволен правительством.

Разговор в петербургской гостиной о страшном либерализме государя. *Монета. Университеты. Библейское общество.*

Мнение к[нязя] А[ндрея].

Наука. Свобода, война. Конституционализм, всё прекрасно в руках людей: Петра, Потемкиных. Мнение Местра, что католич[еские] государи царствуют дольше.

* № 16 (рук. № 15).

Солнце есть действующая сила, луна сила страдательная, блистающая звезда есть душа, оживляющая всю природу.

Вулкан или Тубалкаин означал стихии огонь.

Pierre увлекается нравственной стороной, идет дальше и расходится. Наш Адонирам. *Убит тремя товарищами для похищения слова. Шотландское братство. Цель жизни – смерть – истление всех вещей и переход к высшему существованию.*

1) Богопочитание, 2) добродетель и 3) премудрость. Таинство совершенствования, открытое издревле, которое мы воспитываем до тех пор, пока угодно будет иегове распространить на всех и сделать всех совершенными.

⁹⁸ [римского короля.]

⁹⁹ [Желают еще, так задайте же им.]

¹⁰⁰ [Прелестно!] Император отправляет австрийские дружеские и заблудшиеся знамена, которые он нашел вне настоящей дороги.

¹⁰¹ [Герцог (Ольденбургский). Видя герцога, нельзя не склониться перед высокой добродетелью, ибо твердость его и полное спокойствие достойны восхищения.]

¹⁰² *Пропуск в рукописи.*

Pierre увлечен идеей совершенствования себя,¹⁰³ но идя дальше, нигде не находит содействия и поддержки. Один, как благодетель, мистик, другой, как Л. – серьезный, хлопотливый идиот.

Главная цель – убить плоть. Заблуждение думать, что человек живет для наслаждения – цель – гроб – истление и возрождение.

Маленький Петя 16¹⁰⁴ лет идет на войну.

Слово X ложи Седекия. Новое слово есть Мак – бенок пополам в каждое ухо, но мы... сказываем его в левое ухо сразу адонаи, ударяя друг друга средним пальцем по локтю, а в левое адонаи в правое.

163. Капитул рыцарей Востока и Иерусалима. Храм Соломонов разрушен, но бог в милости своей восстановил его и строителями храма повелел быть всем. 1-м был Иоанн Креститель, потом Андрей, потом Христос.

Рыцари – колено, крестообразно под пазух[ой] и croisé¹⁰⁵ на левое ухо и Сион все на правое ухо.

Знак – слово – прикосновение и проходное слово.

P[ierre] говорит: творец непостижим, то нечего и стараться.

Ежели бы человек больной получал всё от неизвестного благодетеля и не пожелал бы узнать его.

Тройственность – всё состоит из соли, серы и ртути.

Соль сжимает так, что духовное делается видимым.

Сера есть елейного и огненного свойства, она в соединении с солью огненностью своей возбуждает в ней алкание, посредством к[оторого] притягивает ртуть, схватывает его, удерживая и совокупно производя отдельные тела.

Ртуть есть жидкая, летучая духовная сущность.

1) Побеждать часть гнева – тихостью, медлен[ностью].

2) Похоти – воздерж[анием] и отвращ[ением].

3) Удаляться от суеты, но не отвлекать себя от: е) государс[твенных], о) семейст[венных], дружеск[их], экономическ[их]

Наука ☉¹⁰⁶ возвращение потерян[ного] Ада[мом] через Христа.

P[ierre] пишет дневник воздержания, не насмешки. Написал историю, к[оторой] все расмеялись. Заглядывал в Кат.[?] похотливые мысли.

У P[ierre] знакомый масон, понимающий ☉ в таинствах природы, другой в блеске обрядности, 4-й интриган, для знакомства – Борис, 5-й шутник.

Надежда масонства – будущее вечное благо и убийство смерти. Убит адонаирам и воскреснет.

Ртуть – дух – дым.

Сера – душа – пламя.

Соль – тело – пепел.

В X степени. Адонаи сотворил мир.

Елогим свойство правяще.

Неизрекаемое имя – всё знает.

¹⁰³ Зачеркнуто: и единством

¹⁰⁴ Цифра «16» переправлена из «14».

¹⁰⁵ [крестообразно]

¹⁰⁶ [ордена]

Где искать масонства – в костях.
Сверхъестественное у Pierre и Андрея.

---

7 наук: стихи, музыка, рисование, ариф[метика], геом[етрия], астр[ономия] и архит[ектура].

7 пороков: горд[ость], скупость, неумер[енность], похоть, корысть, праз[дность] и гнев.

7 даров духа: премудр[ость], разум, совесть, крепость, наука, стр[ах] б[ожий] и любовь.

* № 17 (рук. № 16).

Старый граф вызывает А[натоля] на дуэль. «Как это у вас теперь». Pierre бьет Анатоля по зубам и гонит, и едет утешать Наташу. Я бы женился.

(Старый к[нязь] уезжает, п[отому] ч[то] мне покою не дадут и пусть делают, как хотят без меня).

Андрей приезжает и отсылает портрет и письма. P[ierre] его усовещивает. К[нязь] А[ндрей] отдаёт портрет и губа дрожит. C'est très beau ce que vous dites, mais aller sur les brisées de <M[onsieur] A[natole]> votre beau-frère – merci.¹⁰⁷

Но P[ierre] было весело. В Москве у него были все круги. Общество, клуб, кутилы и старички.

* № 18 (т. II, ч. 5).

Детская психология.

1) Медицина – убил место – погладить.

2) Суд – обо что убился, то прибить, мстить.

3) Игрушки – бабки дороги. Служба – цари, чины.

4) Потребность запрещенного, революция, либерализм.

К[нязь] Андрей едет в Петербург, холоден и мрачен.

Наташа видит, что лица расцветают при виде Анатоля, добра я или¹⁰⁸

Комета и состояние к[нязя] А[ндрея].

Старый князь знаком с И[льей] А[ндреичем] по ополчению. Барт[еневу] написать о импер[аторе].

Голые плечи в театре.

Нат[аша] приняла яда, квасц[ы].

К[нязь] Андрей раскрыл рану.

* № 19 (рук. № 89).

Наполеон подходил к Неману, война неизбежна. Кто будет начальствовать. Но теперь не шутка. Не возьмут же Москву. Я не могу представить себе, что будет. Вы счастливы, что служите. А я *ничего*. Рост[овых] не видел, они в деревне.¹⁰⁹

Письмо это взволновало к[нязя] А[ндрея] так, что он задохнулся. Неужели он не примет участия в этом деле, решающем участь отечества, и с кем, с этим маленьким поручиком, когда

---

¹⁰⁷ [То, что вы говорите, – очень благородно, но соперничать с <господином Анатодем> вашим шурином – спасибо.]

¹⁰⁸ Так в рукописи.

¹⁰⁹ Зачеркнуто: «Я надеюсь еще».

и он – уж чтонибудь. Нет, он станет выше этого. У него есть обязанности в отношении себя. Он поехал в Букарешт и на бале застал Кут[узова], завязывающего башмачок молдаванке. Холодно распростился и поехал – в отпуск, в отставку не выпускали.

Ст[арый] к[нязь] сидит с V[ourienne], и забота мучает его больше и больше. Вооружает, укрепляет. Из соседней деревни приходят извести[я], что Смоленск взят и занята деревня французами. Он собирается умереть. Но в ночь горячка и в ругательствах умирает.

К[няжна] М[арья] сидит в своей комнате, вдруг вбегает V[ourienne] и уверяет, что Б[онапарт] идет в Л[ысые] Г[оры] и что одно средство принять. К[няжна] М[арья] сзывает людей и вооружается, но тут¹¹⁰ приезжает¹¹¹ к[нязь] Андрей и увозит ее дальше.¹¹²

В Москве в приезд государя. Он получил письмо Наташи и P[ierre'a] отказ.¹¹³

Он прочел это письмо и написал просьбу о своем определении в действующие войска.

P[ierre] приехал к нему с восторгом приема государя на Покл[онной] горе. К[нязь] А[ндрей] авось убьют? Дуром, делать нечего. Все грабить готовы. Он озлобленно кричит на P[ierre'a], начавшего говорить про Наташу.

–

Московское собрание. P[ierre] кричит ура. Ст[арый] P[остов] сзади продирается, не слышит о чем, но плачет и кричит.

Положение заботы становилось всё хуже и хуже. Он умирает. M-lle V[ourienne] предлагает. К[няжна] Марья вооружает всех и пишет к Андрею. Тушин без руки на помощь. Андрей отвечает, что не может, и едет в Смоленск.

–

Шерер. Румянцев. К[нязь] Василий за мир. Борис огорчен за государя. Смольный монастырь укладывается. Растерянность, ненависть к Кут[узову]. Il y voit assez¹¹⁴ и сейчас любовь.¹¹⁵

Nicolas приезжает в Москву в отпуск, ему говорят историю с Анатоном. Он, озлобленный, скачет. Долохов приезжает сказать, что он готов всё сделать и всё любит. Соня пишет к нему.

–

Князь Андрей постарался честолюбие и бросил.

–

Бородино. Pierre ездит под огнем носки врозь. Ростовы слышат гул и привозят им раненных. К[нязь] А[ндрей]. Он презирал, но теперь задрожал и узнает, что любит. Она не сказала «фразы», а губы задрожали, и, бледная, молча стала целовать его руки. Князь Андрей прощает и Анат[оля], но он уже убит.

Долохов после Бородина. Получив записку, едет отыскивать Анат[оля]. Анат[оль] пьет, гордый <своей> победой и своим мужеством. Ведет его на поле и убивает и пишет; я убил.

Hélène захвачена французами, изнасилована и убита. Она¹¹⁶ в Москве ждала важное лицо, но изменила. Тот узнал. Ее письма.

Ростовы уехали в Тамбов и получают письмо от сына из Л[ысых] Г[ор]. Он любит к[няжну] М[арью]. P[ierre] приезжает в Тамбов и вдруг узнает, что может любить. К[нязь] Андрей замечает. Андрей уступает ему Н[аташу] и плачет и уезжает.

¹¹⁰ *Зач.*: В[аська] Д[енисов]

¹¹¹ *Зач.*: с отрядом

¹¹² *На полях*: К[няжна] М[арья]. Тихон скажи, как это стреляет?

¹¹³ *На полях*: P[ierre] *говорит* о самопожертвовании, а Андрей <видит> делает не говоря.

¹¹⁴ [Он достаточно видит]

¹¹⁵ *Зач.*: Hélène ост[ается]

¹¹⁶ *Зачеркнуто*: ехала к любовнику гусару

В. Денисов партизан. Под командой Берга из себя выходит. N[icolas] ругает его за сестру, которую он бросил, горячится. N[icolas] Ростов и K[няжна] Марья обручены, получили согласие брата.

Шерер.¹¹⁷ Борис на Жюли женится, брат убит под Б[ородиным]. Берг сходится и держит в рабстве жену. Государь завидует Кутузову. Сам не верит себе, и смеются над москвичами.

Эпилог. K[нязь] Василий в немилости. Под Красным. N[icolas] P[остов] и Андрей сходятся. Старик Ростов тут же благодарит Андрея. Соня с K[няжной] M[арьей] живут. И все они счастливы. Андрей говорит N[icolas], что он имеет пошлость, чтобы быть предводителем, ты чтоб возбуждать людей. Я – доживать свой век и крепнуть. Зачем – не знаю. Ты сделаешь карьеру. Нет, теперь я вижу, что нет. Три женщины вместе. Соня плачет от горя и счастлива.

K[нязь] A[ндрей] разгораясь. Нет, я учен Ауст[ерлицем], Турцией, Молдавией, Бородиным. Успех наш – успех солдат, успех мужика – народа, а не B[аркляя] и умирающего Кут[узова]. Я вспомнил о Долохове. Его успех есть успех Бонап[арта]. Это интрига, не может измениться, как не может измениться характер, что будет от войны.

* № 20 (рук. № 17).

Вопросы

Вольные хлебопашцы?

104 Псалом.

1– ч. что напечатано.

2– ч. до Аустерлица включ[ительно].

3– ч. до Тильзита включ[ительно].

4– ч. Петербург до объясн[ения] A[ндрея] с H[аташей] вкл[ючительно].

5– ч. до эпизода H[аташи] с A[натолем] и объясн[ения] A[ндрея] с P[ieg'ом] вклю[чительно].

6– ч. до Смоленска.

7– ч. до Москвы.

8– Москва.

9– Тамбов.

10—

* № 21 (рук. № 18).

Голос героя звучит столь[ко], сколько голос труса. А пушка громче ста героев. Это понял к[нязь] A[ндрей] в Аустер[лице].

У Шенграб[ена] в лганье[?] со стороны не вредно, но и не полезно.

P[остов] понимал, что у Салт[ановской] Раевск[ий] с сыновьями – фарс, но молчал. Лганье Муция Сцеволы до сих пор не обличено.

* № 22 (рук. № 19).

У к[нязя] Андрея дядька – Артем.

Французов шпионов пороли, и русские радовались.

Перевязочный пункт в лесу. Фуры.

В дождь все забрались в дом.

¹¹⁷ Зам.: Исполит

Веселье офицеров после боя – пляска – кадрили.

Берг¹¹⁸ покупает вещи в Москве после Бородина.

Все пьяные через Москву.

R[ierre] в Москве смотрит, как ф[ранцуз] смотрит на часовню Спаса, как только на место.

N[icolas] делается храбрецом, берет в плен и после того делается задумчив.

R[ierre] в Москве находит и спасает 3-х летнюю девочку.

K[нязь] A[ндрей] холодный, односторонний – логический.

–

Hélène сначала в хорошем, потом в дурном.

R[ierre] постоянно втайне думает, что ему предназначено совершить великое, решает убить Бонапарта, п[отому] ч[то] R[ierre] V[esouchoff] ббб. И попадает под [1 *неразобр.*] и потом спасается масонством.¹¹⁹

R[ierre] в Москве с старушкой с шутихами.

Письма двух государей.

Бал у Бенигсена. Балашов у Мюрата, у Даву и Бонапарта. Речь Бонапарта. Бонапарт после Дрездена, где он подарками всё-таки усмирил имп[ератора] австр[ийского].

–

После перехода Немана в уланском платье. Я велик и всё-таки это сделал! Я ничего не забыл. Его речь Балашеву:¹²⁰ послушаем, что же теперь вы просите – уж только за Неман будете согласны. Он в нерешительности – не простить ли их. Нет, нельзя, совестно. Он утешается, что он всё делает по произволу, а нет.¹²¹

А какое бы б[ыло] его царствование, я бы дал ему еще игрушк[и] Молд[авию] и Вал[ахию], а теперь не будет. Не будет. Кем он окружен? Дрянь, как не стыдно. Вот в Ти[льзите] и в Эрфурте помнят, как я вас ласкал за то, что вы были паиньки.

Но после обеда он простил его и потрепал за ухо.

А он подписал вечером распоряжение о фальш [ивых] бумажках и расстреляние за кражу лошади.

На бале Бенигсена бледность замечает Hélène, помеш[ал] танцевать и ужас всех. Вид[но] он, B[онапарт], страшен.

–

Вильна. N[icolas] в Островне.

Как государь сказал – не помирюсь, пока хоть один воин ост[анется] – на бале и потом всё повторял.

Кутузов сидит на дрожках у Москвы, мимо него проходят войска, он как будто не смотрит.

–

Под Тарут[иным] Кут[узов] читает романы Жанлис и пишет жене.

«La fortune qui est une femme est fatiguée de favoriser N[apoléon]. Elle le repousse et me tend la main quoique vieux. mais admirateur avoué du beau sexe.¹²²

---

¹¹⁸ *Зачеркнуто:* и Б[орис]

¹¹⁹ *Зач.*: K[нязь] A[ндрей].

¹²⁰ *Зачеркнуто:* Вот к

¹²¹ На полях: Он горячится и сам не знает, что скажет, и сам себя убеждает, хотя лжет.

¹²² [Фортуна – женщина, которой насучило благоприятствовать Наполеону. Она отвернулась от него и протягивает руку мне, хотя и старому, но признанному поклоннику прекрасного пола.]

* № 23 (рук. № 20).

R[ierre] видит, что чудотв[орная] см[оленская] сама по себе, а война сама по себе, и солдаты ничего не могут между этим найти общего.

Когда уезжают, места нет, а везут на 135 подводках шар.

У А[нны] П[авловны] читают. Сухотин читает: C'est beau,¹²³ речь Платона. Богд[анович] 260 стр., II Т[ом].

Мюрат фамильярен и добрейший малый – руку на шею лошади.

Н[аташа] уговаривает Pierr'a не оставаться.

В реке (жар) мясо солдат, купающихся.

La voilà donc enfin cette fameuse ville. Il était temps. Qu'on m'amène les boyards.

Une fille qui a perdu son honneur.¹²⁴ По плану поверяет Москву.

В Петерб[урге] разговор Мишо. Мои русские и каламбур, в страхе.

289 Богд[анович].

За мир и Аракчеева. Конец.

R[ierre] убегает с 1-го перехода, как шальной.

–

А[лександр] дитя – разговор Мишо, письмо Р[астопчину] о шаре.

Эпилог. N[icolas] догонял армию, чтобы благодарить главнок[омандующего] за соединение его с Петей. По дороге костер, кормят и лелеют французов беглых.

Vive Henri IV...¹²⁵

В штабе письмо из дома. Соня умоляет жениться на к[няжне] М[арье]. Он кре[стится].

Петя – милый, живой, счастливый, восторженный юноша, еще с переменами детского и мужского голоса. Решается и пишет предложение. Смотр. Ты сер, а я, брат, сед и захлипал, а Петя еще больше. Ура. 100 т[ысяч] голосов.

–

Перед этим R[ierre] приезжает в Тамбов и обнимается с Наташей. К[нязь] А[ндрей] решает, что вот еще что то, это самопожертвование.

–

N[icolas] в 1807 только попадает в патриотизм. И патриотизм оказ[ывается] не годится.

* № 24 (рук. № 21).

1) С приездом Кутузова свет увидали.

2) Кутузов приехал и делал смотр в Царево Зай[мище], ехал на Старицу и Зубцов.

3) Наполеон с 20-го по 23-его стоял у Гжатска, и была дурная погода.

4) 23-его началась прекрасная погода.

5) Кутузов велел косить овес на корню.

6) 24-го в 6 часов утра французы пошли от Гр[идневой] к Колотскому монастырю.

7) Горки самый высокий пункт.

8) В Татариновой один господский дом.¹²⁶

Старая Можайская дорога. Утица. Ельня. Коновницын подпоясан в шинели шарфом и колпаке.

¹²³ [Это прекрасно]

¹²⁴ [Наконец-то, вот он – этот знаменитый город. Пора уж. Привести ко мне бояр. Девушка, потерявшая честь.]

¹²⁵ [Да здравствует Генрих IV...]

¹²⁶ *Со слов:* 1) С приездом Кутузова написано рукою Степана Андреевича Берса.

Подбородок Кутузова.
В деревне Романцове Степан Васильев.¹²⁷
Андрян Филипов.
Остерман в очках, плотный – голубоглазый.
В Бородине – Пьер впереди на редутах, бежит наступает, бежит наступает, б[ежит]
н[аступает], измучен, бежит и вдруг – сзади ура. Багратион ведет своих и кн[язь] Андрей.
Деревня. Малой переход через Колочу.
12,000 телег.
Светинка.
Даль видна на 25 верст.
Дымы густые от мороза.
Черные тени от лесов и строений на восходе и от курганов. Солнце встает влево, назад.
Франц[узам] в глаза солнце.
Травля казаков за гусара[ми]. Андрян Филипов.
У Хлебникова.
Петр Прис [?]
В Дурном переулке у Пок[ровских] каз[арм].
Кн[язь] Андрей приказывает Алпатычу уехать.

* № 25 (рук. № 22).

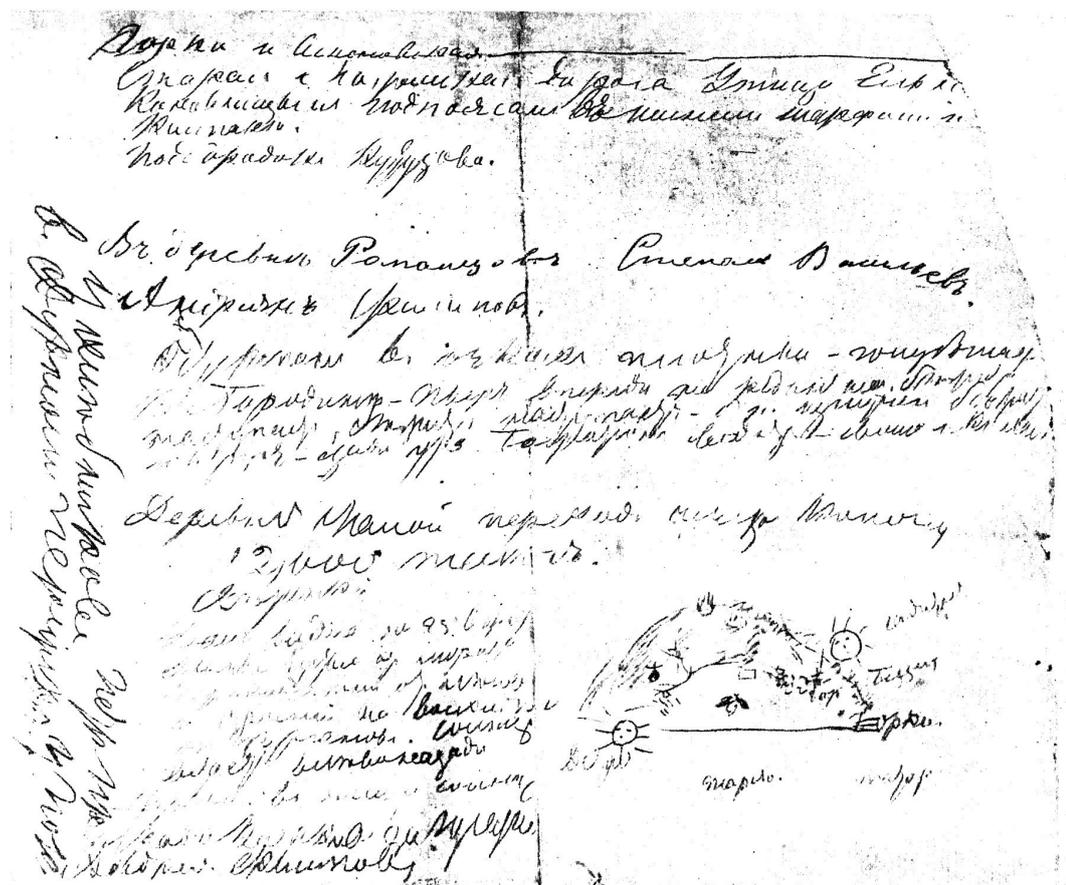
Вольцоген говорит Кут[узову], что мы отбиты везде. Кут[узов] говорит: я всё знаю, неприятель везде отбит, и завтра мы его погоним.
Р[егре] ездит по линии. «Как может драться и думать об отечестве этот в сырости солдат».
Р[егре] у к[нязя] Андрея. К[нязь] А[ндрей] говорит о благородстве линейной службы.
К[нязя] А[ндрея] навещают его знакомые.
Едут мимо немцы – их слышать ужасно – Raumkrieg.¹²⁸ Да, Л[ысье] Г[оры]. Им легко.
Диспозиция Нап[олеона], отказ его обойти левое крыло. Отказ Кут[узова] усилить левую флешь. Стрельба по диспозиции не может быть.
Туман по болотам против Бородина.
Семеновское скрыто.
Мюрат пешком ушел в левую флешь.
Р[егре] всё рассматривает, просит кавалериста разрубить.
Война японцев пугания.
Нап[oleon] только путает, послав Жюно между¹²⁹ Нее[м] и Понят[овским], а флеша опять взяты.

---

¹²⁷ Эта фраза написана рукою С. А. Берса.

¹²⁸ [Война в пространстве.]

¹²⁹ Зачеркнуто: Даву

Черновая запись Толстого во время поездки на поле Бородинского сражения 25—27 сентября 1867 года

Размер подлинника

Кут[узов] то посылал Е[вгения] В[иртембергского], то Дохтур[ова], то Толя. Ратники, вооруженные пиками, на левом фланге.

К[нязь] А[ндрей] на биваке сидит и думает: да о чем бишь я думал? — да, жена, N[аташа] расчесывает волосы, оглянулась и спорит.

Русский [бивак], как остров в море.

Степенство тона Бориса с генералами о том, что внутреннее устройство дает силу.

* № 26 (рук. № 23).

Пьер оживленный болтун.

Все суетились — хлопотали, и Пьером овладело еще большее беспокойство — он обхаживал, расспрашивал фамильярно, где горит, где грабят, как будто — вот он сейчас с ними управится.

Драка, насилу связали.

Иди мерзкая — вдруг [1 неразобр.]

Кн[язь] Андрей испытывает не страх смерти — он его испытал раз на поле — потом были rechutes¹³⁰ этого страха, но теперь холодное сознание отчужденности и нестолько конца, сколько грозного вступления в неведомое, но существующее, ощущаемое.

¹³⁰ [повторения]

Пожар Москвы – он понимает, но не понимает горя. М-ле Bourienne насплетничала графине. Соня говорит кн[язю] Андрею – он понимает, но не понимает зачем.

Сына привели. Сын и к[няжна] М[арья] плачут (сын дает яблоко к[няжне] М[арье]), он понимает, что сын останется без отца, но не понимает, что тут жалкого. *Птицы небесные*. Как они не понимают, что наши чувства, наши мысли *ненужны*?

Наташа плачет. К[няжна] М[арья] выходит оттуда и понимает о чем. Дают причастие, и кн[язь] Андрей жалостно смотрит – не надо ли еще что – я всё сделаю.

Вы¹³¹

* № 27 (рук. № 24),

Ключ[арев]

Расто[пчин]

в Грин[?]

Пьеру вспоминаются солдаты на батарее, – люди – сон, говорит: брось, скверно, на жит[елей] гнев божий. Сопрягай, живи с людьми.

Он подумал ббб. Хочется и страшно.

<Пьера переход в деревне к сознанию жизни простой, страданий и человечества. Он с Долоховым встречается и остается.>

Дол[охов] к нему приходит и говорит, что опасно барину.

«Всё она сделала».

Встречает Ростовых на отъезде. Целует руку Наташи, прощается и плачет. И в первый раз к ней чувство мужа – «моя».

В своем доме (одни с нею).

Сцена отступления.

1) Драгомиловский <мост, войска> и заставы, гульба, толпы пленных. Мужики зовут. – Ничего, поди выпей.

2) Каменный мост. Гостиный двор. Солдаты остановили, спрашивают купца, не жалко ли?

3) Двор, из дома люди ходят, садятся на диваны. Гонит дворн[ика], дай доиграть на фортапьянах, их стыд[ят]. [К] дворнику бедный офицер.

4) <Кутеж пленных у кабачка.> Безобразие толпы, и они боятся. Церковь. Заглянули в нее.

5) Тишина на Пресне. Грузинская царевна. Бежит прочь, махая рук[ами], спаси его бог; свечку, как звать.

Граф Растопчин, Верещагин. Поезды за заставой. Ростовы впереди, за заставой понимают значение и ужас, крестятся.

Наполеон вступает.

Мытищи.

Порядок.

1) Пьер переворот 1) сон,¹³² Растопчин 2) Письмо. Сцена в Петербурге, другой сон! Ростовы в доме.

2) Сцены отступления.

3) Вступление Наполеона.

4) Мытищи.

5) <Петербург.>

¹³¹ Слово не дотисано.

¹³² Зачеркнуто: решение остаться. Встреча с Ростовыми.

2-я часть.

1) Петербург.

N[icolas] и к[няжна] М[арья]. Жертва кн[язя] А[ндрея]. Кн[язя] А[ндрея] смерть.

2) Пьер, Пончини на Девичьем поле, пожары, грабеж, попался.

3) Общий обзор. Пахра, Москва, Наполеон.

4) Ярославль. Кн[язь] Андрей, ожидания кн[яжны] Марьи. Кн[яжна] Марья, Nicolas в Туле.

5) <Ярославль. Кн[язь] Андрей, ожидания кн[яжны] Марьи.

6) Жертва кн[язя] Андрея <и смерть>.

7) Пьер на Девичьем поле.>

3-я часть.

1) Общий обзор, партизаны, отступление.

2) <Пончини в Ярославле.

Смерть кн[язя] Андрея.>

3) Денисов, Петя.

4) Выручка Пьера.

5) Его приезд в Ярославль.

6) Кутузов в Вильно. Смотр.

—

Эпилог.

Остается.

Фаталистическое сближение N[icolas] и княжны. Письмо Сони, вызванное Андреем.

Возвращение Пьера в Нижний. Пончини там. Все сидят, боятся жить, а всем хочется жить. Нат[аша] запела, все смешались. Н[аташа] встречает Пьера, робея. Они подают друг другу руку через тень к[нязя] А[ндрея].

—

Эпилог: 15 году история конгрессов.

Улеглось движение народов, и они пишут и сердятся. Семеновцы.

Пьер не смеет ехать на охоту. Рассказывает о деспотизме Арак[чеева]. У Нат[аши] в брюхе ребенок и она грязна.

N[icolas] говорит, что не может жить без кн[яжны] Марьи, хотя никогда не любил ее.

* № 28 (рук. № 25).

К партиз[анам]

Тихон шестипалый. Долох[ов] рассказывает, что он его же хотел расстрелять за убийство помещика, и теперь он 1-й молодец.

Долох[ов].

Бурая, большая каз[ацкая] лошадь.

Filez, filez.¹³³

Петя в Гродне, влюблен в Ден[исова] и видит в нем Нап[олеона].

Петя восхищается Кут[узовым]. К[нязь] А[ндрей] улыбается. Наташа перед отъездом к[нязя] А[ндрея] последний раз поет и ждет.

P[ierre] боится идти к Ростовым.

К[няжна] М[арья] ужасается, что Н[аташа] с Андр[еем]. P[ierre] идет пленни[ком]. Vive l'emp[er]eur,¹³⁴ и N боится, что разбегутся.

---

¹³³ [Проходите, проходите.]

¹³⁴ [Да здравствует император.]

Кут[узов] захлипал.
Лорист[он] приезжает.
Волк[онский], шпионы в армии.
Фр[анцузы] не знают, куда деть[ся].

—

Тимохин, Тушин, Пончини.
Ссорятся перед принц[ем] Мекленб[ургским], чтоб он их мирил шампанским.

* № 29 (рук. № 26).

Как в тумане вечером суета.
П[етя] робел, приглядывается, прислушивается. Садина.
Петя достает и пробует оружие.
Застает¹³⁵ следят за движением к[олонны] французского транспорта]. Тихона¹³⁶ ждут, не привел. В середине разговора Дол[охов]. Позвать Vincent. Пробует шашку. <Едут, хлещет дождик>.

Шашлык. Наслаждение. Таинственные, волшебные во мраке люди, лошади. Встают, едут – дождь хлещет. Тихон идет передом мимо колодца. Так странно услышали, говорят, хоть соломки стели.

Ребята, держись и вяжи, и скачет. На рассвете. Музыка, что хочешь, то и играй. Ден[исов] приходит, спущены штаны. Казаки и Тихон, как не спали. Выстрел, ура. На мосту замешались с казаками. В гору. Сбились у избы, стреляют. Ни за что убьют, и тут то кидают оружие и бегут¹³⁷ из избы, кидая ружья. П[етя] скачет дальше и слышит, что крошат казаки. Впереди русские, вяжите. И со двора бегут.

* № 30 (рук. № 27).

Совет.
Пилница [?]
Айо.
Андреев.
R[evue] d[es] d[eux] M[ondes].
a Так правило.
У Урусова. 1) Никогда не было зимой.
2) Пропорц. не опрокид.
3) Русские и фр[анцузы], когда сдав[ались].
У Перф[ильева] отступление, полуш[убок], сапоги.
Не поняли, п[отому] ч[то] совестно.

Кут[узов], как все люди, не понят, тогда как делает самое простое. Кут[узов] ждет, и он сказал это прежде.

У Барт[енева]: *когда* Тропау м[ир] Диплом, верхи.

Весенний – казаки.

Весеня – мужики устанавли[вали] – мальчонок то ихний?

Тихон сопли подбирает и, чтоб загладить вину, готов итти. Улыбаясь, смотрит на Висен[ю]. Их таких два было.

---

¹³⁵ *Зачеркнуто:* Тих[он]

¹³⁶ *Зач.*: взяли

¹³⁷ *Зач.*: навстречу

Скучно. Пьер понимает. *Ne triste*,¹³⁸ а душа тоскует.

П[ьер] думает, что движение всегда, и потом, когда его расспрашивали, он вспоминал про выход франц[узов].

Кабы знать, я б вам другого привел, их два было. Да казаки что-то повздорили, за сапоги чт[о] ли.

Калужская застава.

Шар показывает учитель *collège*.¹³⁹ Так просто понимать глобус.

* № 31 (рук. № 28).

Из пушки выстрелили. В Калужскую, Драгомиловскую и Тверскую.

Никого нет войск.

У Камер Колежского вала.

Мортье по Арбату.

* № 32 (рук. № 29).

Как в тумане всё. Все обступили.

П[етр] К[ирильч], прощай.

Платон, стань тут, под образа.

П[ьер] уже не обращает на себя внимание.

Солдаты с рубаш[кой] собираются выходить.

Выйти уж нельзя без сапог.

С Рамб[алем] можно б[ыло].

✕ *Солдат в отпуску – рубаха из портоквозвращение потерян[ного].*

○ Прости мое красно солнышко.

✕ Наше счастье – вода в бредне.

Серенькое утро – красный денек.

Не срывай яблоко – пока зелено, созреет – само упадет.

Оттерпимся и мы люди будем.

Счастье, как вода в бредне, надуется, как полное, а вытащ[ишь] – ничаво *нету*.

Надежда.

После цвету – налив.

Дождь вымочит – кр[асно] сол[нышко] высушит.

○ Овечку стригут, другие того же жди.

Довед[ется] и нам песенку свою спеть.

✕ Час терпеть, а век жить.

¹³⁸ [скучно]

¹³⁹ [колледжа]

Не отпыхавшись, дерева не срубишь.

Рубаха к телу близка, а смерть ближе.

Бог души не вынет – сама не выйдет.

Без корня и полынь не растет.

России да лету – союзу нету.

Бей русского, часы сделает.

Москва всем городам мать.

Москва бьет с носка, а Питер бока повытер.

Питер жен[ится], Москва замуж идет.

Хлеб-соль покушать, красный звон послушать.

Географ. Города[в] от М[осквы] два девян[осто]. Влад[имир], Тверь, Калуга, Тула.

Москва, что доска: спать широко, да кругом метет.

В мор намрутся, а в войну налгутся.

Мир жнет, а рать кормится.

Война кровь любит.

Воин врагов побивает, лядаший корысть подбирает.

Мужики дерутся в расходку, а бабы в кучку.

Все человеческие черты так же ощутит[ельны] в балагане, как в собрании: и веселость, и тщеславие, и корысть и всё.

–

Дошли до нищеты и ужаса, но как не заметили.

Гос[ударь] выехал. Ч[арторижский], А[ракчеев], Т[олстой], В[олконский], Винц[ингероде].

Кут[узов] шарфом под пузо.

23 д[екабря] госуд[арь] приехал в Вильно.

Штаб отняли у Кут[узова].

И свою добр[ую] Вильну, б[ыл] два раза губ[ернатором].

C'est pour me dire que je n'ai pas sur <de> quoi manger. Je...¹⁴⁰ (Б[огданович] 323
Б[огданович] 347), встреч[а] К[утузовым] госуд[аря].

Весьма ослабел здоровь[ем]. 350.

Армия шла расстроена, но долго не знали, парт[изаны] скрывали.

Порядок.

Военное до Вязьмы <Корт. Н. ве>

Партизаны (разные сорта их: Фигнер, Долохов. чувств[ительный] Денисов, Петя.

Пьер, картина отступления. Болен в Орле.

Рамбаль в Красном.

К[утузов].

Нар[одное] м. и. в г. У костра.

Два члена прежде.

Вильно.

<Ростов.>

Бал [?]

15 л[етний] бараб[анищик].

* № 33 (т. IV, ч. 1, гл. XII).

Язык – телу якорь.

С голодухи Маши и Алашки в чести.

Не тот отец, кто родил, а тот, кто добру научил.

Ноготь увяз, всей птичке пропасть.

Носи платье – не складывай, терпи горе – не сказывай.

Солью сыт не будешь, думой горе не размыкаешь.

Положи, господи, камушком, подними перушком.

Своего спасибо не жалея, а чужого не жди.

Господин гневу своему – господин всему.

Час терпеть, а век жить.

Не носить плаченого, не видать злаченого.

Потная рука – таровата, сухая – неподатлива.

Сладкого не досыта, милого не довеку.

И трава в застенях жолкнет.

В драке богатый лицо бережет, убогий – кафтан.

Дай бог подать, не дай бог брать.

Не тужи, у кого мочальные гужи, а у кого – ременные.

Не хитро жить – издеваячи, хитро жить – измогаючи.

Голод парь [?] сытостью.

Лег – свернулся, встал – встряхнулся.

Сума да тюрьма дадут ума.

Благодаря Христа, борода не пуста, хоть три волосика [?] да [и] те взъерошившись.

Убогого до кука, богатого скука.

Ловит волк, да ловят и волка.

Прежде смерти умереть [?].

Не рок головы ищет, голова на рок идет.

Дума за горами, беда за плечами.

Покорись беде и беда покорится.

¹⁴⁰ [Чтоб намекнуть мне, что мне не на чем есть. Я...]

Ловит волк роковую овцу.
Не встанет свеча, а встанет душа.
Напади б[ог], нападут и добрые люди.
Бог долго ждет, да больно бьет.
Мужик на мужика осел надевает, а бог свое содевает.
Москва – в[сем] г[ородам] мать.

* № 34 (рук. № 30).

Кар[атаев] здоров. Борет[ся], улыбаясь, с фр[анцузом].
Шьет толстыми пальцами.

–

Соколов притворялся.
Оскален[ные] зубы не переводились на углу.
Полный месяц не мутит, а радует. Опять тоже мечта.
(Platoche)

* № 35 (рук. № 31).

узнал, что ничего не нужно человеку, что горе от лишений.
Его занятия.
Выступление – русская б...., его карета. Пьяные офицеры на тройке.
Идут весело. Фр[анцузы].¹⁴¹
Хаос на первом привале, бьет лошадь по морде. Дышлом заехал в карету. Bougre
fouttre.¹⁴² Строги с пленными. Лошадиное мясо – не дурно.
Жюно

* № 36 (рук. № 32).

<Александр и Наполеон. Осуждение истории.

1) Обзор деятельности Н[аполеона] и А[лександра] и результат, что не в них власть. 2) Результат этот дала история. Но что она говорит? Она говорит от Тьера, L[anfrey] до Герв[инуса], Шлоссера обратное, она говорит, что сделали это А[лександр], Н[аполон], Т[ильзит] и т. д. и рассматривает их деятельность по отношению своего идеала.¹⁴³ Она рассматривает их произвол, п[отому] ч[то] осуждает, (Бокль противуречит более др[угих]) и попытки признания необходимости невозможны, п[отому] ч[то] есть идеал и п[отому] осуждение, и п[отому] признание свободы. Идеал одних – государ[ство], народ, человечество. Пчела.

Но все ист[орики] гов[орят], что деят[ельность] ист[орических] деятелей – интерес истории.

Посмотрим на самую сущность вопроса – отношения масс. Нет связи.

¹⁴⁴ Но может быть свойст[в]а героев такие, посмотрим – чья свобода больше.

Но может быть в одном выражается история народов? Нет, неисполнимы. Мас[с]а матерьялов. Но может быть нет другой истории? <Есть> или ничего. Масса есть, гибель, статистика.

Но признав всё это, остается другой, страшный вопрос, вопрос воли.

---

¹⁴¹ *Зачеркнуто:* Лихор[адка]

¹⁴² *Бранное слово.*

¹⁴³ *Зачеркнуто:* Бокль сам

¹⁴⁴ *Зач.:* Посмотрим

¹⁴⁵ В нем всё дело. Обходить его нельзя.

Вопрос воли.

Заключение¹⁴⁶, доводы в пользу, против, мираж, объяснение его.

Сравнение с астрологией.¹⁴⁷

Новейшие историки беспрестанно приходят к таинству совпадения ист[орических] событий к одной цели. <Но таинство остается таинством, и значение деят[ельности] ист[орических] лиц исчезает, как скоро допускается таинство.>

Всё таинство приводится к¹⁴⁸ одному вопросу о свободе воли, к[оторое], не имея на то прав, стремятся разрешить естест[венные] науки и к[оторые] умышленно обходит история.

Ист[орические] деят[ели] связаны с массаами, как и ничтожнейший крестьянин связан с ними.

Противуполагая массы лицам, мы не можем притти ни к чему, кроме как к отрицанию произвола ист[орических] лиц или произвола масс. Если 25 человек на одной цепи, никто из них не свободнее другого.

Но у них должна быть одна, общая свобода, и между ними могут быть степени свободы. Посмотрим на вопрос свободы в истории.

*** № 37 (рук. № 33).**

Сердце царево в руке божьей. Вольтер говорит, что не было бы Варф[оломеевской] ночи, ежели бы у короля не было запора.

Мы всё таки верим в чудеса и предполагаем в Б[онапарте] эту власть. Но не нужно падения Ерих[онских] стен, нужно, чтоб ядро пролет[ело] мимо Нап[олеона].

*** № 38 (рук. № 34).**

Ежели многие, одновременно и разнообразно направленные силы действуют на какое нибудь тело, то¹⁴⁹ направление движения этого тела¹⁵⁰ никогда не будет совпадать ни с одной из¹⁵¹ сил, а будет¹⁵² среднее, кратчайшее¹⁵³ направление, то, что в механике выражается диагональю параллелограмма сил.

*** № 39 (рук. № 35).**

[боль]шего или меньшего желанья драться. Рассматривая отдельно каждое условие, нет никакой возможности притти к¹⁵⁴ научным результатам, ибо условий этих тысячи, и все они по отношению к силе войска не могут быть рассм[атриваемы] отдельно и дол[жны] быть взяты вместе с [друг]ими неизмеримыми н[уж]ными условиями; толь[ко] [рассматривая дух войска, к[ак] условие силы, большей или м[еньшей], во време[ни] драться, рассматривая его, как неиз-

---

¹⁴⁵ *Зач.*: Вопрос

¹⁴⁶ *Зач.*: мираж и

¹⁴⁷ *Зач.*: Ни так, ни иначе

¹⁴⁸ *Зач.*: страшному почему то

¹⁴⁹ *Зачеркнуто*: очевидно что

¹⁵⁰ *В рукописи описка*: дела

¹⁵¹ *Зач.*: разнообразно действующих

¹⁵² *Зач.*: новый средний

¹⁵³ *Зач.*: путь

¹⁵⁴ *Зач.*: разумным

вестное во вр[емени], есть надежда найти науч[ное] построение дисциплины, вооружен[ные] люди] не могут иметь влияния на си[лу]...¹⁵⁵ имеет влияние на...¹⁵⁶

* № 40 (рук. № 36).

Важное к 5-му тому.

Пьер ехал до Москвы, помогал раненым, узнавал новости и ни разу не возвращался к¹⁵⁷ мыслям сна, хотя чувствовал, что в нем открылось что-то и так остановилось – открытое.

Дорогой ему сказали за верное, что кн[язь] Андрей умер.

Все веселы. Наташа весела,¹⁵⁸ мать и Соня ей не отвечают, грустны. Остановились за м[осковской] з[астановой]. Все вдруг грустны. Идут казаки. Нат[аше] сказали. Она сидит, едет. Темнота, заревы пожаров. Останавливаются в Мытищах. Пожары. Один раненный кричит. Нат[аша] спрашивает, где он. За ней смотрят, как за больной. Мать потрогала ее голову. Она озябла, дрожит – настояла, чтоб разделась и легла. Лежит прислушивается, стон... зарево, крики в кабаке. – Соня? спит, – встает на ципочках и вышла в сени.

–

Кн[язь] Андрея¹⁵⁹ внесли, долго укладывали, уложили, Тимохин. Он б[ыл] без памяти всё время, теперь очнулся. Красная горит одна свеча, мухи сонные, тараканы. Пититити. Муха. Что откры[лось], да: любовь христианство вспыхнула фактом и по чувству строит учение. Кто учил? Бог, не может не быть. Приложение. Обратн[ый] учению факт – непощение, что бы я дал – мухи, красная свечка пититипити... и скрип и шаги. Она¹⁶⁰ увидела ясный, чистый взгляд любви, подбежала к руке, простите. Слезы. Тимохин, доктор. Узнали? – Простили?¹⁶¹ нет, простили ли за то, что я сделала? – чуть слышным шопотом. Дурна, но глаза. В нем детское от шеи голый.

Пьер надоел Наташе своей робостью. (Да ну же? Ну?). Письмо. Андрей завещал, чтобы не стеснялись.

* № 41 (рук. № 37).

Приехал. Одна свеча: к[няжна] М[арья] и что-то славное сидит – не узнал. Когда узнал, вдруг покраснел и присутствие судьи. Разговор о кн[язе] А[ндрее].

Да, да, так, так. Прерван приходом Ник[оленьки]. Пьер расплакался. Н[аташа] вставляла слова. Пойдемте за чай. Тихо, робко друг перед другом. А жизнь из всех их прет.

– Об себе расскажите. Вы¹⁶² потеряли 2 м[иллиона]. Савельич me ruine. Vous êtes libre.¹⁶³ Взгляд на Н[аташу], она покраснела и злобно, гордо нахмурилась.

Разговорился про себя, никогда так не говорил.

Она всё понимает, ее вопросы. Поздно. Никто не заметил. Они одни втроем на свете. Пьер кончает: жизнь никогда не погибла, впереди много, много. Это я вам Свободы нет.

¹⁵⁵ Оторваны кусочки рукописи.

¹⁵⁶ Оторваны кусочки рукописи.

¹⁵⁷ Зач.: прежним

¹⁵⁸ Зач.: Никто

¹⁵⁹ Зачеркнуто: Андрей был

¹⁶⁰ Зач.: припала к

¹⁶¹ Зач.: все

¹⁶² Зач.: богаты

¹⁶³ [меня разоряет. Вы свободны]

Пошел домой и написал письмо. На другой день с к[няжной] М[арьей] dites lui.¹⁶⁴

—

Весною идет домой, и всё надо устроить, и он центр вселенной, и все для него, и все должны знать, и он покупает конфеты, и всё это радостно.

—

* № 42 (рук. № 38)

Наташа требует, чтоб Пьер ее любил за то, что он постр[адал] за нее.

Кар[атаев] любил ничего и всё.

Всё отраж[ается] в нем разумно и благообразно.

В П[ьере] он видел благообра[зие] душевн[ое].

* № 43 (т. IV, ч. 4).

Как это утихло горе – неизвестно, но оно утихло. Наташа и княжна Марья напротив никогда не говорят про князя Андрея. Рамбаль хочет сделать трогательную историю с Наташей по случаю Пьера, но Наташа уходит.

Николай просил через Наташу, что когда она хочет.

Николай в Вильне просится у Кутузова жениться.

(Сцена у костра: «тоже – люди», ну-ка еще...)

К эпилогу: Франция еще раз, старая, должна была содрогнуться, и явился Наполеон самым необычайным образом.

К эпилогу рассказывают и поминают о том, как Пьер женился.

Даниловича. <Нея подвиг потеря⁹/10.>

<Кавалеристы в ботфортах, без кирас, с шинелями.>

Кажется под Красным всё сделано судьбой, чтобы сделать невозможное. Стран[но]; объ-я[вилось] нов[ое] объясн[ение].

Фланговая защита при Малом Ярославце.

Кутузов не спешит [?] из Вильно.

<Миродеры. Вязьма; конверт. Tirer son épingle du jeu.¹⁶⁵ Рамбаль в Костроме. Grande armée. Elles ne m'échapperont pas cette foi ci.¹⁶⁶ Припомадимся.>

<Пьер после спасения заболел.>

<Под Вязьмой из 73 тысяч оста[валось] 37 тысяч. К[утузов] говорит – золотой мост под Вязьмой. Смоленск – цель. Цель нужна, все так думают и Н[аполеон] с ними.>

<От В[язьмы] не в трех к[олоннах], а в одной. Жюно. Заставляет караулить вестфальцев и застрел[ил] солдата за фляжку.>

22 октября 13 С и снег. В См[оленске] грабеж. Мале.

Нап[олеон], выступая из Смоленска, понятия не имел о положении К[утузова], врозь идут, и предп[олагал] К[утузова] в Витебске.>

Упреки Кут[узову] за Красное. Без сапог хол[одные], голодные. Убивать людей затем, чтобы добить.

(Друг друга потеряли, как в жмурки). И писател[ям] трудно объяснить, а выходит смысл.

Рвать разлагающееся тело. Не физическое, а химическое разложение.

---

¹⁶⁴ [скажите ей.]

¹⁶⁵ [Выйти из игры.]

¹⁶⁶ [Великая армия. На этот раз они от меня не уйдут.]

Вильно – конец народной войны. Бал. У костра. Петя.

№ 44 (рук. № 38а).

Наташа смотрит туда. Смерть ей понятнее, чем жизнь. Жизнь оскорбительна. Зачем не сказала ему того и того. Она живо воображала его. Ему – кому? И всё застигалось опять. Так она сидела. Княжна Марья собиралась ехать. Пожалуйте к папиньке. Свое – противно. Слишком живое, привычное. Усилие над собой и к матери. Деятельность. На другой день увели ее к себе падающую. Она¹⁶⁷ легла и молчала. Потом села, оглядываясь. Обняла княжну Марью,¹⁶⁸ глядит на нее. Похожа, нет, не похожа, она – чужая, особенная, неизвестная.

– Маша, полюби меня, я не такая дурная. Маша, я... с тех пор – дружба, страсть и два чувства: не говорить про него и слабеть, и оба чувства вызывают реакцию. Рана заживает изнутри. Под илом трава и она сама не знает. Позвала Дуняшу – голос пробует, зеркало. <Разговор> с княжной Марьей. Я хочу умереть и не хочу.

–

Пьеру всё весело. Старик Савельич добрый. Надо строить. Ну, строить. Кн[яжна]. Всё таки любит. Жена – и ту жалко. Денег просит¹⁶⁹ офицер – не дает.¹⁷⁰

–

---

¹⁶⁷ *Зачеркнуто:* села на постель и <рыдала> стонала.

¹⁶⁸ *Зач.*: Мари полюби

¹⁶⁹ *В рукописи:* просить

¹⁷⁰ *Поперек страницы карандашом:* Коперник. Мысль не влияет.

ВСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДИСЛОВИЯ И ВАРИАНТЫ НАЧАЛ «ВОЙНЫ И МИРА»

**** № 1 (рук. № 47).**

Я бесчисленное количество раз начинал и бросал писать ту историю из 12-го года, которая всё яснее, яснее становилась для меня и которая всё настоятельнее и настоятельнее просилась в ясных и определенных образах на бумагу. То мне казался ничтожным прием, которым я начинал,¹⁷¹ то хотелось захватить все, что я знаю и чувствую из того времени, и я признавал невозможность этого, то¹⁷² простой, пошлый, литературный язык и литературные приемы романа казались мне столь несообразными с величественным, глубоким и всесторонним содержанием, то необходимость выдумкою связывать те образы, картины и мысли, которые сами собою родились во мне, так мне становились противны, что я бросал начатое и отчаивался в возможности высказать всё то, что мне хотелось и нужно высказать. Но время и силы мои уходили с каждым часом, и я знал, что никто никогда не скажет того, что я имел сказать, не потому, что то, что я имел сказать, было очень важно для человечества, но потому, что известные стороны жизни, ничтожные для других, только я один, по особенности своего развития и характера (особенности, свойственной каждой личности), считал важным.¹⁷³ Больше всего меня стесняют предания, как по форме, так и по содержанию. Я боялся писать не тем языком, которым пишут все, боялся, что мое писанье не подойдет ни под какую форму, ни романа, ни повести, ни поэмы, ни истории, я боялся, что необходимость описывать значительных лиц 12-го года заставит меня руководиться историческими документами, а не истиной, и от всех этих боязней время проходило, и дело мое не подвигалось, и я начинал остывать к нему. Теперь, помучавшись долгое время, я решился откинуть все эти боязни и писать только то, что мне необходимо высказать, не заботясь о том, что выйдет из всего этого, и не давая моему труду никакого наименования.

**** № 2 (рук. № 39).**

¹⁷⁴ Печатаю начало предлагаемого сочинения, я не обещаю ни продолжения, ни окончания¹⁷⁵ его. Мы, русские, вообще не умеем писать романов в том смысле, в котором понимают этот род сочинений в Европе, и предлагаемое сочинение не есть повесть, в нем не проводится никакой одной мысли, ничто не доказывается, не описывается какое нибудь одно событие; еще менее оно может быть названо романом, с завязкой, постоянно усложняющимся интересом и счастливой или несчастливой развязкой, с которой уничтожается интерес повествования.¹⁷⁶ Для того, чтобы объяснить читателю, что такое есть предлагаемое сочинение, я нахожу удобным описать то, каким образом я начал писать его.

---

¹⁷¹ *Зачеркнуто:* и я бросаю начатое

¹⁷² *Зач.*: и чаще всего

¹⁷³ *Зач.*: Я решился писать.

¹⁷⁴ *Зачеркнуто:* Представляя на суд публики начало неоконченного сочинения, я полагаю не лишним сказать несколько объяснительных слов о том, почему я

¹⁷⁵ *Зач.*: и почему я сочинение это не называю ни романом, ни повестью.

¹⁷⁶ *Зач.*: Цель этого сочинения. Я задумал

В 1856 году, я начал писать¹⁷⁷ повесть с известным направлением, героем которой должен был быть декабрист, возвращающийся с семейством в Россию.¹⁷⁸ Невольно от настоящего я перешел к 1825 году, эпохе заблуждений и несчастий моего героя, и оставил начатое. Но и в 1825 году герой мой был уже возмужалым, семейным человеком. Чтобы понять его, мне нужно было перенестись к его молодости, и молодость его совпадала с славной для России эпохой 1812 года. Я другой раз бросил начатое и стал писать со времени 1812 года, которого еще запах и звук слышны и милы нам, но которое теперь уже настолько отдалено от нас, что мы можем думать о нем спокойно. Но и в третий раз я оставил начатое, но уже не потому, чтобы мне нужно было описывать первую молодость моего героя, напротив: между теми полуисторическими, полубообщественными, полувывмышленными великими характерными лицами великой эпохи, личность моего героя отступила на задний план, а на первый план стали, с равным интересом для меня, и молодые и старые люди, и мужчины и женщины того времени. В третий раз я вернулся назад по чувству, которое может быть покажется странным большинству читателей, но которое, надеюсь, поймут именно те, мнением которых я дорожу: я сделал это по чувству, похожему на застенчивость и которое я не могу определить одним словом. Мне совестно было писать о нашем торжестве в борьбе с Бонапартовской Францией, не описав наших неудач и нашего срама. Кто не испытывал того скрытого, но неприятного чувства застенчивости и недоверия при чтении патриотических сочинений о 12-м годе. Ежели причина нашего торжества была не случайна, но лежала в сущности характера русского народа и войска, то характер этот должен был выразиться еще ярче в эпоху неудач и поражений.

Итак, от 1856 года возвратившись к 1805 году, я с этого времени намерен провести уже не одного, а многих моих героинь и героев через исторические события 1805, 1807, 1812, 1825¹⁷⁹ и 1856 года. Развязки отношений этих лиц я не предвижу ни в одной из этих эпох. Сколько я ни пытался сначала придумать романтическую завязку и развязку, я убедился, что это не в моих средствах, и решился в описании этих лиц отдаться своим привычкам и силам... Я старался только, чтобы каждая часть сочинения имела независимый интерес.¹⁸⁰

Еще несколько слов оправдания на замечание, которое наверно сделают многие. В сочинении моем действуют только князья, говорящие и пишущие по-французски, графы и т. п., как будто вся русская жизнь того времени сосредоточивалась в этих люд[ях]. Я согласен, что это неверно и нелиберально, и могу сказать один, но неопровержимый ответ. Жизнь чиновников, купцов, семинаристов и мужиков мне неинтересна и наполовину непонятна, жизнь аристократ[ов] того времени, благодаря памятникам того времени и другим причинам, мне понятна, интересна и мила.

**** № 3 (рук. № 40).**

Печатаю одну часть сочинения без заглавия и без определения рода, к которому оно принадлежит, т. е. не называя его ни поэмой, ни романом, ни повестью, ни рассказом, я считаю нужным сказать несколько объяснительных слов, почему это так, и почему я не могу определить, какую часть целого составляет печатаемое теперь.

¹⁷⁷ *Зач.*: роман, героем которого был

¹⁷⁸ *Зач.*: <Стараясь> Молодость моего героя совпадала с славной для России эпохой 1812 года.

¹⁷⁹ *В рукописи*: 1805

¹⁸⁰ *Зачеркнуто*: <закрывающийся не в развитии событий, а в развитии. В этом>Мы, русские, вообще не умеем писать романов в том смысле, в котором понимается этот род сочинений в <Англии> Европе. Я не знаю ни одного художественного русского романа, ежели не называть такими подражания иностранным. Русская <литература> художественная мысль не укладывается в эту рамку и ищет для себя новой. Предлагаемое сочинение, ежели имеет какие-нибудь достоинства, то так же, как и другие подобные русские сочинения, не подходит по своему содержанию ни под понятие повести, ни еще под понятие романа. *Может На полях*: Вспомнить Тургенева, Гоголя, Аксакова.

Предлагаемое теперь сочинение ближе всего подходит к роману или повести, но оно не роман, потому что я никак не могу и не умею положить вымышленным мною лицам известные границы – как то женитьба или смерть, после которых интерес повествования бы уничтожился. Мне невольно представлялось, что смерть одного лица только возбуждала интерес к другим лицам, и брак представлялся большей частью завязкой, а не развязкой интереса. Повестью же я не могу назвать моего сочинения потому, что я не умею и не могу заставляя действовать мои лица только с целью доказательства или уяснения какой нибудь одной мысли или ряда мыслей.

Причина же, почему я не могу определить, какую часть моего сочинения составит печатаемое теперь, состоит в том, что я не знаю и сам для себя не могу предвидеть, какие размеры примет всё сочинение.¹⁸¹

Задача моя состоит в описании жизни и столкновений¹⁸² некоторых лиц в период времени от 1805 до 1856 года.

Я знаю, что, ежели бы я исключительно был занят одной этой работой и ежели бы работа моя производилась при самых выгодных условиях, то и то едва ли я был бы в состоянии¹⁸³ исполнить мою задачу!¹⁸⁴ Но и исполнив ее так, как я бы желал, я убежден и стремлюсь к тому, чтобы интерес моего повествования не прекратился бы с достижением¹⁸⁵ предположенной эпохи. Мне кажется, что, ежели есть интерес в моем сочинении, то он не прерывается, а удовлетворяется на каждой части этого сочинения и что вследствие этой то особенности оно и¹⁸⁶ не может быть названо романом.

Вследствие этого то свойства я и полагаю, что сочинение это может быть печатаемо отдельными частями, нисколько не¹⁸⁷ теряя вследствие того интереса и не вызывая читателя на чтение следующих частей.

Вторую часть¹⁸⁸ нельзя будет читать, не прочтя первую, но прочтя первую часть, очень можно будет¹⁸⁹ не читать второй.

**** № 4 (рук. № 41).**

Изучая историю 12-го [года], столь близкого от нас, столь живого разнообразием несогласующихся преданий и столь разнообразно описанного, я пришел к очевидности, что мы не можем понимать истории иначе, как ложью. Сказать, что А[лександр] предло[живший] войн[у] Наполеон[у], жела[вшему] завоевать Россию, как причину войны, так же бессмысленно, как сказать, что причина завала работн[ика] последний удар лопатой. Он напр[осто] раб. Фатализм для человека такой же вздор, как произвол в исторических событиях.

Печатая произведение, на которое положены¹⁹⁰ мною четыре года непрерывного труда при наилучших условиях жизни и¹⁹¹ в лучший период жизни, я желал бы, чтобы читатели получили хоть малую долю того наслаждения, которое я испытывал при этой работе. Предвидя

---

¹⁸¹ *Зачеркнуто:* Цель

¹⁸² *Зач.*: известных

¹⁸³ *Зач.*: окончить большую часть

¹⁸⁴ *Зач.*: Зная это вперед, я старался

¹⁸⁵ *Зач.*: назначенной

¹⁸⁶ *Зач.*: отличается от романа

¹⁸⁷ *Зач.*: лишаясь

¹⁸⁸ *Зач.*: очень можно будет

¹⁸⁹ *Зач.*: прочесть

¹⁹⁰ *Зач.*: лучшие ми[нуты]

¹⁹¹ *Зач.*: смело

некоторые¹⁹² недоумения, которые возникнут в читателях при чтении этого романа, я считаю нужным здесь в предисловии ответить на них.

Первое. Это характер времени, который, как мне и выражали некоторые при печатании 1-й части, не достаточно определен в моем сочинении. Этот упрек мне делали и будут делать. И на него то я имею возразить следующее. Я знаю, в чем состоит характер того времени, которого не находят в моем романе: это ужасы крепостного права, закладыванье жен в стены, сечение взрослых сыновей, Салтычиха и т. п. Этот характер того времени, к[оторый] живет в нашем представлении, не верен. Изучая письма, дневники, предания того времени, я не находил всех ужасов этого буйства в большей степени, чем нахожу их теперь или когда либо. В те времена так же любили, завидовали, искали истины, добродетели, увлекались страстями, та же была сложная и часто более утонченная умственно и нравственно жизнь, чем теперь в высшем сословии. Ежели в понятии нашем составилось понятие о характере своевольтва и грубой силы того времени, то только оттого, что в преданиях, записках и¹⁹³ повестях и романах из того времени до нас доходили только выступающие случаи насилия и буйства. Заключение о том, что преобладающий характер того времени было буйство, так же несправедливо, как несправедливо заключил бы человек, из-за горы видящий одни макушки дерев, что в местности этой ничего нет кроме деревьев. Есть характер того времени, как и характер каждой эпохи, вытекающий из большей отчужденности высшего круга от других сословий, из царствующей философии, из особенностей воспитания, из привычки употреблять французский язык и т. п. И этот характер я старался сколько умел выразить.

Второе. Это разногласие мое в описании исторических событий с рассказом историков. Разногласие это тоже не случайное, а неизбежное. Историк и художник, описывая историческую эпоху, имеют два совершенно различные предмета. Как историк будет не прав, ежели он будет пытаться представить историческое лицо во всей его цельности, во всей сложности отношений ко всем сторонам жизни и тем невольно упуская и заслоняя главную свою задачу – указать на участие лица в историческом событии, так художник не исполнит своего дела, понимая лицо так, как историк, представляя его всегда в его значении историческом. Кутузов не всегда с зрительной трубкой, указывая на врагов, ехал на белой лошади, Растворчин не всегда с факелом зажигал Ворон[цовский] дом, императрица Мария Федоровна не всегда стояла в горностаевой мантии, опершись на свод законов, а такими их представляет себе наше воображение. Для историка, в смысле содействия лицом какой нибудь одной цели, есть герои, для художника, в смысле ответственности всеми сторонами жизни, не может и не должно быть героев, а должны быть люди.

**** № 5 (рук. № 89).**

<Это было между Тильзитом и пожаром Москвы в то время, когда всё в Европе думало, говорило и чувствовало только про Наполеона,¹⁹⁴ когда у нас в России во всех семействах хвастались друг перед другом своими французами гувернерами, дамы в Петербурге бегали за секретарями французского посольства, когда все говорили по французски лучше самих французов, все завидовали, боялись и спорили за французов и Наполеона. Это было в то время, когда карта Европы перерисовывалась разными красками каждые две недели, и итальянцы, испанцы, бельгийцы, голландцы, вестфальцы, поляки и особенно немцы никак не могли понять, к какому, наконец, они принадлежат государству, чей мундир им надо носить, кому преимущественно подражать, льстить и кланяться. Это было в то время, когда Наполеон

---

¹⁹² *Зач.*: упреки и

¹⁹³ *Зачеркнуто*: худож[ественных]

¹⁹⁴ *Зачеркнуто*: когда лестно и славно казалось быть французом

уже убедился, что не нужно ума, постоянства и последовательности для успеха, что нужно только твердо верить в глупость людскую, что в сравнении с людской глупостью и ничтожеством всё будет величием, когда верят в него. Он не обдумывал, а делал то, что ему первое приходило в голову, подстраивая под каждый поступок систему и называя сам каждый свой поступок великим. Нынче ему хотелось поспать с императоровой сестрой, завтра брату своему сделать приятное, послезавтра наказать и пошутить над немецким принцем, и он себе не прекословил, называя только себя: *le grand homme*,¹⁹⁵ свои распоряжения *la grande politique*,¹⁹⁶ свою армию *la grande armée*,¹⁹⁷ и все бились проникать глубочайший, сокрытый смысл его поступков, и никто не думал о том, что¹⁹⁸ кроме проявления прихотливых желаний человека смысла никакого не было. Но он верил в себя, и весь мир верил в него. Он сказал и вздумал раз сделать Средиземное море французским озером, и все удивились и теперь удивляются величию этой мысли; потом, именно в то время, о котором я пишу, ему, должно быть, пришла мысль сделать северный океан французским озером, он начал приводить в исполнение эту великую мысль, проведя карандашом на карте Германии черту, по которой весь берег Северного и Немецкого моря был французской, и все сказали: «Очень хорошо». Однако император Александр вступился за владения родственника, принца Ольденбургского, попавшие в черту на карте. Начались протесты, споры, переписка. Наполеон вызвал своего посланника Коленкура и прислал Лористона и письмо, содержание которого лучше всего представит читателю тогдашнее положение дел.>

(Выписать.)

Ответ.

В то самое время, как в Петербурге писался ответ на это письмо, на маслянице 1811 года, в городе был бал у Льва Кириловича Вереева, екатерининского вельможи. На бале должен был быть дипломатической корпус, сам Лористон и государь.

На Английской набережной светился бесчисленными огнями один из лучших домов. У освещенного подъезда с красным сукном стояла полиция и сотни экипажей, одни красивее других, карет, колясок. Толпа загромождала улицу. И всё подъезжали новые с лакеями в перьях и шляпах. Почти всякой раз, как подъезжал новый экипаж с блестящим лакеем, в толпе пробегал ропот и снимались шапки. «Государь? Нет, министр, князь, посланник, разве не видишь – перья», говорилось из толпы. Один из толпы в шляпе, казалось, знал всех и называл по имени знатнейших вельмож того времени. Наконец, что то очень зашевелилось. Полицеймейстер приложил руку к шляпе, и из кареты легко лаковым сапогом с шпорой ступил на освещенное красное сукно государь. Шапки снялись и, знакомая народу, молодая, красивая фигура государя, с зачесанным затылком и взлизами, с высокими эполетами из под шинели, быстро прошла в подъезде и скрылась. Государь держал в руке шляпу с плюмажем и что то мельком сказал полицмейстеру, вытянутому и наклоненному. Из-за окон пронеслись стройные звуки большого и прекрасного оркестра, и по освещенным окнам зашевелились перед глазами толпы тени мужчин и женщин. Государь был озабочен, что могли заметить только самые приближенные к нему люди. Причину же озабоченности его знали только те некоторые, которые были призваны к составлению ответа императору Наполеону. Один из этих, князь Куракин, только что вернувшийся от государя и имевший работу, которую должно было окончить к завтрашнему утру, на что он намерен был посвятить остальную часть ночи, был тут же и в то время, как вошел государь, в толпе женщин, утопая в газе и кружевах между белейшими, обнаженными плечами и цветами, держа в руках открытую эмалевую табакерку, с веселым беззаботным лицом сыпал

¹⁹⁵ [великим человеком,]

¹⁹⁶ [великой политикой,]

¹⁹⁷ [великой армией,]

¹⁹⁸ *Зач.*: он никакого и никакой власти не имеет каждый человек, хотя бы он называл себя *le petit* или *le grand caporal*, делать всё, что ему захочется.

любезностями и, посмеиваясь беззубым, но приятным ртом, отряхивал табак с кружев манжет и ленты, которая была надета у него под шитым камзолом. Человек этот был весь, как на пружинах. Все черты лица его мгновенно переменились, и глаза ежеминутно изменяли блеск. Редкие седые волосы на его голове и баках были почти растрепаны, и лицо было темно бурого цвета, тем как бы приятнее еще была вся его маленькая, сухая фигурка в изысканно изящном придворном платье.¹⁹⁹ Кроме государственных забот, важность которых знал только он с немногими, у него в этот день были еще свои семейные заботы. В то время, как начались недружелюбные переговоры между петербургским и тюльерийским дворами, два сына князя Куракина были за границей, классически оканчивая par le grand tour²⁰⁰ свое тогдашнее французское воспитание, и он считал своей обязанностью выписать их тотчас обратно в Россию из Парижа, где молодым людям житье особенно понравилось. Месяц тому назад они вернулись с monsieur l'abbé,²⁰¹ ездившим с ними. Старшему было двадцать лет. Он был записан в иностранную коллегию, и отец был спокоен насчет его. Он был уже на бале и в той же зале в виду отца, во фраке и обуви самой последней парижской, еще не дошедшей до Петербурга и отличавшейся странностью моды, стоял над сидевшей дамой и так скромно и дипломатически спокойно говорил, что отцу нечего было беспокоиться. Его правильное, горбоносое лицо, тонкие губы, сухость всего лица и сложения и в особенности спокойствие улыбки – всё показывало, что это человек, нашедший себе место на свете и умеющий занимать его. Меньшому было восемнадцать лет, отец узнавал в нем себя, любил его, сколько умел и успевал, но боялся за него.

Этот меньшой, Петр, был никуда не записан, потому что он имел отвращение к званию дипломата такое же, какое отец имел к званию кавалергардского офицера, которое больше всего на свете желал носить Петр Куракин. Петр Куракин со времени приезда своего в Петербург, несмотря на желание отца, не был нигде в свете, а вел жизнь парижского viveur²⁰² в Петербурге, с тем особенным оттенком, который дает в России положение богача, красавца и сына вельможи. Он не ездил в свет, а все уже знали его в свете. Он заставил говорить про себя шалостями, которые все находили милыми. Нынче он должен был сделать первое свое явление в свете. Из за брильянтов, жемчугов и плеч князь не переставал смотреть на дверь входа и после того, как государь прошел мимо него и, в ответ на почтительный поклон, дружески кивнул ему.

Хозяин и хозяйка с одиннадцати часов стояли у входа с лестницы, уставленной цветами и зеркалами, и принимали до самого того времени, как вошел государь. Тогда они отошли от входа и последовали за его величеством. Всё, что только было знатного, блестящего и близкого ко двору в этот год в Петербурге, всё прошло в этот вечер мимо двух хозяев и получило от них одинаковое приветствие: «Очень рад вас видеть у себя» – хозяин. «Я восхищена, что вижу вас нынешний вечер» – хозяйка. Нечего упоминать, что всё говорилось только по французски.

Лица, особенно обратившие внимание²⁰³ всех, были ротмистр граф Зубцов, приехавший из турецкой армии и нынче произведенный в флигель адъютанты и обедавший у государя,²⁰⁴ урожденная Княжнина,²⁰⁵ фрейлина, известная своей красотой, только что вышедшая за молодого князя Кушнева,²⁰⁶ одного из самых богатых людей России, числившегося при дворе, но нигде не служившего, потом известный повеса меньшой князь Куракин, вошедший после государя, и, наконец, мало известная дама, жена свитского офицера поручика Берга, неизвестно

¹⁹⁹ Поперек текста написано: частный человек

²⁰⁰ [путешествием]

²⁰¹ [господином аббатом]

²⁰² [кутилы]

²⁰³ На полях: Это был Борис, приехавший из Турции. Молодой флигель и Берг стоят вместе. Берг счастлив. Они судят. Входит урод богатая невеста.

²⁰⁴ Зачеркнуто: Княгиня Растопчина

²⁰⁵ Зач.: бедная дворя[нка]

²⁰⁶ Зачеркнуто: Пригородка

как удостоившаяся чести приглашения. Дама эта была воспитана у Куракина бедной девушкой и была только кое-кому известна своими талантами к музыке и живописи, но никто не мог отнять у нее, что она была необыкновенно хороша, умна, мила, грациозна и *distinguée*.²⁰⁷

Она вошла ни поздно, ни рано, ни скоро, ни тихо, под руку с своим мужем, очень высоким свитским офицером, с белокурым, правильным, но чрезвычайно²⁰⁸ степенным и антипатичным лицом. Каждое движение ее было легко и грациозно и свободно, когда она входила на лестницу, поддерживая шлейф своего голубого платья, когда она оправила, повернув на бок белокурую головку, слегка дотронув маленькой лайковой ручкой, свою из голубых же цветов прическу, и когда она передавала мужу и взяла от него букет, который несла. На ней ничего не было, кроме нитки жемчугов, низко висевших на слишком открытой груди, как находили дамы. Спина тоже была открыта по моде того времени, но грация этого тонкого, крепкого тела и чистых молодых форм²⁰⁹ была так невинна, что никто не решился заметить этого излишка.²¹⁰ Когда хозяйка сказала ей свое приветствие, лицо m-me Берг, которое и так было прекрасно, вдруг осветилось такой благодарной, ласковой улыбкой, что всякой, видевший ее из другого конца залы, непременно убедился бы, что хозяйка сказала что-нибудь особенно любезное. Хозяйка же сказала только, что восхищена, и даже тотчас же, по привычке ли классифицировать людей по их значению в свете или для того, чтобы дать почувствовать гостю, что она – хозяйка, особенно сухо тотчас же отвернулась от нее. Всякая другая, менее грациозная и красивая женщина, мгновенно была бы в недоумении и сделала бы неловкий жест – искания глазами опоры, или искания знакомых лиц. M-me Берг предупредила в тот же момент хозяйку и движеньем головы и улыбкой показала, что она кончила говорить и не будет больше утруждать занятую хозяйку. Она пошла вперед, не опустив глаза и не растерянно отыскивая в толпе, а спокойно, твердо и легко, с уверенностью, что тысячи глаз смотрят на нее со всех сторон, отыскивают ее, и действительно глаза невольно обращались на эту легкую, грациозную и спокойносамоуверенную, красивую фигуру. Муж отделился в первой комнате, угрюмо вмешался в толпу мужчин и с напыщенным выученным степенством стал, отставив ногу и видимо нарочно употребляя одну руку на придержание сабли, другую – на держание шляпы. M-me Берг могла бы потеряться, так как во всей зале только одна дама, княгиня Куракина, ее сын и один кавалергард были ей знакомы (она не искала глазами, но она видела всё это).²¹¹ Никто не подходил к ней на ее проходе, как к другим дамам, хотя она и слышала ропот в толпе: «кто это? кто дама в голубом? как хороша», но надо было не пойти и сесть, а надо было быть окруженной и улыбаться. Ей предстояло или идти направо к княгине Куракиной или налево к кавалергарду, который мог заговорить, или прямо, мимо молодого князя Куракина-старшего. Мгновенно она сообразила, что кавалергард сам нетверд в этом обществе и не подойдет, что Куракин-старший вял и может только поклониться, но что княгиня Куракина проста и сидит, следовательно отступление ей будет невозможно.²¹² Она пошла мимо молодого князя Куракина к его матери, но она шла так, как будто нечаянно. Лепет «кто это?» добежал и до Ивана Куракина; он оглянулся и поклонился, но нерешительно подвинулся, m-me Берг сделала легкое движение опахалом, и улыбка и свет зеленоватых глаз получили вдруг такой неожиданный блеск и привлекательность, что Иван Куракин тронулся и подошел к ней, но она, не дожидаясь его, подошла к старухе и опять

²⁰⁷ [изящна.] *На полях*: фрейлина эта Hélène

²⁰⁸ *Зач.*: строгим, скучающим

²⁰⁹ *Зач.*: заставляла мужчин смотреть иначе

²¹⁰ *Поперек текста написано*: Дурная, богатая невеста, за ней Берг. Она сообразила, зачем не надела кос, их носят, и как эта одета и как бант держится

²¹¹ *Зачеркнуто*: Она не задумывалась, не мешкала, но сообразила, что ежели она подойдет к тому кругу, где дипломат молодой князь Куракин

²¹² *На полях*: После описания. Сколько забот, сколько трудов, потраченных напрасно дома, как няни восхищались и как оказалось плохо.

по улыбке ее все видели, *que la princesse la comble*.²¹³ Скоро однако княгиня устала и представила ей близь стоящего французского секретаря. Иван Куракин подошел, и положение m-me Берг было обеспечено. Ее невольно заметили. Молодой флигель-адъютант просил представить себя ей так, что она слышала.²¹⁴ Себекин [?] дипломат дал ей, как и всем дамам, прозвище: «голубой ангел», и «голубой ангел» стал повторяться.

– Как вы похорошели, *ma bonne*,²¹⁵ – сказал ей во время бала старый князь Куракин, – вы у нас прятали свою красоту, не считая нас достойными ее.

– Я бы для вас одних отдала всё, что у меня есть, – сказала она, опуская глазки.

– Государь вас заметил, – прибавил князь, – он сказал: «кто эта молодая женщина?»²¹⁶

M-me Берг нельзя было потупить глаз, потому что они были потуплены, она покраснела, и жемчуг на белой груди медленно приподнялся и опять опустился. Вскоре после m-me Берг вошла княгиня Кушнева. Вход ее был совсем другого рода. С самой лестницы и до конца бала – это было постоянное торжество.²¹⁷ Она была в ярко желтом цвете, который справедливо могла позволить себе только она одна – признанная первая красавица того времени. Яркой блеск черных глаз из под длинных загнутых ресниц, яркая белизна сильных плеч, рук и груди, яркой отлив черных огромных кос, высота роста, яркость величавой поступи и легкой оттенок презрительности ярких зуб и губ, и свет двигавшихся с ней брильянтов – поражали невольно. «Боже, как она хороша нынче», – говорили все. Дипломат называл ее «Венерой победительницей». Она была окружена с первого шага, не тяготясь, как простая смертная, коротко и просто отвечала каждому, слегка улыбаясь, как будто говоря: «вы видите, как меня преследуют. Мне это и тяжело, но ежели вам приятно, то и другим также». Государь подошел и говорил с ней. Выражение лица ее было неизменно одно и то же, прекрасное, улыбающееся и слегка презрительное.

Молодой Кушнев был высокой, толстый, близорукий, большеголовый мужчина лет двадцати пяти, без усов и бак, в очках и коротко обстриженной. Он шел, переваливаясь и²¹⁸ с повислыми руками, неловко и небрежно, валясь вперед всем телом, точно он усталый шел в далекой и скучной путь. Он кланялся отрывисто, по несколько раз кивая головой, и пожимал руки все, какие ни попадались ему; он был знаком со всеми и, ежели ошибался, попадая на незнакомого, то точно так же кивал головой. Шел он, не обходя никого, и с полной уверенностью, что его пропустят. Когда он сталкивался с кемнибудь, он также жал руку, называя всех «*mon cher*»,²¹⁹ и улыбаясь притворной, напущенной улыбкой, притворность которой он и не пытался скрывать.

Он наткнулся вплоть на Зубцова, около которого, заискивая, увивались многие, схватил его внизу крепко за руку (он, казалось, не имел способности поднимать рук выше локтя), потащил его к окну и сел.

– *Pardon, pardon, mesdames!*²²⁰ – говорил он немного косноязычно, как будто рот у него был полон кашей. – Ты, *mon cher*, давно ли? – сказал он, усаживаясь, как будто отдыхая от тридцативерстного пути, и лицо его вдруг просияло неожиданно совсем другой, доброй, детской улыбкой, он еще близко посмотрел на Зубцова через очки, и зеленые глаза были еще добрее и лучше улыбки. Зубцов, видимо, был также рад встрече с товарищем. Они росли и учились

²¹³ [княгиня засыпает ее любезностями.]

²¹⁴ *Зач.*: Старый князь Куракин сказал ей, что государь ее заметил

²¹⁵ [милая моя.]

²¹⁶ *Зач.*: У него вкус хорош.

²¹⁷ *Поперек текста написано*: что за шея, что за волоса.

²¹⁸ *Зачеркнуто*: поправляя очки

²¹⁹ [милый мой.]

²²⁰ [Виноват, виноват, сударыни!]

танцевать вместе. На лице Зубцова было выражение радости и вместе добродушной и ласковой насмешливости при виде чудака, который в большинстве людей возбуждал это самое чувство.

– Ты как здесь? – говорил Кушнев, – из Турции? Я слышал, ты там лавры пожинал. Всё равно, я тебе очень, очень рад. А это что? Уж ты не адъютант ли чей? – прибавил он, указывая на аксельбанты. Кушнев²²¹ не знал и всему городу известной новости о производстве в флигель-адъютанты и не знал отличить флигель-адъютанта от адъютанта. Или знал всё это, но забыл.

– Как это на тебя похоже, – сказал смеясь Зубцов и слегка краснея. – Я пожалован в флигель-адъютанты.

– Да, да, жена что то говорила, да я думал другой Зубцов.

– Другого нет.

– Ну, да всё равно, я тебя очень люблю, – говорил он, весь погруженный в созерцание своего приятеля, никого не видя, и как будто он один с ним был в пустыне. Зубцов, напротив того, говоря с ним, следил за движением бала и взглядывал на входящих и проходящих, он заметил вход государя и встал, дернув Кушнева. Но не успел еще пройти государь, как Кушнев опять начал разговор.

– Ну, а что ты скажешь про Бонапарте? А? Его здесь называют императором Наполеоном, но я его не признаю, и для меня это всё еще un mauvais drôle,²²² от которого долго не будет людям покоя.

– Шш, – сказал Зубцов шутя, как будто испугавшись и указывая на Лористона, проходившего недалеко.

– Э, вот! Я говорил всем им свое мнение и Коленкуру.

– Ну, да об этом после, – всё улыбаясь, заметил Зубцов, порываясь глазами в другую сторону бала. – Ты лучше скажи, как ты женился?

– Спроси, зачем я женился. Бог знает. Родным так хотелось, и ей, и всем это доставило такое удовольствие. Право – стоит так мало труда, а доставляет так много удовольствия. Поди же, волочись за моей женой. Это тебя сразу хорошо поставит. Тебе нужно, приезшему блестящему турецкому воину. Это – une position.²²³ Ты знаком?

– Да.

– Пойдем, пойдем, – и опять, опустив руки и ваясь вперед, он потащил Зубцова, протолкался через дам, генералов и посланников к жене, окруженной и занятой разговором с каким то генералом.

– Натали! – сказал он.

Она не слышала.

– Натали! – закричал он, почти дотрогиваясь до нее внизу рукой. – Борис Зубцов, знаешь, влюблен в тебя с детства, – и оставив Зубцова, опять пошел к окну, где с старичком Волхонским вступил в²²⁴ спор о Наполеоне.

Княгиня обратилась к Зубцову с тою же неизменной и величавой улыбкой. Она знала князя два года тому назад. Не скучно ему было в Турции? Не отдаст ли она ему первую кадиль? – Первую? Ах, нет, третью, если хотите. Ах, я забыла... да, третью. – И тур вальса.

И молодой флигель-адъютант в сыгопочки новеньких аксельбантах отошел опять в сторону, где стояли мужчины. Белокурый, с русыми молодыми усиками, высокой, стройный и сильной, с военной, скромной осанкой и прической точно такую же, какую употреблял император

---

²²¹ В рукописи описка: Зубцов

²²² [злой шутник,]

²²³ [положение.]

²²⁴ Зачеркнуто: ожесточенный

Александр, он²²⁵ невольно обращал внимание не столько красотой, не столько характером особенного, свойственного ему достоинства молодого grand seigneur'a,²²⁶ сколько скромностью, чистотой и девственностью очертаний, которые можно было только сохранить в походах и которыми он резко отличался от молодых людей Петербурга. В лице, в стане, в движениях его и в особенности в детской способности краснеть до ушей видна была свежесть еще неистраченной молодости. Кроме того, видно было, что ему, как приезжему из армии, бал и женщины были в диковинку, и он серьезно веселился и своим успехом, и видом красивых женщин, и светом, и музыкой, и предстоящими танцами, к которым он готовился, заготовив в кармане две пары свежих перчаток.

Прошло несколько минут после входа государя. По всем залам чувствовалось стремление в ту сторону, в которой был государь. Все следили за каждым словом, которое он, останавливаясь, говорил дамам и мужчинам. Около него было просторно, но составлялся круг дальше, где теснились, и из которого смотрели с завистью туда, где был государь, и где казалось светлее и всё красивее. Капельмейстер по данному знаку повернулся к музыкантам, шикнул. Что то пошепталося на хорах, замолкло, и стройно зазвучал громкой польской. Государь, разговаривавший с Лористоном, оглянулся, съискал глазами хозяйку, которая ближе других стояла, как будто случайно, разговаривая с князем Куракиным, подал ей руку. Разобрались пары и пошли по залам. Кушнева шла с Иваном Куракиным, m-me Берг с представленным ей секретарем. Берг стоял в толпе, тянулся из за тугого воротника шеей через эполеты генерала и сердито оглядывался на толкавших его. Зубцов вел дочь хозяйки. После польского всё затихло опять на мгновение, и старый князь Куракин с досадой увидал теперь входящего своего сына повесу, опоздавшего и входящего с своим наперсником, бароном Шульцем. Он подошел к нему.

– Разве приезжают в два часа на бал, где государь? – сказал он сердито и отвернулся.

– А государственные дела? Вы сами велели мне работать, я не мог оторваться, – отвечал сын, смеясь глазами и нисколько не смущаясь.

– Ты вечно останешься повесой.

– Папа, – вдруг почти крикнул он. – Неучтиво, что я приехал после государя?

– Ну? – сказал отец.

– Так я хотел избавить государя от неучтивости приехать после меня.

Петр Куракин был курчавый, белокурый с черными глазами, невысокой юноша. Он был одет оригинально, походка широкая на согнутых коленях и с очень вывернутыми ступнями. Но ноги в culotte курт,²²⁷ чулках и башмаках были сильны и стройны, как точеные. Глаза его постоянно смеялись и, ежели бы не так были всегда веселы, то казались бы дерзки, рот немного не закрывался, на бороде и губе только пробивал пушок, но по чертам и синеве под глазами, по развязности движений он составлял противоположность с Зубцовым, и, несмотря на большую молодость и красоту, в лице и движениях его не было и следа девственности. Хозяин и хозяйка, несмотря на неприличие его позднего приезда, хорошо приняли его. И репутация его повесы была так хорошо упрочена, что ему стоило только сказать с серьезнейшим лицом, что его удержали государственные дела, чтобы хозяйка улыбнулась, пожав плечами, с видом, говорящим: «неисправимый!» Барон Шульц, высокой, красивой брюнет, с рано развившейся бородой и одетый точь в точь так же, как и К[уракин], с улыбкой поклонился хозяевам, но к удивлению его ему дали почувствовать, что то, что прощается Куракину, не простится ему. Ему почти не поклонились. Он смутился, и лицо его вдруг сделалось очень дурно. Нос опустился, и он, неловко перебирая шляпу, пошел к пожилой,²²⁸ молодо одетой, старой даме, которая с

²²⁵ *Зачеркнуто:* Пыл очень красив

²²⁶ [большого барина.]

²²⁷ [коротких штанах.]

²²⁸ *Зачеркнуто:* разодетой

самого времени входа его пожирала его глазами. Скандальная хроника говорила, что и фрак, и помада, и духи, и запонки, которые были на нем, были дарены молодому Шульцу старой m-me Гоницыной, имевшей уже сына. Хозяйка однако подозвала его к себе немного погодя и поручила вести бал. Он стал [1 неразобр.]. После польского опять всё затихло, ожидая чего-то.²²⁹ Кавалеры и дамы переходили друг от друга, переговариваясь; большой круг оставался незанятым в середине залы и готовый для танцев. Опять капельмейстер оправил свой белый галстук, закатил книзу глаза и обернулся к музыкантам; потом он шикнул и взмахнул обеими руками, замер и потом махнул палочкой. Музыканты заиграли грациозный вальс старательно, чисто, так хорошо, как только они могли играть. Несколько мгновений никто не начинал, только круг в середине становился больше. Зубцов первый снял саблю, положил каску, перешел через весь круг к Кушневой, поклонился перед ней, обнял ее талию, минуту простоял и пошел с нею среди тишины в зале, из под стройных, свежих канифольных и искусных звуков скрипок, игравших, как один инструмент. Всё невольно смотрело на эту красивую пару и всё молчало. Слышно было изредка металлическое постукивание шпоры об шпору. Государь смотрел тоже. Он заметил, что Зубцов не разочарованный, как петербургская молодежь, и танцует от души. Второй пошел барон Шульц, красавец сын Гоницыной, и не успел еще Зубцов отвести даму на место, как весь круг был занят танцующими, и начался бал. Петр Куракин между тем подошел к Кушневой и, разговаривая с ним, смотрел на танцующих. Берг, протеснившись, стоял сзади их и²³⁰ прислушивался к тому, что они говорили.

– А я нашел здесь Зубцова Бориса, вот он, – говорил Кушнев, – смотри, как он счастлив. Я его очень люблю. Помнишь, мы все вместе делали pas de basques у тетушки.

– Всё также глуп? – спросил Петр Куракин. – Я его любил за его добрую глупость. Вот настоящая, дорогая chair à saup.²³¹ Я бы на твоём месте ревновал его к жене, ты лучше его собой, но женщины капризны, – сказал он с самым серьезным лицом.

– Ах, знаешь, – спокойно и весело подхватил Кушнев, – у жены есть горничная из деревни, которая говорит, что я красавец. Я хочу ей сделать положение, – и он захохотал.

– Я одного вкуса с твоей горничной.²³²

Петр Куракин не танцевал, но дерзко и весело, стоя впереди всех и не сторонясь от танцующих, а ожидая, чтобы они сторонились от него, смотрел своими быстрыми глазами на всех так, как будто выбирал свою жертву.

– Кто эта бедная кошка, за которой братец увивается? – спросил он у Кушнева, указывая на Сашок.

– Это Раевская – два миллиона.

– А-а-а! Понимаю. Что за верста, глупая и холодная, мой братец. Он будет иметь успех.²³³ Пойду взбешу его, отобью два миллиона. Но, боже мой, что за урод. А это кто?

– Офицер? Это Берг, молодой человек, обещающий много.

– Что за²³⁴ пошлая вывеска. Ах, как глуп Зубцов, Ты бы лучше с Шульцем был друг. Друг он и собачка. Куда ты?

– От тебя. Зачем ты притворяешься злым, ты добрый малый в душе? Я уйду к комунибудь, кто не ругается. – И Кушнев ушел в угол к какой-то старой даме.²³⁵ Петр Куракин

²²⁹ Поперек текста написано: три пары

²³⁰ Зачеркнуто: завистливо

²³¹ [пушечное мясо.]

²³² Зач.: – Постой, это наша Катись глупая, – прибавил он, указывая на m-me Берг. Муж невольно хотел не слушать, но не мог. – Эта в голубом, хороша?

²³³ Зач.: – А мой то, мой то, – прибавил он, указывая на Шульца, – пошел денежек попросить у своей хозяйки. Зачем. Куда ты?

²³⁴ Зач.: антипатичная фигура

²³⁵ На полях: Зубцов с Кушневой уезжает. Шульц с Берг, ему делают сцену. Петр Куракин с Бергом дуэль. Он – fantaseque

составил себе в уме план забавы на нынешний вечер. Он вздумал посмеяться над братом, которого он, как это часто бывает в семействах, ненавидел. Он позвал к себе Шульца.

– Представь меня Раевской, — сказал он повелительно, — и *vis-à-vis*.

– Да я взял.

– Ну, уж сделай, как знаешь.

И вывернутыми ногами он пошел к Раевской и пригласил ее. Она танцевала первую с его братом, вторую с Бергом. Он взял третью.

– Как я рад, что наконец имел счастье познакомиться с вами, — сказал он насмешливо. — Ежели вы не можете танцевать со мной, то я могу сидеть подле вас. Он наклонился к ней и начал говорить самые пошлые любезности. Брат танцевал, но не говорил почти с ней и отошел. Берг, танцую, всё заговаривал, но не мог вступить в разговор.

—

Петр Куракин сделал себе такую репутацию повесы и насмешника, что его боялись, как огня, женщины еще больше, чем мужчины. Он успел уже компрометировать двух женщин и вызвать на дуэль одного, а другого от стыда заставить уехать из Петербурга.

* № 6 (рук. № 42).

1.

В 1811-м году, в то самое время, когда в Петербурге было получено письмо Наполеона I к Александру I-му и Коленкур был заменен Лористоном, в городе был бал у екатерининского вельможи князя N.

На Английской набережной светился бесчисленными огнями иллюминации известный всему городу дом вельможи. У освещенного подъезда, устланного красным сукном, стояло несколько сотен экипажей, полицмейстер, пристава и квартальные. Жандармы расставлены были далеко от дома по обеим сторонам улицы. По загроможденной щегольскими экипажами и народом улице беспрестанно подъезжали кареты с ливрейными лакеями на запятках. Лакеи были в шляпах с галунами и перьями. Из карет выходили по откидываемым подножкам то мужчины в мундирах, звездах и лентах, то дамы в атласе, горностаях, цветах и бриллиантах. Толпа, с жадностью теснясь, ловила мгновенья, в которые блестящие фигуры эти виднелись на освещенном пространстве подъезда. Полицейские кричали на кучеров, и дорогие кареты, гремя крепкими колесами, на фыркающих лошадях, откатывались по порядку к своим местам. Беспрестанно хлопали дверцы, соскакивали лакеи и слышались повелительные крики. На дворе была темнота, оттепель и туман. Кучера кутались от сырости, толпа, смотревшая на подъезд, шлепала в темноте по грязи. На бале должен был быть государь. Почти всякой раз, как подъезжала блестящая карета с красным придворным лакеем, в толпе снимались шапки и слышался ропот: «государь, нет великой князь. Разве не видите перья, значит посланник», и т. п., слышалось из толпы. Кто стоял на тротуарном столбике, кто, несмотря на окрики полицейских, перешмыгивал через улицу. Были и женщины, и дети, и чисто одетые, и люди в кафтане и шубах. Один из чисто одетых, чиновник или лакей с гербовыми пуговицами, казалось знал всех подъезжавших и называл по имени знатнейших вельмож и посланников. Около него толпились и его слушали. Другой, не только чисто, но и по последней моде одетый господин в шляпе и бекешке с бобровым воротником, стоял тут же в толпе и, хотя, казалось, мог бы скорее чиновника разъяснить недоумения толпы касательно подъезжавших лиц, не говорил ничего и только презрительно улыбался на слова чиновника. Презрительной улыбки его никто

не мог видеть, но он не мог не улыбаться – он не только знал,²³⁶ но был знаком с многими из подъезжавших. Его тяготила мысль, что его могут смешать с толпою, к которой он чувствовал глубочайшее презрение, ему очень хотелось встретить

[В рукописи нехватает одного листа]

действительно теперь нельзя было ошибиться.

В толпе, между полицейскими всё зашевелилось и затихло; полицмейстер в ленте и звезде приложил руку к шляпе, карета одна, гремя по очищенной дороге,²³⁷ подкатилась к крыльцу, и из кареты легко лаковым сапогом с шпорой ступил на красное сукно высокой мушина в мундире с поднятыми плечами. Шапки снялись, по всем пробежал трепет, в особенности Анатолю, сам не зная отчего, почувствовал в сердце вдруг чувство радости, ожидания чего то и зависти, и знакомая народу фигура государя с зачесанным затылком и взлизами, с высокими эполетами и андреевской лентой из под шинели, быстро показалась и скрылась в освещенном подъезде. Государь в руке держал шляпу с плюмажем и что то мельком сказал проходя вытянутому и наклоненному полицмейстеру. Каждое движение, каждая принадлежность были замечены сотнями глаз. Государь прошел.²³⁸ Шимко радостно оглянулся на всех, потом тяжело вздохнул и почему то почти вслух²³⁹ сказал про себя следующую фразу: *Je le souhaite, sire! Oui, je le souhaite de tout mon coeur.*²⁴⁰ Из за окон пронеслись стройные звуки прекрасного оркестра, и из за освещенных окон и опущенных гардин зашевелились двигающиеся тени. Анатолю стало очень грустно. Он всё смотрел.

– Ну чего смотреть, пойдем, – раздался подле него хриплый голос мастерового к своему товарищу. Анатолю опомнился.²⁴¹ Он повернулся,²⁴² взмахнул тросточкой и, молодцовато раскачиваясь, пошел по направлению к Невскому. – *Je le souhaite, sire, de tout mon coeur,* – всё твердил он про себя.

2.

<Как! на бал?! ты не хотел ехать, – сказал Анатолю, на крыльце дома встречая князя Криницына, садившегося в карету, и нарочно ударяя на ты, чтобы кучер и лакей [слышали], что он говорит «ты» их барину.²⁴³

– Надо ехать по многим причинам, – отвечал по французски красивый юноша в бальном костюме, останавливаясь перед дверцей кареты. – Поедем, довезу до дому.

– Как поздно! Я проходил мимо, государь проехал.

– Поедем что ли? – нетерпеливо крикнул Криницын. – Или нет, слушай, ко мне хотела приехать Мими, я от нее бегу. Утешь ее. Сиди у меня. Ернест, напоите его чаем, – крикнул он провожавшему лакею французу и, вскочив в карету, молодой князь нагнулся головой над перчаткой, которую он застегивал, придвигая ее к фонарю. – Смотри, Шимка, утешь и дожись меня, все Расскажи, – крикнул он еще из дверцы, веселым успокоившимся тоном, после того, как застегнул перчатку и уселся вглубь кареты.

Петр Криницын был второй и меньшей сын известного сановника того времени, только нынешней зимой вернувшийся из за границы с братом, куда они под руководством l'abbé

²³⁶ *Зачеркнуто:* почти всех

²³⁷ *Зач.*: на двух караковых рысаках

²³⁸ *Зач.*: и Анатолю

²³⁹ *Зач.*: стал твердить

²⁴⁰ [Желаю этого, государь! Да, я желаю этого от всего сердца.]

²⁴¹ *Зач.*: «Куда итти?» подумал он, «пойду к <Куракину>, <к Моро>, к Красновицкому, <к Криницыну>, он тоже не поехал. Но он не хотел сам... он не хотел ехать сам... играть на бильярде».

²⁴² *Зач.*: вздохнул еще и, опустив голову

²⁴³ *Зачеркнуто:* – Лежал, лежал скука. Поеду – отвечал

Musard были посланы отцом для окончания блестящего воспитания. Оба молодые человека по своему положению и воспитанию обращали на себя внимание тогдашнего света.>

* № 7 (рук. № 49).

Пишу о том времени, которое еще²⁴⁴ цепью живых воспоминаний связано с нашим, которого запах и звук еще слышны нам. Это время первых годов царствования Александра в России и первых годов могущества Наполеона во Франции.

Время²⁴⁵ между французской большой революцией и пожаром Москвы, то самое время, когда революция²⁴⁶ эта перестала быть идеей и стала силой, уже не спорившей, не доказывавшей, но материально дававшей себя чувствовать каждому, как²⁴⁷ подземный огонь, переставший светить, но начавший разрушать беспричинно и бессмысленно, как это казалось людям того времени,²⁴⁸ то время, когда карта Европы перерисовывалась каждые две недели различными красками, голландцы, бельгийцы, итальянцы и маленькие немецкие народцы решительно не знали, какому политическому богу кланяться, в то время, когда маленький человек, в сереньком сертучке и круглой шляпе, с орлиным носом, коротенькими ножками, маленькими белыми ручками и умными глазами, воображал себе, что он делает историю, тогда как он был только самый покорный и забитый раб ее, когда этот человек старался раздуться в соответствующее, по его понятиям, величие положения и, несмотря на умную и твердую натуру,²⁴⁹ при первом прикосновении земного величия, человеческой лесты и поклонения, потерял свою умную голову и погиб,²⁵⁰ надолго еще оставаясь для толпы чем то страшным и великим.

Видали вы ребенка, которого посадил старый кучер рядом с собой на козлы и позволил ему держаться за вожжи, воображая, что он правит лихой и могучей тройкой. Кони бегут быстрее и быстрее, дорога скользит под ногами, топот сливается в один одуряющий гул, брызги летят из под копыт, ветер режет лицо, развеивает волосы и срывает шапку, дух захватывает; милому мальчику весело, он боится, но перенимая у ямщиков, представляет вид лихого, покрикивает, махает рученками.²⁵¹ Бедняжке кажется, что он всё делает, что он единственная причина быстроты, с которой несется тройка, он смутно верит этому, но с презрением и гордостью поглядывает на воза и пешеходов, и²⁵² несется всё шибче и шибче, прохожий любит на бедного мальчика и похвалами разжигает его, но лошади несутся²⁵³ еще шибче, мальчику жутко, он закрывает глаза, и старый кучер берет вожжи, «Довольно, будет с вас, барин», и кучер остановил лошадей, «а вы подите к нянюшке».

«А правда, что я так правлю, как самый лучший ямщик! Лучше всех на свете?»

«Правда, правда. Ступайте, будет».

²⁴⁴ *Зач.*: живо в памяти живых людей, время, которое

²⁴⁵ *В начале страницы*: В то время, когда после неслыханного во Франции. Читая историю, для нас стирается жизнь того времени настоящая и остаются уродства. Главное исчезает бесследно. Лучшие люди не те, которые *Зач.*: В 1805 году в одном из покоев еще старого дворца в Петербурге, у фрейлины императрицы Марии Феодоровны собралось небольшое общество <и разговор зашел о предстоящей войне> родных и близких знакомых. Сидела старушка, екатерининская штатс-дама, хозяйка покоев, ее дочь, фрейлина императрицы Марья Феодоровна княжна Анна Зологуб <известная своей любезностью и умом всему Петербургу>, известная своей красотой приезжая из Москвы дебютантка <в свете зимы 1805-го года москвитянка Марья>, молоденькая барышня Мари Корсагова <приехавшая из Москвы с своей теткой>, княгиня Анна Алексеевна, тоже москвичка, и князь Василий Безбородков, любимец государя, отец <Annette Sologoub> фрейлины и муж штатс-дамы. Это было в 1805 году.

²⁴⁶ *Зачеркнуто*: повидимому задавленная и отцветившая, воплотилась в силу и давала каждому и каждую минуту

²⁴⁷ *Зач.*: разрушение землетрясения, которого огонь уже потух, но обломки скал и стен еще давят людей, как будто

²⁴⁸ *Зач.*: Это было в

²⁴⁹ *Зач.*: начинал теряться и гибнуть, как человек, оставаясь для толпы великим владыкой и полководцем

²⁵⁰ *Зач.*: как человек.

²⁵¹ *Зач.*: Бедняжке страшно, но он храбрится, притворяется спокойным и привычным лихачем ямщиком.

²⁵² *Зач.*: гонит

²⁵³ *Зач.*: только так скоро, как хочет того

²⁵⁴ То самое время, когда у нас в России человека с маленькими ручками и орлиным носом звали Буонапарте, как научили нас тому эмигранты, составлявшие украшение наших гостиных, когда в дипломатических актах называли его «cet homme»,²⁵⁵ когда отвращение к святотатцу, осквернившему престол святого Лудовика и мученика Лудовика, соединялось с презрением к нему, в то время, когда после убеждения, что он не посмеет... он вдруг посмел схватить в чужом городе, невинного и влюбленного, счастливого юношу и велел во рву убить его, как собаку, за то, что юноша этот был родня королю мученику. То время, когда le duc d'Enghien и la catastrophe, le meurtre, l'abominable meurtre d'Ettenheim²⁵⁶ был на устах каждой чувствительной особы высшего круга, в то время, когда молодой, любезной, красивой монарх Александр I²⁵⁷ решил устроить судьбы Европы, остановить les envahissements de cet homme,²⁵⁸ заключил союз с Австрией и решил, что, победив Буонапарте,²⁵⁹ в победе нельзя было сомневаться, французам будет предоставлена свобода избрания того образа правления, который они найдут для себя лучшим, и купленные имения эмигрантов останутся в руках владельцев. Всё было тонко предвидено. Опять ехала другая тройка навстречу и правил ей опять не тот кучер, которого все видели на козлах, а всё тот же старый, старый старик, везущий по своему и правящий миром со времен Алкивиадов и кесарей.²⁶⁰

Но не Наполеон и не Александр, не Кутузов и не Талейран будут моими героями, я буду писать историю²⁶¹ людей, более²⁶² свободных, чем государственные люди,²⁶³ историю людей, живших в самых выгодных условиях жизни,²⁶⁴ людей, свободных от²⁶⁵ бедности, от²⁶⁶ невежества и независимых, людей, не имевших тех недостатков, которые нужны для²⁶⁷ того, чтобы оставить следы на страницах летописей, но глупой человек не видит этих следов, не выразившихся в мишурном величии, в книге, в важном звании, в памятнике, он видит их только в дипломатическом акте, в сражении, в написанном законе.²⁶⁸ Он видит их только в том насильственном зле, которому суждено нарушать спокойное течение человеческой жизни, и он записывает эти события в свою летопись, воображая себе, что он пишет историю человек. Люциан Бонапарт был не менее хороший человек, чем его брат Наполеон, а он почти не имеет места в истории. Сотни жирондистов, имена которых забыты, были еще более хорошие люди. Сотни и тысячи не жирондистов, а простых людей Франции того времени были еще лучшими людьми. И никто их не знает. Разве не было тысяч офицеров, убитых во времена войн Алек-

²⁵⁴ *Зач.*: <Но> То, что я хочу описывать. Это было в

²⁵⁵ [этот человек.]

²⁵⁶ [герцог Энгийнский и несчастное событие, убийство, отвратительное убийство в Эттенгейме]

²⁵⁷ *Зачеркнуто*: после Павла сосредоточивший на себе все надежды России

²⁵⁸ [завоевания этого человека.]

²⁵⁹ *Зач.*: (победа была несомненно, так как коалиция имела более 600 тысяч войска)

²⁶⁰ *Зач.*: <Всё только и гов[орило]>. Как и всегда бывает, государство готовилось к войне, но очень, очень мало людей заботилось узнать и обсудить причины и случайности войны. Собирали рекрут, играли в бостон, женились, ссорились, богатели и разорялись.

²⁶¹ *Зач.*: героев не менее

²⁶² *Зач.*: человеческих

²⁶³ *Зач.*: таких же, как все мы, людей общества

²⁶⁴ *Зач.*: для борьбы и выбора между добром и зло[м], <для> людей, издевавших все стороны человеческих мыслей, чувств и желаний, людей таких же, как мы, могших выбирать между рабством и свободой, между образованием и невежеством, между славой и неизвестностью, между властью и ничтожеством, между любовью и ненавистью.

²⁶⁵ *Зач.*: боязни

²⁶⁶ *Зач.*: предрассудков и имевших право считать себя [?] равными всякому. В таком положении находилось в начале нашего века русское дворянство.

²⁶⁷ *Зач.*: славы, живших, страдавших не как герои, а как люди, но имевших те свойства, которые нужны

²⁶⁸ *На полях рукописи*: Сцена с женой. Один – жесток. К[нязь] В[асилий] в Москве и при смерти подл. Переписка о войне, война во всем. У К. по старому.

сандра, без сравнения более храбрых, честных и добрых, чем сластолюбивый, хитрый и неверный Кутузов?

Разве присоединение или неприсоединение папской области к французской империи на сколько-нибудь могло изменить, увеличить или уменьшить любовь к прекрасному работающего в Риме художника? Или изменить любовь его к отцу и к жене? Или изменить его любовь к труду и к славе?

Когда с простреленной грудью²⁶⁹ офицер упал под Бородиным и понял, что он умирает, не думайте, чтоб он радовался спасению отечества и славе русского оружия и унижению Наполеона. Нет, он думал о своей матери, о женщине, которую он любил, о всех радостях и ничтожестве жизни, он поверял свои верования и убеждения: он думал о том, что будет там и что было здесь. А Кутузов, Наполеон, великая армия и мужество россиян, – всё это ему казалось жалко и ничтожно в сравнении с теми человеческими интересами жизни, которыми мы живем прежде и больше всего и которые в последнюю минуту живо предстали ему.

Историки – *les chroniqueurs des fastes de l'histoire*²⁷⁰ – видят только выступающие уродства человеческой жизни и думают, что это сама жизнь.²⁷¹

Они видят²⁷² сор, который выбрасывает река на берега и отмели, а вечно изменяющиеся, исчезающие и возникающие капли воды, составляющие русло, остаются им неизвестны.

В придворном кругу только чувствовалась война и принималась к сердцу. В старом зимнем дворце все фрейлины судили о войне.

²⁷³ Одна фрейлина отпросилась у императрицы на <нынешний> вечер для того, чтобы сразу принять своих приятелей, приехавших из Москвы, и потолковать о войне. Она была свободна, что редко случалось с нею. Ее ум и любезность слишком нужны были при дворе и слишком к ним уже привыкли, чтобы обходиться без нее... Она не была из тех фрейлин, которые только надетым в торжественные дни шифром отличаются от других смертных, она не была одною из сотни, она была одна из двух-трех любимых приближенных. Говорили, что она имеет большое влияние, хотя она собственно была ничем, но все друзья ее и постоянное общество были могущественнейшие люди мира. Она давно уже забыла о том, фрейлина она или нет. Шифр она получила²⁷⁴ пять лет тому назад, и быть не на выходе и не на балах, а *en petit comité*²⁷⁵ коронованных лиц стало ее привычкой. Она была умна, насмешлива и чувствительна и, ежели не была положительно правдива, то отличалась от толпы ей подобных своей правдивостью. Она гордилась своим *franc parler*,²⁷⁶ но что она была по душе, никто не знал. Этот лак высшего тона, скрывающий качества дерева, которое он покрывает, так густо закрывал в ней все ее особенности, что трудно было понять, что за человек эта женщина. Говорила она разумеется не на своем языке, а на французском, и на французском одного известного мира, наследовавшего этот род языка от дворов Людовиков. На выражение каждой мысли, даже каждого чувства, были свои готовые, грациозные и красивые, формы, и естественно, что она употребляла их, придавая им, как умная женщина, свой личный характер. Отношения с Анет

²⁶⁹ *Зачеркнуто:* <Раевской> Тучков.

²⁷⁰ [летописцы выдающихся событий истории]

²⁷¹ *Зач.*: [а сама жизнь] ускользает от них и суждения их о всей жизни, основанные на ее уродствах, всегда ложны. Они хотят исследовать течение реки по берегам ее.

²⁷² *Зач.*: яры, заливы, мысы и выбоины берегов, но <вода течет> не понимают и не знают реки. И ежели берег отступил или выступил, подмыт или занесен песком, то вода оттого ни прозрачнее, ни мутнее, ни холоднее, ни теплее, ни быстрее, ни тише и дно ее также для них неизвестно. Надобно отдаться течению, надо плыть с нею вместе, чтобы сколько-нибудь узнать ее. Какие мы не строили берега и как бы не изменяли их, вода течет <вечно и вечно и вечно> все также изменяется, и мы – капли этой воды, вечно исчезающие и вечно возникающие.

²⁷³ *Зачеркнуто:* Хозяйка дворцовой комнаты

²⁷⁴ *Зач.*: 15

²⁷⁵ [в тесном кружке]

²⁷⁶ [прямотой,]

Б. были самые приятные для того, кто умел держаться в формах того искусственного мира, но под этими формами таилось неизвестное, и тот, кто бы захотел узнать это неизвестное, выйдя из условных форм, непременно показался бы сам себе грубияном.²⁷⁷

Она и всё общество говорило по французски.

– Я достаточно стара, – говорила она, – чтобы принимать мужчин к себе, не правда ли,²⁷⁸ княгиня? И потом лучше я не могла воспользоваться своим отпуском, как собрав вас всех к себе. Я одним камнем делаю не два, а четыре удара,²⁷⁹ дядя,²⁸⁰ и вы, мой милый²⁸¹ Basile, – обратилась она к сухому камергеру с звездой, —²⁸² и милая кузина (это обращалось <к дочери князя В.> молодой²⁸³ девушке). Il faut que je la produise cet hiver.²⁸⁴ С этим лицом это было бы грех жить в вашей деревне, называемой Москвой. Вот один случай, когда я жалею, что не замужем. Я удобнее могу produire.²⁸⁵ Сыщите мне мужа – (это к камергеру), – который бы мне не мешал и служил бы удобством вывозить и принимать. А то право, ежели бы не вы, княгиня, – (это обращалось к княгине Анне Алексеевне Горчаковой) – я бы не решилась звать к себе. Ах, у меня будет интересный человек, le comte de Mortemart. Он был auprès de monseigneur le duc d'Enghien,²⁸⁶ этот святой мученик. И потом говорят, что он très bien le jeune homme. Il est allié par sa mère à la princesse²⁸⁷ de Rohan au Montmorency.²⁸⁸

– У нас весь Петербург с ума сходит от него, кроме меня разумеется, и бегаёт за ним. Я не видала его еще. Я просила Александра Д. нынче привести его ко мне. По крайней мере вам не скучно будет. – (К княжне). – Ну что вы скажете о последнем²⁸⁹ поступке этого человека (Буонапарте). – (К князю В.). – Я знаю, вы²⁹⁰ поклялись выводить меня из себя. Неужели вы и теперь после l'envahissement de Gênes²⁹¹ не видите причин к войне?²⁹²

№ 8 (рук. № 51).

Пишу о том времени, которое еще цепью воспоминаний связано с нашим,²⁹³ о времени, когда матери наши в робах с короткими талиями при свете восковых и спермацетовых свеч танцевали²⁹⁴ матрадуры и менуэты, восхищались романами m-me Redcliff и m-me Suza и знали наизусть тирады Racine, Voileau и Corneille, когда отцы наши восхищались мыслями Rousseau и

---

²⁷⁷ *Зач.*: <В этот вечер> Нынче был именно такой грубиян. Это был дядя ее князь В. екатерининской генерал-аншеф. Попадши в немилость императора Павла за дерзкой ответ

²⁷⁸ *Зач.*: тетушка

²⁷⁹ *Зач.*: <разговор ведет> <Оба дяди> потому что и вы мне

²⁸⁰ *Зач.*: по дружбе

²⁸¹ *Зач.*: князь

²⁸² *Зачеркнуто*: а вы мне <дядя> друг, потому что дядя. Ежели бы вы не были дядя, уже верно я бы никогда не имела храбрости узнать вас. (Это обращалось к князю В.)

²⁸³ *Зач.*: даме

²⁸⁴ [Мне надо ее вывозить нынешней зимой.]

²⁸⁵ [вывозить]

²⁸⁶ [граф Мортемар. Он был при герцоге Энгиенском.]

²⁸⁷ *Зач.*: Duchesse de Berry [герцогине Беррийской]

²⁸⁸ [очень порядочный молодой человек. Он родня по матери княгине Роган-Монморанси.]

²⁸⁹ *Зач.*: декрете

²⁹⁰ *Зач.*: дядюшка

²⁹¹ [захвата Генуи]

²⁹² Грубиян князь Волхонский редко улыбался, но тут он улыбнулся.– Я, моя милая, деревенский дворянин и тех тайных пружинок, по которым всё движется здесь, не знаю.

²⁹³ *Зач.*: которого неуловимый характер, запах и звук, соединяясь с особенной прелестью прошедшего и детства, так мило знакомы нам.

²⁹⁴ *Зач.*: котильоны

Voltaire'ом и еще помнили Екатерину, Фридрихов, Суворовых и Потемкиных так, как мы помним Александров, Наполеонов, Мюратов и Кутузовых.

Я говорю о времени первых годов царствования Александра I-го в России и первых годов могущества Наполеона во Франции. Время между французской большой революцией и пожаром Москвы,²⁹⁵ время, когда карта Европы перерисовывалась каждые две недели различными красками, когда голландцы, бельгийцы, итальянцы и маленькие немецкие народцы решительно не знали, какому политическому богу кланяться, то время, когда маленький человек в сереньком сертучке и треугольной шляпе, с орлиным носом и умными глазами воображал себе, что он управляет историей, и старался раздуться в сообразное, по его понятиям, величие положения, представлялся чем то непонятным, то страшным, как антихрист, то смешным и гадким, как мещанин в дворянстве, то великим, как герои древности.

То время, когда у нас в России этого человека <звали> Буонапарте, как научили нас тому эмигранты, составлявшие украшение наших гостиных, и когда в дипломатических актах называли его «cet homme».²⁹⁶ То время, когда le duc d'Enghien et la catastrophe, le meurtre, l'abominable meurtre d'Ettenheim²⁹⁷ был на устах каждой чувствительной особы нашего высшего круга, в то время, когда молодой любезный и красивый монарх Александр I, взойдя на престол после Павла, соединил на себя все те надежды, любовь и преданность, которые подданные так счастливы законно отдавать своим владыкам. То время, когда этот²⁹⁸ рыцарской²⁹⁹ <юноша царь> искренно желал только устроить судьбы Европы, остановить les envahissements de cet homme³⁰⁰ и после победы (в которой никто не сомневался) предоставить самим французам свободу избрания того образа правления, которой они найдут для себя лучшим, так ничего не могло быть лучше и справедливее этого.³⁰¹

Следующий дипломатический акт был уже сообщен несколько месяцев тому назад, сообщен французскому правительству нашим посланником Д'Убриль перед оставлением им Тюлерийского двора.

Около года шли переговоры между Россией, Австрией, Пруссией и Англией о составлении коалиции против Франции.³⁰² Наконец Наполеон предложил сам переговоры о мире и вызвал Россию быть посредницею. В Париж послан был Новосильцев.

---

²⁹⁵ *Зачеркнуто*: то самое время, когда великая революция, воплотившись в военную диктатуру, перестала быть идеей, с которой можно спорить, рассуждать, соглашаться или не соглашаться, а стала силой, с которой надо было не спорить, а бороться или подчиняться ей. Было еще много людей, которые не могли понять, что червячок идеи революции давно уже превратился в бабочку военной силы и что поэтому прошло время рассуждать, а надо драться. Роялисты и монархисты доказывали очень хорошо и победительно, что революция и военная диктатура хуже королевской власти. Все это было очень справедливо, а Наполеон, представитель превращенной идеи революции, в ответ на это взял всех годных французов в солдаты и публично расстреливал принца королевской крови и <говорил всей Европе, обратив сто тысяч штыков из за своих штыков и пушек: ну-ка попробуйте! То время, когда матери наши при освещении восковых свеч> надел на себя императорскую корону и, выставив сотни тысяч штыков, сказал: ну-ка попробуйте!

²⁹⁶ [этот человек.]

²⁹⁷ [герцог Энгийенский и несчастное событие, убийство, отвратительное убийство в Эттенгейме]

²⁹⁸ Зач.: бескорыстный

²⁹⁹ Зач.: горел одним желанием славы для себя и своего народа и презирал еще все дипломатические увертки, руководящие большей частью правительства

³⁰⁰ [завоевания этого человека]

³⁰¹ Зач.: То время, когда Потемкин, Екатерина, Фридрих были еще свежими воспоминаниями, <как теперь Наполеон и Александр, время когда паров не было, прогресс был еще в государственном устройстве, в идеях, когда исторической школы не было, наивно думали, что классики языка и математики были лучшей наукой>, когда поэтами были Расин, Корнель, Гете, в книгах Руссо, Вольтер, Дидерот, романы Staël, Suza. Когда носили робы с короткими талиями, когда мечты о свободе крестьян то же, что коммунизм, когда восковые свечи

³⁰² *Зачеркнуто*: Австрия обещала, медлила и требовала от нас большого количества войск. Пруссия прямо объявила, что нет надежды Европе в войне с Наполеоном остаться победительницею. Англия обещала денег и в число 600 т. свои 7 т. войска. <Англия искала и не могла понять задней мысли русского правительства>.

* № 9 (рук. № 52).

<В то время был в Петербурге знаменитый дом Натальи Львовны Нарышкиной. Дом этот был знаменит не красотой здания, не роскошью убранства, не обедами и ужинами и балами, хотя домик был недурной, между двором и садом, и хотя бывали в нем и обеды, и ужины, и балы, удостоенные часто посещениями высочайших особ, но скромные балы, – дом этот был знаменит своей хозяйкой, высокой, красивой старухой, с умными, проницательными глазами, тонкой улыбкой и строгой осанкой. Старуха эта ничего не делала для того, чтобы быть знаменитой, кроме того, что говорила. Она говорила уже более пятидесяти лет, говорила с Екатериной, с Павлом, с Потемкиным, с Ломоносовым и Державиным, говорила и по русски, но охотнее по французски. Нельзя сказать, что именно говорила эта старуха, в ее речах не было ничего необыкновенного, но она знала, что и когда и как надо сказать, знала, что важнее всего, чего не надо сказать, и перед старухой благоговело всё, что ее знало, а еще более те, которые не знали, но только слышали про нее. <И всё это заслужила она одним разговором.> «Всяк пляшет, да не так, как скоморох, говорит пословица». Всякой говорит, да не так, как говорила эта старуха.>

** № 10 (рук. № 43).

ТРИ ПОРЫ

Часть 1-я 1812-й год.

Глава 1-я. Генерал-аншеф.

Екатерининской генерал-аншеф, теперешний генерал лейтенант, князь Волхонской, отец князя³⁰³ Андрея, в³⁰⁴ 1805 году был еще свежий мужчина <ему было 56 лет>, готовый на всякую деятельность, но лишенный возможности деятельности в привычной ему и единственно понятной для него служебной сфере. Он был в немилости, в которую впал еще при Павле за дерзкой и гордый ответ на предложение государя, не понравившееся князю. Рассказывали, что государь посоветовал ему жениться на г-же Д. и что князь ответил: «за кого же вы меня принимаете, чтобы я женился на вашей б...» При Александре, о котором князь, лично знавший Екатерину и при ней начавший свою службу, имел весьма низкое мнение, князь был хуже, чем в немилости – его забыли. Он был хороший, храбрый офицер – успел отличиться под Очаковым – и генерал был,³⁰⁵ свято исполняющий приказания и того же строго требующий от подчиненных, внушая им своею гордостью и строгостью либо сильнейший страх, либо скрытую насмешку, но особенных дарований³⁰⁶ за ним не полагали, и потому после его воеводства в дальней губернии, куда он был послан, как в изгнание, и из которого он вышел в отставку по болезни, ему поверили, что он болен, и оставили его в покое. Родовое состояние князя было не большое, но, выйдя из службы, он женился на княжне Д.,³⁰⁷ у которой были большие деньги, уехал в свое родовое имение и начал строиться вроде феодальных баронов с башнями и замками, с садами, парками, прудами и фонтанами. В³⁰⁸ 1805 году княгини уже не было на свете. От нее остались³⁰⁹ сын и дочь. Но сын этот женился бог знает на ком, как говорил князь,³¹⁰ и

---

³⁰³ *Зач.*: Вол[хонского]

³⁰⁴ 1805 *переправлено из* 1811.

³⁰⁵ *Зачеркнуто*: тоже не бестолковый, точно

³⁰⁶ *Зач.*: он не имел

³⁰⁷ *Зач.*: Он приобрел огромное

³⁰⁸ *Первоначально было*: 1811.

³⁰⁹ *Зач.*: одна дочь [21 года] 17 лет

³¹⁰ *Зач.*: и молодая княгиня, оставленная им без средств в Москве, по проискам княжны была привезена в Лысье Горы и жила во флигеле. Она была на сносях.

<отец его знать не хотел, хотя> теперь перед кампанией он позволил привезти к себе жену, чтоб не бросить ее на улице, и самому приехать проститься.³¹¹ Князь жил один с дочерью и с француженкой m-lle³¹² Silienne, взятой князем из милости для компании дочери, <летом в деревне, зимой в Москве в собственном доме.>³¹³ Лысые Горы были уж обстроены и обсажены, так что проезжавший по дороге к Москве, от которой³¹⁴ в шестидесяти верстах были Лысые Горы, невольно запоминал место и спрашивал чье. Государь проезжал первый раз: – чье это такое славное именье? – Князя В. – Петра? – Так точно ваше величество. – Аа! – отвечал государь. Князь сам, выезжая кататься на своей парочке, любил выезжать на то место большой дороги, с которой видна была усадьба, и любовался. Он сломал даже конюшню в восемьдесят две сажени длины только для того, чтобы виден был фасад дома с дороги. «Городок!» говорил он сам себе, глядя на свое строенье. Все дела князь делал обдуманно, неторопливо и в высочайшей степени аккуратно, хотя сам никогда не доходил до подробностей и непосредственно не наблюдал ни за чем. Всё делалось из кабинета через управляющего, архитектора и т. п. Одна из деревень его в двести душ была отряжена на подвоз камня и битые кирпича, и работы эти продолжались восемнадцать лет. Мужики, как этой деревни, так и всех других деревень князя, без чувства особенного рабского уважения, благоговения почти, не вспоминали и теперь еще – старики – не вспоминают о князе. «Строг, но милостив был», как и всегда, говорят они. Главное, что чувствуется в их похвалах (тоже, как и всегда бывает), это – благодарность князю за то, что тот, кому они поклонялись и работали, был князь, генерал-аншеф, человек совершенно не похожий на них,³¹⁵ никогда не доходивший ни до каких подробностей, никогда не приравнивавшийся к ним, гордый и чуждый для них. Как бы мне ни не хотелось расстроить читателя необыкновенным для него описанием, как бы ни не хотелось описать противоположное всем описаниям того времени, я должен предупредить, что князь Волхонский вовсе не был злодей, никого не засекал,³¹⁶ не закладывал жен в стены, не ел за четверых, не имел сералей, не был озабочен одним пороньем людей, охотой и распутством, а напротив всего этого терпеть не мог и был умный, образованный и столь порядочный человек, что, введя его в гостиную теперь, никто бы не постыдился за него. Жена его правда умерла рано, он был несчастлив с ней, и он был, хотя и бессознательно, не доволен ее смертью, потому что она надоела ему и он никогда не любил ее, но жена его умерла совершенно своей смертью, и князь пришел [бы] в совершенный ужас и недоумение при одной мысли, что можно желать смерти своей жены. Он был, одним словом, точно такой же человек, как и мы люди, с теми же пороками, страстями, добродетелями и с тою же и столь сложною, как и наша, умственной деятельностью.

³¹¹ *Зач.*: Сын князя, еще бывши девятнадцати лет от рода, послушался отца, выйдя из университета и поступив в гусары. И с тех пор князь сказал, что у него нет сына. Никто не смел упоминать про него. Князь сам раз в год посылал ему <1200 р.> 500 р., и сына действительно не было.

³¹² *Зач.*: Enitienne

³¹³ *Зач.*: M-lle Silienne было 18 лет

³¹⁴ *На полях зачеркнуто*: Брат в своих местах чужой. Занят делами – она порхает. Все равны становятся при ней. Переходил через границу завоевателем, всё покорялось, теперь едет покоряться кондуктору. Кого любит с тем холодна, равнодушный думает, что его взяла. Кокетка шутит, а у него двое детей от доброй любовницы. Со стороны она мила, а нам всё то же. Он знаком с посланником и потому для него несомненно, что все ему будут рады. Но он пакостит, и в палатах люди не рады. Губернской предводитель дворян, столкновение. Дибичь противн. взял в левую руку шпагу. Мальчик в Москве рад свободе, происхидив[шей] от французов. Злодей француз колет и тот же самый на квартире кроткой. Любезничает с пленными и дает им хлеб, а Топчеенке есть нечего.

³¹⁵ *Зачеркнуто*: гордый и сухо[й]

³¹⁶ *Зач.*: даже ненавидел телесное наказание

Князь,³¹⁷ во всем точный и аккуратный, лето и зиму вставал в одно и то же время,³¹⁸ в одно и то же время кушал чай, завтракал и обедал и ужинал.³¹⁹ 12 Октября 1805 года³²⁰ утро было ясное, безветренное, с³²¹ морозом и безоблачное. В полях кругом сада и за дорогой кое-где клетками зеленели полосы взошедших ржей, кое-где стояли отпряженные телеги с семенами, и мужик с севалкой мерно шагал по бороздам и, пощелкивая зерном об севалку, ровно раскидывал рожь по лехам, означенным пучками ярко желтой новой соломы, кое-где скрипели крутые воза, доваживающие бурую гречиху, и краснело свежее гречанище. Скот ходил по сероватому ржаному и желтому овсяному жневью. Выгон и лужки в овражках были застелены рядами льна, и пеньки уж на задах стояли неровно, на половину повыдерганные. Между кладушками на чистых точках шла с утра и до утра молотьба. Мельница, не переставая, молола новину. Крестьяне Лысых Гор, не в обиду будь сказано 19 февраля, работали весело на хороших лошадях и имели вид благосостояния больший, чем какой теперь встретить можно. По большой дороге, проходившей через имение, в густой пыли³²² изредка проезжали экипажи. Экипажи ехали уже в Москву. На станциях был сильный разгон. Помещик шел в Москву и купец из коренной – говорили станционные. Роса уже начинала обсыхать в поле, народ уже начинал подумывать о завтраке, и возившие гречиху забегали напиться в колодцы. А в саду с высокими липовыми аллеями, сквозь которые чуть просвечивало солнце, было свежо и утро.

В семь часов утра на одной из липовых аллей, составлявших квадрат и звезду подле дома, стояло человек восемь людей в камзолах, чулках и башмаках и тупеях с скрипками, флейтами и нотами, и слышался осторожный говор и настройвание инструментов. В стороне от аллеи, закрытый липами во внутренности квадрата, стоял, по крайней мере, столетний ясень, аршина два с половиной в диаметре. Вокруг ясеня были сделаны кругом скамейки для восьми человек музыкантов и пюпитры. Кругом было обсажено шиповником и сиренью, круглая площадка была насыпана песком.

– Проснулся, – прокричал мальчик казачек, пробегая через аллею с посудой горячей воды. Музыканты зашевелились, скрылись за аллею и разложили ноты и, слегка построивши, глядя на капельмейстера, ставшего перед ними, начали играть³²³ одну из симфоний Гейдена. Музыканты были скорее дурны, чем хороши. Князь не был большой любитель и сам в жизни никогда не певал, даже в молодости, но он считал, что ему³²⁴ надо иметь музыкантов, и музыканты у него были. Ровно в семь часов, еще не добились часы, князь вышел с крыльца в чулках и башмаках, в простом сереньком камзоле с звездой и в³²⁵ круглой шляпе и с костылем в руке. Князь был свеж для своих лет, голова его была напудрена, частая борода синелась, гладко выбрита. Батистовое белье манжет и манишки было необыкновенной чистоты. Он держался прямо, высоко нес голову, и³²⁶ черные глаза из под густых, широких, черных бровей смотрели гордо и спокойно над загнутым сухим носом, тонкие губы были сложены твердо.³²⁷ Один из официантов сбегал вслед за ним на крыльцо и подал ему батистовый платок. Он строго взглянул на человека.

³¹⁷ *Зачеркнуто*: был аккуратен, как часы.

³¹⁸ *Зач.*: в 7.

³¹⁹ *Зач.*: 28 августа 1811 года

³²⁰ *Зач.*: день

³²¹ *Зач.*: сильной росой

³²² *В рукописи*: пылью*Зач.*: чуть осаженой утренней росой, прое[зжали]

³²³ *Зач.*: один из секстетов

³²⁴ *Зачеркнуто*: в его положении

³²⁵ *Зач.*: треугольной

³²⁶ *Зач.*: светлые

³²⁷ *Зач.*: Петруша

– Послать ко мне³²⁸ Михаила Иваныча. – Михаил Иваныч был архитектор. Князь прошел в аллее и, заложив руки назад, стал ходить. Музыка играла. Князь любил Фридриха Великого; его история, семилетняя война, анекдоты врезались ему в память. Князь одно время страстно желал быть похожим на него. Серый сюртучек, устройство сада и дома, походка и поза – руки назад, – всё это было давно когда то усвоено им из подражания и теперь сделалось привычкой. Пришел архитектор, молодой почтительный человек, благодетельствованный князем, надел шляпу только тогда, когда князь сказал ему об этом, и всё ходил, докладывая о сделанных работах и выслушивая приказания князя. Когда музыканты кончили пьесу, князь подошел к ним, остановился, достал подаренную ему Екатериной табакерку и сказал спасибо капельмейстеру. Капельмейстер, тоже дворовый человек, объяснил необходимость покупки новых кларнетов. Князь сказал, чтобы он обратился к прикащику. Капельмейстер похвалил за успехи вновь взятого Тишка. Князь велел ему дать гривенник. Капельмейстер отошел, просиявший и видимо счастливый, что удостоился поговорить с князем.

– Принеси мне планы домой, – сказал князь архитектору и, сделав спокойно величественный жест рукой, пошел к оранжереям. Музыканты сыграли еще одну пьесу, потом выслали мальчика посмотреть, где князь, и, узнав, что он в оранжереях, весело болтая, разошлись, кто свиней кормить, кто чулки вязать в официантской, кто работать в саду, так как у всех, кроме музыкантской, были свои должности.

Князь обошел оранжереи, парк, взглянул на работу каменщиков на новой людской – огромном каменном здании. Но³²⁹ остановился посмотреть работу³³⁰ и, не отвечая и не замечая почтительных поклонов всех встречных, вернулся к дому.

– Ну что у тебя там³³¹ пашут, кажется? – сказал он толстому управляющему.³³²

– Под озимый, ваше сиятельство.

– Гм! – и князь прошел дальше. Управляющий без шапки шел сзади, ожидая еще слова.

– Яков, – сказал князь, – что Александра? Совсем здорова? – и князь особенно строго взглянул мельком на Якова. Князь никогда долго не удостоивал никого своим взглядом.

– Нельзя доложить вашему сиятельству, что совсем здорова, – отвечал Яков, – а вставать могут.

– Доктор был?

– Изволили быть, ваше сиятельство. По приказанию вашего сиятельства я спрашивал: могут ли Александра Д. ехать с младенцем до Москвы. Они сказали, что ежели князю будет угодно, то очень можно, хоть завтрашний день. – Князь покосился на управляющего при слове младенец.

– Отправь ее завтра с Павлом в Москву. Приди за деньгами и письмом. Чтобы было хорошо всё! Слышишь?

– Слушаю-с.

– Что набор, назначил?

– Назначены, ваше сиятельство.

– Принеси список.

Князь вошел вверх. Из официантской вскочило несколько человек молодых официантов. Двое из них были музыканты, успевшие уже позавтракать и переодеться. Он прошел в кабинет и написал письмо в Воспитательный дом благодетельствованному им чиновнику о приеме в Воспитательный дом младенца девицы Александры, на письмо, написанное твердым, дело-

³²⁸ *Зач.*: Гри[гория]

³²⁹ *Зач.*: он даже не

³³⁰ *Зач.*: он кинул только общий взгляд

³³¹ *Зачеркнуто*: сено возят

³³² *Зач.*: Сеют

вым, крупным почерком, наложил деньги 100 р., которые сам достал из сундука, и, хлопнув в ладони, кликнул Петрушку, а Петрушка Якова.

Александра была горничная княжны, младенец был сын князя. Это был уже³³³ пятый, и все они, как [этот], были отправляемы в Воспитательный дом, а мать возвращалась назад. Все знали это, но князь делал вид, как будто этого не было, и все делали такой же вид, и когда возвращалась Александра, все сомневались, в самом деле ли это всё было. Дети у Александры начали рождаться полтора года после вдовства князя. Князь не упрекал себя в этом. Всё у него было рассчитано наиудобнейшим образом. В религиозном отношении князь тоже не упрекал себя, потому что для него еще раньше французской революции существовала одна религия разума. Выбрана же была Александра потому, что она была ближе всех и нраву тихого и смиренного.

Отправив Якова, князь почитал еще открытую у него на столе одну из частей библиотеки путешествий, взглянув на часы, нахмурился и позвал.

– Завтрак! И княжне доложить. Она должна быть в саду.

Действительно княжна была в саду. Это был час ее прогулки, и она исполняла это, как обязанность.

2.

Княжна действительно была в саду, и музыка играла. Это было ее время гулять при музыке. Все занятия княжны были расписаны по часам, и княжна должна была строго им подчиняться. M-*lle* Enitienne была восьмая гувернантка, успевшая удержаться у князя больше двух лет. Впрочем, Enitienne была не гувернантка, а *demoiselle de compagnie*.³³⁴ Встав утром в восемь часов, княжна по расписанию должна была заниматься геометрией с Михаилом Ивановичем архитектором, потом она два часа играла на фортепиано, потом она написала письмо приятельнице и в назначенный час пошла гулять под музыку.³³⁵

Тогда носили платья короткие, княжна по желанию князя, находившего неприличным показывать ногу, носила длинное платье *à la taille*³³⁶ темного цвета и ничего, кроме платья, ни косынки, ни пелеринки, это было тоже желание князя.³³⁷ Сухая и высокоплечая,³³⁸ с длинной талией, ее фигура мерно двигалась по аллеям. M-*lle* Enitienne,³³⁹ тоненькая, беленькая и грациозная, в изящном летнем платье, оживленно шла подле и, не умолкая, разговаривала своим грассирующим³⁴⁰ звучным голосом.³⁴¹ День был веселый для княжны, и музыка, и сад, и Enitienne – всё ее радовало. Она мечтала о трио, которое она сыграет нынче вечером. Она говорила о *belle-soeur*³⁴² и пошла к ней. Княгиня переваливалась и тошнила. Доброе было и жалкое существо. Когда княжну пришли звать к князю, она видимо заробела и, входя домой, как всегда перед свиданием с отцом, перекрестилась,³⁴³ прося бога о милости.³⁴⁴ Проходя через двор, княжна заметила экипаж и двух чужих мушкетеров, отъезжавших к флигелю. Князь принял ласково, но за *belle-soeur* начался спор.

³³³ *Зач.*: 4-й

³³⁴ компаньонка

³³⁵ *На полях*: письмо

³³⁶ [в талию]

³³⁷ *Зачеркнуто*: Она была нехороша, полнокровная, румяная и не грациозна. <Длинная> полная

³³⁸ *Зач. во второй редакции*: и немного кривобокая

³³⁹ *Зач.*: свеженькая, хорошенькая

³⁴⁰ *Зач.*: приятным

³⁴¹ *На полях*: О романе, об Александре, о музыке, <о романе>

³⁴² [невестке]

³⁴³ *Зач.*: от страха

³⁴⁴ *Зач. во второй редакции*: Она вошла в кабинет. В это время к дому подъезжал <экипаж> коляска и в коляске сидел высокий, толстый молодой мужчина. Это был ожидаемый Анатолий князь <В.> Ш.

– Ты меня уговорила, а теперь хуже. Говорят, он приедет, а я не хочу его видеть.

– Вы не хотите же, папа, чтобы муж не видал своей дочери? – Он подумал.

– Как хочешь делай, чтоб я не видал его. Иначе в каком бы положении она ни была, ни ее, ни его не будет, как скоро я его увижу.

Колокольчик. Князь нахмурился, позвонил.

– Давайте завтракать и узнай, приди сказать, кто этот невежа.

– Молодые князя Т. с гувернером из за границы, – сказал лакей.

Князь Николай Сергеевич был охотник строиться и, начиная от птички и конюшен с полами, до спальной дочери, всё было отделано прочно, богато, красиво и, главное, отчетливо. Князь не мог перенести вида отбитой штукатурки и, еще хуже, неровного пола, кривой стены. Один раз он приказал перештукатурить целый флигель за то, что, прикинув угольником, он убедился, что угол был не математически прямой угол. Столовая была обширная, светлая комната с итальянскими окнами, с расписанным потолком и дубовыми столами и шкапами. Всё, от стен дома толщиной в два аршина, до ножек стульев и замков шкапов было чисто, тяжело и отчетливо. Было три прибора, и три официанта в кафтанах, чулках и башмаках стояли за стульями, каждый держась за спинку стульев, готовясь посадить барина или барыню и с глазами, устремленными на дверь и лицо князя в то время, как он входил в комнату.³⁴⁵

Дворецкой стоял у буфета. Князь оглянул официантов.

– Митька! поди вниз, проводи господ во флигель, чтобы всё было и скажи, что я прошу к себе. Коли угодно завтракать, отнести туда, пошли Гашу.

– Слушаюсь-с – и Митька полетел, и на его место из официантской, по миганию дворецкого, выскочил музыкант Тишка и стал за стуло княжны. Княжна с m-lle Enitienne вошли вслед за князем. Черные брови князя были нахмурены больше обыкновенного и потому девицы робко остановились.

– Садитесь, – сказал князь. M-lle Enitienne хорошенькими ручками сняла салфетку, разгладила ее и улыбнулась.

– У нас гости, – сказала она.

Князь посмотрел мрачно, но не выдержал и тоже улыбнулся <и стал весело разговаривать.

После завтрака пришли гости с аббатом, оба были дураки. Старший, вялый и ломающийся, второй простой и с плотскими наклонностями. Он начал волочиться за княжной и опротивел ей. Enitienne хорошо приняла его. Князь разговаривал о Наполеоне. Он видел его силу, но презирал его. Ив[ан] удивлялся на пошлости. Аббат презирал революцию, но уважал la capitale du monde.³⁴⁶ Речь о делах с австрийцами. Должны проходить войска. Княжна бежит от гостей к невестке. Невестка, беременная, убежала босиком по росе от тоски и плачет, что тесть ее не хочет знать. Она рожает. Княжна тут. Князь узнает, бежит к ней – сцена. Покамест Ив[ан] соблазняет Александру, Петр Enitienne. Князь переносит твердо и всё приводит в порядок.>

**** № 11 (рук. № 44).**

Княжна ничего не сказала, вздохнула и сошла вниз.

В то время, как княжна писала письмо, музыканты, помещавшиеся в саду за аллею, доигрывали одну из симфоний Гейдена. Князь дохаживал по аллеям свою рассчитанную по шагам четвертую версту, взглянул на огромные золотые часы и направился к дому. Он был как всегда одет по старинному, в чулках и башмаках, в сереньком камзоле, с звездой и в круглой шляпе, с костылем в руке. Князь был мал ростом, весьма свеж для своих лет, и то же выраже-

³⁴⁵ Зачеркнуто: Глаза были устремлены в то время, как входил князь, только в то время потому, что за секунду перед этим флейтист

³⁴⁶ столицу мира.

ние неприступной гордости, которая заметна была в сыне, смягченная молодостью, в старом князе выказывалась сильнее, резче и грубее во всем, начиная от походки и до складки между черными густыми бровями и до тонких неподвижно сложенных губ.

На середине верхней синей от бороды губы его была особенно резко обозначена та черта или овал, который начинающие рисовать всегда так грубо рисуют, рисуя губы. Батистовое белье манжет и манишки было необыкновенной чистоты. Он держался прямо, как столб, шел медленно, и лоб его был так сильно нахмуренный, что глаза его виднелись только снизу, из-под черных густых бровей. Как только он вышел из сада, музыка замолкла. Один из официантов сбежал вперед на крыльцо отворить дверь. Князь взглянул на официанта, как будто осмотрев его с головы до ног и с таким видом, чтобы официант чувствовал, что во власти князя сейчас же уничтожить его. Но князь не уничтожил его, а только процедил сквозь зубы твердым, мужественным и строгим голосом:

– Послать ко мне Михаила Иванова. – Михаил Иванов был отставленный управляющий. Князь прошел в кабинет и сел в кресло. Кабинет такого же тяжелого, но более простого убранства, чем комнаты, который был уставлен дорогими прочными вещами, блиставшими чистотой и новизной надетых на [н]их чехлов [?]. Князь заложил ногу на ногу и, вынув из жилетного кармана подарок Екатерины – золотую табакерку, взяв ее легко между указательным и большим пальцами левой руки, стал вертеть ее, очевидно недовольный, но убежденный в том, что причина его неудовольствия столь ничтожна, что он не может быть расстроен ею. Он ждал, не глядя на дверь.

Высокая в три с половиной аршина дверь отворилась и вошел³⁴⁷ Михаил Иванов. Михаил Иванов был отставленный накануне управляющий, отставный поручик из дворян. Михаил Иванов был из того сословия дворян, называемых коноплянниками, которые по своим вкусам и привычкам ближе стоят к мужикам и дворовым, чем к настоящим дворянам. Он за сто шагов перед князем снимал шапку, не надевши ее иначе, как по приказанию князя, и не иначе называл князя, как «ваше сиятельство». Князь же говорил ему «ты» и называл его Михаил Иванов. Князь в продолжение восьми лет был вполне доволен своим управляющим за его учтивость, ловкость, понятливость, порядок и строгость к народу. Действительно, надо было только видеть, как Михаил Иванов в былое время своего управления, как он почтительно, но твердо нагибаясь, стоял перед князем, впиваясь в него глазами, и, выслушивая каждое слово, приговаривал всегда одинаковым тоном: – Слушаю, ваше сиятельство, – и как потом, возвращаясь домой к народу, потирал лысину или поправлял усы, или, засунув руки в карманы, выставив грудь и преобразившись совсем в другого человека в своем прикащицком флигеле, выходил к народу и толково, неторопливо и споро распоряжался. Надо было только видеть его в этих двух положениях, чтобы понять, какой ловкий,³⁴⁸ сметливый молодчина был этот Михаил Иванов. Жена его была³⁴⁹ крикливая баба, пекшая отличные пироги и варившая вкусную прикащицкую кашу, и мывшая и одевавшая троих детей. Князь прогнал его за то, что в прошлое воскресенье Михаил Иванов позволил себе приехать из города в нетрезвом виде и с колокольчиком, что особенно ненавидел князь. Князь прогневался и велел ему убираться.³⁵⁰

Михаил Иванов явился с тем особенным, жалким видом преступника, идущего на казнь, который обыкновенно имеют люди, прогнанные с места, до тех пор, пока они еще имеют отношения с прежними принципалами. Этот вид выражался и в его приглаженных низко висках, и в ненафабранных но обыкновению усах, и в особенной круглости спины, и в тупом положении ног.

³⁴⁷ *Зачеркнуто:* официант. – Михаил Иванов пришли. – Михаил Иванов? Пусти. – Михаил Иванов был сменен с должности управляющего по жалобе мужика.

³⁴⁸ *Зачеркнуто:* молодой и вполне русской

³⁴⁹ *Зач.*: тихая баба

³⁵⁰ *Зач.*: Хотя князь и раскаивался в своем решении, взятом в минуту горячности, он уж не мог отменить его.

– Ваше сиятельство изволило приказать явиться? – сказал он мягким, искательным и столь почтительным тоном, что он, казалось, этими простыми словами выражал свою вечную готовность всегда и везде раболепно служить и покорствоваться князю и ни в чем никогда не сметь упрекнуть его. Он видимо не робел, хотя и умышленно унижался, и был убежден, что он сумеет обезоружить князя.

– Дда, – сказал князь, тотчас же смягчаясь. – Ты еще не уехал?

Несмотря на складку между бровей, Михаил Иванов знал, что князь уже теперь³⁵¹ не опасен, потому он смело, как будто в душу влезая своим голосом, продолжал.

– Ваше сиятельство, нынче отправляюсь. Я кажется всю жизнь готов положить за интересы вашего сиятельства, но коли я не угоден... – Он замолчал в то мгновение, как увидел, что князь захотел только раскрыть рот. Князь повернул табакерку между пальцами.

– Вот что, братец мой.³⁵² Я слышал, ты поступаешь на службу?

– Так точно, ваше сиятельство. Мне больше ничего не остается после гнева вашего сиятельства, как положить свою голову.

– Это хорошо, братец. За это я тебя хвалю. Царю нашему нужны³⁵³ теперь солдаты. А ты молодец. Это хорошо. – Князь положил табакерку, открыл стол, подле которого он сидел, достал из него горстью пять червонцев,³⁵⁴ сосчитав их своими³⁵⁵ маленькими, сморщившимися, белыми руками и, отвернувшись, подал их Михаилу Иванову. – Вот тебе.

Михаил Иванов взял деньги и придвинулся поцеловать князя в плечо.

– Хорошо, хорошо. Ты знаешь, я не люблю, – сказал князь, отстраняясь.

– Я знаю, что я подлец перед вашим сиятельством, – сказал Михаил Иванов,³⁵⁶ – но ежели ваше сиятельство помиловали бы меня для первого и последнего раза, всю бы жизнь положил.

Князь нахмурился.

– Пустое не говори. Мое слово не переменяется. Ступай. Коли будет нужда, пиши, я помогу. Ступай.

Михаил Иванов, вздохнув, вышел с тем же виновным, убитым видом, с которым он стоял в кабинете, но зато, как только он пришел к себе, где уже вещи его стояли на возах, по тому, как он крикнул мальчику подать трубку и крикнул на жену за неубранный узел, как он простился с старостой и с³⁵⁷ земским, сказав им не поминать лихом, и как, несмотря на его отставленность, бывшие подчиненные почтительно и робко обращались с ним, видно было, что человек этот с своей ловкостью и решимостью нигде не пропадет.

Вслед за выходом Михаила Ивановича вошла княжна своей тяжелой, ступая на всю ногу, походкой. Она, как и каждый день это делала, прежде чем взяться за замок двери кабинета, перекрестилась и прочла молитву о том, чтобы свиданье этого дня было благополучно.

Князь сидел всё в том же положении, вертя табакерку, и настолько в хорошем духе, в котором он мог быть по своему характеру.

Он по привычке оглянул княжну так же, как он оглянул и официантов, перекрестил и дал поцеловать руку и ласково потрепал по щеке.³⁵⁸

– Я нынче жду князя³⁵⁹ Андрея, – сказал князь, чуть улыбаясь. Как у всех людей строгих, улыбка его была особенно ценна и ласкова.³⁶⁰

³⁵¹ *Зач.*: скорее в хорошем, чем в дурном духе

³⁵² *Зачеркнуто*: Ты плут, я знаю, а мне тебя жалко

³⁵³ *Зач.*: люди

³⁵⁴ *Зач.*: ловко

³⁵⁵ *Зач.*: видимо нежными

³⁵⁶ *Зач.*: становясь на колени перед князем

³⁵⁷ *Зач.*: народом, как распорядился

³⁵⁸ *Зач.*: – Андрей нынче будет, – сказал он, <Через полчаса> Ровно в 12 все вышли к завтраку.

³⁵⁹ *Зачеркнуто*: Василья

Княжна молчала и хотела быть весела, повинуюсь отцу, но не могла, так, видимо, она привыкла бояться и грустить.³⁶¹

– Ты как будто не рада?

– Ах, я очень рада, mon père.

– Ну то то. – Князь встал и медленно понес себя из кабинета в столовую.

Столовая была обширная, светлая комната с итальянскими окнами, с расписным потолком и дубовыми столами, с шкафами. На двух концах ее висели: портрет во весь рост владельца князя, от которого вели свой род Волконские, в резной золотой раме, и родословное дерево в такой же массивной и с иголки новой золотой раме.

Всё, от стен дома, толщиной в два аршина, до ножек стульев и замков шкафов было чисто,³⁶² отчетливо и прихотливо. Было накрыто на три прибора и³⁶³ три официанта³⁶⁴ стояли за стульями, каждый держась за спинку трех стульев. Дворецкой стоял у буфета и поглядывал на дверь, ведущую из кабинета.

**** № 11а (рук. № 44).**

<Только на флигель управляющего, согнанного день тому назад, он посмотрел долго и пристально и заметив, что флигель еще был обитаем, он нахмурился и махнул к себе нового управляющего, в почтительном отдалении ходившего за ним.

– Ну что у тебя? Пашут кажется? – сказал он,³⁶⁵ не приступая прямо к интересовавшему его предмету.

– Под озимый, ваше сиятельство!

– Гм... – и князь прошел дальше. Управляющий без шапки шел сзади, ожидая еще слова.

– Як Хыр, – сказал князь, не договаривая. Як Хыр значило Яков Харламов.

– Чего изволите ваше сиятельство? – отвечал управляющий, изгибаясь и подскакивая.

– Рекрут назначил?

– Назначены ваше сиятельство. Не угодно ли вашему сиятельству списочек? – сказал управляющий.

– А где «тот»? – вдруг спросил князь. – Надеюсь, что исчез?..

Михаил Иванов был сосед, мелкопоместный дворянин, пехотный поручик³⁶⁶ Пухлов, управлявший до третьего дня именем князя и прогнанный им за оказавшийся обман в покупке печных заслонок и вьюшек.

Яков Харламыч, видимо, смутился при этом вопросе. Ему вчера вечером было сказано, чтоб духу его не было, а прогнанный управляющий еще теперь был на дворе и укладывался.

Яков Харламыч, бывший земской, был главной причиной смены управляющего. Как всегда бывает в подобных случаях, как только управляющий был прогнан, бесчисленное количество совершенных им злоупотреблений были открыты князю. Но князь, любивший знать все подробности, выслушав все пересказы Якова Харламыча о том, как он господское добро таскал и передавал своим любовницам, и о том, сколько и кто его любовницы, и о том, как он скакал в отсутствие князя в его возке и на его лошадях, князь, выслушав всё это, сказал вчера Якову Харламычу молчать.

³⁶⁰ *Зач.*: Он – сватом.

³⁶¹ *Зач.*: Как сватом, mon père [бабушка]? – Сватом! Он знает, что ты богата. Ему на руку. Ежели сын такая же дрянь, как отец был, то этому не бывать. Отчегож, посмотрим. – Он встал. – Ну, иди, я выйду.

³⁶² *Зач.*: тяжело и

³⁶³ *Сверху строки рукою Толстого написано: два*

³⁶⁴ *Зач.*: в <чулках и башмаках> кафтанах

³⁶⁵ *Зач.*: толстому управляющему

³⁶⁶ Зачеркнуто: Иван Васильев

– Ты знаешь, я сплетен не люблю. Чтоб его не было духа завтра. Слышишь?

– Хотели уехать ваше сиятельство, да что то еще, – отвечал робко Яков Харлампыч, – хотели вашего сиятельства милости просить о чем то.

Князь нахмурился и оглянулся в раздумьи. В это время по дорожке показалась изгибающаяся, с снятой шапкой, фигура прогнанного управляющего, который хотя и, видимо, старался в угождение князю принять испуганный, робкий и униженный вид, невольно шел смело и решительно по направлению к князю.

Пухлов был человек невысокой и не красивый, но видимо твердый. Он изгибался и неестественно, несвойственно своей природе, покорно улыбался, вследствие чего эта улыбка казалась особенно неприятной.

Лицо князя сделалось страшно, когда Пухлов близко подошел к нему.

– Чего тебе? – крикнул князь.

– Ваше сиятельство. Ежели вы меня не изволите жалеть, как я подлым человеком оказался против вашего сиятельства, – начал Пухлов, – то пожалейте жену, детей. Мне ничего не остается, как вновь поступить на царскую службу, как есть военное время. Что может я сложу голову. Я больше того и не стою, но, ваше сиятельство, жена, дети.

– Чего тебе? Я говорю! Як, спроси у него, он мне гадок. – И вдруг князь вышел из себя и близко подойдя к нему и забыв, что он ему гадок.

– Чего тебе еще надо, негодяй? Я бы сделал тебя и детей твоих людьми, да ты украл, пошел вон. Чего тебе?

– Ваше сиятельство, я всем доволен, я не смею быть недоволен. Но, как перед богом, свинья эта была куплена мной на мои деньги и поросята кормлены не господским. Я сам покупал. А сказать все можно.

Князь, не расправляя нахмуренного лба, улыбнулся губами.

– Ты хуже холопа, – сказал он тихо. – Як Хыр! Отдать ему свинью с поросятами и корову мою отдать. Но ежели ты теперь попадешься мне на глаза, или моей дочери, то смотри. – Князь вытянул последнее слово, повернулся и пошел в дверь.

Пухлов всё кланялся, пока князь был в виду, когда же князь скрылся, он надел фуражку и своим решительным, твердым шагом пошел назад, задумчиво обдергивая оставшиеся стручки на акациях.>

* № 12 (рук. № 45).

³⁶⁷ <с утра. Анатолий напомнил его князю Василью, своего отца, в молодости. Князь помнил его дерзость с женщинами.³⁶⁸ И мысль о том, как Анатолий поведет себя с m-lle Bourienne, почему то тревожила его. M-lle Bourienne не была для него ничего, кроме хорошая компаньонка дочери и приятная lectrice,³⁶⁹ живая, веселая, с хорошеньким личиком, уживчивым нравом и приятным голосом. Князь любил задремывать под звук ее парижского акцента. Но³⁷⁰ m-lle Bourienne, взятая еще ребенком, в последние два месяца особенно роскошно развилась, вдруг расцвела во всю красоту, как это бывает с девицами около восемнадцатилетнего возраста (особенно в последнюю неделю m-lle Bourienne похорошела, поживела и преисполнилась каким то девичьим, любовным соком).³⁷¹ Князь заметил обращение с ней Анатолия и вспоми-

³⁶⁷ Начало рукописи не сохранилось.

³⁶⁸ На полях: К вечеру приехал князь Василий, разговор за

³⁶⁹ [чтица.]

³⁷⁰ Зачеркнуто: от того ли, что Александра становилась стара и всё рожала, что было очень досадно, или оттого, что

³⁷¹ Зач.: только князь стал иногда поглядывать на грациозную шейку, пухлые плечики и нынче, когда

нал ее как бы отчаянную, великодушную попытку итти читать ему, его тревожило что то и не давало заснуть. Он встал и пошел в английский сад посмотреть, что они делают.

– Отчего вы одни? – спросил князь.

– Я, я не знаю...

– Опять слезы. Да, я тиран. Я понимаю. То вы бросаетесь на шею мущинам...

– Ah, mon père...³⁷²

– А то вы бегаєте их.³⁷³ Я не говорю: выходи замуж за этого человека. Я не похож на других отцов, дураков. Но я говорю: смотрите, годится он вам, тогда мы подумаем, а вы вперед уж делаете вид жертвы.

– Да я ничего и не думала. Мне просто скучно.

– Вам всегда скучно тогда, когда другим весело. И потом чтож это, – продолжал, разгораясь всё более и более, чем меньше он встречал отпора, как это бывает с людьми раздражительными и привыкшими к власти. – Я не *bévueuse*,³⁷⁴ но чтож это оставить девчонку одну с пове-сой, – говорил он, пользуясь всеми возможными оружиями против бессловесной, испуганной дочери, которая чувствовала, что теперь нашло на отца то расположение духа, в котором он бывает так несправедлив и страшен.

– Что это, распутный дом? И вы меня уверяете, что это ваш друг. Это б.[...], а вы дура, несмотря на всю вашу философию и математику. Я вас выучу. Идите к ним и чтоб я не видал слез. Ну! – Он дернул ее за руку, перевернул и толкнул по направлению к саду, а сам, заложив руки назад, стал ходить по аллее. Княжна не пошла к ним, а, отойдя из вида, села на диванчик из берез с корою и залилась слезами. Анатоль с цветком в бутоньерке, цветущий, сияющий и довольный, возвращался из английского сада, ведя под руку *m-lle Bourienne*, у которой тоже в косе был воткнут поздний левкой. Им было очень весело. Князь не разжимал рта до обеда. Княжна ушла в свою комнату и было послано за доктором. *M-lle Bourienne* ушла к ней. Анатоль пошел в оранжерею и ел десятками персики. Но Лысым Горам³⁷⁵ нынешнее лето и день было счастье на посещение. Перед самым обедом из окон слышались звуки экипажей и высланный Тишка узнать, кто едет, объявил с расстрепанно-радостным видом, что едут молодой князь с княгиней. Княжна не выбежала теперь, а из окна своей комнаты смотрела на приближающиеся два экипажа>.

Старый князь и теперь при предстоящем свидании с сыном продолжал гордиться. Одна его походка показывала, что теперешняя встреча его есть выражение великого снисхождения. Тишка и другие лакеи, окружившие экипаж, почтительно расступились, хотя и никак не могли бы помешать пройти барину. Молодой князь высаживал жену. Он оглянулся на отца, не улыбнулся, ни одним движением не выразил волнения и только, когда маленькая княгиня была на земле, неторопливо подошел к отцу и поцеловал его руку. Отец обнял его и подставил ему еще бритую щеку.

– Вот моя жена и с будущим внуком,³⁷⁶ батюшка, – сказал князь Андрей. – А, Marie. – Княгиня, быстро раскачиваясь, подошла к свекру, поцеловала его руку и, как всегда улыбаясь, начала тараторить. Она говорила, что князь гораздо моложе, чем его описывали, что он *André* в брата годится, что Marie она по письмам любит давно. Князь Андрей в это время был окружен дворней, от целования ручек которой он с трудом мог отбиться. Скоро показалась и Marie, тяжело, неловко, бегом ступая на всю ногу, но так светло глядя на брата и невестку своими добрыми глазами, что ежели маленькая княгиня только к слову сказала, что она ее любит,

³⁷² [Ах, батюшка...]

³⁷³ *Зач.*: Все люди, как люди, только мы

³⁷⁴ [ханжа,]

³⁷⁵ *Зачеркнуто*: большую часть года

³⁷⁶ *Зач.*: mon père

то она теперь должна была истинно полюбить ее. André при отце бывший тем же³⁷⁷ холодно надменным человеком, каким он всегда был, просиял при виде сестры. Глаза его зажглись тем ласковым блеском, который тем приятнее поражал, что он редко показывался.

– Ну, однако, мы сейчас обедаем, – сказал старый князь. – Подите обчиститесь, обмойтесь и приходите, или ты хочешь здесь, Louise, – обратился он к невестке, которая ему видимо понравилась.

– Нет, я приду.

– Помни, что ты здесь дома.

Они еще все стояли на крыльце, когда Анатолий в своем пестром жилете на мощной, выпяченной груди, досмаковывая сочной персик, подошел к ним, поклонился маленькой княгине и, нисколько не замечая того, что он лишний в эту минуту и стесняет,³⁷⁸ вступил в разговоры.

André, не любивший все семейство К[урагиных], сухо обошелся с ним и повел всех в комнаты. Комнаты были убраны³⁷⁹ от полу до потолков зеркалами и персидскими коврами, привезенными князем еще из Турецкой кампании.

Обед прошел стесненно вследствие болезни княжны, присутствия постороннего Анатолия и его приставаний к m-lle Vougienne, которых все старались не замечать, но которые Анатолий, казалось, старался выказывать. С маленькой княгиней он не успел поговорить, так как князь постоянно был занят ею. Андрей уходил в комнату к Marie и они там подолгу о чем то счастливо беседовали и замолкали, когда приходил кто иибудь посторонний.

С вечера приехал губернатор³⁸⁰ и еще два родственника князя. На другой день, предшествованный исправником по починенной для него дороге, приехал в дормезе и князь Василий и имянины князя П. К. были встречены так парадно, как³⁸¹ уже давно не было. Рано утром сделаны были князем распоряжения о столе на десять кувертов, о стерлядях, и при осмотре оранжереи, за оказавшиеся выданные без приказа князя министерскому сыну восемнадцать персиков лучших, был на конюшне наказан садовник и приказано впредь сказать министерскому сыну, что князь дают персики, а никому брать не позволяют. Кроме того сделано распоряжение в девичьей, что ежели, как вчера, будет ночью ходить около дома министерский сын, то вылить³⁸² ему из окна на голову то, что выливают.

–

³⁸³ <Утром в день имянин³⁸⁴ холодный³⁸⁵ князь Андрей, с вечера уговорившись с сестрой, встали рано с тем, чтобы пойти сентиментально сделать странствие по всем любимым местам детства. Сестра была единственное существо, с которым князь Андрей не стыдился показывать всё то, что было у него в сердце. Они пошли в сад под дуб, где у них был воображаемый дворец, за кухню, где потихоньку от отца у них был погреб и они, оставив потихоньку молоко, ставили его на ночь на луг, где они оба (все потихоньку) любили лежать кверху лицами и говорить, что они будут делать, когда будут большие.

– Неужели c'est pour tout de bon,³⁸⁶ что тебе предлагают этого князя К[урагина] в женихи? – спросил он. – Мне жена говорила, я не верил.

Княжна покраснела.

³⁷⁷ *Зачеркнуто:* гордым, надменным

³⁷⁸ *Зач.*: принял рассказывать

³⁷⁹ *Зач.*: цельными

³⁸⁰ *Зач.*: архиерей

³⁸¹ *Зач.*: никогда еще

³⁸² *Зач.*: с верхнего

³⁸³ *Зачеркнуто:* На другой день у[тром]

³⁸⁴ *Зач.*: гордый

³⁸⁵ *Зач.*: на вид

³⁸⁶ [серьезно]

– Да, говорят. – Они были дружны, расположены любить друг-друга, но, долго не выдавшись, между ними было что то лишнее, неясное. Они больше были расположены любить друг друга, чем любили.

Княжна не была откровенна.

– Он не стоит твоего башмака. Я ничего не говорю. Но я бы хотел тебе больше счастья.

– Ах, André, не всем такое счастье, как тебе, моя судьба странная. Я знаю, что mon père любит меня. Но право мне тяжело иногда становится.

– Знаю, знаю.

– Ежели бы я могла уйти куданибудь и посвятить себя богу.

– Зачем мрачные мысли.

– Я вчера говорила с Лизой. Ежели б я меньше других любила, я бы готова была погубить себя и выйти за первого встречного.³⁸⁷

– Ваше сиятельство, – перебил их в этом месте разговор Пухлов, – имею просьбу.

– Кто это? – спросил брат у сестры по французски.

– Papa l'a renvoyé, il a été intendant; on dit qu'il est très méchant.³⁸⁸

Пухлов, унижаясь, стал объяснять, что он не виноват, что на него наговоры и просил заступничества.

Князь Андрей вдруг похолодел.

– Что отец делает, то хорошо и, ежели вы хотите идти в военную службу, России нужны люди, чем унижаться, как теперь дворянину. Извольте идти.

– Слушаю-с, – сказал Пухлов, – а я думал милости, – и ушел.

– Как ты строг, однако, – сказала сестра.

– С этим народом нельзя иначе.

Они вернулись, все встали. После поздравлений и завтрака никто не знал, куда деваться, как это бывает в торжественные дни. Анатолий до неприличия лип к m-lle Bourienne, так что André прямо должен был сказать ему, что это нехорошо>

М-лле Bourienne была в нерешительности: бежать, как уговаривал ее Анатолий, или остаться.

Старые два князя в кабинете имели конфиденциальный разговор о судьбе своих детей (несмотря на то, что министр князь Василий уважал невольно отставленного князя).

– Eh bien, mon Prince,³⁸⁹ – своим скучающим тоном, – у вас товар, у меня купец, comme je vous l'écrivais dernièrement, qu'en pensez vous? Vous avez vu le jeune homme.³⁹⁰

Князь В[олконский] говорил князю Василию ты по старой привычке.

– Ну, что ты хочешь этим сказать?

– Я говорю, князь, согласны ли вы бы были une liaison plus intime entre nos familles, c'est à dire un mariage entre nos enfants.³⁹¹

– Согласен ли я? Это я после скажу. А первое, я предоставляю решить это дочери. Но в этом случае я и спрашивать не стану, твой сын дрянный. Его надо сечь еще, – сказал он решительно.

– Ну, однако.

³⁸⁷ *На полях:* Больше не ув[идит] m-lle Bourienne. Вечно спокоен, а у нее – беспричинная тревога. M-lle Bourienne, si vous voulez rester chez moi, il faut se conduire convenablement [Г-жа Бурьен, ежели вы хотите оставаться у меня, надо вести себя прилично.] Александру соблазнил.

³⁸⁸ [Папа его уволил, он был управляющим, говорят, что он очень злой].

³⁸⁹ [Итак, князь.]

³⁹⁰ [как я вам недавно писал, что вы об этом думаете? Вы видели молодого человека.]

³⁹¹ [на более тесную связь между нашими семьями, то есть на брак наших детей.]

– И даже я тебе очень рад, но сыну ты своему скажи, чтоб он убирался, а то я его выгоню вон. Вот что.³⁹²

– Я знаю, вы вспыльчивы, ну что ж, не будем говорить.

– И не будем, пойдем обедать.

За обедом говорили о войне, то есть все слушали, что наверху стола говорили два князя. Они перебирали корпуса, начальников. Князь Николай Андреич говорил, что набор тяжел, что полководцев нет. Князь Василий заступался за Кутузова. Князь Андрей заступался тоже. Отец его презрительно усмехнулся и стал рассказывать силы, средства и искусство Наполеона, которые он, сидя в деревне, лучше знал, чем он, полковник.

Анатоль напился совсем пьян и, когда отец его позвал к себе и распек его и велел уехать, то он нагрубил отцу и объявил, что он на этом уроде ни за что не женится, и на другой день уехал.

–

Через неделю князь Андрей собирался ехать, коляска стояла у крыльца. Отец проводил его до коляски и долго целовал и сам заплакал. Он не благословлял и сказал даже, что находит это пустяками, что человек всё делает сам, а бог ничего.

– Ну, прощайся с женой.

Маленькая княгиня повисла и огромным животом прижалась к мужу, но и тут она была ему противна. Он чуть не заплакал, прощаясь с Marie. Кирил камердинер вскочил и коляска уехала.

Старый князь не выходил на другой день и был болен.

–

Не один князь Андрей прощался перед войной. Война чувствовалась тогда во всем, полки шли, подводы наряжались, ехали генерал-адъютанты, великие князья и сам государь проехал. Ему чинили дороги. Исправник в имении князя, где была знаменитая грязь, стал [бить]³⁹³ на отчаянность, навозил и раз[возил]³⁹⁴ грязь. Государь прокатил, как по шоссе.

В народе ходили толки о [Наполеоне], говорили, что он уже побил австрийцев. (Как всегда молва предсказывала [это]).

Между помещиками шли отставн[ые]. Пухлов пристроил свою жену к двоюродным и пошел в Азов [и как] провиантский чиновник нажил уже состояние. Письма просительные [за] сыновей надоедали всем генералам. Вся Россия хотела быть адъютантом. Слышно было, что Кутузов с войском уже перешел границу. Гвардия, говорили, выступит. Все подписывались на газеты. Все ждали успеха. Правительство было молодо и все надеялись.

Но хотя дошли слухи о побитии австр[ийцев], слуху этому порадовались. Тем лестнее будет русским побить Наполеона, победителя австрийцев. Вот гвардия великолепная, богатая, прошла с обедами и угощениями, вот государь уж там, курьеры и эстафеты летят чаще, полки ближе и ближе приближаются к границе и все ждут, все ждут, кто новых наборов, кто <победы и славы>.

**** № 13 (рук. № 46).**

<12 Ноября 1805 года русские войска под командой Кутузова,³⁹⁵ сделавшие отступление к Брюнну под напором всей армии Мюрата, в Ольмюце готовились на смотр австрийского

---

³⁹² *Зачеркнуто:* Мне жалко

³⁹³ *Оторван кусочек рукописи.*

³⁹⁴ *Оторван кусочек рукописи.*

³⁹⁵ *Зачеркнуто:* и Багратиона

и русского императоров. Гвардия³⁹⁶ ночевала за³⁹⁷ пятнадцать верст, вступала в Ольмюцкой лагерь прямо на смотр в десять часов утра.

С вечера в армии, стоявшей лагерем, был отдан приказ чистить амуницию.³⁹⁸ Кутузовская армия стояла уже под Ольмюцом, соединясь с Буксевденом, и ожидала гвардию. Лагерь занимал огромное поле, кавалерия занимала деревню. Ночь³⁹⁹ 12 ноября была ясная и с первым морозом не выше трех градусов. В одном из домов предместья города⁴⁰⁰ собралось человек пятнадцать пехотных и кавалерийских офицеров в трактире.

– Господа, завтра царской смотр, гвардия пришла,⁴⁰¹ в часу отсюда, – сказал батальонный адъютант, входя в комнату.

– Врешь! Кто тебе сказал? Приказ вышел? – слышалось с разных сторон.

Офицеры сидели группами. У одного стола метался банк. Банк метал казначей Киевского полка, раненный в руку, понтировал сильнее всех гусарской офицер или юнкер, нельзя было разобрать, потому что шинель была на нем солдатская, с солдатским крестом, а сабля офицерская.

Гусар этот⁴⁰² был⁴⁰³ запачкан и очень молод. Ему было лет шестнадцать на вид.⁴⁰⁴ Игроки, кто лежал, облокотившись лежа на стол, пристально и тупо следя за банкометом записывающим и, придерживая левой рукой над столом колоду, правой загибающим деньги. Кто переминался на месте, кто, оправляя волоса и глядя лицо, отходил от стола и, шевеля губами, прохаживался по комнате, стараясь опомниться, кто рвал понтерки и бил кулаком по столу, кто считал на коленках деньги, кто шутил (как один высокой, старый уланской офицер) старой,⁴⁰⁵ десять лет повторяющейся шуткой, никого не смешившей. Кто требовал вина и в одно время, не глядя, выпивал и, загибая карту, ставил. Банкомет, с раздраженным вниманием собрав все силы, старался спокойно следить за всем. Молодой гусар, стоя у стола и поставив⁴⁰⁶ ногу на скамью, играл весело.⁴⁰⁷ Он играл счастливо, около него на столе лежала хорошая кучка золотых.

– Эй динер! – крикнул он, нарочно по-русски выговаривая ди с тем выражением покорителя, с которым военные любят обращаться к жителям. Банкомет ждал гусара.

– Что будете ставить граф? – спросил он. Гусар не отвечал и заметив, что⁴⁰⁸ хозяин подошел не сейчас к нему, а к двум австрийским офицерам,⁴⁰⁹ которым он нес глинтвейн, он, не отвечая банкомету и не снимая ноги, повернулся к⁴¹⁰ хозяину и в смелых⁴¹¹ глазах его и в особенности в выражении сжатых губ⁴¹² блеснула та черта вспыльчивости и решительности,⁴¹³ которая страшна очень у молодых людей.

³⁹⁶ *Зач.*: остановилась

³⁹⁷ *Зач.*: два перехода и должна была

³⁹⁸ *Зач.*: и готовиться на смотр

³⁹⁹ *Зач.*: накануне

⁴⁰⁰ *Зачеркнуто*: накануне сидели офицеры за столами и играли в карты

⁴⁰¹ *Зач.*: в Линц*Поперек текста*: Молодой гусар поехал один в лунной ночи. Первая женщина.

⁴⁰² *Зач.*: с голубыми глазами и курчавой головой

⁴⁰³ *Зач.*: невысок

⁴⁰⁴ *Зач.*: Он был даже не богат. Это все знали. Но во всей этой толпе офицеров, пехотных и кавалерийских, окружавших банкомета, этот гусар был заметен, как муха в молоке. Он стоял. Большинство офицеров

⁴⁰⁵ *Зач.*: сто

⁴⁰⁶ *Зач.*: стройную, маленькую

⁴⁰⁷ *Зач.*: и казался свободен. Эй ты

⁴⁰⁸ *Зач.*: слуга

⁴⁰⁹ *Зач.*: сидевшим за другим столом

⁴¹⁰ *Зач.*: слуге

⁴¹¹ *Зач.*: глазах в слишком смелых, почти наглых

⁴¹² *Зач.*: которые в углах всегда оставляли складку, черту насмешливости

⁴¹³ *Зачеркнуто*: ни перед чем не отступающая и перед которой всегда покоряются люди.

– Динер, – закричал он. – Ну!.....⁴¹⁴ Хозяин всем телом повернулся, расплескал глинтвейн и подошел к нему.

– Вот так то! – сказал он. И начал по немецки⁴¹⁵ вполне хорошим выговором. – Hören Sie mal... bringen Sie mir... Nu, was soll ich nehmen... – Он видимо нарочно медлил – ну, ich will nichts. Gehen Sie.⁴¹⁶ – Хозяин ушел. В это время вошел офицер с известием о приходе гвардии. Опять банкOMET ждал, потому что граф гусар прислушался и стал расспрашивать, где ночует гвардия и какие полки, пришел ли Измайловский. БанкOMET раздосадовался.

– Я мечу. Готово.

– Измайловский пришел? Вы говорите, в стороне за городом? – расспрашивал он. – Атанде, – проговорил он, видимо на что то новое решившись. Гусар счел свои золотые. – У вас сколько в банке?

– Вот видите, – отвечал с досадой раненный банкOMET.

– Сочтите, – повторил гусар.

– 2300 гульденов, да вот запись 1800... – сказал банкOMET недовольный, но однако исполняя требование противника.

– Ну, запись... ваше дело, – сказал гусар, видимо практичный в игре, несмотря на свою молодость.⁴¹⁷ Он отсчитал из своих золотых столько, сколько было на столе, поднял с полу валявшуюся понтерку, это была семерка, и двинул всё на середину стола.

– Два с боку, – сказал он, оставшиеся от его денег два золотых положил в карман и надел фуражку.

– Бита, – сказал кто то. Граф повернулся и пошел в лагерь.

– Соколов, поедem к гвардии, – крикнул он одному Павлоградского полка офицеру.

– Поедем! – Они вместе стояли в палатке. Соколов согласился. Только что они вернулись в грязный лагерь в свою палатку, загроможденную двумя кроватями, одной на колушках, другой на выюках, и Простой велел седлать лошадь, казачьего подьездка, как вошел вахмистр и доложил, что эскадронный командир велел готовиться к⁴¹⁸ завтрашнему смотру.

– Нельзя ехать, Простой.

– Вздор, коли бы драться так так, а то смотр, чорт его дери, я поеду, ты оставайся.

– А спросят?

– Ну говори, что хочешь.

– Ну чтож, ты выиграл или проиграл?

– Вот, – сказал Простой, показывая, – два червонца только осталось. А много был в выигрыше, чорт с ним. Марков, – обратился он к вахмистру, – на, выпей водки.⁴¹⁹ Коли я не поспею, скажи что болен. – Он сел на⁴²⁰ старую казачью лошаденку и нагайкой погнал рысью по каменистой, освещенной месяцем дороге к Ольмюцу.

В темноте приехал он к деревне, в которой стояла гвардия. Два раза его не хотели пропускать⁴²¹ часовые, но он объявлял, что он послан к великому князю, раз он наткнулся было на самого великого князя и наконец попал по показаниям солдат на кашеваров Измайловского полка, узнал, где 4-я рота, и добрался наконец до⁴²² квартиры прапорщика князя Горчакова.⁴²³

⁴¹⁴ *Зач.*: и он испустил солдатское ругательство и гнев заблестел в его лицо и всей его фигуре. Слуга

⁴¹⁵ *Зач.*: отличным

⁴¹⁶ [Послушайте-ка... подайте мне... ну, что мне взять... мне ничего не нужно. Ступайте.]

⁴¹⁷ *Зач.*: Ва банк

⁴¹⁸ *Зач.*: на ученье

⁴¹⁹ *Зачеркнуто*: Да смотри, приготовь мне к завтрашнему <мундир> смотру лошадь, как хочешь.

⁴²⁰ *Зач.*: плохую полковую лошадь и пустился

⁴²¹ *Зач.*: сквозь цепь

⁴²² *Зач.*: палатки

⁴²³ *На полях*: – Где князь Горчаков? – спрашивал он. – Нет такого, в 3-м батальоне спросите, там князей много. – Э, Вален-

**** № 14 (рук. № 46).**

Не один князь Андрей тогда простился с семьей, оставил беременную бесчувственную жену и весело и бодро скакал куда то туда, где ему казалось, что его ждет слава, а где его ждала может быть смерть. Много было семей, оплакивавших своих сыновей, мужей, братьев. Nicolas Простой, еще прежде князя Андрея, с свойственным ему несколько напыщенным энтузиазмом, в гусарском юнкерском мундире, как будто с болью отрываясь, перецеловал мать, сестру, Соню, Лизу и, гремя шпорами и содрогаясь мускулами сильных молодых ног под натянутыми панталонами, сбежал вниз и, говоря всем⁴²⁴ встречным кстати и некстати: «прощай, прощай!», вскочил в телегу и трагически махнул рукой и закричал: пошел!

В день его отъезда J[ulie] O[хросимова] как бы нечаянно случилась у⁴²⁵ Ростовых. Когда Nicolas простился со всеми, она подошла к нему и с восторженной улыбкой подала ему руку:

– Желаю вам славы,⁴²⁶ – сказала она ему. – Я понимала вас и надеюсь, что вы.

Nicolas был в восторженном состоянии, в котором ему хотелось всем говорить значительные речи. Сам не зная почему, он, целуя руку J[ulie], сказал ей таинственным тоном.

– Да, всё узнается, когда придет время. – Nicolas сам не знал, что означала его фраза, а J[ulie] поняла ее по своему и на основании этой фразы писала княжне, что при прощании с Nicolas Ростовым были сказаны важные слова.

Nicolas Ростов догнал полк в Радзивилове и уже с полком выступил за границу.⁴²⁷ Он, хотя и не участвовал, но от товарищей слышал о Кремском поражении Мортье и слышал канонаду, он под Шенграбенем с полком ходил в атаку и упал с убитой под собой лошади. Он испытал весь ужас ночного отступления и всю гордость сознания, что он в числе четырех тысяч удержал сорокатысячную армию Наполеона.

Борис Горчаков стоял с Бергом. Гвардия, как известно, шла, как на гуляньи. Ранцы везли на лошадях, офицерам были готовы обеды везде. Полки шли в ногу и офицеры шли пешком. Так шел Борис с своим товарищем.⁴²⁸ В то время, как⁴²⁹ Ростов, привязав лошадь, как буря ворвался к ним, они чистенькие, Берг в шелковом халате, а Борис в венгерской курточке, которую он купил дорогой, сидели в чистой квартирке, отведенной им, перед круглым столом. Борис на диване с ногами, Берг на кресле, пили чай и играли в шахматы.

– Нет, Юлий Карлыч, теперь я не поддамся, – говорил Борис, – ретируйтесь отсюда с царицей. – Юлий Карлыч держался за царицу и курил из длинной трубки, стоявшей на полу.

– Это что за гром! – сказал он, оборачиваясь, как влетел Федор Простой.

– Ты откуда?⁴³⁰

чук, – отозвался молодой солдат, – в 4-ой роте с капитаном стоит, князь никак?– И то кажись он, спросите [?].

⁴²⁴ *Зач.*: дворовым

⁴²⁵ *Зач.*: Простовых

⁴²⁶ *Зач.*: и поэзии

⁴²⁷ *Зачеркнуто*: Много очарований перестали быть очарованиями, много столкновений и грязных и тяжелых испытал Nicolas, как и все молодые люди, из родительского дома поступающие в военную службу; зато он и много переменялся за эти три месяца. Он убедился, что не все гусары рыцари, что есть между ними подлые люди. Он уже успел проиграться в карты и вызвать на дуэль одного корнета и нагубить ротному командиру. Но натуры, подобные Nicolas Ростову, мало что милы, они понятны большей части людей, и его полюбили товарищи и нашлись покровители. Про дом он в это короткое время совсем забыл и писал только раз, прося поскорее прислать ему проигранные им пять тысяч и обещая не играть больше, но в тот же вечер он проиграл еще три тысячи и писал еще. Nicolas Ростову посчастливилось зато сделать весь знаменитый поход Кутузова, два раза побывать в деле с французами и быть произведенным в офицеры. При нем пришел слух о разбитии и пленении Макка и австрийской армии. Он даже сам видел Макка в Браунау; при нем пронесся слух о том, что Наполеон со всей армией наступает на русскую кутузовскую армию. Он был из первых, видевших в глаза врага при сожжении моста через Дунай.

⁴²⁸ *Зач.*: Бергом, ротным командиром Бергом. Они и стояли вместе.

⁴²⁹ *Зач.*: Простой

⁴³⁰ *Зач.*: Ах, чорт тебя возьми!

– Гвардия? пети зенфан але куше дормир (это говорила дома барышня приживалка, обоим одинаково знакомая), – закричали они друг на друга, говоря глупые слова и помирая со смеху без смешной причины, но только от радости. Берг даже улыбался, хотя чувствовал себя чужим между этими двумя друзьями.

– Ах вы, полотеры проклятые! чистенькие, свеженькие точно⁴³¹ с гулянья, – кричал⁴³² Ростов так громко, что хозяйка высунулась из двери посмотреть на крикуна. – Ну рассказывай, когда видел моих. <Проходили> через Спасское? Что Наташка моя милая?

– Какже мы дневали в⁴³³ Спасском в вашем, – вмешался Берг, – какой прием был войскам от вашей маменьки.

– А, Берг, здравствуйте,⁴³⁴ – сказал Простой, протягивая покровительственно руку штабс капитану гвардии и ротному командиру.

– Видели всех, – отвечал Борис, удивляясь на свободу обращения и на мужественность лица своего старого товарища,⁴³⁵ – но давно, но вот письма и здесь получи, я привез тебе шесть тысяч рублей. А Наташа, Наталья Ивановна, – поправился он, – без тебя совсем другое стала...

Простой подвинул стул, сел верхом на него и рукавом сшвырнул на диван все шахматы.

– Ну их к чорту. Садись, рассказывай. – Борис удивлялся на это армейское молодечество, которое так усвоил себе Простой и которое он теперь перед гвардейцами, как ему казалось, нарочно утрировал. В сущности же теперь только в первый раз сам Ростов, примеряя себя к старым отношениям, чувствовал, насколько он вырос. Всё ему казалось ясно, легко. Он, заставляя удивляться своей развязности, сам в первый раз удивлялся на нее.

– Знают они об наших делах? Знают, что я произведен? – спрашивал он.

– Где же знать, мы только теперь узнали, – отвечал Борис, не переставая любясь [и] улыбаясь на своего⁴³⁶ друга. – Ты был в деле? – спросил он.⁴³⁷

Простой небрежным движением⁴³⁸ тряхнул по своему солдатскому Георгию, выдвинул свою подвязанную руку и улыбнулся.

– Энс, Шенграбен, корнет и представлен в поручики, – прибавил он. Но он тотчас же переменял разговор.⁴³⁹

– Ну, а твой старый пес⁴⁴⁰ Алексей тут?

– Тут.

– Эй! чорт⁴⁴¹ Алешка!

Вошел добродушный и видимо хорошего дома слуга.

– Поди сюда, целуй меня, старый кобель! – И он обнял его.

– Имею честь поздравить ваше сиятельство.

– Ну, давай полтинник за извощика заплатить, – сказал он, напоминая те времена в Москве, как он занимал у старика по гривенникам. Старик, приятный⁴⁴² и приличный всегда, засмеялся.

⁴³¹ *Зач.*: на Невском

⁴³² *Зачеркнуто*: Простой

⁴³³ *Зач.*: в Лысых Горах у князя Волконского

⁴³⁴ *Зач.*: батюшка

⁴³⁵ *Зач.*: они не сердятся на тебя несколько

⁴³⁶ *Зач.*: героя и

⁴³⁷ *Зач.*: – А это что? Кремс, и отступление. Нет, брат.

⁴³⁸ *Зач.*: старого воина

⁴³⁹ *Зач.*: которым он любил всегда капризно руководить по своему. Он всегда начинал говорить об одном, и как только все следовали за ним, он вдруг бросался совсем на другой предмет, переводил всех за собой и опять тотчас же бросался в другое. Теперь он не ответил на поздравление Берга и спросил о старом слуге Бориса.

⁴⁴⁰ *Зач.*: Никита

⁴⁴¹ *Зач.*: Никитка

⁴⁴² *Зачеркнуто*: чистый

– Извольте, ваше сиятельство, офицеру и кавалеру поверить можно, – и стал доставать из кармана.

– О, гвардия на политике [?]. Как я ему рад, этому старине. – Он опять переменял разговор, отвернулся. – Пошли у маркиганта взять шампанского.

Борис не пил, но с радостью достал из-под чистых подушек тощий кошелек и велел принести вина.

– Кстати и тебе отдать твои деньги и письма.

– Давай, свинья этакая, – закричал Ростов, хлопая его по заднице в то время, как он, нагнувшись над шкапулкой, хлопал в ней звенящим английским замком и доставал деньги.

– Ты потолстел, – прибавил Простой.

У Бориса всё, от постели, сапог, до кошелька, чистоты ногтей и звенящего, несломанного замка с секретом шкапулки – отзывалось умеренностью и порядочностью. Он дал пакет, письмо. Простой облокотился на стол, почти повалившись на него, засунул руку в курчавые волосы, комкая их, и стал читать. Он прочел несколько строк, блестящие глаза его потускнели, прочел еще, еще страннее стал его взгляд,⁴⁴³ и вдруг две слезы потекли по его щеке и носу, и он только успел закрыть лицо.

– Я свинья, не писал им, – сказал он вдруг. – Берг, милый мой! Послушайте! Когда вы сойдетесь с задушевным другом, как это животное, и я буду тут, я сейчас уйду и сделаю для вас, что хотите. Послушайте, уйдите пожалуйста куданибудь к чорту. Вы знаете, я от души говорю, – прибавил он, хватая его ласково за плечо и тем стараясь смягчить грубость своих слов. «И как это всё просто и легко», сам себе удивляясь, говорил Ростов, «гораздо лучше так быть со всеми».

– Ах, помилуйте, граф, я очень понимаю, – сказал Берг, говоря как то в себя и раскачивая, вдавливая шею в грудь в знак успокоения.

– Вы к хозяевам пойдите. Они вас звали, – прибавил Борис с своим всегдашним мягким и полным такта обращением. – Вы скажите, что я ужинать не приду.

Берг надел сертук, такой чистой и франтовской, какого не было во всей армии, с эполетами и, сделавшись вдруг красивым офицером, вышел из комнаты.

– Я свинья! Смотри, что они пишут.⁴⁴⁴

«Думать, что ты, мой бесценный Коко, находишься⁴⁴⁵ среди ужаснейших опасностей, свыше моих сил. Ты,⁴⁴⁶ милый мой сын, дороже мне всех моих детей, да простит меня бог.⁴⁴⁷ Да простит тебе бог те слезы, которые я по тебе выплакала и да не даст тебе испытать тех мучений. . .» Далее шли подробности о домашних, советы и приложено было рекомендательное письмо к князю Багратиону. – Ну его к чорту, я⁴⁴⁸ не пойду.

<Вдруг углы губ поднялись выше и выше и Федор Простой улыбнулся, не> сводя глаз с темного угла комнаты, в который он задумчиво смотрел.

– Ну, а m-me Genlis всё та же? А Наташка милая моя? Все тоже? – Он улыбнулся. Борис улыбнулся тоже не насмешливо, не от чегонибудь, а только от радости.

⁴⁴³ *Зач.*: и выражение кротости в губах, несмотря на эту, вечно остающуюся презрительной, складку в углах губ или особенно вследствие

⁴⁴⁴ *Зач.*: «Милый наш друг Федя. Всё забыто. Посылаю тебе наше благосло[вение]». Он показал середину письма: «о том, что было между нами, не будем говорить. Виноват ты, виноват и я, да простит нас бог. А жить с мыслью, что единственный любимый мой сын боится меня, оставил меня с упреком в сердце и оставил меня, чтобы»

⁴⁴⁵ *В рукописи*: находится

⁴⁴⁶ *Зачеркнуто*: блудный

⁴⁴⁷ *Зач.*: Всё забыто и ты опять мой милый, дорогой неоцененный Федя.

⁴⁴⁸ *Зач.*: в пехоту. Б[орис] бы отдал жизнь*После этого позднейшая вставка в текст*: Борис с недоумением посмотрел на друга. – Напрасно, мой друг, а у меня так было письмо от папана к адъютанту Кутузова, князю Болконскому, я переслал, и он тут встречает великого князя и хотел зайти. Что ты не знаешь его? – Нет, я этой дряни штабной не знаю, – сказал Ростов.

– Расскажи про ваши дела.⁴⁴⁹ Нам рассказывали, да правда ли всё...

– Ну, после, а Соня что?

– Ты ее не узнаешь, как она похудела, как она убита, это не тот человек... Напиши ей.

Опять Федор Простой задумался и опять потускнели его глаза.

– Да, – сказал он, – меня все любят, я это знаю, но вот сердце мое знает, что она одна всегда будет любить меня, никогда не изменит. От этого я и мало ценю ее. Все мы эгоисты. Ну рассказывай ты... как вы шли.⁴⁵⁰

Как только Берг ушел, Простой стал другим, более кротким, простым человеком и сбросил с себя всё это прежде выказываемое гусарство, которое, как ни шло к нему, затемняло в нем того доброго, пылкого, честного юношу, которого справедливо любили столь многие.⁴⁵¹

Борис⁴⁵² рассказал про проводы и поход в России и за границей.⁴⁵³

– У нас, надо тебе сказать, две партии: аристократов и плебеев.

– Погоди, вот проберут вас.⁴⁵⁴

Принесли шампанское.

– А мне не хочется, – сказал Простой. – Ну, налей, всё равно. <Это, брат, пустяки.⁴⁵⁵ В первый раз нас пустили под> <Кремсом> Энсом, ну жутко, а потом гадко на других и зло берет. Нет, брат, как мы отступали от... вот это было, я бы вас пустил туда. Мы, брат, бежали, как зайцы, сбились, наш полк попал не в ту сторону>.

– Да как же диспозиция разве вам была неизвестна?

– Э, брат, диспозиция, дислокация.⁴⁵⁶ Бросилось всё, сбилось в кучу, адъютанты скачут, отступать по какой [то Клап]ау, а чорт ее знает, что за Клапау?⁴⁵⁷ Тут атака эта в Шенграбен, тут атака. Лошадь убили и ранили. Ай, ай, – покачав головой. – Ну, хорошо, что привез денег, а то нет. Я просадил на одну немочку. Что за прелесть в Раузнице, когда мы стояли авангардом, она приезжала из Аустерлица, это городишка скверный, она дочь сапожника. Что за пуховики – умора.⁴⁵⁸

⁴⁴⁹ *Зач.*: К нам приезжал ваш адъютант, да я не видал его

⁴⁵⁰ *Зач.*: как вы у моих были?

⁴⁵¹ *На полях*: Не умеет рассказать без лжи, слишком трудно

⁴⁵² *Зач.*: не рассказывал всего похода, он только рассказал, как он был у князя Волконского, как княжна ухаживала за ними, расспрашивала о нем, Простом, и боялась расспрашивать, как потом приехали из Спасского все Простые и он успел пробыть у них восемь часов.

⁴⁵³ *Зач.*: У <нас> меня история была с батальонным командиром Вревским. Он переведен к нам на шею из Преображенского. <Офицеры> Солдаты, надо тебе сказать, вели себя удивительно. Ведь переходы были по сорок пять верст и, несмотря на то, нигде ничего, вдруг этот барин под Краковым послал фуражировать из нашей роты. Я ему сказал, что не пойду, он хотел меня под арест и отправил к полковому командиру. *На полях*: он хвалит русские войска. *Позднейшая вставка в текст*: Важнее и серьезнее всего в его гвардейской жизни, видимо, казалась им стройность, чистота, красота их корпуса гвардейского. Борис улыбался радостно, когда говорил о входах и выходах полка и т. п. Но еще важнее представлялось ему отношение с самим великим князем. <Его боялись, как огня, но радовались на него. Оборвет.> Он с радостью и хвалой рассказывал, как его боялись, как он горяч, но зато если впереди, всё, всех знает, дорожит честью гвардии и уж что хочешь проси. <Он говорил со мной раз. И можешь себе представить. Арнауты, ругал. Ты кто?> Как взбесится, пена у рта. – Арнауты! но зато в добрую минуту что хочешь сделает и уж не даст в обиду.

⁴⁵⁴ *Зачеркнуто*: Да расскажи же, где ты был в первый раз в огне

⁴⁵⁵ *После этого позднейшая вставка в текст*: Выпив вина, Ростов стал рассказывать по просьбе Бориса свои военные похождения. – Сначала Э[нский] мост, – говорил Ростов, – всё переврали, и мост оставили. – И Ростов рассказал выдуманную рассказ атаки, которой не было и не бывало и который он слышал от В[аски] Д[енисова].

⁴⁵⁶ *Зач.*: всё это вздор, ну какая диспозиция? Мы стоим лагерем, у нас перемирие, ждем, скачет дурак какой то, говорит, слышали выстре[л] и пошла писать... Из чего мы деремся? Арк[адий] рассказывал про Энгиенского. Наполеон. Признание в честолюбии. В это время вошел красивый адъютант, князь Волконской.

⁴⁵⁷ *Зач.*: Лошадь у меня захромала. Всё это офицерство трусит, один майор у нас молодец. – Ну, что ты играл? – Немного, до сих пор выигрывал. Только денег нет.

⁴⁵⁸ *Зач.*: Нет, расскажи, как же вы отступали.

Приятеля почти до утра сидели, разговаривая и не обращая вниманья на Берга, который вернулся и лег спать.⁴⁵⁹

– Я изрубил одного⁴⁶⁰ линейца и как он схватился руками за острую саблю, так⁴⁶¹ и ссадил.⁴⁶² Что скверно, брат, это: интрига, интрига и интрига.⁴⁶³ Немцы, – он оглянулся на Берга, – тебе я только скажу, я бы с нашими солдатами разбил бы Бонапарта.⁴⁶⁴

– Ну что Багратион?

– Молодец! Он подъезжал к нам два раза и <спокоен> все равно, как на параде....⁴⁶⁵

– Вот он уже пойдет, – сказал Борис, – стоит только забрать репутацию, а чины тогда можно.

– Ты уверен, что ты будешь главнокомандующим? – вдруг помолчав спросил Толстой.

Борис подумал немного,

– Да уверен, – сказал он, слегка улыбнувшись. – Нет, постой. Я боюсь первого дела. Ежели я не струшу, тогда я уверен, что я всё могу.

– И я думаю часто теперь, – сказал Толстой, – государь ведь может прямо произвести в полковники, ну вдруг убьют полкового командира, всех эскадронных, я один останусь и оставят меня полковым командиром.⁴⁶⁶ – В это время вошел Волконский, двоюродный брат Бориса.⁴⁶⁷ Толстой не знал его, хотя и слышал про него, как про гордого, чопорного, французского юношу рыцаря.⁴⁶⁸ Он не понравился Толстому, красивый, тонкой, сухой,⁴⁶⁹ с маленькими, белыми, как у женщины, ручками, раздушенный и элегантный до малейших подробностей своего военного платья. Он не поклонился никому, искоса презрительно поглядел на Толстова и, когда его познакомили, лениво протянул руку и не пожал руки, а только предоставил свою пожатую. Адъютантик⁴⁷⁰ очень не понравился Толстому, считавшему себя уже обоженным боевым офицером, перенесшим уже много трудов и опасностей. Углы губ его поднялись выше, губы сжались, и Борис с свойственным ему тактом всё время следил за Толстым и незаметно смягчал недоброжелательство Толстого и вызывал В[олконского] на такие разговоры, которые бы не могли зацепить самолюбие Толстого. Толстой был однако поражен и даже почувствовал некоторое уважение этим презрением штабного паркетного молодчика к боевому офицеру, тогда как до сих пор все эти господа, как будто чувствуя свою вину блестящего и выгодного бездействия, всегда заискивали в нем и в ему подобных боевых офицерах, теперь сделавших

⁴⁵⁹ *Зач.*: Толстой совсем забыл войну, службу, товарищество, игру и пьянство. В его воображении с живостью, ему свойственной, ясно стояли лица его детства и юности: семья, соседка Волкова и весь строй мысли того времени. Он на себя и на свою жизнь, рассказывая Борису всё испытанное, смотрел с той точки зрения.– Совсем, брат, нет того, что мы думали. В-первых, страшно, во-вторых, безалаберно, беспорядочно и, в-третьих, жалко. *На полях*: равны Топчеченко [?] и князь Волх[онский]. Ср[авнение] с точки зр[ения] вое[нной] истории, с т[очки зрения] эпич[еской] поэзии и с н[ародной] т[очки] зрения.

⁴⁶⁰ *Зачеркнуто*: chasseur [стрелка]

⁴⁶¹ *Зач.*: гадко стало

⁴⁶² *Зач.*: А главное славы нет и не будет.

⁴⁶³ *Зач.*: У всех одна мысль рагвеніг [возвыситься], общее дело идет, как хочет. Да и видеть нельзя, отчего так или иначе. А мне досадно.

⁴⁶⁴ *Зач.*: Чем страшнее, чем хуже, тем мне ясней дело и тем я храбрее. *На полях*: Борис оставил его мальчиком и находил служакой. Он привирал. Nicolas рассказывает историю Телянина и историю любви при лунном свете. Знаешь, с Sophie это ребячество.

⁴⁶⁵ *Зач.*: Но и у него эта толпа безобразная тунаядцев, адъютантов состоящих, начальников кавалерии, артиллерии и миллион еще, и у каждого обоз, коляски. А как награды, то все им.

⁴⁶⁶ *Позднейшая вставка в текст*: Во время этого рассказа вошел князь Андрей и с покровительственностью, которая очень не понравилась Ростову, взглянул на молодого гусара. Ростов продолжал, краснея и оттого раздражаясь.

⁴⁶⁷ *Зач.*: и сосед Толстова

⁴⁶⁸ *Зач.*: как его звали, и человека с характером, посмевшего против воли отца жениться на бедной, ничтожной дочери помещицы. Он был адъютантом главнокомандующего и теперь ездил в главную квартиру и получил оттуда письмо, извещавшее о рождении сына

⁴⁶⁹ *Зач.*: и женоподобный, элега[нтный]

⁴⁷⁰ *Зачеркнуто*: не бывший в деле и чем то гордившийся

славное отступление. Толстой начал продолжать рассказ о отступлении и несколько раз задевал адъютантов и штабных, говоря, что эти господа, как всегда ничего не делая, получали награды. В[олконский], видимо, нисколько не интересовался всем этим, как будто такие рассказы он слышал бесчисленное число раз и они уж успели ему надоесть.

– Ну что,⁴⁷¹ вы получили письмо? – спросил Борис.

– Получил, – отвечал В[олконский] по французски (он говорил на этом языке с особенным изяществом).⁴⁷² – Все здоровы. В[олконский] развалился на диване с ногами, как будто был один и дома. – Как я устал.

– Ты в чем ездил?

– В карете, гадость страшная, разлом[ило]. Вели мне дать пить.

– Шампанского? Хочешь?

– Нет, избавь пожалуйста, воды дай.

Дав поговорить ему о домашних делах и не обращаясь к Толстому, которого видимо бесило молчание, Борис перевел его вопросом о том, что он слышал в главной квартире, на общий разговор.

– Кутузов говорил, что⁴⁷³ решен[о]⁴⁷⁴ наступать. Буксевден очень смешон. – В[олконский] говорил о всех этих главных лицах, как о хороших ему знакомых, приводя их слова ему и свои ответы.⁴⁷⁵

Толстой сказал о мнении Багратиона, о котором (о мнении) он слышал и которое было противоположно, и тем желая опровергнуть новости В[олконского].

– Ну что Багратион, он хороший рубака, – отозвался В[олконский] с презрением о том, кто высшим лицом казался Толстому – а совет его очень не важен. Да, хотя наступать, не дожидаясь Эссена и пойдут, и наверно Бонапарт нас расколотит.

– Отчего же? – в один голос спросили Борис и Толстой.

– Наверно расколотит, потому что француз первый солдат в мире, а у нас половина армии изменников немцев, а половина диких казаков русских. Там лучший полководец мира, а у нас... – и он в первый раз улыбнулся, улыбка его была очень приятна. «Он должен был очень нравиться женщинам», подумал Толстой.

– Ежели бы мы так все думали, то нам бы надо бежать, как увидим французов, – закричал Толстой, – а мы пока не бежали.

– Еще как бежали то! – опять презрительно улыбнулся В[олконский].

– Мы не бежали, милостивый государь, мы дрались, а побегут те, кого растрясло в карете, и тот, кто боится имени французов.

В[олконский] не ответил и остался совершенно спокоен. Ни одна черта его лица не показала, чтобы он почел себя оскорбленным и удерживался бы. Он презирал мальчишку гусара так искренно, что не мог быть им оскорблен.⁴⁷⁶ И он верно чувствовал себя столь далеким от трусости, что не мог сердиться.⁴⁷⁷

– Наступать надо, – сказал Борис, – потому что иначе он соберет армию из Италии.

– Ох, как расколотят, – как бы про себя и с улыбкой как бы удовольствия проговорил Волконский. – Не нам воевать с Бонапартом.

⁴⁷¹ *Зач.*: ты получил

⁴⁷² *Зач.*: Жена родила сына и благополучно. <Отец> Сестра пишет, что надеется скоро свести отца с женою. Как он хочет, впрочем.

⁴⁷³ *Зач.*: почти

⁴⁷⁴ *Зач.*: Я был у Орлова. Багратион говорил что

⁴⁷⁵ *На полях позднейшие заметки*: Задирает Ростов Готовятся к великому сражению, разговор. Борис, желая узнать, намекает о своем письме Кутузову. Князь Андрей ничего не говорит, как будто не понимает. – Приходи после смотра, поговорим.

⁴⁷⁶ *Зачеркнуто*: Толстой понял

⁴⁷⁷ *На полях*: Не хотел вас бить, у него уже была Вена

– Послушайте, вы дразнить меня хотите, – закричал Толстой, весь красный и уже придумывая, кого взять секундантом, – ежели вы не перестанете срамить свой и мой мундир, я вас заставлю замолчать.

– На дуэли я с вами драться не стану, потому, что это теперь не хорошо. Хоть и разобьют нас, всё надо, чтобы было нас побольше, и потому вы ошибаетесь, что можете меня заставить замолчать. А так я вижу, что вам, герою Браунаского бегства, неприятно это, так я не стану говорить, жалея вас. – И он вдруг так добродушно, приятно улыбнулся, так осветилось его красивое лицо⁴⁷⁸ тонкой и милой улыбкой, что Толстой молча смотрел на него. В[олконский] подал ему руку.

– Не сердитесь, сосед.⁴⁷⁹

Толстой только пожал плечами.

– Eh bien, mon cher.⁴⁸⁰ Ну что твои все? – совершенно свободно перешел В[олконский] к другому разговору. Он все говорил по французски. – Здоровы? тетушка всё у Николая Явленного? Eh comment vont les amours?⁴⁸¹

Он поговорил еще, лениво встал и вышел, почти не кланяясь.

– Устал, спать хочется.

Борис стал извинять своего родственника, уверяя, что он отличный человек, удивительного сердца и характера, рассказал, как он в долг принес себя женщине ничтожной, только потому что считал себя к этому обязанным, но что он горд и странен.⁴⁸²

– Вот кто будет главнокомандующим, а не мы с тобой, – сказал Толстой. – Да что ты мне про него говоришь. Он мне очень, очень нравится.

– Ну, прощай и я. – Толстой сел на свою лошадку и поехал при заходящем месяце опять по каменистой дороге. Совсем другой строй мысли установился в его голове. Все общественные, семейные отношения, забытые им, возникли в его голове. Уже рассвело, когда он приехал, и солдаты чистились к царскому смотру. Пехотные заиграли утреннюю зорю.

–

Тот, кто не знает того чувства, которое охватывает человека, когда он в строю идет или стоит на своем месте, чувствуя себя частью величественного, гармонического, огромного целого и ожидая одного слова или знака для того, чтобы со всей массою, всеми силами действовать в указанном смысле, и чувствует, что он тут такой же, как десять тысяч и все то же, что он – ничтожество и высшее могущество – человек, тот не знает одного из сильнейших чувств, вложенных природой в человека. Это чувство гордости, радости ожидания и вместе ничтожества, сознания грубой силы – и высшей власти.

«Трам тарадам там там», и мерно движутся, блестя на полуденном солнце, тысячи ног и штыков, и движенье это кажется неостановимо и безуильно, как движение солнца. Другая громада штыков, ног и грудей с перевязями стоит неподвижно и ждет знака, чтобы вздрогнуть и ударить в темп по тысячам ремней ружей. Еще громада лошадей, синих ног в стремянах и значков пик движется или замирает. Подрагивая, звонят орудия, дымят пальники и змеей ползет с своим тяжелым и упругим звуком артиллерия. Висят красивыми складками орлы знамен. Перед рядами проносятся панаша адъютантов. Нет людей, а только артиллерия, пехота, конница. Огромные массы и орудия их управления. Каждый член этих громад помнит всё и вполне забывает себя. В этом должно быть и лежит наслаждение. Всё двигается, передвигается, видо-

⁴⁷⁸ *Зач.*: честной

⁴⁷⁹ *На полях*: Приезжай ко мне праздник. Женщина. Первая женщина. Говорит о протекции. Пойдем.

⁴⁸⁰ [Итак, милый мой.]

⁴⁸¹ [А как ваши сердечные дела?]

⁴⁸² *На полях*: Борис говорит: ступай домой, тебе пора.

изменяется и приходит в большую и большую стройность.⁴⁸³ Как Топчеенко зацепил эфесом в поводья, как захромала Мушка и отослана, как разбил зубы молодому солдату фелдвебель за то, что амуниция не чиста, как ящик заехал не в ту сторону и сворочен криком и скачкой, этого всего нет, и не было, и не может быть. Ряды стали – конница, артиллерия, пехота, артиллерия. Гвардия свежая, чистая, и кутузовская армия, щеголяющая ободранностью, неформенностью, и австрийская армия, но всё стройно, все замерло. Вдруг пронеслись звуки генерал-марша. Это не полковые музыканты из жидов играют, а сама армия издает звуки, и не ветер, а сама армия колеблет слегка знаменами, и вот слышался скок сотни лошадей свиты государей, и развеивание их панашей. Тишина мертвая. Но никто никого не видит, кроме государей. Один звук, и не каждый солдат, а армия загудела «здравия желаем», и звук этот не звук [З *неразобр.*] и так⁴⁸⁴

Толстой в кутузовской армии, Борис в пришедшей гвардии – оба стояли на своих местах и испытывали то чувство счастья, которое испытывает всякой живой человек в эти минуты, и смотрели с замираньем на приближающуюся группу императорской свиты. В этой группе скакал на отличной лошади Волконский в блестящем мундире, сидя так же раскисло, но элегантно, как он всегда ходил и сидел. Одно слово, и вся эта громада пойдет и поскачет в воду, в огонь. И нельзя, невозможно не пойти. Громада связана, один влечет другого. Как же не замирать при виде этого приближающегося слова. И как слову этому не чувствовать себя в такие минуты выше всего земного.⁴⁸⁵

– Урра, урра, ура! – гремело со всех сторон (австрийские войска стояли сзади) и при этом потрясающем звуке, который каждый издавал из себя и слышал его подхваченным тысячами голосов, радовалось сердце. Вопрос о том, кто победит при предстоящей войне, казался Толстому несомненным в то время, как он слышал этот стон восьмидесяти тысяч человек на всем огромном пространстве Ольмюцкого лагеря. Так в эту минуту были уверены и все, начиная от государя, молодого, красивого, с своей величественной и приятной миной, благодарившего эти тысячи воинов, одних за поход, других за службу, и кончая последним солдатом. Толстой в первый раз рассмотрел государя, великого князя Константина и австрийского императора. Остановившись против его полка, государь сказал что то по французски австрийскому императору и улыбнулся. Толстой любил государя в эту минуту больше всего на свете и готов был отдать за него жизнь. За что? Не знаю, но это так было. Государь вызвал полкового командира, немца усача, и сказал ему несколько слов. Толстой завидовал ему всей душой. Государь обратился и к офицерам.

– Всех, господа, – (каждое слово слышалось, как звук с неба) – благодарю от всей души. Вы заслужили георгиевские знамены и будете их достойны. – Еще несколько слов солдатам и опять, надсаживая свои гусарские груди, заревело ура. Толстой уж после вспомнил и смеялся, как фланговый гусар, хохол с глупейшей рожей, всегда подававший ему трубку на походе, пригнулся к седлу, покраснел и раздулся от напряженного крика. Толстой всё заметил: государь постоял несколько секунд, как будто в нерешимости. «Как мог быть в нерешимости государь?» но и эта нерешимость показалась Толстому величественною. Генералы, адъютанты переговаривались сзади шопотом, но только тонкая нога государя дотронулась до паха англизированной гнедой красавицы лошади и рука государя в белой перчатке перебрала поводья – государь тронулись и за ними беспорядочно, но грациозно заколыхалось море адъютантов. Смотр кончился, заиграли песенники, офицеры съехались группами, пошли разговоры о наградах, о австрийцах и их мундирах, посыпались насмешки, встречи приятелей гвардейцев с кутузов-

⁴⁸³ *Зачеркнуто:* Все ряды стали и замерли

⁴⁸⁴ *Последняя строка, вследствие ветхости рукописи, прочтению не поддается.*

⁴⁸⁵ *На полях позднейшая заметка:* Раузниц и Аустерлиц были заняты, там девочка. Государь ехал на рыжей кобыле. Ростов завидовал кобыле.

скими войсками, разговоры о Бонапарте и о том, как ему плохо придется теперь, особенно, когда подойдет еще корпус Эссена и Пруссия пришлет резервы. Австрийцов ненавидели так же, как и теперь. Говорили, что нечего бы мараться, эти несчастные четырнадцать тысяч рекрутов таскать за собой, говорили, что они изменят, как Ностиц и др., и говорили, особенно гвардейцы, что скорее бы, скорее в дело. Все после смотра были уверены в победе больше, чем бы могли быть после двух выигранных сражений.⁴⁸⁶ Когда вернулись в лагерь и солдаты разделись и, выпив порцию, уселись группами у костров, а офицеры, расстегнувшись, уселись у палаток и занялись, кто картами, кто венгерским, Борис зашел к Толстому и рассказывал ему, что его граф Остерман-Толстой звал к⁴⁸⁷ себе в адъютанты. Лагерь 1-й армии имел совсем другой вид, как гвардейской. Солдаты были оборваны, многие босиком, офицеры в самых разнокалиберных одеяниях, из которых главной была венгерка. Товарищество и простота обращения офицеров поразила Бориса. Его приняли, как своего, не обращали внимание на него, как на незнакомого. Он их видел всех, потому что большинство сошлось к Толстому и видно было, что этот юноша успел приобрести к себе немалое уважение. Шесть тысяч, привезенные Борисом от отца, тотчас же пошли в дело. Толстой велел принести⁴⁸⁸ венгерского и повару полкового командира заказал обед. Почти все офицеры собрались к палатке Толстого. Тут был и толстый эскадронный командир, майор, с пухлыми руками, красным носом и щеками, и подбородком, висящими на воротнике мундира. Толстой, с странной для Бориса опытностью и уверенностью, обходился с этим новым для Бориса растерзанным армейским офицерством. Он умел каждому что сказать и умел из шести тысяч заложить банк в тысячу рублей и считать и записывать за двумя понтерами. Толстый майор понтировал, запивая из стакана венгерское, и всё обращался к Борису, которого он видимо любил.

– Э! князь, бросьте вашу гвардию, переходите к нам. Вон он, спросите у него, плохо чтоль жить.

– Отлично! – отвечал Толстой, тасуя карты. – За тобой тридцать, Маслов?

– Ну да, пиши.

Толстому везло ужасно. Денег на столе было много, он был весел и всё угаживал.

– Да что вы, С. И., всё по маленькой? Поставьте, – обращался он к эскадронному командиру.

– Нет, батюшка, это вам хорошо, а нашему брату нынче плохо. Справки по гульдену на овес сбавили, и дачу уменьшить велели. А и так у лошадей животы присохши.

– Ну еще у вас, С. И. – вмешался полковой адъютант, – из всего полка нет исправнее эскадрона.

– Что же делать, ведь на палочке верхом не пойдешь против Мюрата (Мюрат тогда был известен каждому кавалеристу).

– Да, кабы не фуражировочки, – заметил Толстой, улыбаясь и всё играя. Фуражировки, т. е. насильственное взятие сена и овса у жителей, были строго запрещены, но все таки производились.

– Ну, уж ты болтай при начальстве, – сказал С. И., тоже смеясь и моргая на адъютанта. Борис с интересом, не смея еще ни обвинять, ни оправдывать, с своей воздержной рассудительностью и серьезным вниманием, вникал в эти открывшиеся для него настоящие подробности военного дела.

– Ох, молодец ваш вахмистр Назарченко на эти штуки, – сказал кто то из офицеров. – Из под носа увезет стог сена, и коли застанут, так как сердится.

⁴⁸⁶ *На полях:* Nicolas влюблен в государя.Общее торжество и описание стратегически блестящее.

⁴⁸⁷ *В рукописи:* сему

⁴⁸⁸ *Зачеркнуто:* полдюжины

– Как он при мне одного немца в чувства приводил – умора. «Ты, говорит, должен чувствовать, подлец, что мы за тебя кровь разливаем, а тебе клока сена жаль». Я подъехал. Он меня увидал. «Господа и те живота жизни не жалеют, а ты над сеном тресешься». А сам вьюки увязывает.

– Молодчина! – сказал С. И.

– Послушай, пошли песенников! – Игра кончилась. Толстой бросил под подушку мешок с деньгами, он знал, что выиграл около четырех тысяч, и начался кутеж, который тоже в первый раз видел Борис. Он не пил и ему странно всё это было, но хорошо. Песенники играли плясовую. Толстой плясал с другим офицером. Многие были очень пьяны. Во время разгула пришел сам Назаренко и, с свойственной кавалеристам неловкой пехотной выправкой, доложил майору, что по эскадрону всё обстоит благополучно. Ни офицеров, ни вахмистра не поразили их отношения в эту минуту. Одни плясали в одних рубашках, другой стоял на вытяжке. Майор, очень красный, расспрашивал и отдавал приказания обстоятельно. Борис прислушался. Шла речь о захромавшей Желебухе (кобыле), о покупке овса, о наказании рекрута за пьянство. Только что ушел вахмистр, как пришел адъютант, уходящий с начала кутежа, с конвертом.

– Ну, угадайте, господа, что я тут несусь?

– Две трети жалованья? – закричал кто то.

– Нет.

– А не жалованье, так всё равно.

– Вот что, С. И., генерал приказал вашему и Альфонса Карлыча эскадронам выступить к Вишау. Багратион вас просил в свой авангард.

– Я напишу сейчас приказ.

– Генералу угодно, чтоб Бенцель командовал дивизионом. Он хоть и моложе по старшинству, да так угодно генералу, а коли вы не хотите, так он назначит 4-й.

С. И. задумался.

– Оох немцы! – сказал он с комическим, пьяным и искренно грустным вздохом.

– Эй! послать Назаренко!

– Что же, пойдете?

– Известно, пойду. Ну, господа, завтра выступать, доплясывайте скорее, я пойду к себе.

С. И. обстоятельно отдал приказания Назаренко о выступлении, Назаренко обошел коновязи, палатки, приказал⁴⁸⁹ переменить колеса в двух фурах, вспомнил о больных, отдал починить свою шинель портному, выкурил трубку, прикурнул на один час и встал опять до света. Всё это не стоило ему ни малейшего труда, ни усилия. Все умственные силы его были поглощены этим делом, ничего не оставалось лишнего. Когда он курил, он вспоминал, что нужно.

Пляска у офицеров кончилась, поговорили о предстоящем, должно быть авангардном деле, но кутеж возгорелся с новой силой. Пристали к адъютанту прислать музыку. Он отказывался, офицеры собирались депутацию послать просить музыку у полкового командира. Потом опять сели играть. Толстой стал проигрывать. Борис, не прощаясь, уехал к себе.

<Толстой до самого⁴⁹⁰ дела при Вишау три дня играл безостановочно. Он засыпал по утрам, обедал в три и опять садился за карты. Против него образовалась партия из трех человек, после разных перемен счастья к концу третьего дня до последнего гульдена обьягравших его. Уже в новом лагере С. И., у которого Толстой занял денег, обьяснил ему, что они были шулера,⁴⁹¹ и что это ему был урок.

– Так они украли у меня? Я так этого не оставлю.

– Чтож ты сделаешь?

⁴⁸⁹ Зачеркнуто: собрать имущество[во] приготовить

⁴⁹⁰ Зач.: Аустерлицк[ого дела]

⁴⁹¹ Зач.: Толстой пришел

– Изобью его. – И в самом деле Толстой пошел с <кабурным пистолетом к одному из своих игроков и бог знает, что у них было, только на другой же день офицер этот отказался от дуэли, подал рапорт о болезни и уехал в вагенбург в гошпиталь.⁴⁹² Но Толстой всё остался без денег и находился в ночь перед 15-м в том особенно мрачном настроении, с особенной решимостью и ясностью мысли, в которой бывают проигравшиеся люди. Женщин не было, и он мучался и искал. Он ездил за двадцать верст в городок и пробыл там три дня. Приехав оттуда, он одиноко и смиренно сидел в палатке, написал письмо домой, доброе, нежное, которое много радости доставило семье, написал записку Борису, которого он не видал с тех пор, чтобы он прислал ему хоть пятьсот рублей, и сидел у С. Ив.⁴⁹³ молча, когда принесли приказ и диспозицию при Вишау.

– Ей богу, стану служить, С. И., это всё свиньи люди, – произнес он эту решимость и это суждение, имевшие в его понятии самую определенную связь.

Борис, выехав от Толстого, поехал в Ольмюц к Волхонскому, до которого он имел дело.⁴⁹⁴ Дело состояло в том, что богатая связями и светским умением княгиня писала сыну, что Кутузов получил о нем рекомендательное письмо и что ему стоило только явиться к Кутузову, чтобы напомнить о себе. Он не знал, прилично ли бы было это сделать. Князь Василий писал к Кутузову: «C'est un jeune homme de beaucoup de distinction qui a bien fait ses études et qui promet sous tous les rapports. Malgré la conviction que j'ai de la grande quantité de prières de ce genre qui vous accablent, je vous prie de faire quelque chose pour ce jeune homme qui est le fils de la princesse Anne K. que vous avez dû connaître. Tout ce que vous ferez pour lui, vous le ferez pour moi».⁴⁹⁵ Князь В[асилий] был⁴⁹⁶ почти первым лицом в Петербурге и потому такая рекомендация имела значение. Но ловко ли было итти напоминать о себе Кутузову? Это было противно Борису. Он знал, что это нехорошо, но он надеялся, что Волхонский докажет ему, что его сомнения – пустяки и что надо итти, и что он пойдет, и что вследствие этого он будет иметь скоро случай быть в деле и отличиться, тогда как гвардия, бог знает, попадет ли еще в дело. По дороге к Ольмюцу Борис рассматривал эти сады, виноградники, каменные заборы, вдали деревни с крутыми черепишными кровлями, линию Альп вдалеке, встретил несколько жителей, одну женщину на осле и <особенность> ее говора (он спросил у ней дорогу), ее одежды и убор так странно поразили его, только что выехавшего из вполне русского мира гусарского эскадрона, что он не понимал, как это этот иностранный, особый мир не отзовется на русском, а русской на иностранном, тогда как они так близко друг от друга. Он тоже заметил, что жители недоброжелательно смотрели на него, на русского офицера.

Он не застал дома Волхонского и вернулся к Бергу. Через два дня он поехал опять. Генерал, у которого Волхонской был адъютантом, стоял почти в лучшем доме Ольмюца, принадлежавшем коменданту, и занимал с пятью товарищами, ординарцами и адъютантами, огромную залу, в которой прежде танцевали, а теперь стояли пять кроватей, разнородная мебель, столы, стулья и клавикорды, вынесенные откуда то. Два адъютанта были посланы, один у окна в пер-

⁴⁹² *На полях:* Дело с шулером, лезущим на драку.

⁴⁹³ *Зачеркнуто:* ругая

⁴⁹⁴ *На полях:* Не застав дома 15 ч[исла], приехал второй раз. Дожидаются генерал и Ермолов. Борис, как будто старше их, и желает штабной службы. Князь Андрей ведет его в залу, там Н[евский] и адъютанты. – Ну, что ж адъютант? – Да. – Я подумал, пойдем к Долгорукому. По городу Невский или Английская набережная. Совет. Долгоруков впопыхах рассказывает о Вейротере, о фланговом движении, о аккуратности австрийцев. Получено письмо от Савари. Билибин. Советует *usurpateur* [узурпатор]. Впечатление царской квартиры. Тут вся сила, а мы ничего. Выход от [царя] Долгорукова. Волнение Бориса. Встреча с Чарторижским, который презрительно кивает Борису.

⁴⁹⁵ [Это – очень достойный молодой человек, который хорошо учился и во всех отношениях подает надежды. Хотя я уверен, что вы завалены множеством подобных просьб, прошу вас, сделайте что-нибудь для этого молодого человека, сына княгини Анны К., которую вы наверно знавали. Все, что вы сделаете для него, вы сделаете для меня.]

⁴⁹⁶ *Зач.*: министром

сидском халате писал письма, другой был нездоров и разговаривал по немецки с доктором, присевшим к нему на постель.

– Что вам? – спросил писавший. – Князя? Сейчас придет дежурный.

– Нет, мне князя Волхонского.

– А! Он дежурный. Посидите. Хотите курить? – Он учтиво пошевелил стулом и продолжал писать.

У генерала в гостиной происходил случайный почти военный совет, т. е. сошлись самые значительные люди армии и говорили о том, что занимало всех. Тут были два русские генерала, один француз, другой немец, один русский флигель-адъютант и австрийской знаменитый генерал генерального штаба, и хозяин, который любил Волхонского и позволил ему остаться. Пили чай.

Волхонской был в приемной, генералы были в кабинете. В приемной, кроме дежурного адъютанта Волхонского, из входящих, проходящих и выходящих постоянно было человек пять или шесть. То генерал квартирмейстер, то начальник артиллерии, то старший адъютант, то начальник отряда, то обер провиантмейстер, то начальник собственной канцелярии, то адъютант, ординарец, флигель адъютант и т. п. и т. п. Всё это почти без исключения говорило по французски. Австрийской полковник, облокотясь у окна, разговаривал с Волхонским, который таким же, как всегда, распущенным, хотя и застегнутый на все пуговицы, сидел на окне. Волхонской, не вставая, закивал головой Борису, подзывая его к себе, и подал ему руку.

– C'est un cousin et un ami discret,⁴⁹⁷ – сказал он австрийцу, который было замолчал, но, видимо успокоившись молодостью и благовидностью Бориса, продолжал на своем, с немецким произношением, но правильном французском языке.⁴⁹⁸

– У меня до тебя дело, – сказал Борис.

– Сейчас. – Полковник желал видетсья с Кутузовым и объяснить о весьма важных сведениях, полученных им из французской армии, только он желал видеть главнокомандующего одного.

– Очень хорошо, – сказал Волхонской так небрежно и уверенно, что честолюбивого юношу Бориса поразила уверенность и важность своего cousin. – Я доложу нынче же вечером, подождите здесь. – Он отошел с Борисом, и лицо его из официального приняло то дружеское и детски кроткое [выражение], которое обвораживало всякого.

Борис рассказал свое сомнение и спросил совета, итти ли к главнокомандующему или нет?

Волхонской подумал. Он, видимо, был усталый. Он не спал эту ночь, ездивши с приказаниями на аванпосты. Он был так же бел, нежен,⁴⁹⁹ и как всегда, маленькие усики его и волоса были так же прибраны волосок к волоску, но он в день, который не видал его Борис, как будто похудел от сильной болезни, и глаза его блестели лихорадочным блеском, хотя движенья были так же вялы и женственны. Это с ним часто бывало. Он говорил нынче так живо и одушевленно, как не видал еще его Борис. Он подумал и начал:

– Ежели теперь ты явишься к Кутузову и я скажу ему, я ему напомним непременно, он наговорит тебе кучу любезностей или промолчит – какой час найдет. Но ничего не сделает, ты видишь, что это здесь – ярманка.

– Потруди[те]сь подождать, я доложу, – сказал он в это время, почти на ципочках и на вытяжк[у] вошедшему старому генералу, в орденах и с солдатским подобострастным выражением затянутого воротником багрового лица. Генерал улыбнулся и уселся, играя темляком. Борис начинал понимать, что, кроме субординации и дисциплины, есть другая дисциплина и

⁴⁹⁷ [Это – двоюродный брат и молчаливый друг.]

⁴⁹⁸ *На полях:* Совет. Борис всем нравится.

⁴⁹⁹ *Зачеркнуто:* и румян

субординация, более важная для успеха. – Он ничего не сделает, потому что во-первых теперь все заняты и растеряны, как никогда. Немецкая партия требует наступления. Им всё равно, разбиты ли мы будем или нет. Им даже приятно, очень приятно бы это было. Они подводят всё и работают всеми силами. Ты знаешь,⁵⁰⁰ нынче приехал в главную квартиру⁵⁰¹ Вейротер, – прибавил он, но Борис, хотя и сделал вид, что оценивает всю важность этого известия, решительно не знал, что⁵⁰² Вейротер был⁵⁰³ австрийской генерал, от которого ждали всего в главной квартире. – Ну так видишь ли. У нас с утра до вечера то шпионы, то лазутчики. И верить им надо и поверить – может быть беда, каждый верит тому, чему ему хочется верить, (два теперь в кабинете), то спор о том, кому чем командовать. Все хотят побольше славы в будущей победе над Наполеоном. Австрийцы хотят захватить дела, нарочно путают наши диспозиции, бог знает что выдумывают на наши отряды. Каждую минуту нам запросы из главной квартиры государя. Мы не успеваем отписываться. Потом награды войску. Споры, обиды, рапорты, все недовольны, все обижены. Потом проэскты, писанья, нет конца. Что ни немец, то план, как разбить Бонапарта. Вот этот полковник, с которым я говорил, глупее моего Ивана, тоже с проэсктом. И нельзя гонять их, надо приличия соблюдать. Главное наше горе – это фланговое движение. Выдумали немцы, что Бонапарт выигрывает сражения только фланговым движением. *Stratégie*⁵⁰⁴... и не дают минуты покоя. Ежели бы они были одни, Михаил Иларионович мог их прогнать, а теперь нам их присылают из главной квартиры. Там они надоедят, *pour s'en défaire on les envoie chez nous. Le général est d'une humeur de chien et pour ça, mon cher, ce n'est pas le moment.*⁵⁰⁵ Я тебе говорю, как есть. Я знаю, что ты честолюбив. Не отказывайся, это так надо. Ежели бы ты не был честолюбив, я бы никакого участия в тебе не принял.

– Ну, так лучше оставить, – сказал Борис. – Только скажи, есть надежда, оставшись в гвардии, быть в деле? – У Бориса голова шла кругом от нового мира, который он узнавал. Чтоб еще больше поразить и спутать Бориса, Волхонской, находившийся в особенно оживленно говорливом состоянии духа, сказал ему поразительные для Бориса слова.

– Да, ты думаешь, что мы (он разумел главную квартиру) можем тут чтонибудь сделать. Главное, что мы ничтожнейшие теперь люди, мы не только для общего дела, мы прапорщика произвести не можем. Мы – ничто. Да, вся сила там, около государей. Адам, Долгорукий – вот это всё. Ах да, ты должен знать Петра Долгорукова. Твоя мать его очень знала. Пойдем к нему. Это сильнее Кутузова. Там делается и зачинается всё, а мы чернорабочие.

– Да мне ничего не нужно, – сказал Борис, краснея. – Ты меня ставишь в положение какого то искателя, мне нужно было узнать, требовало ли приличие явиться к главнокомандующему после письма тамап. Я только боялся быть неучтивым. А ты...

– Нет, пойдем к Долгорукому, я и так хотел и обещал зайти к нему вечером. – И таким тоном, которой не позволял возражения, он повел с собой Бориса. – Я зайду, скажу князю, что ухажу.⁵⁰⁶ – Он оставил Бориса и вошел в затворенную дверь, прежде для Бориса казавшуюся входом в святилище власти, и теперь, после разговора с Волхонским, значительно упавшую в его глазах. Через пять минут он вышел оттуда. Генерал все еще должен был дожидаться.

– Пойдем, – сказал он Борису и после молчания, улыбаясь, покачал головой.

– Что? – спросил Борис.

Они вошли в адъютантскую комнату.

⁵⁰⁰ *Зач.*: Гаугвиц

⁵⁰¹ *Зач.*: Бонапарта

⁵⁰² *Зач.*: Гаугвиц.

⁵⁰³ *Зач.*: прусский министр, от которого зависело решение вопроса о участии или неучастии Пруссии в коалиции

⁵⁰⁴ [Стратегия]

⁵⁰⁵ [чтобы от них отделаться, их присылают к нам. Генерал чертовски не в духе и поэтому, мой милый, сейчас не время.]

⁵⁰⁶ *На полях*: там [Ермолов] Волков светлый блон[дин]. Получено письмо от Савари, как отвечать: рассказ – *usurpateur* [узурпатор].

– Ну что? – спросил адъютант, писавший письма.

– Четыре немца на плане рассказывают: Бозевиц, Раузниц und endlich⁵⁰⁷ Клаузевиц sammt Austerlitz,⁵⁰⁸ – сказал, улыбаясь и доставая шляпу, Волхонской, передразнивая немцев (слово Аустерлиц тогда еще не имело другого значения, как всякое слово, кончающееся на иц), – а князь закрыл глаза и спит. Его позовут, обратятся к нему, он откроет глаза и знаешь: – да, да, да. Ohne Zweifel!⁵⁰⁹ – Адъютант засмеялся. – Не слышал, курьер скоро едет?

– Должно быть в ночь. – Другой адъютант был граф Б., такой же аристократ, как и Волхонской.

Здесь в первый раз Борис видел знаменитого впоследствии Ермолова. Они только выходили, как вошел огромного роста, полный, с короткой шеей и огромными волосами артиллерийский офицер, с замечательно резким и красивым лицом.

– А князь! – сказал он Волхонскому голосом, который показался неестественным Борису, и с улыбкой, которая показалась еще притворнее Борису. – Мне вам два слова нужно.

– Что прикажете? Вы ко мне или к генералу?

– И к вам, и к генералу, – отвечал Ермолов с иронической и злой, как показалось Борису, улыбкой. – У вас, я знаю, решаются дела Европы, это хорошо. Но ежели моя рота (он командовал конной батареей, называвшейся тогда конной ротой) в предстоящем походе участвовать должна, то ей необходимо укомплектование лошадьми и корм для тех, кои остались. (Разговор происходил по русски). Я писал шесть рапортов о том же предмете ко всем своим ближним начальникам. Доложите, что я получить разрешение желаю.

– Я докладывал генералу, – отвечал сухо Волхонской, – и нынче он вечером приказал сделать распоряжение.

– Сделать распоряжение, – повторил Ермолов с той злою ирониею, которую Борису потом не раз случалось встречать между фронтовыми и штабными офицерами. – А могу ли я узнать, сделана ли диспозиция.

– Я ничего не могу сказать, – отвечал Волхонской сухо и с тем почти французским выговором или французской неловкостью говорить по русски, с которой он говорил невольно и многие говорили притворно.

– Затем имею честь кланяться, милостивой государь, – сказал Ермолов. – Я пройду к генералу.

– Там есть ординарец, – сказал Волхонской. – Вот человек, – прибавил он, – который сделает карьеру, но неприятный.

– Нет, славное лицо, – сказал Борис.

Они перешли только через два дома и вошли в дом, где жила в комнатах с дверьми на коридор свита государя. В коридоре этом они встретили, покуда прошли до крайней двери Долгорукова, человек пять, всё спешивших⁵¹⁰ людей. В том числе встретился светлый блондин и красавчик в адъютантском мундире, которого знал Борис. Это был брат В[олков]ых.

– Bonjour,⁵¹¹ – радостно сказал Борис. Всегда, особенно в чужом месте и где робеешь всего, как робел Борис, [приятно] встретить старого знакомого. – Как вы здесь, давно-ли?

– Bonjour, bonjour, – отвечал, торопливо пожимая руку, Волков. Он пожал очень крепко руку. Это была его привычка. Он всем, хоть бы и самым ничтожным людям, жал крепко руку, чтобы не могли упрекнуть его в⁵¹² пренебрежении; но он был очень важен нынче и так сказал

---

⁵⁰⁷ [и наконец]

⁵⁰⁸ [с Аустерлицем]

⁵⁰⁹ [Без сомнения!]

⁵¹⁰ *Зачеркнуто:* молодых

⁵¹¹ [Здравствуйте,]

⁵¹² *Зач.:* равнодушии

Борису «а, и вы тут», что Борису показалось, он не узнал его. Борис в простоте души напомнил о себе, но это не изменило тон В[олк]ова.

– Очень рад. Вы куда? – и, не дожидаясь ответа, он прошел, гремя саблей.

– Ты знаешь, что с ним, отчего он так тебя третирует *en dessous jambe*,⁵¹³ – сказал Волхонской. – Государь ему сказал нынче несколько слов. Я это люблю наблюдать. Человек, как человек. Вдруг смотришь, совсем испортился. Я всегда уж и добираюсь – кто из царской фамилии с ним говорил.

– А сестра его какая милая! – сказал Борис.

– *Sophie de Volkoff*, – иронически сказал Волхонской, – *m-me de Staël Moscovite*,⁵¹⁴ как же знаю.

– Мой приятель Толстой был влюблен в нее.

– О! у него дурной вкус.⁵¹⁵

Они вошли к Долгорукову. Он стоял у стола с немцем жидом над картой.

– А Волхонской! – закричал он, скорый, живой, здоровый, румяный, молодой, ни секунду не задумывавшийся и, очевидно, очень занятой чем то. Он не дослушал еще, кого с ним знали, или скорее представляли (потому что Борис не мог не заметить, что и Волхонской с Долгоруковым был иначе, чем с другими) и тотчас же пожал руку, и обильной речью обратился к Волхонскому и изредка к Борису. Борис своей милой, тихой наружностью сразу внушил доверчивость и симпатию.⁵¹⁶

– Вот что, *mon cher*.⁵¹⁷ Наш авангард Багратион стоит у Вишау, Бонапарт бежит – *c'est clair*.⁵¹⁸ Его отряд у Вишау прикрывает отступление, этот отряд не больше двух эскадронов. Его надо снять. Понимаешь? Вы понимаете, что это должно быть тайной, – обратился он к Борису. – Вот этот немец привез донесенье. Он был уже у Кутузова, ему не поверили, или не знаю что. Багратион доносит то же самое. Я не понимаю, об чем они думают: оставить убежать Бонапарте. Это я беру на себя. Я доложу нынче государю, не знаю, как решат и, ежели мне только поручат отряд, я отвечаю за всё. Хотите взять сотню лейб казаков?

Волхонской молчал, посмотрел на карту.

– Нет, я верю, мой старый дядя говорил: никуда на войне не напрашивайся, ни от чего не отказывайся.

– Я не понимаю, не понимаю, что с нами делают, – продолжал Долгоруков, садясь. – Можете итти, – прибавил он немцу. – У нас 190 тысяч войска (он прибавил тысяч 20). Мы ждем подкреплений из Венгрии, эрцгерцог в четырех переходах от нас, а мы ждем бог знает чего? Того, чтоб он ушел.

– Государь вас просят, – сказал вошедший камер лакей. Долгоруков закончил еще свою речь, пожал руки обоим, застегнулся и пошел. Придворная память напомнила ему, что он ничего не сказал Борису. Он повернулся к нему и просил заходить и передать поклон матери.

– Постойте, постойте, два слова. Ведь я зашел узнать о курьере. Пожалуйста, дайте знать, когда поедет, мне нужно писать домой, необходимо. – Долгоруков остановился на минуту в двери.

– Хорошо, непременно! – И они вместе вышли. Долгоруков однако вспомнил план и забежал взять его с собой. Во всем существе этого человека видно было много добродушия, непосредственности и легкомыслия.

⁵¹³ [уничтожающе]

⁵¹⁴ [Московская госпожа де Сталь]

⁵¹⁵ *На полях*: Долгорукий рассказывает о совете, восторгается планом Вейротера.

⁵¹⁶ *На полях*: А я зашел поговорить с вами об этом молодом человеке: хочется быть скорее в деле.– Хорошо, хо[рошо]

⁵¹⁷ [милый мой.]

⁵¹⁸ [это ясно.]

Бориса волновала мысль о той близости к высшей власти, в которой он чувствовал себя. Он сознавал, что тут около него были те пружины, которые руководили все те громадные массы, в которых он участвовал и которые изменяли, так называемые, судьбы народов.

В коридоре они встретили красивого молодого человека, который выходил с лестницы от государя. Это был князь Адам Чарторижский. Он не знал Волхонского и Бориса. Он оглядел их равнодушно оскорбительным взглядом.

– Eh bien votre expédition, mon prince, est elle à flot? – спросил он у Долг[орукова]. – Je vous souhaite beaucoup de succès⁵¹⁹ . . . . – И он прошел спокойно и величественно. Дальше Борис не расслышал, что они говорили. Один вышел, другой взошел к государю. Борис чувствовал себя в самом низу той лестницы, из которой Волхонский занимал 1-ое звено, Долгоруков 2-е, князь Адам 3-е, [4-е] должно быть сам государь, к которому шел теперь Долгорукой. Все эти люди, видимо, были чем то заняты, озабочены. Борис чувствовал в себе червяка честолюбия, еще больше расшевелившегося при близости места власти, но ему казалось, что у этих людей на верху почестей были, кроме честолюбия, другие интересы.

– Вот эти люди, – сказал Волхонской, как будто угадав его мысли, – уже не одними крестиками занимаются. Тут⁵²⁰ интересы другие, важнее. Не люблю я этого князя Адама.

– А славное лицо! – сказал Борис.

– Да, это едва ли не самый замечательный человек из всей этой компании.

В покоех, занимаемых дипломатами, шел между тем жаркой спор о том, как адресовать ответное письмо Бонапарту. «Au général Bonaparte»⁵²¹ было отвергнуто. «Au premier consul»⁵²² было тоже невозможно. «L'empereur des français»⁵²³ было противно желанию государя. «A l'ennemi du genre humain»⁵²⁴ . . . шутил один из дипломатов. «Messieurs, il faut quelque chose qui, sans blesser Bonaparte et sans nous compromettre, ne lui accorda point le titre d'empereur».⁵²⁵

– Bonaparte – tyran et usurpateur,⁵²⁶ – опять сказал шутник.

– Messieurs, se n'est pas le moment...⁵²⁷ И долго спорили об этом вопросе.

Свидание Бориса с Волхонским кончилось ничем. Он вернулся домой только с неприятным и неловким чувством, как будто он что то сделал нехорошее, и с новым для него недовольством и презрением к тому полковому миру, с которым он сжился уже шесть месяцев. Гвардейский полковой мир был совсем особенный от того гусарского, в котором жил Толстой. В Семеновском полку почти не бывало кутежей, играло только несколько офицеров и то всегда на чистые деньги. Обеды давались парадные. Пьянства совсем не было. Товарищества было гораздо менее, чем у гусар. Не говорили друг другу «ты», иногда по месяцам не видались с офицерами других рот. Дисциплина была строже, много занимались фронтовой службой, опрятность и даже щегольство в одежде были в моде. Многие офицеры занимались военными науками и математикой, в том числе и Борис, и вообще образование было значительно более распространено и значительно выше, чем теперь. Борис занимался математикой и писал свой дневник. 14-го ноября было записано у него: «Никакого ответа на письмо. Я останусь во фронте. Мне очень жалко, что я был у Волхонского. Я люблю славу, но я ничего не сделаю для того, чтобы искать власти, а буду ждать ее. Встречался с австрийцами. Они все мне невы-

⁵¹⁹ [А как, князь, дела с вашим походом? Очень желаю вам успеха. . .]

⁵²⁰ *Зачеркнуто*: вопросы

⁵²¹ [Генералу Бонапарту]

⁵²² [Первому консулу]

⁵²³ [Императору французов]

⁵²⁴ [Врагу человеческого рода]

⁵²⁵ [Господа, нужно что-то, не оскорбительное для Бонапарта и не ставящее нас в неловкое положение, но что не давало бы ему императорского титула.]

⁵²⁶ [Бонапарту – тирану и узурпатору,]

⁵²⁷ [Господа, сейчас не время. . .]

носимо противны. Толстой прислал просить у меня пятьсот рублей, я отдал ему последние. Боюсь, что он кончит дурно. Берг невыносим своей глупостью и эгоизмом. Я никогда не слышал от него слова и мысли, которая бы не касалась его. Вчера получил письмо от татап и отвечал. Она пишет, что Наташа очень скучна. Для нее только я хочу славы и власти. Сейчас узнал, что великий князь и даже все полковые командиры поехали на военный совет в главную квартиру. Говорят, что завтра будет сражение. Мне страшно, но я только для этого служу, и потому я готов сделать всё, что могу, и от всей души». ⁵²⁸

<Так наступило 15 число ноября, день выступления армии из Ольмюца. Накануне в военном совете, в котором присутствовали оба императора, было решено идти вперед и атаковать Бонапарта там, где его застанут. Боялись одного, чтобы он не ушел от нас. Как происходил этот военный совет, что говорилось в нем, есть дело военной истории. Как действовал и говорил приснопамятный русским еще со времен Суворова обер гоф кригс рат в лице гениального полковника Вейротера и других ученых, гордых и неприступных австрийцев, как подумали немцы, отчего бьет всех Бонапарт, подумали, анализировали, вникнули и нашли и решили, что всё дело в фланговом движении и в стратегии (тогда это было новое, только что выдуманное немцами слово), и как все поверили этому, как и что думал Кутузов, соглашаясь на всё и притворяясь спящим, как и кто обдумывали вопрос о том, уничтожив Бонапартя, оставить ли ему трон Франции или отдать его Бурбонам, – всё это останется навсегда неизвестным. Дело исполнено было: идти догонять и бить Бонапартя, но решено дело вовсе не было. Те, которые говорили, что надо ждать соединения с эрцгерцогом и решения вопроса о союзе Пруссии, так и остались при своем мнении. Разъехались из совета поздно, кто веселый, достигнув цели и надеясь на победу, кто грустный, не достигнув цели и боясь победы, кто веселый, ожидая поражения, кто убежденный в измене. ⁵²⁹ Мы не пишем военной истории, но наше странное убеждение то, что вопрос о том, наступать или нет, решил в положительном смысле не Вейротер, не Долгоруков, не император, но Ольмюц, великолепный смотр при ясном солнце.

Только все разъехались и молва о выступлении разнеслась в тот же вечер по войскам и подействовала различно. Волхонской в адъютантской, услышав новость, швырнул на пол красивой разрезной ножик и сказал, что мы будем расколочены, и потом никому не хотел объяснить своих слов и принялся за книжку романа. Корчаков никакого не составил себе мнения о предстоящем и сходил вечером к полковому командиру послушать, что говорят, вернулся, стал укладываться, осмотрел свои выюки, расчелся с хозяевами и стал сам оттачивать свою шпагу. Берг пошел к батальонному командиру чего то требовать для своей роты, уравнивавшему его с другим ротным командиром. Толстой обрадовался, очнулся и пошел к товарищу и, после проигрыша, в первый раз пропил до утра. Ермолов ⁵³⁰ читал Тацита, лежа в палатке. Пехотный армейский капитан ругался с деньщиком. У фелдвееблей и вахмистров на всю ночь пошла забота о том, что взять и что оставить, солдатики не жалели уже дров и жгли всю ночь заборы и двери, натасканные прежде. Кое какие шалаши они оставляли в наследство немцам, смеялись, слушали сказки и, голые, выпаривали вшей из рубаш. ⁵³¹ Редкой кто знал из вновь пришедших, с кем дерутся. Молодые солдаты сбивались, называя французов туркой, только старые кутузовские знали и по своему объясняли стратегические планы начальников. Один говорил, что как до Моравского берега (какой?) дойдем, так ему (кому) шабаш. Тогда на австрияка пойдем. Другой говорил, что француз в горах жил, что его Суворов растревожил из гор, с тех пор и пошло.

⁵²⁸ *На полях:* <Общий, веселый, самоуверенный поход.> Выступление 15 числа, толки, интересы армии.

⁵²⁹ *Зачеркнуто:* кто убежденный в поражении

⁵³⁰ *Зачеркнуто:* в роте

⁵³¹ *На полях:* толки армии

– Ну, брат, с нами не то, что с Макой справляться, – говорил четвертый. Толковали и об Вишау, который знали пришедшие с Кутузовым и знали, что там француз, сам Бонапартый стоит.

– Что у него там крепость разбита на всю гору, страсть. Боялись, что турка к нему подойдет, тогда беда, – и тем объясняли поспешность похода. Говорили и что пруссак с поляком бунтуют и австрияк бы туда же, да не смеет, его окружили, значит.

Они в полной уверенности были, что Австрия завоевана, и потому грабили и истребляли везде, сколько могли, и только постоянным присутствием офицеров можно было остановить их. Когда мы отступали, мы истребляли все, чтобы не оставлять провиант неприятелю, теперь мы наступали, но им казалось все таки лучше сжечь, как бы не досталось, хоть не французу, но австрияку, который тоже был виноват, и чем лучше была штука, тем больше он был виноват. Политика и дипломатия тут была своя и мотивы этой политики и дипломатии были те же, которые и обсуживались в военном совете при двух императорах. Все даже было справедливо. Сущность была: австрияк изменник. Поляк и пруссак мешают. Одно было особенно, что никто из этих шестидесяти тысяч человек не то что не сомневался в победе, но не задавал себе вопроса: будет ли победа или поражение. Никто не спрашивал себя, что лучше: так или этак? И никто не боялся за себя. А каждый был рад перемене. Надоел уж этот Гольмуцкой лагерь и это бездействие, и этот недостаток провианта. В ночь скакали адъютанты, квартирмейстеры. Писари писали бумаги уже не красивыми, но скорыми разгонистыми почерками. Ординарцы и казаки, которых разобрано по штабам огромное количество, разъезжались по частям войск. Коляски, брички и дрожки, кухни главной квартиры занимали огромные пространства и невольно обращали внимание. Как в главной квартире была своего рода непризнанная законом, но сильнейшая субординация, так и между этими господами: флигельадъютантской обоз отнимал место у генеральского.

– Я генералу скажу.

– Испугал меня генерал, – отвечал другой. – Разве может из императорской квартиры отстать от царских колясок, дурак! Откормленные лакеи важных господ сидели в колясках, покуривая сигары, приказывали состоящим при них казакам и перешучивались или бранились, были дерзки даже с офицерами и снимали шапки только, когда подъезжали их господа.

На другой день рано утром рассвет застал все русское войско в пяти колоннах во строю, дожидавшихся приказания к выступлению. Русские пять колонн вели: 1) немец Вимпфен, 2) француз Ланжерон, 3) поляк Пржебышевский, 4) немец Лихтен[штейн], 5) немец Гогенлоэ. Высшие чиновники, приближенные к власти, были, как я сказал, разнородных, но определенных мнений о походе. Одни шли с надеждой на поражение, другие с страхом и уверенностью в нем, и редкие с надеждой на успех. Средние офицеры были в сомнении и заняты другими, более честолюбивыми интересами, низшие – солдаты особенно, были твердо уверены, что идут и больше ничего. Куда, зачем? они и не интересовались этим и никто не позаботился сказать им этого. Для тех, которые были бы [в] сомнении о предстоящих успехах, сомнение бы это исчезло, как скоро все увидели друг друга. Громадные массы, стройно стоявшие под ружьем и при встрече выехавшего государя прокричавшие «ура». Колонны двинулись⁵³² по команде в ногу, с развевающимися знаменами и с музыкой. Государь проехал мимо гвардии и присоединился к передней колонне Пршебышевского, шедшей впереди. Скоро загрела музыка, песни. Войско весело шло на свою погибель. Борис, узнав, что они идут в резерве, испытал первое чувство радости за то, что они не скоро еще будут в деле, второе чувство было досада и раскаянье в том, что он не пошел к Кутузову и не выпросил себе адъютантского назначения. Первый переход был верст пятнадцать. Авангард с Багратионом стоял против Вишау. Толстой находился в эскадроне, посланном туда.

⁵³² *Зачеркнуто*: вольно

У него было дело с полковым командиром за отлучку. Ему был сделан выговор и хотели посадить под арест. Он принадлежал к русской партии и хотел доказать, что он не послушается, и угрожал прибить полкового командира. Казначей полка донес это полковому командиру и требовал объяснений. Толстой говорил, что он даст это объяснение только самому полковому командиру и кулаком по роже.⁵³³

15 ноября вечером <Толстой> имел триумф, которого он не ожидал. Полковой командир, проходя мимо его палатки, сам подошел к нему и сказал:

– Господа, теперь не время спорить. Граф Толстой, вы будьте осторожны в словах, а я ничего не слышал и ничего не знаю. – Полковой командир был немец.

– И я, ваше превосходительство, ничего не слышал и не знаю, – отвечал Толстой, – я только полагаю, что объяснений никаких не нужно для вашего спокойствия. Что?

– Ну, ничего, ничего, – сказал полковой командир. – Господа, надо быть готовым, мы завтра будем в деле. – Полковой командир, хотя было только два эскадрона, приехал сюда, чтобы получить награду. – Нынче приедет князь Долгоруков, ночует здесь и завтра поведет наш отряд на Вишау, я надеюсь, господа. Да, – и он пошел дальше. 2-й эскадрон стоял на скате горы в винограднике. Подле него направо была палатка Багратиона, налево коновязи конной роты, спереди были офицерские палатки, сзади коновязи. Палатка Толстого была прямо обращена лицом к неприятелю. Гусары, любившие его, сделали ему лавочки, он сидел на них с офицерами, пили [1 *неразобр.*] и в трубу, принесенную артиллеристом, рассматривали конные разьезды неприятеля.

Был ясный вечер, сбиралось замораживать. Налево расстилались горы Моравии, сливаясь с Альпами, не доходя видны были две деревни с церквами, немного правее было местечко Вишау, в версте расстояния направо вид загоразивался рядом палаток.

– Это кто, государь? – сказал кто то, указывая на группу генералов и офицеров с конвоем казаков, подвигавшуюся по линии. Офицеры вскочили.⁵³⁴ Это был Долгоруков с Багратионом и австрийским полковни[ком], возвращавшиеся с рекогносцировки. Они оживленно говорили и казались очень веселы. Багратион казался почтителен перед Долгоруковым, величественный немец полковой командир вовсе стирался перед ними обоими и вслед за ними почти последний, оправляя ордена, вошел, нагибаясь, в палатку. Ужинали, в двенадцатом часу, еще Толстой не засыпал, велено седлать. Когда они стали, ожидая, пехота прошла с правого бока. Они прошли с версту, останавливаясь, показалась заря влеве, показались и послышались выстрелы. Проскакал адъютант, спрашивая, где князь, и рассказывая, что столкнулись с французской цепью. Совсем уж рассвело. Выскакало 4-е орудие, отлетели передки и коноводы, как то весело остались [?] орудия, замелькали первые номера с отходом и пальниками. Послышались: 1-е, 2-е и звенящий гром. Справа колонна зашумела: «урра»... Мелькнули мундиры чужие, послышалась команда к атаке, подвезли передки. Топчeenко запутался саблей, понеслось куда то.⁵³⁵ Вот француз уже в городе, торопится скинуть карабин. Толстой кричит «rendez-vous»...⁵³⁶ Генерал, красный, скачет:

– Что вы делаете, вперед! Преследуют. Пули. Останавливают.

– Что ж это было? – спрашивают все. Проезжает Долгоруков радостный, что то хорошо. Уж не победа [ли]? Приезжает государь, поздравляет с победой; так вот что, мы победили, как

⁵³³ *Поперек текста:* <Дело с шулером.> Он хочет и может служить *На полях:* Немножко бы постоять. Победа легка. Наша главная квартира и Наполеонова. Его приказ. *Зачеркнуто:* 15 ноября вечером Толстой выезжал вновь приведенную ему дикую, туземную лошадь с вахмистром

⁵³⁴ *На полях:* (Зубная боль) 16 числа Nicolas Ростов стоит в авангарде, проезжает Долгорукий, слух о победе, проводят раненных и государь.

⁵³⁵ *На полях:* огромные награды за Вишау, а ничего Голабрун. Провели пленных <Блестящая перестрелка в присутствии государя под Вишау.>

⁵³⁶ [сдавайтесь]

легко побеждать. Послал Т[олстого] за ранеными. Ему надо было объехать пехоту. Пехота редела «урра», он подъехал ближе и увидел государя. Государь стоял верхом на англазированной лошади и смотрел в лорнет. Лицо его было особенно добро. Он подъезжал к каждому раненному и пожимал плечами. Т[олстой] нарочно подошел ближе к гусару и велел брать его.

– Где у тебя, нога? – спрашивал государь.

– Ниже колена, ваше высокоблагородие, – отвечал солдат. Свита улыбалась, но с грустью под тон государю. В цепи была еще перестрелка.

– Мы победили, неприятель бежал, – говорило всё, но государь скорбел о жертвах победы и славы. Какой то генерал просил государя продолжать наступление, государь велел послать Багратиона. Т[олстой] унес своего раненного, он был один. Вечеру придвинулись другие колонны и лагерь стал. Толстому объявлена была тотчас же награда следующего чина поручика.

– Что, С. И., лучше воевать при царе, – сказал он.

– Да, батюшка, уже коли за это дерьмо по следующему чину, так за Голабрун в фельд-маршалы нас с вами. Так то, вам в диковинку, а мы привыкли: не службой, а счастьем.

Борис слышал о деле и пришел в штаб квартиру в Вишау. Волхонской стоял в⁵³⁷ доме с тем же князем Б.

– Каково, мы победили а? – сказал он первое слово.

– Да, как было дело? – спрашивал Б.

– Так, победили, да и всё. Шесть тысяч человек напали на тысячу и выгнали, когда они хотели отступить. За то как мы все поздравляли Долгорукого, пили за его здоровье за царским столом. Теперь кончено, мы чуть не захватили Бонапарта. Одного боимся, как бы не ушел. Надо догонять. Без шуток, – обратился он к товарищу, – князь Петр говорил вчера, что он себе не приписывает заслуги, но что это un tas de ganaches,⁵³⁸ которые бегут и не держутся. Что это за толпа. А ты слышал, Savari приехал просить мира, – продолжал он иронически.⁵³⁹ Б. с толпой офицеров пошел смотреть Savari. – Живой француз, – смеялся кто то. Savari вышел и с ним вместе поехал Долгоруков. – Кто это едет? Вот официальное описание историков Тьера и Михайло[вского] этого свидания.⁵⁴⁰

* № 15 (рук. № 46).

⁵⁴¹Борис еще был в главной квартире, когда вернулся Долгорукой. Пока он ездил, Борис ходил к генералу, своему дяде. (У дяди он слышал брань и ругательство на иностранцев начальников в русской службе.

⁵³⁷ *Зачеркнуто:* палатке

⁵³⁸ [толпа глупцов.]

⁵³⁹ *На полях:* Толстой убил на дуэли, под арестом; Б[орис] просит за него Д[олгорукова]

⁵⁴⁰ *Зачеркнуто:* Борис дождался возвращения и ходили к пленным. – Messieurs, vous serez battus par le grand empereur, c'est positif [– Господа, вы будете разбиты великим императором, наверняка]. Когда Долгорукий вернулся, он не стал говорить с Волхонским. Вечером узнали, что Бонапарт сконфужен и отступает. Во всем лагере песни и веселости.

⁵⁴¹ *Зач.*: Этот князь Долгорукий, хотя и <был [один из] самых ревностных говорунов> один из самых пылких витий генерального штаба, был не мало польщен данным ему поручением к императору французов. Он поехал с генералом Савари и был представлен Наполеону в минуту, когда французский император, доканчивая осмотр своих аванпостов, не имел ни в своем костюме, ни в своей обстановке ничего величественного для вульгарного ума. Наполеон слушал этого молодого человека, лишенного такта и меры, который, набравшись там и сям кое каких мыслей, питавших[ся] русским кабинетом <и которые мы объяснили, излагая новый проект> о проектке нового европейского равновесия, выражал их без приличия и некстати. – Надо, – уверял он, – чтобы Франция отказалась от Италии, если она хочет сейчас же заключить мир, а если она будет продолжать войну и будет в ней несчастлива, надо, чтоб она отдала Бельгию, Савою, Пьемонт, чтоб устроить вокруг себя оборонительную преграду. Эти мысли, высказанные очень неловко, показались Наполеону формальным требованием возвратить немедленно Бельгию, уступленную Франции после стольких договоров, и возбудили в нем сильное волнение, которое он впрочем скрыл, полагая, что показать это волнение перед таким переговорщиком было недостойно его. Он сухо отпустил его, сказав, что разногласие, которое разделяло политику двух империй, будет решено не в дипломатических конференциях, а в другом месте. Наполеон был выведен из себя и у него была только одна мысль, дать отчаяннейшее сражение. *Понерек текста:*

– Ну, что может сказать русскому солдату изменник Ланжерон или колбасник Вимпфен? Дядя был закоренелый и хвастливый русак. – Я не знаю, кто командует?) И что интереснее всего ему было – к пленным французам, взятым 16-го. Офицеров много толпилось около них. Все лезли, только чтоб сказать несколько слов. Борис только прислушивался. Один красивый плечистый драгун с знаком отличия больше других обратил его внимание. Он был боек и самоуверен гораздо более, чем вся толпа, окружавшая его. Происходило ли это от того, что русские офицеры говорили на чужом языке, а он на своем, но только драгун был, как дома: нетерпелив, дерзок даже и, казалось, оглядывая толпу, спрашивал, чего хотят от него. На вопрос одного молодого полковника, много ли их, он отвечал, что много ли, мало, всё это узнается, когда русские будут разбиты.

– Почему же вы думаете, что русские будут разбиты? – спросил кто то. Француз усмехнулся высокомерно.

– Как верно, что я унтер офицер 8-й кавалерийской дивизии, 3-го драгунского полка, *aussi sûr que je m'appelle Caspar* [?] *vous serez battus à plate couture*.⁵⁴² Офицеры некоторые обиделись, некоторые удивились, некоторые засмеялись. Борис отошел и вспомнил, как прав Волхонской, не одобрявший и не любивший этих разговоров с пленными.

Письмо, писанное Александром Наполеону, было адресовано *au chef du gouvernement français*.⁵⁴³ Долгорукой во время своих переговоров с ним не называл [его] императорским величеством. Предложения мира были отвергнуты. Мы одержали победу и быстро наступали.

Михайловский-Данилевский говорит так: «Возвратись в Кучерау, князь Долгорукий рассказывал о замеченном им в французской армии унынии. – Наш успех несомненный, – говорил он, – стоит только итти вперед и неприятели отступят, как отступили они от Вишау. Словам его поверили. Единогласно утверждают очевидцы, что привезенные князем Долгоруким известия о французской армии и даже, по уверению его, [о] нетвердом духе самого Наполеона были для союзников одною из причин, побудивших атаковать без отлагательства».

Русские войска шли вперед, сколько могли. Провианту было мало. Лазутчиков не было. (17, 18, 19 войска двигались, общий обзор. Толки недовольства австрийцами).

17-го Ноября Долгорукой вернулся вечером уже не на старый лагерь Вишау, а в Кучерау. Во время его отсутствия войска продвинулись еще вперед и 18 ночью стали биваками в Кучерау не более, как в версте от аванпостов неприятеля. Аванпосты постреляли и отступили. Выстрелы отозвались в душе каждого человека русской армии. Всё ближе и ближе подходила та торжественная, страшная и желанная минута, для которой перенесено было столько трудов, лишений, для которой по пятнадцати лет вымуштровывались солдаты, оставлена была семья и дом и из мужика сделан воин, для которой 80 тысяч человек жили в поле без жен, матерей, детей, без участия во всех интересах гражданской жизни, жили и двигались в чужом, неизвестном краю, в поле, на дорогах, в лесах, пренебрегая для себя и для всех всеми условиями привычной, человеческой жизни. Для всех этих людей дорога сделалась не путем к семье, к удовольстви[ям] или к труду, а путем обхода, атаки; забор, закрывавший виноградник от грабежа, защитой от пуль, лошадь не другом и слугой, а орудием передвиженья пушек и ядер, дома не очагами семей, а местом засады. Леса, сады – не тенью и матерьялом, и весельем, а выгодной позицией для застрельщиков, горы и лощины – не красотами, а позициями, реки и пруды не для мельниц и рыбы, а прикрытиями флангов, пища – поддержкой силы для борьбы, люди – не братьями, а орудиями и необходимыми жертвами смерти. Все эти 80 тысяч русских и столько же французоз так переделали себя для той минуты, которая наступала и которой

17 число. Князь Андрей зашел к Долгорукому. Получено письмо и он едет на аванпосты. Смотрит и у него поднимается от гордости, злобы, восторга.

⁵⁴² [и что зовусь я Каспар, так же верно, что вы будете на голову разбиты.]

⁵⁴³ [главе французского правительства.]

приближение чувствовалось с каждым шагом вперед по новым местам, носящим на себе отпечаток пребывания французской армии, и особенно с каждым выстрелом, звук которого в душе каждого отзывался знаком отрешения от всего⁵⁴⁴ любовного и знаком призыва к борьбе не с врагом, а с собой и страхом смерти. Душа⁵⁴⁵ армии раздражалась больше и больше, становилась сосредоточеннее, звучнее, стекляннее.

Надо драться! Больно будет. Надо забывать! Надо спастись от чувства вечности в чувствах⁵⁴⁶ товарищества, молодечества и славы. Не надо оглядываться на себя, на жизнь, на любовь.

Мелкие интересы обыденной жизни: досады на деньщика, потеря перчатки, проигрыш, зубная боль, безденежье, досада на неполучение крестика, зависть, – всё так же копошились, связывая их, между этими десятками, тысячами людей, но строгая и величественная одна, всё одна нота неизменно, как шум моря, с каждым шагом вперед и с каждым звуком выстрела, всё слышнее и слышнее становилась каждому сердцу.

В колонне Ланжерона, в мушкетерском Курском полку, с красными воротниками, команда 8-й ротой 3-го батальона, находился штабс капитан Голопузов. (Хоть и не благозвучна и неприлична эта фамилия, но так она печаталась в «Инвалиде» до дня исключения его из списков и так он действительно назывался). 19-го ноября накануне сражения, которого все ждали и никто в армии определенно не предвидел, потому что Бон[апарт] всё отступал и отступал, и ничто не доказывало, чтобы он принял сражение, (слухи же из главной квартиры подтверждали желание слабости каждого, что он бежал), 19-го ноября Аким Захарыч Голопузов шел перед своей ротой пешком, в середине своего полка и в середине огромной армии сзади, спереди и с обеих сторон его растягивавшихся почти до тех пор, до которых достигало его зрение. Аким Захарыч был человек лет 35, высокой, сутоловатый, с⁵⁴⁷ лицом старым, но закаленным против всяких неудач и невзгод, видима не мало перенесенных в жизни. Усы были вниз, закрывая рот. Подбородок был вперед. Полк шел частью по дороге, частью по пшеничному жневью, задними ротами спускаясь с горы и передними поднимаясь на порядочное возвышение. Солдаты шли в ногу, но в задних рядах, спускаясь с горы, расстроились и кое-кто побежал и спутал порядок в роте. Аким Захарыч, слегка нахмурив брови, отошел на фланг и, пропустив передние шеренги, и остановил унтер офицера, который засуетился и закричал на солдат, ровняя их, увидав ротного командира. Он остановился, расставив ноги, опустив шпагу в ножны, взялся за нагайку.

– Лазарев! Это что? – проговорил он с промежутками. – Это что? Порядок? Такой порядок? Ноги! – Только эти слова проговорил он с расстановкой, отвечивая удары за ударами по спине унтер офицера и, видимо, сдерживая себя в злобе, всё больше овладевавшей им, чем больше он бил. Унтер офицер сносил удары, только мигая и не теряя стойки. В рядах солдат, знавших, что каждый удар ротного отзовется вдесятеро на комнибудь, может быть на каждом из них, солдаты, как стадо овец, наткнувшись на собаку, смешались и с страхом и смирением искали ноги, по два вдруг подпрыгивали, переменяя ноги. Они помялись и справились. На всех лицах был испуг.

– Я вас, доберусь! – проговорил штабс капитан не громко, но так, что вся рота слышала. Фланговый юнкер, молодой, безусой, худощавый мелкопоместный дворянин, с грудью, ввалившейся еще больше под оттягивавшим его ранцом, и с желтым лицом, прошел мимо штабс капитана ни жив, ни мертв, усталый и испуганный. Ружье его с штыком казалось ужасно длинно на его костлявом плече и в худой ослабевшей руке, ноги были точно ходули.

⁵⁴⁴ *Зачеркнуто:* человеческого

⁵⁴⁵ *Зач.*: каждого

⁵⁴⁶ *Зач.*: единства

⁵⁴⁷ *Зач.*: истощенным

– Дворянин! так показывайте пример, – прокричал штабс капитан и отошел, большими шагами обгоняя роту, опять вперед, куда подъехал какой то начальник. «Слава богу», подумал юнкер и хотел перекреститься, но побоялся насмешить солдат. Впереди роты съехались начальник колонны Ланжерон с адъютантом, полковой и батальонные командиры. Полк остановился, поперек его дороги проходила батарея. Полковой командир просил провести полк тотчас же за батареей, но австрийский офицер генерального штаба сердился и требовал, чтобы прошла вся колонна кавалерии. Это могло продолжаться два часа. Был 1-й час, выступили в 8 и люди еще не пообедали.

– Устали люди? – спросил Ланжерон, адъютант перевел, полковой командир спросил у батальонного, батальонный у штабс капитана, только что распорядившегося с унтер офицером.

– Устать не устали, а доложите, что не ели с утра. Простоим тут два часа, каши варить некогда, а сухарей нет, обоз не приезжал.

– Где обоз? – Позвали фелдвებელა. Он сказал, что обоз не придет. Приехал фурштат. Опять доложили по инстанциям до Ланжерона. Что то поговорили и отъехали. Батальонный командир начал ругать немцов. Немецкой офицер генерального штаба, колоновожатый, что то кричал, его не понимали. Он хотел доказать, что в задержке виноват не он, а кто то высший начальник русской. Проходили гусары. Толстой узнал Шишкина А. В. А[ким] З[ахарович] был холоден, даром, что он в штабе. [?] Батальонный командир говорил, что немцы виноваты во всем, что колонны растянулись, путаются, одна проходит через другую и провианта нет. Штабс капитан, уважаемый офицер, молчал, пока батальонный командир прямо не обратился к нему, вызывая его мнение о немцах.

– Что же, М. И. должно наши русские то генералы хуже дело смыслят, оттого им не поручают. Нельзя без того, чтоб не ошибиться, и я не ел с утра.

– Ничего, подождем. Хотите водки?

– Некогда, М. И. – Поставили ружья в козлы, принесли в манерках воды, погрызли сухариков и закурили трубочки. Ждали два часа. Фурштат приехал с известием, что стали пехоте отпускать сухари и что обоз придет к завтраму. К вечеру только заварили кашу. Днем, впереди где то, слышались опять выстрелы, и та строгая нота, несмотря на все эти мелочные заботы, слышалась в душе и австрийского офицера генерального штаба, оттого он так горячился и спорил, и в душе батальонного командира, оттого он так ругал немцов и французов, и в душе А[кима] З[ахаровича], оттого он, хоть и смягчен был душой, с свойственным ему упрямством, не спускал никому. Слышалась эта нота и в душе солдат, и битого унтер офицера, и юнкера (оттого они не смели обвинять и жаловаться на усталость и голод. Они чуяли, что всё спасенье в покорности и исполнении, строгом исполнении долга).

Так подвигалось 17, 18, 19 число. Все эти дни слышны были выстрелы, слышно было, что подвигались армии и отступал Наполеон, и верилось, и страшно было верить, что он бежит, что одно моральное влияние решит дело. Об этом избегали говорить. Войска, бывшие прежде с Кутузовым, узнавали места, в которых они были, и у редких остававшихся, напуганных жителей узнавали о французах. Мир для них разграничивался одной чертой аванпостов французов – там всё было тайной и страхом; черта эта похожа была на черту, отделявшую людей от загробной жизни. Страшно, неизвестно и привлекательно, для аванпоста только это было яснее. Они смотрели иногда на движение французской армии, как на что то действительное. Им было и легче переносить звук этой строгой ноты, и понятие их о том, что предстоит, было яснее.⁵⁴⁸

---

⁵⁴⁸ *Край рукописи, порван а последняя фраза прочтению не поддается.*

№ 16 (рук. № 46).

<Каждый день впродолжении 16, 17, 18 и 19 числа ноября ждали генерального сражения. Войско было настроено на битву и наконец это настроение начинало ослабевать. Строгая нота всё так же была слышна, но становилась уже привычна. Нравственная сила человека⁵⁴⁹ поднимается страданием, в особенности нравственным. Дойдя до высшей степени страдания, они находятся на высшей степени силы. Пружина, натянутая чтоб подняться на большую высоту, должна тотчас же быть спущена, чтобы нанести удар всей той силы, на которую она способна. Оставьте курок поднятым слишком долго, и он не будет высекать искры из кремня. В военном деле анализированы давно все роды орудий смертности, все условия продовольствия, выгод местности и сочетания масс, но вопрос о значении того, что называют духом войска, представляется болтунам поэтам и не занимает серьезных людей.

Несмотря на все мое уважение к военным наукам, я всегда по рассуждению и по опыту был и останусь того убеждения, что вопросы военных успехов решаются не величиим военных гениев (военный гений, сравниваемый с гением шахматной игры, есть для меня пошлая бабья сказка – военных гениев нет и не может быть) и не столько предусмотрительностью и силою всех возможных соображений, сколько умением обращаться с духом войска, искусством поднимать его в ту минуту, когда высота его более всего нужна. Я сомневаюсь, чтоб сознательно можно было обращаться с этим оружием, но существуют условия, в которых орудие это употребляется самым выгодным образом и наоборот. Кто не замечал, что есть общества, балы даже, которые всегда скучны для всех от начала до конца, есть такие, которые веселы для всех всегда – от начала до конца, есть заведения, в которых ученики легкомысленны, другие, в которых они серьезны. А связь слабее, чем длиннее связанное. Есть походы трудные, веселые, есть легкие и скучные, есть сражения, в которых готовятся к употреблению всей вложенной в человека силы, есть сражения, в которых только боятся, как бы не опозорить себя. И все одинаково. Что имеет влияние на такое или другое настроение? Все: и климат, и толки в армии, и провиант, и больше всего отношения начальников к подчиненным. Чем больше связи между тем и другим, чем ближе, непосредственнее эта связь, как связь императора, солдата и француза, с своим войском, тем больше силы и высоты приобретает дух войска. Русскими войсками⁵⁵⁰ распоряжались: император Франц, полковник Вейротер,⁵⁵¹ Гогенлое, Лихтенштейн, Вимпфен и Буксгевден, изменник своей стране француз Ланжерон и т.д. Потеря сраженья и бесчестье армии не были страшны для этих людей, они не боялись поражения и только желали победы. И верили в победу. Русские подчиненные одни так боялись поражения, что переставали верить в победу. Все шли вперед весело, стараясь рассеиваться и забыть всю важность того, что предстояло. Еще переход, еще отступил Наполеон, бивший всегда своих превосходных силами врагов. Уж не боится ли он нас или не уверен ли уж в нашем поражении. – Эй! деньщик, подай водки! – Что ж надо будет сходить к бригадному, напомнить о своем существовании. Ну, чтож, составим вистики и выпьем бутылочку венгерского.>

19 ноября большая часть русской армии стояла у Маргофа, готовились к выступлению, готовились к сражению и ничего не знали, аванпосты перестреливались. Может быть это было ничего, может быть это было начало сражения. Прошло 10-й, 11-й, 12-й час. «Должно быть ничего не будет опять и нынче» думали офицеры и солдаты. «А впрочем бывают дела и вечером, чтоб попала пуля в грудь или голову, немного нужно времени», думалось некоторым, но вот который день и ничего нет. Не то, что ничего не будет, но ждать уж надоело. Что будет,

⁵⁴⁹ *Зачеркнуто:* и армии

⁵⁵⁰ *Зачеркнуто:* командовали: император Александр.

⁵⁵¹ *Зач.*: Кутузов

то будет. Адьютанты привезли приказы обедать и выступать в 12-ть. – Ну и выступим, всё равно. <Военные писатели, желающие сгруппировать действия двух армий в один рассказ, всегда приводят в заблуждение читателей, говоря о том, что войска такие то были одушевлены такими то или такими то чувствами. Этого никогда не бывает. Каждый член войска думает всегда только и прежде всего о себе, желая себе целости и награды, и боясь, что будет больно, когда ранят, и тяжело умирать, когда так здоров и силен. Каждый член не видит всего действия, и маленькой успех в его отряде кажется ему победой, ежели он неопытен и, ежели он опытен, не возбуждает других чувств, как удовольствия, что он вышел цел, и сожаления, что он не цел. Восторг после победы или уныние после поражения бывает только после окончания, и положительные чувства, большей частью, на другой день, и чувства эти бывают очень слабы и второстепенны в войсках. Они гораздо сильнее в жителях Москвы и Парижа. Поэтому войска не могут быть восторженны и одушевлены чем бы то ни было. Один дух состоит в ненависти⁵⁵² к врагу и, главное и почти единственно, в доверии к начальникам и товарищам. Этих условий не было в то время в русской армии. Австрийцов и их начальников презирали. Французов не ненавидели и уважали.

В полдень войска выступили. <Опять австрийские колонновожатые скакали из конца в конец и войска путались. Немцов неохотно понимали и, когда понимали, то исполняли лениво и неохотно. Громко кричали начальники частей о недостатке провианта, начальники колонн о недостатке сведений о неприятеле. Колонны сталкивались, заграждали дорогу одна другой, особенно на правом фланге у Багратиона, куда в середине движенья были посланы кавалерийские полки. Аванпосты видели целый день неприятельскую кавалерию, но она отступила и наши войска прошли Аустерлиц и все места, занятые французами за день до этого. Видны были длинные места коновязей французской кавалерии, клочки сена, куски французского сукна и следы лагеря.

Колонны пришли в назначенные места только далеко после сумерек. Было совсем темно. У Багратиона боялись ночного нападения, и высланы были разъезды. Гвардия стояла впереди Аустерлица. В 10 часов вечера узнали офицеры, что колонные начальники поехали в главную квартиру на военный совет в Крженовиц. Ком[андир], в[еликий] к[нязь], поехал вперед, Доктуров, Ланжерон и другие поехали назад, они были впереди Крженовица.

Волхонской, хотя и не был дежурным, сидел в приемной Кутузова, читая французский роман и из-за него взглядывая на всех проходивших господ генералов и их адъютантов. Он знал уж диспозицию, и в его душе происходила та же внутренняя работа, которая происходит в душе каждого⁵⁵³ человека накануне сражения. Он занимался страданиями любви Amélie и наблюдениями над глупыми рожами офицеров, проходивших, и каждую минуту ему приходило в голову, что завтра его не будет. Гусарский офицер смело вошел в комнату.> Это был Толстой, бывший ординарцем на этот день у Багратиона. Он подошел к другому адъютанту и просил передать, что Багратион не мог приехать, но просил немедля прислать ему диспозицию. Волхонской подошел к ним.

– Что вид[ен] неприятель? здравствуйте. – Толстой холодно отвечал другому адъютанту и не подал руки Волконскому.

– Теперь отступил.

– В силах?

– Нам не видно было. – Волхонской отошел и пошел к себе. Он лег и читал до⁵⁵⁴ двух часов. Все разъехались уже, когда он заснул.

⁵⁵² *Зачеркнуто:* или презрении

⁵⁵³ *Зачеркнуто:* энергическ[ого]

⁵⁵⁴ *Зач.*: утра

В знаменитом совете происходило следующее, как описывают очевидцы. Кутузов спал. Вейротер говорил. Кутузов имел большое качество для полководца: он глубоко презирал людей и скоро, коротко составлял о них мнение. Он знал, что обстоятельства сильнее людей.⁵⁵⁵ Большинство ждало сражения так же мало, как и в прежние дни. Еще меньше Наполеон,⁵⁵⁶ а в высших слоях армии с десятого часу началось и продолжалось до конца вечера следующего дня усиленное и страшное движение. Как в больших башенных часах стоит повернуться одному середнему колесу, как быстрее задвигаются другие, ближние колеса, блоки, шестерни и, всё дальше и дальше распространяясь, движение сообщится большим колесам, маятникам, блокам, барабанам, колоколам и колокольчикам и пойдут бить, играть куранты и выскакивать фигуры, движение уже кажется неудержимо, результат всего движения только движение стрелки, медленно показывающей время, прыгая с одной секунды на другую. Как и битва трех императоров, уничтожившая тридцать тысяч людей, только показала один скачок времени на огромных часах большой всемирной истории. Колесо тронулось, блоки, регуляторы расшевелились и свистят от быстроты движенья, а большие дудки и колокола еще так же неподвижны и спокойны, как будто они не пошевелятся и через сто лет. Первыми колесами, пришедшими в движенье, был весьма ограниченный числом мир приближенных. В кругу приближенных императоров стало известно, что решено дать завтра сражение, как бы не уклонялся от него Бонапарт. Решено преследовать его и заставить его принять сражение, от которого он, видимо, желал избавиться. Решение это расшевелило в приближенных много страстей – честолюбия, зависти, ненависти и страха. Как только решение было окончательно принято, явились вопросы и соображения о том, что хотя и желательно бы было, чтобы NN командовал кавалерией, но австриец NM мог оскорбиться, а его надо было менажировать, потому что MN был в милости у императора Франца, и потому предполагалось, оставив NM начальником кавалерии, дать NN звание начальника всей резервной колонны кавалерии крайнего левого фланга. Потом приходил ВВ и давал чувствовать, что он прослужил двадцать лет и ничего не желает, но что⁵⁵⁷ ему обидно быть лишенным возможности показать свое усердие государю императору, для которого, он со слезами в голосе уверял, что готов пожертвовать жизнью. Старика нельзя было обидеть, и для него придумывалось еще новое звание и назначение. Так решались дела эти и их было много. Австрийцы собирались и говорили о своих интересах, русские о своих. Сходились и хитрили друг перед другом. Долгорукий отправил камердинера с коляской к Багратиону. Он ждал, что там будет решение сражения, что колонна Багратиона сомнет с фронта французскую армию, разбитую и обойденную на правом фланге, и там он выхлопотал себе начальство над⁵⁵⁸ пехотою. Он ждал только окончания военного совета. Вейротер озабоченный, усталый (он только что приехал с рекогносцировки) был у Кутузова, к которому собрались уже колонные начальники, кроме Багратиона по отдаленности. Движение распространялось уже между штабами колонных начальников.

Ланжерон так описывает военный совет:

«В час по полуночи, когда мы все были собраны, приехал генерал Вейротер, разложил на большом столе огромную и очень подробную карту окрестностей Брюнна и Аустерлица и прочел нам свои распоряжения очень напыщенным тоном и с видом хвастовства, которое обнаруживало в нем задушевное убеждение в своем достоинстве и в нашем невежестве. Он был похож на учителя школы, который читает урок молодым ученикам. Мы может быть были действительно ученики, но он далеко не был хорошим профессором. Кутузов, который сидел и почти спал, когда мы пришли к нему, кончил тем, что заснул совсем до нашего отхода. Буксгевден

⁵⁵⁵ *Зач.*: В 7 часов войска выступили. Еще было темно

⁵⁵⁶ *Зач.*: Наполеон между тем отдал следующий приказ по армии

⁵⁵⁷ *Зачеркнуто написанное раньше на листе рукописи:* и поехал на аванпосты. Солдаты светили ему пуками соломы и кричали: Vive l'empereur. Толстой только вернулся из главной квартиры, как за ним же приехал Долгорукой с диспозицией

⁵⁵⁸ *Зач.*: кавалериею

слушал стоя и вероятно ничего не понимал, Милорадович молчал, Прибишевский стоял сзади, и только Дохтуров рассматривал карту со вниманием. Когда Вейротер окончил свою речь, я был единственный, который стал говорить. Я сказал ему: – Всё это хорошо, генерал, ну а если неприятель нас предупредит и атакует у Працы, что станем мы делать? – Случай не предвиден, – отвечал он мне, – вы знаете смелость Бонапарта. Если бы он мог нас атаковать, он сделал бы это сегодня. – Вы стало быть думаете, что он бессилён? – сказал я ему. – Много, если у него сорок тысяч войска. – В таком случае, он идет на свою погибель, дожидаясь нашей атаки; но я считаю его слишком ловким, чтобы быть неблагоприятным, потому что если, как вы думаете и желаете, мы его поразим при Вене, у него нет другого отступления, как Богемские горы; но я в нем предполагаю другие намерения. Он потушил огни и слышно много шума в его лагере. Это значит, что он удаляется или меняет позицию; и даже если предполагать, что он примет позицию в Тюресе, он избавляет нас от многих хлопот, а распоряжения остаются те же. – Затем Кутузов, проснувшись, отправил нас, приказав оставить адъютанта, чтоб списать распоряжения, которые подполковник генерального штаба Толль должен был перевести с немецкого на русский, тогда было около трех часов по полуночи, и мы получили копии этих знаменитых распоряжений только тогда, когда мы уже были в походе».⁵⁵⁹

Войска начинали чувствовать по скачке адъютантов, что что то готовится. Предчувствие это подтвердилось, когда вернулись поздно ночью колонные начальники: Дохтуров, Ланжерон, Пржебышевский и Колловрат и великий князь. Молва разнеслась, и ночь войска не спали, и опять всё готовилось и, страдая, поднималось духом. Все сидели у огней в пасмурную ноябрьскую ночь и говорили тише и душевнее, от генерала и солдата, когда хлопоты окончились. Деньщики, штабные и полковые обозы укладывались. Писаря штаба строчили приказы. Колонные начальники собирали офицеров и читали диспозицию. Офицеры старались вникать и успокаивали себя тем, что дело решат, кто поумнее и учнее их, другие расходились, ничего не поняв. Другие думали то же самое. Ермолова позвали к Уварову, он слушал и плюнул. Багратион, прочтя диспозицию, сказал: – Мы будем разбиты. Долгоруков спорил с ним и послал разъезд подсмотреть, по какой дороге идет, отступает Бонапарт. Когда загорелись огни в французском лагере, он послал сказать государю, что Бонапарт должно быть отступил и что надо выступать, как можно раньше, чтоб догнать хоть хвост его. Когда он послал вперед разъезд, французские фланкеры приветствовали их выстрелами. Что делалось за этой чертой, было непостижимо и непроницаемо. Горели огни, долетал гул, двигавшийся по линии. Наши солдаты тоже пели песни.

В десять часов измена уже дала в руки Бонапарту диспозицию русских, в той машине зашевелилось одно колесо, и всё пришло в движенье. Наполеон диктовал приказы, приказы скакали по войскам, войска передвигались. На аванпостах, в той стороне именно, в которую безнадежно вперялись взоры Долгорукого и Т[олстого], стояли кавалеристы, призванные к палатке полкового командира, и адъютант, молодой роялист, пришедший недавно к знаменам Наполеона, оставив ногу, красивый юноша читал при свете головешки приказ Наполеона.

– Eh bien, mon cher, ça chauffera à ce qu'il paraît,⁵⁶⁰ – говорил полковой командир.

– Je ne reconnais plus l'empereur, il recule.

– Pour mieux sauter,⁵⁶¹ – сказал адъютант.

– Voyons, j'ai à faire l'appel!⁵⁶²

⁵⁵⁹ *Поперек текста:* 19 ночь. Отправление государем Кутузову и страх, чтобы не ушли французы. Совет у Кутузова. Ростов от Багратиона проезжает всю путаницу и видит свет.

⁵⁶⁰ [Ну, дорогой мой, похоже, что дело будет горячее.]

⁵⁶¹ [Я не узнаю императора: он отступает. – Чтобы вернее ударить.]

⁵⁶² [Однако, я должен скомандовать сбор!]

– Il [est] d'une humeur [1 *неразобр.*]⁵⁶³ – сказал адъютант. – Les voilà pourtant, – сказал адъютант, указывая на русские огни, – et pas moyen de savoir ce qui s'y prépare.

– L'empereur le trouvera bien tout de même.⁵⁶⁴

Они вышли, адъютант прочел, почти как на театре.

«Солдаты! Русская армия выходит против вас, чтоб отомстить за австрийскую ульмскую армию. Это те же батальоны, которые вы разбили при Голлабруне, и которые вы с тех пор преследовали постоянно до этого места. Позиции, которые мы занимаем – могущественны, и пока они будут итти, чтоб обойти меня справа, они выставят мне фланг. Солдаты, я сам буду руководить ваши батальоны. Я буду держаться далеко от огня, если вы с вашей обычной храбростью внесете в ряды неприятельские беспорядок и смятение. Но если победа будет хоть одну минуту сомнительна, вы увидали бы вашего императора, подвергающегося первым ударам неприятеля; потому что не может быть колебания в победе, особенно в тот день, в который идет речь о чести французской пехоты, которая так необходима для чести всей нации.

Чтобы под предлогом увести раненых, не расстроивать ряды, и чтобы каждый был хорошенько проникнут мыслью, что надо победить этих наемников из Англии, которые воодушевлены такою ненавистью против нашей нации. Эта победа окончит наш поход, и мы можем возвратиться на зимние квартиры, где застанут нас новые французские войска, которые формируются во Франции, и тогда мир, который я заключу, будет достоин моего народа, вас и меня. Наполеон».⁵⁶⁵

– Vive l'empereur!⁵⁶⁶ – кричал эскадрон. Только что стал расходиться эскадрон, по линии послышались крики и в свет огня въехал французский император, тот самый в шляпе и сертуке, которого видел Долгорукий. Он был силен, свеж, умен и весел особенно, как это бывает с людьми. Он остановил старого солдата, узнав его из Африки, потом заговорил с полковым командиром. Солдат поднял зажженный пук соломы, чтоб осветить его, другие сделали то же; лошадь шарахнулась, но Наполеон остановил и поскакал по аванпостам. Пуки соломы и крики, которые поражали наших, провожали его. Измена давала ему победу. Презренный! Нет, он был силен и величествен, и измена была таким же листом его лаврового венка, как и храбрость его солдат. Он знал, что завтра день славы и успеха.

В французской армии также зашевелились все струны дви[жения]⁵⁶⁷ и пружины еще быстрее, потому что механизм их был проще. Сколько страданий, сожалений и борьбы перенесено было в эту туманную ночь, около ярких огней. Ежели бы это было видно, это было бы страшнее сражения.

Серьезные люди весьма серьезно говорят и пишут о военных науках, тактике и стратегии, а я не понимаю, для чего и что может наука при решении вопроса, кто из двух побьет один другого. Кто сильнее, кто больше рассердится, кому удобнее случится. Так дело решается, ежели два человека дерутся. А ежели два против двух, а четыре против четырех, а 30 против 30, а 50 против 50, а 120 против 120, а 300 против 300, а 500, а 800, а 1100 и так до 80 тысяч. Казалось бы, дело в том, чтобы люди все слушались одного и побьет тот, у кого больше солдат и чьи сердитее. Так говорит здравый смысл, а серьезные люди говорят, что на это есть наука. Но наука эта странная. Она похожа на другую такую же науку, на политическую экономию. Читаешь выводы этой науки, и кажется всё ясно. Читаешь другие выводы той же науки и оказывается, что все прежние выводы совершенно ложны. Кому не случалось читать: «Такой то полководец выиграл сраженье, потому что зашел в тыл. Но, зайдя в тыл, он разобшил свою армию. Такой

⁵⁶³ [Он в настроении]

⁵⁶⁴ [Ведь вот они, а нет возможности узнать, что там происходит.– Император разберет во всяком случае.]

⁵⁶⁵ *Поперек текста:* Наполеон на аванпостах. Восторг, который был на смотре. <Император Александр. Его ночь и пробуждение>

⁵⁶⁶ [Да здравствует император!]

⁵⁶⁷ *Зачеркнуто:* Толстой был в числе этих счастливых

то выиграл сражение, зайдя во фланг, но, зайдя во фланг, он растянул свою линию. Этот погиб от того, что в тылу оставил реку, другой выиграл от того же самого. Тот стал в дефилеях и оттого погиб, тот стал в дефилеях и оттого восторжествовал. Тот разрезал неприятеля надвое и оттого разбил, тот хотел разрезать, попал между двух огней и погиб. Тот растянулся, как Маак, и погиб, тот не умел развлечь неприятеля движениями и погиб. Тот маневрировал и оттого потерял и наоборот». Не я один в моей молодости, но, я полагаю, без исключения все молодые люди, читая военные истории серьезных людей с внушающими уважение выражениями: «маневрировал, во фланг, в тыл, отрезал, опрокинул» и т. п., спрашивали себя робко: «что это – книга неясна или я еще молод и глуп, что не понимаю», и вновь читали и вновь не понимали, в чем же собственно состоит наука. Говорят, это как игра в шахматы.

В шахматах математически правильная доска, математически ровное число шашек и не существует маленького условия – времени. То же самое или очень похоже говорят серьезные люди. Такие же неизменные законы операционной линии и т. п. Что же тут похожего? Я уже не молод, имел случай видеть войну и потому убедился, что наука военная всегда и была и будет источником бесконечных ошибок. Дело только в том, чтобы иметь наибольшее единство, наибольшее число людей и отвечать наибо́льшей скорости на все представляющиеся случаи.

Кулачные бойцы могут выдумать теорию бокса и саваты, но в минуту драки, когда⁵⁶⁸ два бойца схватывают, что попало под руку, вопрос решает быстрота, сила и обстоятельства. Но плохо бы было человеку, который бы напал на меня, боксируя или саватируя, когда у меня в руке нож или пистолет, или еще орудие, которого он не знает, когда он твердо уверен, что я пришел не боксировать, а уничтожить его. Правила войны не могут быть соблюдены, как правила бокса; каждый бьет всеми средствами, чтобы убить скорее. В Аустерлицком деле мы были уверены победить фланговым движением, и оно было прекрасно и очень умно, но Бонапарт победил потому, что французы дрались, и в середине, и на флангах, и везде, с большей энергией и с большим единством, чем мы, и по той еще весьма простой причине, что Бонапарт не велел отводить пленных, что в горячем деле удваивает войска: ибо всякому военному известно, как охотно два здоровых солдата ведут из под огня легко раненного в руку.

Наука может быть полезна для умственной гимнастики, но для успеха войны нужны только сытые, озлобленные и послушные солдаты и как можно побольше.

И это знал Наполеон лучше всех и выигрывал свои сражения не оттого, что он был гений (я убежден, что он был очень от этого далек), а напротив оттого, что он был глупее своих неприятелей, не мог увлекаться умозаключениями и заботился только о том, чтоб солдаты были сыты, озлоблены, послушны и чтоб их было очень много. Но я увлекся не своим делом – рассуждениями. Аустерлицкое сражение было нами проиграно постыднейшим образом, несмотря на наше превосходство сил и ума. Мы хотели обойти во фланг, но почему то (из наших военных историков не видно почему) везде были отбиты, а наполеоновские солдаты дрались везде, где были враги, и отбили нашу атаку на левый фланг и нас сбили везде с позиций, хотя ничто не мешало нам сбить их с позиции, кроме того, что наши войска были менее сыты, менее озлоблены и менее послушны одной воле, и солдат наших было гораздо меньше, потому что солдаты наши очень скоро, никем и ничем не удержанные, бежали⁵⁶⁹ из фронта.⁵⁷⁰

Чтобы ясно понять, в чем было дело, надо сначала живо представить себе, что такое 90 тысяч войска. 200 человек вместе это огромная толпа, занимающая пространство более, чем может поместиться, не теснясь, в самой большой комнате, 1000 человек – это в пять раз больше, то есть пять таких толп, 90 тысяч человек, не теснясь, займут пространство двадцати верст. От одного фланга армии проскакать до другого, посадив лошадь, надо было более часу

⁵⁶⁸ *Зачеркнуто:* враги

⁵⁶⁹ *Зач.*: от неприятеля

⁵⁷⁰ *Поперек текста:* Мы были разбиты от чиклопа [?]План и диспозиция

– это расстояние почтовой станции. Когда столпились войска в утро 19 числа и кавалерия проходила мимо пехоты, заграждая ей дорогу, то пройти всем 84 эскадронам нужно было три часа. Тут шли и немцы, и венгерцы, и белокурые, и брюнеты, и толстые, и худые, и малые, и большие, с большими и малыми усами. Пересчитать всю армию по человеку заняло бы три дня, ежели бы считать, не переставая.

Переписать всех людей заняло бы⁵⁷¹ два месяца. Армия съедала в день около 200 волов мяса и съедала в день около 1000 четвертей, 3000 возов, хлеба⁵⁷² и овса. Ни один человек из всей армии не видал и не знал $\frac{1}{100}$ всей армии. Каждый человек имел по два или по три орудия смерти. Это всё количество людей было растянуто на двадцать верст и двигалось в утро и ночь 19-го ноября. Такое же количество, столь же растянутое, двигалось за чертой наших аванпостов в армии Бонапарта, столько же лошадей и волов в той и другой армии.

Сражение происходило на границах Моравии и Богемии, т. е. в славянской земле, принадлежащей Австрии. Люди ходят там в куртках, бреют бороды, носят кушаки и шапки. Они красивы, высоки и сильны. Поля большие и тогда хорошо обработанные, много садов и виноградников. Деревни большей частью в низах и лощинах для воды, закрыты летом зеленью садов, а зимой бесснежны, в том краю виднеются из за каменных заборов и оголенных фруктовых деревьев и кустов крыши, крутые и черепичные. Народ говорит по моравски, любит пестрое в одежде и груб и дик. Тут к северу горы, покрытые сосновым лесом, где водится много дичи, южнее⁵⁷³ большая дорога, ведущая из главного города Моравии, Брюнна, в Ольмюц и из Брюнна в Вену, которая уже была занята французами.

По дороге кое-где деревни и станции, еще южнее больше деревень в горах, которые становятся плоче и приближаю[тся] к низу, к руслу речки Гольдбаха и к прудам, в которые она втекает. Это место плодороднее и по нему⁵⁷⁴ больше садов и деревень.

Когда начались военные действия, которые я описываю, т. е. по пришествии войск и гвардии из России, Наполеон занимал Брюнн, мы Ольмюц; от Наполеона к нам вела большая Ольмюцкая дорога, разоренная уже прежде.

Но, чтоб понять наше положение, я прошу читателя представить себе челнок, которым ткнут. На нижней оконечности острия челнока Вена, на верхней Ольмюц. На правой стороне большого расширения замок Аустерлиц, на левой Брюнн, один из лучших городов Австрии. В расширении челнока 25 верст. От расширения челнока до высшей оконечности – 60 верст.

Наполеон отступал от Ольмюца до Аустерлица прямо к югу, от Аустерлица он поворотил влево так, что перед сражением мы стояли на одной стороне расширения челнока, он на другой. Цель наша состояла в том, чтобы отрезать ему сообщение с Венной; для этого предположено было атаковать его правый фланг. Сзади нас был Аустерлиц, сзади его был Брюнн. Сзади нас была Венгрия, сзади его Богемия. Мы шли вперед, он отступал. Отступая, он выбрал позицию. Мы решились отрезать его правый фланг, в какой бы он ни был позиции.

19-го в ночь, когда он получил известие о нашей диспозиции, он занял следующую позицию против Брюнна. Левый фланг его упирался в Богемские, поросшие лесом, горы. Обойти и побить его там было трудно. От этих гор начинались лощина с речкой и деревнями по речке, и озерами, и опять речкой. Сзади его были горы и ущелья. По речке и прудам, начиная с левого фланга, были деревни Гиршковиц, Пунтовиц, Кобельниц с большим прудом, это был его центр, и Сокольниц и Тельниц, около которого были пруды, которые составляли его левый фланг и тот самый, на который мы хотели напасть, чтобы отрезать его от венской дороги. У нас не было позиции – мы шли вперед, уверенные, что линия ручьев не занята, что Наполеон находится

⁵⁷¹ *Зачеркнуто:* две недели

⁵⁷² *Зач.*: и столько же

⁵⁷³ *Зач.*: деревни все

⁵⁷⁴ *Зач.*: течет

далеко сзади их и может быть отступил в ночь еще много дальше. Вместо того, чтобы отступить в эту ночь, Наполеон выдвинул находившиеся сзади корпуса Сульта и Бернадота к центру, к Кобельницу, и Ланну, переходя по 50 верст в сутки, велел идти сзади из Богемии к полю сражения. Мы шли во мраке, рано утром 19-го числа, с убеждением, что Наполеон более десяти верст отдален от нас, а Наполеон в ночь стал ближе к нам на пять верст, чем был с вечера. Впереди центра Наполеона была в овраге деревня Працена и за ней высоты. К этим высотам шел наш центр, фланги тянулись справа и слева. Левый – Б[агратиона] против Брюнна, правый – Буксгевдена против прудов Тельница.

Мы искали Наполеона и полагали застать его в отступлении, мы боялись даже, что не успеем догнать его и потому не имели никакой позиции, кроме той, в которой нас застал рассвет. Он же получил в ночь сведения о нашем намерении атаковать его 20 ноября, выбрал перед Брюнном лучшую позицию и подвинулся вперед. Выгода неожиданности вдвойне была на его стороне. Мы ждали выгоды своего неожиданного нападения, и встретили неожиданное его нападение, но всё это не мешало тому, чтобы план атаки генерала Вейротера не был очень хорош и чтобы [мы] не могли, разбив правое крыло Наполеона и удержав центр, отрезать его от венской дороги.⁵⁷⁵

Ночь была темная, облачная, изредка проглядывал месяц, костры пылали всю ночь, в обоих лагерях на расстоянии пяти верст друг от друга. У нас ждали сраженья, но четырехдневное наступление без боя и ожиданье сраженья делали приготовления менее заметными.

В 5 часов утра – еще было совсем темно, зашевелились на всем пространстве колонны пехоты, артиллерия и кавалерия. Дым от костров, в которые бросали всё лишнее перед выступлением, ел глаза, было холодно и темно. Офицеры выпивали торопливо чай, солдаты отбивали ногами трепака, согреваясь, и стекались против огня греться и закуривать.

Австрийцы колонновожатые служили предвестником выступления. Как только показывался австриец, значило идти, и солдаты сбегались в ряды от костров, прятали в голенищи трубочки и строились. Офицеры обходили ряды. Деньщики снимали палатки и увязывали. По команде трогались, во всех рядах крестились, и шелестил топот тысяч ног и двигались колонны, не зная, не подозревая куда и ожидая со всех сторон неприятеля. Но, сталкиваясь с другими колоннами, приятное чувство распространялось по рядам, чувствовалось, что наших очень много. Опять впереди скомандовали «стой» и прошло три часа – проходила кавалерия. Но наконец шли дальше, еще дальше, прошли под гору, поднялись, какой то лесок, или сад, или деревня попали вправо, наших уж не попадалось. Не попадалось и неприятеля и, по времени и направленью судя, прошли уже версты четыре по направленью к неприятелю. Жутко становилось. Солдаты шутили и курили. Стало рассветать. Впереди шла кавалерия, не русская по мундирам – это были австрийские эскадроны Кинмеера. Приятно было думать, что прежде начнет дело кавалерия и что неприятель не застанет нас врасплох, но вот кавалерия взяла вправо и пехота осталась одна. Впереди ее была деревня. Рассвело уже хорошо и перед деревней виднелись стрелки. – Не наши ли? – Но вот проскакал генерал Дохтуров⁵⁷⁶ с адъютантом, офицеры забегали по рядам. Лица всех переменились, на всех один отпечаток важности минуты.

– Ребята, не стрелять без команды, – прокричал капитан. Ребята – солдаты – ощупывают сумки с зарядами и оглядывают ружья.

Вдруг дымок, гул и ядро, пролетев⁵⁷⁷ справа по кавалерии, зарекошетировало.⁵⁷⁸ <Один, другой, третий выстрел и загорелось дело на крайнем левом фланге в колонне⁵⁷⁹ Кинмеера,

⁵⁷⁵ Поперек текста: Тупое, скучное, спорное наступление колонн. Долохов.

⁵⁷⁶ Зачеркнуто: <Кинмеер> Ланжерон

⁵⁷⁷ Зач.: над головами

⁵⁷⁸ Зач.: в обозе

⁵⁷⁹ Зач.: Дохтурова, которая должна была взять Тельниц

которая атаковала Тельниц. Пехота спешит на выстрелы и только входит под огонь. Дело завязалось на левом фланге, к [?] Тельницу Кинмеера ждал [и] более часа. Буксгевден с колонной Дохтурова, вместо того, чтобы сейчас притти, приходит часом позже[?]. Буксгевден был пьян. Дохтуров ждал более двух часов колонны Ланжерона.>

Было 8 часов. Капитан Шишкин был в следующей слева колонне Ланжерона, которая должна была тотчас поддерживать Дохтурова. Он встал также в 5 часов утра, обдумав всё хозяйство роты с фелдвелем. Он, как опытный человек, отослал часть обоза в вагенбург и велел разобрать сухарей на четыре дни. Хотя это было и запрещено, он считал это лучшим. Войска Ланжерона шли в следующей последовательности [?]: 8-й Егерский, Выборгский, Пермской и полк Ш[ишкина], Курский. За ними шла бригада Каменского, Фанагор[ийский] и Ряжской. Шишкин перекрестился, осмотрел сам все ряды роты⁵⁸⁰ и пошел рядом. Хотелось итти поскорее, поскорее. Справа слышалось движенье колонны Дохтурова. В темноте заметно было только, что они расходились под острым углом. Отстав несколько, скомандовали спереди «стой», поставили ружья в козлы и началось то же, что было вчера. Офицеры собрались около артиллерии, пошли разговоры. «Вам хорошо: на лафете посидим,» – юнкер сидел на лафете, – «да и закурить есть обо что – фу, черти, немцы, своих дорог не знают, холодно». Генерал проехал с видом, что ни он, никто не виноват, впереди шелестило. Офицер ходил посмотреть.

Офицеры Курского полка, составлявшие арьергард, сошлись около забора каменного и закусывали, солдаты тоже лежали.

– Я под стенку, дело то лучше будет, – говорил прапорщик Акимов.

– Однако, у меня в роте одного вырвало, – сказал Шишкин. Страшно было офицерам и тем более солдатам говорить о их положении, но все чувствовали, что они заброшены сюда бог знает зачем, и что начальство забыло про них. Ланжерона они не видали ни разу после задержки на дороге. Туман поднялся клубами. Иные становились на забор и, храбрясь, разглядывали неприятелей, перестреливавшихся спереди и в Сокольнице, которого высокой замок ясно стал виднеться.

– Вон наши каменские показались. – Акимов, молодой человек, храбрый (излишне возившийся), влез тоже на забор.

– А нас перебьют, господа, уж я вижу, – выразил он по неопытности общую мысль, которую никто, однако, не высказывал. – Чем бы нам вместе ударить, мы все опоздали и видно, что нас обойдут. Перебьют всех. – Шишкин рассердился.

– Не знаю, как перебьют, а побить побьют таких молодчиков, – сказал он грубо, – что без году неделю служат и тоже рассуждают, ничего не понимая. Начальство знает, что делает. Эй!⁵⁸¹ горнист, огня!

Ядры изредка перелетали через кружок офицеров.

– Вот вы лучше не кланяйтесь! – прибавил майор, подтверждая слова Шишкина, – а генералы свое дело пусть делают, а мы свое.

– Смотрите, смотрите, и то, что то там затевается, – сказал кто то и, как будто в опровержение Шишкина, справа закипела перестрелка и через лощину, которая одна видна была справа, показались быстро проходящие одна за другой колонны. Присмотревшись, рассмотрели, что это были французы. Было девять часов. Наполеон, увидав, что большая часть наших войск спустилась в лощину Голдбаха, в которой находилась группа офицеров, про которую мы говорили, и отделялась от Праценских высот, которые он хотел атаковать, более чем верст на пять закрытые еще холмами, выехал вперед и веселый, счастливый, сияющий отдал приказания маршалам и приказал атаковать. Панаши свиты заколыхались, поскакали адъютанты. Наполеон

⁵⁸⁰ *Зачеркнуто:* выпил

⁵⁸¹ *Зач.*: Петров,

был в том особенно веселом, счастливом расположении, в котором бывает каждый человек изредка в ясный, солнечный день после хорошего, как детского, сна, когда лицо кажется прекрасным, все морщины сглажены, глаза блестят ровным, спокойным блеском и губы складываются, без усилия и просто, в улыбку или в бесстрастное выражение, когда всё запутанное кажется ясным, и всё представляется только в круге возможной и увенчанной успехом деятельности, когда человек верит в себя, в свое будущее и счастье, и когда, вследствие этой веры, всё для него легко и возможно. Наполеон в день Ауст[ерлицкого сражения] был в этом редком, ясном настроении духа. Красота и счастливое спокойствие (не гордое) его лица поразило в это утро всех окружающих и по тому таинственному, непризнаваемому людьми психологическому телеграфу, как молния, разнеслась и сообщилась каждому m-r Mussart и Jobard великой армии.⁵⁸²

В это время Волхонской, сопровождая Кутузова, а Кутузов, сопровождая императора, выехали к 4-ой колонне на Праценские высоты. В главной квартире встали гораздо позже, чем вчера[?] [1 *неразобр.*]

Итак, четыре колонны левого фланга уже спустились с высот, чтобы атаковать французов, когда императоры⁵⁸³ вышли на серое, туманное утро, чтобы садиться верхами и ехать в поле – на Праценские высоты, с которых должно было быть видно поле сражения. Лица главного штаба выехали весело на рассвете, сожалея только о том, что им не удастся принять участие в самом бое. Кутузов был уж давно на лошади и, в сопровождении своих адъютантов и женоподобного Волхонского, сам вел колонну на Праценские высоты. Колонна эта должна была занять место Ланжерона и Пржшебышевского, сошедших с нее. Кутузов был в этот день совсем не тот главнокомандующий, каким его знали прежде в Турции и после при Бородине и Красном. Не было в нем этой тихой, прикрытой беспечностью и спокойствием, старческой силы презрения к людям и веры в себя, светившейся всегда из его узких глаз и твердо сложенных тонких губ. Он был скучен и раздражителен.⁵⁸⁴ Он отдавал приказания только о движении, но ничего не приказывал.

– *Allez voir, mon cher, si les tirailleurs sont postés,*⁵⁸⁵ – сказал он Волхонскому.

– *Ce qu'ils font, ce qu'ils font,*⁵⁸⁶ – сказал он.

Волхонской поскакал и приехал с известием, что впереди их стрелков не было. Распорядились. Стало светать. Разные были люди в главной квартире: 1) кто старался всё делать медленно и обдумать всё, до чулок, 2) кто торопился, искал шевеленья [?],

3) кто был глупее и тупее обыкновенного, 4) кто готовился на подвиг всеми силами души, 5) кто ничего не видал, не слышал, всё было в тумане, 6) кто был, как всегда, болтал по французски и ничего не понимал, 7) кто уж перестрадал и был спокоен, как Волхонской.

Наконец слышались выстрелы. Поднялись уши у людей и лошадей, показались панаша государей. Веселы, чистые, молоды, солнце – ярко, лошади чудесны. Кутузов скучен. Началось, (улыбка) – да.

– Жалко, что мы не будем.

– Чтож вы не начинаете, Михаил Илларионович, – и лицо, вечно насмешливое, оскорбило государя.

– Мы не на Царицыном лугу. Оттого то и не начинаю. – Сзади зашевелилось, недовольство, упрек. «Такого счастливого царя, можно ли смеяться». Нехорошо!!!

– Коли прикажете...

⁵⁸² *Поперек текста:* Выезд Бонапарта.

⁵⁸³ *Зачеркнуто:* выехали

⁵⁸⁴ *Поперек текста:* Выезд императоров.

⁵⁸⁵ Ступайте, мой милый, посмотрите, поставлены ли застрельщики

⁵⁸⁶ Что делают, что делают,

– Ну да, с богом. Фигуры grotesque,⁵⁸⁷ милая и красивая – шляпа с поля, вертится тут.
– Кто это? – Милорадович. Начинать. Адьютанты зашевелились, знамена, музыка и двинули полки еще лучше смотра Ольмюца.

– Здорово, ребята.

– Здравья желаем, ваше императорское величество.

Милорадович: – Вам, ребята, не первую деревню брать. В свите голоса: «как он умеет, как никто, оживить, слово сказать русскому солдату». Государь улыбается, молодцы карабинеры прошли лихо, вольно, впереди новгородцы. Им – памятным новгородцам – не успели слово сказать. Не воодушевля[енье], солнце, светло. Два царя, всё умные, милые, красивые лица. Волхонской всё смотрел.⁵⁸⁸

Драгуны, кирасиры, конца нет. Говорят: ошиблись, заве[ли] их⁵⁸⁹ на гору, действовать нельзя.

– Вот, черти, своей земли не знают. Теперь идут направо.

– Да они вчера оттуда шли? То то переврали. Скоро пройдут часа два. Так мы успеем схватить вистик. Ей, давай барабаны.

– А я успею послать за⁵⁹⁰ шубой. Свежо, чорт возьми. Стало светать. Все стояли.

– А нынче быть драке...

– Э, вчера тож говорили, так простояли.

Наконец тронулись. Адьютант прискакал, сердито погоняя и требуя быстроты. Все только того желали. Только что тронулись. Офицер, пославший за шубой, всё оглядывался и боялся, что его распекут за отправку солдата, как слышались выстрелы левее.

– Это ярославцы должно быть, что подле нас стояли, – говорили солдаты. Полки всё погоняли. Выслали стрелков. Дохтуров уже давно дрался и не шел вперед, теряя время, когда, задержанный кавалерией, подходил Ланжерон, но место, которое он должен был пройти, было уже занято неприятелем. Вся дивизия Фриана успела притти на место. Не успели опомниться солдаты и офицеры, как они почувствовали себя под огнем артиллерии и увидели в первый раз, как понесли раненных, и отходили от убитых. На речке стоял неприятель и не уступал нам. Немного погодя сошлись в низы к речке и третья колонна Пржебышевского, тоже задержанная кавалерией, из тех, которые назначены были атаковать левый фланг. На этом пространстве двух верст квадратных, где была речка, пруды и три деревни, внизу стоял густой туман. Все стреляли друг в друга, но не подвигались ни вперед, ни назад. Буксгевден был пьян. Три начальника действовали отдельно, без связи, и все опоздали. Однако, сорок тысяч человек⁵⁹¹ стреляли тут друг в друга и тысячи уже были убиты. Французы удерживались на местах, а мы должны были итти вперед, туман мешал нам.

Атака наша во фланг была слаба, потому что колонны наши, задержанные непредвиденными обстоятельствами, приходили часа по полтора одна после⁵⁹² другой. (Я прошу вспомнить, была ли когда война в России после Екатерины и до Александра II, чтобы колонны наши не были задержаны непредвиденными обстоятельствами? Давно бы пора предвидеть и расстреливать эти непредвиденные обстоятельства, ибо такие непредвиденные обстоятельства стоят из за лени, необдуманности, легкомыслия двух-трех жизни десяти тысяч и позора миллионам.) Итак авангард Кинмеера расчистил первый себе дорогу, но не мог удержаться, не был поддержан 1-й колонной Дохтурова, ведомой Бенигсенем, опоздавшей на час. Дохтуров занял Тель-

⁵⁸⁷ [забавные.]

⁵⁸⁸ *Поперек текста:* Лошади под государем и Кутузовым бьют землю и не понимают, о чем говорят седоки. Паника и паден[ие]. В[олхонской] с Т[олстым] опять.

⁵⁸⁹ *Зачеркнуто:* в овраг

⁵⁹⁰ *Зачеркнуто:* лошадей

⁵⁹¹ *Зач.*: дрались

⁵⁹² *В рукописи:* подле

ниц, но не мог удержаться, не быв поддержан колонной Ланжерона, опоздавшей еще на час, вследствие загороженной дороги кавалерией, спутанной еще с вечера, опоздавшей тоже на час. Наконец, овладев Тельницем и потеряв много времени и людей, Дохтуров и Ланжерон остановились, ожидая 3-ю колонну Пржебышевского, опоздавшую в свою очередь, и которая должна была выравняться с ними. Все эти задержки сделали то, что дух войск этих упал, что потеряно пять тысяч человек там, где много было две, и что одна дивизия Фриана в шесть и до восьми тысяч человек занимала и противустояла до десятого часа двадцати пяти тысячам русских и дала время Наполеону обратить все свои силы на центр. Те, которые были причиною этого, австрийские колонновожатые, на другой день чистили себе ногти и отпускали немецкие вицы, и умерли в почестях и своей смертью, и никто не позаботился вытянуть из них кишки за то, что по их оплошности погибло двадцать тысяч русских людей и русская армия надолго не только потеряла свою прежнюю славу, но была опозорена. В центре стояли, несмотря на направление трех сильных колонн на левый фланг, еще тысяч двадцать человек австрийцев и русских, там командовали оба императора, Кутузов и все молодые люди, окружавшие императоров. Наполеон, свободный нашими ошибками на его правом фланге, всеми силами напал на центр, на Праценские высоты. Русские и австрийцы не ожидали нападения, а думали сами нападать, но вместо того, чтобы защищать эти высоты, они отступили (на языке военных историков), по русски же струсил и бежали, хотя очень могли бы защищать. Правый фланг остался отрезан от левого и центр прорван. Ланн занимал правый фланг, хотел смять и полонить его, но не мог, по той же самой причине, необъяснимой военной историей, по которой Буксгевден не мог смять с тремя колоннами одной дивизии Фриана. Багратион с правым флангом отступил в порядке. А центр бежал. Тогда Наполеон всеми силами ударил на Буксгевдена и перебил все три колонны, его прогнал, побил и забрал в плен и все бежали, кто куда мог. Военные историки говорят, что это произошло от того, что колонны Буксгевдена зашли в пруды и болота, но я никак не могу понять, отчего в болотах одни биты, а другие бьют, ибо для того, чтобы бить в болотах, надо самому быть в болотах, и почему французы били, а мы были биты в болотах, остается непонятным из военной истории, точно так же, как и то, почему русские центра стояли на высотах, а французы шли низом и всё таки русские бежали и были биты? Так неудовлетворительно рассуждает и объясняет военная история. Эпические поэты, военные историки рассуждают и описывают еще иначе. Они говорят: едва яркое солнце, знаменитое солнце Аустерлица, поднялось над Моравскими горами, как великая битва трех императоров закипела на долинах Моравии. Гул сотен орудий загредел над окрестностями и храбрая стена русского, неподражаемого воинства грудью (непреренно грудью, хотя я решительно не понимаю, какое дело груди на войне. Голова, руки и ноги я понимаю, но грудь, как и другие части тела, остаются совершенно излишними на войне), итак, грудью двинулось воинство против врага. Едва туман рассеялся, как тысячи храбрых полетели на неприятеля. Вот ближе, ближе уже враг и настает минута торжества, но ряды редуют и трупы храбрых устилают (непреренно устилают) достопамятное Аустерлицкое поле. Храбрый Дохтуров, как лев, летает от одного полка к другому и наконец усилия его увенчаны. Русские знамена развеваются над Тельницем. (О том, что русских двадцать тысяч против восьми, о том не говорится, так же, как и о том, что ни Тельница, ни Сокольница совсем не нужно для славы и счастья русских). Но вот бой загорается в центре, доселе непобедимые когорты Бонапарта, как неудержимые волны, несутся навстречу русским, тщетны усилия и жертвы храбрых, венчаные полководцы с горестью видят близкое торжество врага, но вот питомцы великого Петра – гвардия – под командой самого великого князя двигается на помощь. Величественное зрелище предстало. Земля стонет под топотом коней и, как порывы бурного ветра, мчатся эскадроны и уничтожают все преграды на своем пути. Но вот преграда садов, и храбрые гибнут полки, Багратион, питомец Суворова, удерживает отчаянные натиски врага и т. д. и т. д. и вот другое описание сражения, из которого всё таки вопрос, щемящий тогда, теперь и вопрос, который всегда щемит сердце, пока будут рус-

ские, вопрос, почему так постыдно разбито русское войско, вопрос этот не получает ответа. Должно быть нельзя иначе, и это не наше дело.

Мы пишем выдумки, роман, а не военную историю. Мы только хотим рассказать, что случилось 20 ноября 1805 года с нашими выдуманными лицами.

Шишкин вышел из палатки, только что заслышал адъютанта, нахмурился и кликнул фелдфебеля. Солдаты у костра недалеко от него, которые спали, стали потягиваться, другие с трубочками. Всё засуетилось. Кто натягивал шинель, подпрыгивая и стараясь впрыгнуть в рукава шинели, кто увязывал мешочек.

– Ну, брат, не жалея, немцам оставь в наследство, – смеялся один солдат другому про калоши, которые он было брал с собою.

– Я нездоров, Иван Захарыч, – пришел к Шишкину поручик, всегда бывший на дурном счету в полку, батальоне и роте. – Я очень нездоров, – говорил он робко. Шишкин ничего не говорил, пристально смотрел на него.

– Всего ломает, и вот тут боль такая, и не ем ничего, и вдруг сделалось. Я поеду в вагенбург. – Он не умел притворяться.

– Идите к доктору и сами доложите полковому командиру, мне некогда, – сказал Шишкин.

– В ружье! – скомандовал он роте. Он был уж совсем готов.

* № 17 (рук. № 46).

Волхонской видел, как спустились карабинеры и новгородцы, отсталые, рысью догоняли. Они скрылись. В свите говорили о том, что ночевать придется может быть далеко, что мы завлечемся, преследуя Наполеона. Многие были веселы – из неопытных, не бывалых в делах, думали уж, что только и будет сраженья, что это стоянье здесь, наверху, и созерцанье побоища Наполеона. Двое спорили о том, справедливо или несправедливо, что нам, штабным, дают первые награды. Волхонской сказал:

– Чтож, надо признаться – они работают больше нашего, но что же делать – они chair à saupon,⁵⁹³ а мы соль земли (он говорил по французски).

В свите большинство ничего не понимало: что идет? куда? зачем? где правый, где левой фланг? Ждали, что пошлют и, стиснув нравственно зубы, брэнча саблей и принимая воинственный вид, неслись. Только государи и ближайšie к ним, видимо, понимали и интересовались чем то, и были различных мнений с Кутузовым. Но о чем – этого не мог понять Волхонской и завидовал им. Вдруг между ближайшими свиты зашевелилось, заговорили, стали страстно вырывать друг у друга зрительную трубку и что то указывать. Лица переменились. Стали озабочены и испуганы.

На войне всё делается скоро – зашевелилось – куда то поскакали. И вдруг выстрелы ближе, ближе, куда ни посмотрите, везде испуг и страх. Волхонской к Кутузову. Кутузов говорит:

– Посмотрите, они бегут. – Волхонской всё понял. Он поглядел, лихие мушкатера бежали. Он помнил лицо одного мушкатера, рыжего, пригинавшегося.⁵⁹⁴ Волхонской испугался, как никогда в жизни, и ему стало стыдно и гадко. Он бросился вперед собирать солдат. Раненный офицер. Здоровый бежит.

– Подлец! Куда?

– Да подите ка, суньтесь.

---

⁵⁹³ [пушечное мясо,]

⁵⁹⁴ *Поперек текста:* Русские дерутся с австрийцами.

– Стой, стой. Он увидел французов, стройно двигавшихся впереди артиллерии. Наша сыпала картечь, но без меры. К[утузов]:

– Вели стрелять на батареях картечью. – Он подскакал к орудиям. Старый офицер бледный.

– Главнокомандующий приказал стрелять картечью.

– Уже давно стреляем.

Тут же скомандовал: «бери на отвозы». 2-й номер торопливо не попадал в дуло. Он подъехал назад – французы были ближе. На горе была толпа панашей бегущих, г[осударя] впереди. Австрийцы бежали. Офицеры притворялись, что отступали. *Wo ist der General en chef, wir retrogradieren.*⁵⁹⁵ Французы шли бодро и еще ближе. Кутузов собирал бригаду. Он любил Волхонского.

– Ваше высокопревосходительство, что это? – Кутузов оглянулся.

– Что ты бледен? Скажи, чтоб шел 8-й Егерской. Ребята, вперед! – Французы осыпали пулями, дрогнули, бежали. Вот юнкер и два молодых бросились вперед. В это время подскакал гусар.

– Багратион требует конницы. – Это был Толстой. Он видел, как Волхонской исчез на лошади и упал с знаменем. Он взглянул на Толстого. Этот взгляд был и мир, и любовь, и значение. Солдаты побежали назад. Толстой уехал. Он едва ускакал от французской конницы, делавшей атаку.

Борис вышел вперед: «Это наши. Ядро. Стройся». Великий князь: с богом, в атаку. Они не стреляли. Борис⁵⁹⁶ бежал впереди всех, только боялся отстать. Французы застреляли и побежали. Очнулись, уж французы шли. В это время скакал кавалергардский.

– Смотри, наши – прелесть. Наши застреляли.

– Отступить!

– Зачем?

– Не извольте рассуждать. – Это говорил тот, с кем он играл в вист. Берг схватил шпагу в левую руку. Это не нужно было.

Толстой не застал нас уже на своей позиции, мы отступали. Он пристроился к Багратиону.

– Толстой, ступай к павлоградцам, вели атаковать. – Все грустны, его окружают, рассказы.

– Отрезали. – Шишкина вернули с 1600 человек и на них обрушилась вся артиллерия. Его били, смяли. Бегут. Он, как зверь. Не видит, не понимает, только слушает команду и не велит стрелять. Начальство скачет мимо. Но вот генерал шагом едет, тихо спокоен.

– Кто это?

– Дохтуров.

– Извольте отступить. Пошли, успокоились. Пруды. Некуда итти. Какие то пошли по льду, «пошел, ребята». Орудие, одно, другое ядро, всё провалилось. Ш[ишкин] держит и одному своротил скуло ружьем. Ташут корову на лафет, рухается лед. Устроились, вдруг толпа пеших кавалеристов, деньщиков сбили с ног. Ермолов останавливает. Все бегут и Шишкин. Ермолова повезли. Кавалерия сбоку, поскакала (она отняла Ермолова). По льду Дохтуров велел, кавалерию бьют по обозам. Запуталась лошадь во льду, бьется и визжит. Ни одного человека полка. Он бежит. Толстой ездит, ищет <государя>. Кутузова находит, Кутузов посылает искать государя. Ищет, никто не знает. Находит, он плачет и болен. Французы торжествуют. У нас отовсюду ждут, обошли все говорят. Отрезали. Ночь, всё бежит. Волхонской исходит кровью.

Толстой на биваке с Ермоловым, разговор о том, что будет. Рассказы. Борис⁵⁹⁷ идет к к[омандиру] п[олка]; Берг уже интригует.

⁵⁹⁵ [Где генерал-аншеф, мы отступаем.]

⁵⁹⁶ *Зачеркнуто:* вел себя блестяще

⁵⁹⁷ *Зач.*: убит

Гос[ударь] написал записку Мортье, уверяя, что перемирие. Всех обвиняют в штабе, кроме себя. Поляк. Не дрались солдаты. Войска возвратились par journées d'étapes.⁵⁹⁸

—

Роды княгини. Инвалид. Смерть.

Письмо княжны и Волковой, разъезжающиеся, о Аустерлицкой битве.

1) Свидание Бориса и Nicolas. Столкновение с к[нязем] А[ндреем].

2) Смотр.

3) Б[орис] с к[нязем] А[ндреем] ходит по штабам.

4) Дело под Вишау. Государь, раненные.⁵⁹⁹ Nicolas в первый раз имел [?] женщину [?], проиграл Д[олохову], наглость, подним[ал] ранен[ого].

5) Долгорукий⁶⁰⁰ возвращается после свидания с Наполеоном: все смотрят, как на бога. К[нязь] А[ндрей] говорит с восторгом, расспрашивает.

6) Военный совет. Ночь, месяц, туман. Князь Андрей. Что я такое?⁶⁰¹

* № 18 (рук. № 49).

<⁶⁰² В Москве жило семейство В-ых с 1801 по 1825-й год, когда умерла мать и пережившие сыновья и повышедшие замуж дочери, кроме одной, оставшейся девицей, поразьехались и дом В-ых уничтожился. Отец их, умерший в 1796 году, был министром и имел двадцать пять тысяч душ. Тот, кто не знал В-ых в Москве, тот не знал хорошего московского общества. С 1805-го года старшая дочь Катишь В. сдружилась с княжной Мари Волконской. Мари жила в деревне с отцом <и в Петербурге, изредка в Москве>. Катишь жила в Москве и на даче. Между ними завязалась та женская высшего общества переписка, которая в то время считалась нравственной необходимостью для каждой хорошо воспитанной девушки и женщины. Переписка эта была – обычай, для них же она казалась душевной потребностью и влечением. Переписка была на французском языке <и для того, чтобы дать понятие читателю> я привожу одно письмо в подлиннике, остальные я буду переводить.

Беру письмо 1805 года, когда обеим барышням было по 18 лет и когда дружба уже продолжалась 8-й месяц.

Письмо княжны Мари к Катишь В.>

* № 19 (рук. № 47).

ДЕНЬ В МОСКВЕ.⁶⁰³

<Имянины в Москве 1808 года>.

⁵⁹⁸ [переходами.]

⁵⁹⁹ *Зачеркнуто:* Берг подделыва[ется]

⁶⁰⁰ *Зач.*: на аванпостах

⁶⁰¹ *Поперек текста позднейшие заметки:* <Nicolas Ростов> Гвардия, гнев великого князя. Б[орис] и Б[ерг].N[icolas] P[остов] видит бегство и государя с Толлем.К[нязь] А[ндрей] истекает кровью, добр и примирился, и всех жал[еет]. Я – ничтожество. Бог.

⁶⁰² *Зач.*: Прошел год.

⁶⁰³ 1. *На полях:* За обедом умный и тонкий разговор о политике между графом и холостяком, циником, остряком. Борис вступает. И [ван] К[уракин]. Берг за правительство. У детей хохот: П[етр] К[уракин] повесничает – приходите к нам. 2. <Разговор графинь о детях. Берг к княжне>. Большие и малые о Бонапарте. Дети свое. Дружба навеки 4-х. Борис и княжна. Борис жил у Т[олстых] его любит, он любит. Мать приехала за ним и он едет в артиллерийское училище. Чувство довольства собой.

1.

– Очень, очень вам благодарен за себя и за имениниц, – говорил граф⁶⁰⁴ Плохов, провожая до передней всех гостей, приехавших поздравлять его, жену и дочь, – пожалуйста, приезжайте обедать. Вы меня обидите. Пожалуйста, пожалуйста, душевно прошу вас от всего семейства. – Эти слова, с одинаковой доброй, открытой улыбкой на бритом, полном и круглом лице, крепко пожимая руки и несколько раз кланяясь, граф говорил всем приехавшим, а приезжала вся Москва. В гостиной сидела графиня, старшая дочь,⁶⁰⁵ домашние и гости, всё утро сменявшие одна другую. Граф, проводив гостя, возвращался в гостиную, придвигал кресло к гостю или гостье, садился и, расставив ноги и положив на колени руку, счастливо улыбаясь, на дурном французском языке (он плохо говорил) советовался о погоде, опять звал обедать и опять шел провожать. А в длинной мраморной зале десятки официантов носили светлое, новое серебро, саксонской росписной фарфор, вазы плато, двигали столы и расстилали белейшие камчатные скатерти, в кухне в белых колпаках работали повара и поваренки на 60 персон. Дмитрий Васильевич – дворянин, заведывавший делами графа, руководя приготовлениями обеда, соображал и покрикивал.⁶⁰⁶

К подъезду подъезжали и отъезжали один цуг за другим. В гостиной сидели две гостьи дамы и шел тот обыкновенный разговор на французском языке, который затевают ровно настолько, чтобы иметь право, при первом молчании, встать, зашумев платьями, и пройти назад до передней и кареты.

---

⁶⁰⁴ *Зачеркнуто:* Простой

⁶⁰⁵ *Зач.*: и не в новых платьях и лентах

⁶⁰⁶ *Зач.*: Экономка с ног сбилась.– Княгиня Настасья Львовна Корчагина, – доложил лакей в гостиной и вслед за докладом вошла сама княгиня – высокая, сухая бывшая красивая женщина

потом, как это часто бывает, все замолчали. Граф уж хотел спросить, чтоб занять чемнибудь, у гостыи,⁶¹⁰ слышала ли она, что Кутузов проехал, как увидал, что графиня глядела, приятно улыбаясь, на гостыю, но не скрывала, что ее не огорчит, ежели гостыя теперь встанет. Граф оставил. Дочь девица уже оправляла платье, ожидая подъема матери, вдруг в соседней комнате грохот кресел, которые зацепил кто то на быстром беге, детской и юношеской хохот и топот сапог и башмаков обратил вниманье всех к двери. Вбежали почти все вместе: две девочки, одна тринадцати, другая пятнадцати лет и два⁶¹¹ молодых человека, студент и офицер, лет по шестнадцати. Все остановились у дверей, удерживая хохот,⁶¹² одна тринадцатилетняя именинница в белом кисейном платье и длинных черных локонах, падающих на голые⁶¹³ полу-детские плечи, вбежала в гостиную и⁶¹⁴ встряхнула кудрями, взглянув на гостей, с испуганным и разгоряченным лицом⁶¹⁵ остановилась в середине⁶¹⁶ комнаты. Отец, мать и гости, все заговорили в одно время.

– А вот она, идите сюда, я вам ее подержу, – сказал граф, обнимая ее широко руками, еще добродушнее и веселее глядя на любимейшую дочь своими ясными голубыми глазами.

– Ma chère, il y a un temps pour tout,⁶¹⁷ – сказала графиня. – Ты ее всё балуешь, – прибавила, тоже улыбаясь мужу.

– Quelle délicateuse enfant!⁶¹⁸ – сказала старая гостыя и тоже самое жестом и улыбкой выразила молодая девица, дочь гостыи. Délicateuse enfant эта вовсе не была хороша. Все черты лица ее были неправильны, глаза узки, лоб мал, нос хорош, но нижняя часть лица, подбородок и рот, так велики и губы так несоразмерны толсты, что, рассмотрев ее, нельзя было понять, почему она так нравится. Она еще носила открытые лифы и коротенькие юбки. Детские ножки ее в кружевных панталончиках и открытых башмачках содрогнулись, она, как козочка, легкая, тоненькая, грациозная подскочила к матери, обняла ее, спрятала лицо в ее кружевах и разразилась таким смехом, что все захохотали.⁶¹⁹

– Что у вас там? – спросила мать.⁶²⁰

– Мама... мы Бориса... женим... на кукле Мими, – проговорила она сквозь смех.

– Ну,⁶²¹ поди с своей Мими, – сказала мать, нежно отталкивая ее от себя. – Это – моя меньшая, как видите, избалованная девчонка, – прибавила она к гостье.⁶²²

– Мама,⁶²³ мне стыдно, – сказала Наташа, почти сквозь слезы и снизу взглянула на мать.⁶²⁴ Голос девочки был поразительно гибок и изменчив, как и вся ее наружность. Всё, что она

Разумовский... и]

⁶¹⁰ *Зач.*: что она думает про [то], как в Эрфурте император Александр в театре пожал руку Наполеона и при словах Тальма сошлись, как

⁶¹¹ *Зач.*: мальчика или молодых человека, только что выходявшие из отрочества

⁶¹² *Зач.*: спрятались в другой комнате.

⁶¹³ *Зач.*: покрасневшие

⁶¹⁴ *Зач.*: как испуганная, шарахнувшаяся <кобыл[ка]> лошадка

⁶¹⁵ *Зач.*: замерла

⁶¹⁶ *Зач.*: двери

⁶¹⁷ Милая, на все – есть время

⁶¹⁸ Какое прелестное дитя!

⁶¹⁹ *Зачеркнуто*: и из другой комнаты послышалось тоже. – Мама <Борис> Николинька привел Бориса в нашу комнату и он увидал, что я в куклы играю, хотел жениться на Мими и не хочет целовать мою Мимишку. Ну так

⁶²⁰ *Зач.*: – Мы бежали за ним. Николинька... И Мими совестно, она должна была бежать за ним... просить его, чтобы он поцеловал ее... Неправда ли это не делается?

⁶²¹ *Зач.*: убирайся

⁶²² *Зач.*: Нет

⁶²³ *Зач.*: я не хочу с ним играть, он оскорбил Мими.

⁶²⁴ *Зач.*: Голос этой девочки поражае своей прелестью, гибкостью, богатством, разнообразием выражения и в особенности силою, столько же, сколько и вся ее наружность

делала,⁶²⁵ казалось так и должно было быть и было кстати. Гостья любовалась ей, но как это часто бывает с людьми, принужденными присутствовать при семейных сценах, особенно с детьми, она почувствовала необходимость принять участие и участием своим испортила настроение Наташи.⁶²⁶

– Скажите, моя милая, – сказала она – кто вам приходится Мими? дочь верно?⁶²⁷

Но Наташе сразу не понравился тон гостьи, не захотелось ей с этой дамой играть в куклы, не понравилось ей, что под нее, видимо не скрывая того, подделываются.

– Non, madame, ce n'est pas ma fille, c'est une poupée!⁶²⁸ – сказала она резко, смело и таким тоном, который не позволял возражений, присела и своей грациозной походочкой, вздрагивая коротенькой юбочкой, направилась к двери.⁶²⁹ Было ли это учтиво или дерзко никто не разобрал, все⁶³⁰ засмеялись, удержали ее и вызвали жениха Мими, Бориса, молодого графа, Nicolas, и Соню, которая еще держала в руках куклу.

2.

⁶³¹Видно было, что у этой молодежи там, откуда они все прибежали, были совсем другие⁶³² разговоры и радости, чем comtesse Apraksine и талала талала. Все⁶³³ точно в холодную воду попали в эту гостиную.⁶³⁴

– Борис, – (а не Барис, как выговаривают по русски) сказала графиня,⁶³⁵ – как тебе не стыдно в куклы играть, а уже офицер?

Борис высокой,⁶³⁶ шестнадцатилетний юноша, улыбнулся и не отвечал.

– Что, мама не приезжала? – сказал он, видимо желая перестать быть ребенком и вступить в разговор с большими.

– Нет еще.

– Борис Щетинин, сын княгини Анны Васильевны, – сказала графиня, указывая на него гостье.

– Ах, я очень знала Анну Алексеевну у княгини Мещерской в 18..м году. Она здесь?⁶³⁷

– Ma mère est en ville, madame, mais elle vient de sortir,⁶³⁸ – сказал Борис.

– Мама, зачем он говорит, как большой, я не хочу – закричала Наташа. Борис улыбнулся на Наташу и продолжал⁶³⁹ разговор с гостьей.

⁶²⁵ *Зач.*: плакала, смеялась, капризничала, – всё было мило

⁶²⁶ *Зач.*: Она не попала в тон. Она притворялась и нежничала.

⁶²⁷ *Зач.*: что вы <принимаете> так заступаете за ее честь? – сказала она

⁶²⁸ [Нет, это не моя дочь, это кукла!]

⁶²⁹ *Зач.*: Это было неучтиво

⁶³⁰ *Зач.*: покатались со смеху

⁶³¹ *Зачеркнуто*: – Познакомьте меня с вашей молодежью – сказала гостья, отвечая на поклоны всех. Всё это молодое поколение было очень мило, несмотря на то, что всё это были князья, графы и графини.

⁶³² *Зач.*: интересы, более человеческие

⁶³³ *Зач.*: кроме Наташи

⁶³⁴ *Зач.*: но, как хорошо воспитанные дети и юноши, они нашлись здесь и умели себя держать, поклониться и сесть в этой гостиной. Все были нарядны по именинному, все были красивы и здоровы.

⁶³⁵ *Зач.*: что вы это наделали с Наташей

⁶³⁶ *Зач.*: полный белоку[рый]

⁶³⁷ *Зач.*: Талала талала. И Борис <с видимой гордостью>, видимо робея, но на очень хорошем <изысканном> французском языке <пустился в разговоры с гостьей>, отвечал даме <Она вчера приехала из Петербурга и немного устала с дороги>. Она здесь <Non, madame, mais j'attends l'arrivée de ma mère d'un moment à l'autre [Нет. Но я ожидаю приезда моей матери с минуты на минуту] – сказал Борис степенно>

⁶³⁸ [Моя мать в городе, но она только что выехала.]

⁶³⁹ *Зач.*: талала талала

Между тем граф, чтобы занять гостью барышню, счел нужным знакомить ее с своими. Он по порядку, с гордым и довольным лицом, начал представлять своих детей. Довольство собою, своею семьею, было общею чертой всех членов этого⁶⁴⁰ дома.

– Лизу вы знаете, вот она, – сказал граф, указывая на красивую блондинку старшую, <чопорно> сидевшую в гостиной и разговаривавшую с барышней, – вот это моя вторая – Соня. Племянница, но всё равно что дочь. Как видите, пятнадцать лет, а еще играет в куклы.⁶⁴¹ Говорят, это хорошо. – Соня, толстенькая, черная брюнетка, с блестящими глазками, чудной косой, два раза обвивавшей голову, с открытыми красными и, как *beau de chagrin*,⁶⁴² шаршавыми руками и шеей, присела по детски и подошла к барышне. Она сконфузилась и не знала, что говорить.⁶⁴³

– Ну, а это мой сын, танцор и певец, и поэт, и всё что хотите, студент, как видите, но теперь идет в гусары. <Nicolas>⁶⁴⁴ поклонился.

– Мы знакомы с *m-le N.* – сказал он.⁶⁴⁵

– А это мой меньшой, по прозванию клоп, а в крещении Петрушка, – сказал граф, лоя за пухлую красную щеку <толстого неуклюжего с вихрами мальчугана, которому, видимо, здесь совсем не нравилось>.⁶⁴⁶

– Мама, – вдруг сказала Наташа, – можно нянюшке пойти чай пить, она просила. Можно? Я пойду скажу ей.

Наташе стало скучно в этом обществе и, с свойственной женщине быстротой и бессознательной способностью к обману, она придумала предлог уйти из комнаты и выбежала, взглянув на Бориса так, чтобы он понял зачем она выбежала. Борис понял, как только ее не было в комнате, французский поток его красноречия видимо стал ослабевать, он не выбирал своих слов, поглядывал на дверь и замолчал.⁶⁴⁷

Борис сказал что то о последнем бале, и задумался. – Ах, вот кажется *таман*, – сказал он, глядя в окно и, покраснев от своей лжи, тотчас вышел за Наташей.

Соня, в нерешительности постояв несколько секунд,⁶⁴⁸ сдержанно пошла за ними до двери и от двери, оглянувшись на Nicolas так же, как Наташа оглянулась на Бориса, стремительно бросилась, топая ножками, по длинной диванной. Для Nicolas тоже видимо пропала вся прелесть французского разговора и как только разговор на минуту замолк и вошла <толстая высокая гувернантка> спрашивать девиц, он⁶⁴⁹ ушел из гостиной. Маленький пузан сердито пошел за ним.

⁶⁴⁰ *Зач.*: семейства

⁶⁴¹ *На полях*: Довольство собою

⁶⁴² [как шагреневая кожа,]

⁶⁴³ *Зачеркнуто*: и всё взглядывала на Nicolas

⁶⁴⁴ *Зач.*: подошел к барышне еще раз

⁶⁴⁵ *Зач.*: и, не отставая от товарища Бориса, особенно дерзко, несмотря на свои пятнадцать лет, русые курчавые волосы и блестящие голубые глаза, пустился с девицей в разговоры о том бале, где они танцевали последний раз. Соня, стоя подле них, наивно раскрыв рот, ловила каждое слово Nicolas. В этих годах все секреты любви так и написаны на лбу каждого. Даже минутная гостья могла заметить, что происходило у молодежи. Наташа детски кокетничала с Борисом, Соня с Николаем уже верно давно поклялись любить Друг друга.– Я слышала, что у вас прекрасный голос, – сказала ему девица.– И у а *quelques personnes qui ont la bonté de me le dire* [Некоторые по доброте мне это говорят], – сказал он, очень довольный своей фразой. <Борис хорошо держал себя, скромно, прилично и достойно> но Nicolas, несмотря на свои пятнадцать лет, поражал своим <тактом, развязностью и грациозной свободой обращения> уменьем говорить и смелостью и приятными твердыми звуками и интонациями голоса.

⁶⁴⁶ *Зач.*: – Соня, что ты делаешь? – вдруг закричала, как капризный ребенок, Наташа, – ты перевернула, задушила Мими. – Она подскочила к Соне, вырвала у нее <куклу>, которую Соня, забывшись, держала не довольно внимательно <и убежала>.

⁶⁴⁷ *Зач.*: – *Maman m'a chargé de lui envoyer le...* [Мамаша поручила мне послать...] – сказал он, видимо тоже привычную ложь с тем, чтобы найти предлог уйти, и, поклонившись, вышел.

⁶⁴⁸ *Зач.*: <тоже побежала за нею> вдруг стремительно

⁶⁴⁹ *Зачеркнуто*: под предлогом указать девиц вышел за девушками из гостиной. Не найдя предлога

[Далее со слов: – Да, – сказала графиня, после того как луч солнца... кончая: – Что за манера! Уж сидели, сидели, – сказала графиня. – *близко к печатному тексту*. Т. I, ч. I, гл. IX.]

3.

⁶⁵⁰– Боль,⁶⁵¹ – сказала Наташа, как только она вышла с Борисом из гостиной (она картавым ребенком называла его Боля⁶⁵² и теперь называла его так иногда) – подите сюда. Она стояла за цветами в таком месте, где ее нельзя было видеть.

– Хотите поцеловать Мими, Боля?

– Отчего ж не поцеловать? – сказал он, насмешливо улыбаясь,⁶⁵³ и не прямо отвечая на вопрос.

– Нет, скажите: не хочу, пожалуйста скажите: не хочу.

– Ну можно сказать и не хочу. Что веселого целовать куклу? – он замолчал.

– Не хотите, ну так подите сюда, – она глубже ушла в цветы и бросила куклу на кадку цветов, – ближе, ближе. – Она поймала <его> ручками за обшлага⁶⁵⁴ и в покрасневшем лице ее видна была торжественность и страх.

– А меня хотите поцеловать? – прошептала она, исподлобья глядя на него.

Борис покраснел <так, что слезы выступили у него на глаза.>

– Какая вы смешная... – проговорил он, нагибаясь к ней и⁶⁵⁵ еще более краснея, но ничего не предпринимая, а выжидая. Чуть заметная насмешливость порхала на его губах, готовая исчезнуть.

Она вдруг вскочила на кадку так, что стала выше его, обняла его обеими руками так, что тонкие голые ручки согнулись выше его шеи и, откинув движеньем головы волосы назад, поцеловала его.

– Поди прочь, я тебя не люблю,⁶⁵⁶ – прокричала⁶⁵⁷ она, смеясь, проскользнула между горшками на другую сторону горки цветов и убежала в детскую. Борис побежал за ней, остановил ее.

– Наташа, – сказал он, – можно говорить ты? Ты не ребенок, разумеется, я тебя люблю. Но пожалуйста не будем делать того, что сейчас, еще четыре года.

Наташа остановилась, подумала: тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, – сказала она, считая по пальцам.

– Хорошо! Так кончено?

– Кончено, – сказал Борис.⁶⁵⁸

– Навсегда, – проговорила девочка, – до самой смерти. – И она убежала в детскую.

---

⁶⁵⁰ *Зач.*: Напрасно графиня думала, что она может быть доверенной своей дочери. То, что она сделала в диванной тотчас же после того, как выбежала из комнаты с куклой, в то время, как мать говорила о ней, она в этот вечер не рассказала своей матери.

⁶⁵¹ *Первоначально было*: Борис, *затем*: Борик

⁶⁵² *Первоначально было*: Борик

⁶⁵³ *Зач.*: и как всегда

⁶⁵⁴ *Зач.*: его курточки

⁶⁵⁵ *Зач.*: сам не зная, что ему делать

⁶⁵⁶ *Зач.*: Отчего ты меня не поцеловал.

⁶⁵⁷ *Зач.*: Она как змейка вырвалась от него.

⁶⁵⁸ *Зачеркнуто*: – Пойдем к Соне, – и по лицу и по выражению лица этого юноши видно было, что он твердо верил, что это было кончено и что то, что может быть было минутным порывом, шуткой с ее стороны, для него было <делом> решением на всю жизнь.

Красивое,⁶⁵⁹ тонкое лицо его⁶⁶⁰ покраснело и в губах исчезло совершенно выражение насмешливости; он повел плечами, как будто после усиленной работы, и глубоко счастливо вздохнул.

Николай с Соней тоже пришли в детскую, где больше всего любила сидеть молодежь, и поднялась возня, хохот и крики такие, что гувернантка только махнула рукой. Казалось бы непонятным, что они могли находить веселого в венчании куклы с Борисом, но стоило посмотреть на торжество и радость, изображенную на всех лицах, в то время, как кукла, убранная померанцевыми цветами и платьем, была поставлена на колышек лайковым задом и Борис подведен к ней, чтобы, и не понимая эту радость, разделить ее.

<Когда они оба пришли в детскую (молодежь лучше всего любила сидеть в детской) они помешали Николаю с Соней, занимавшимся тем же. Они все давно уже жили друг с другом – Николай с Соней с первого детства, Борис с Наташей – вот уже два года, с тех пор, как⁶⁶¹ они переехали в Москву, где он каждый день бывал у⁶⁶² Ростовых, но должно быть день такой был для них нынче. Нынче не было занятий, все они были нарядны и <девочки обе были особенно хороши.> Николай⁶⁶³ держал Соню за руку и целовал ее в глаза, в лоб, в рот и в плечи. Соня⁶⁶⁴ говорила, что она никогда ни за кого, как за него, не выйдет замуж, а что ежели архиерей не позволит, она уйдет в монастырь и будет каждый день⁶⁶⁵ писать ему письма. Всё равно я тебя так же буду любить, и ты тоже. Николай обещал писать два раза в день и всё целовал ее руку и другой рукой обнимал её.⁶⁶⁶

В этой толстой, преисполненной свежей кровью, черной брюнетке с огромной косой не было ни малейшего⁶⁶⁷ страха⁶⁶⁸ перед чувством пылкого,⁶⁶⁹ живого, подвижного юноши. Она не могла понять, зачем он ее целует и обнимает.

Ей бы никогда это не пришло в голову. Она знала только, что Николай был самый лучший, самый добрый, самый храбрый молодой человек во всем мире, что никто лучше не пел, не рисовал, не танцевал и что все поступки его прекрасны. Николай⁶⁷⁰ тоже не боялся этого чувства, как Борис.⁶⁷¹ Его впечатления всегда быстро сменялись одно другим, и он не умел⁶⁷² думать о последствиях того, что может быть из его поступков.

– Соня, – сказал он, – навсегда?

Он мог воздерживаться и бояться только тогда, когда бы ему угрожала опасность поступить нечестно. Честь была для него выше всего на свете, а в этом случае до нее еще не было дела.

– Я не такой человек, как другие, – говорил Николай, – я никогда не изменял чести (как будто ему было на это время) и никогда не изменю. Я полюбил тебя и...

В это время вошли Борис и Наташа.

⁶⁵⁹ *Зач.*: сухое, белокурое

⁶⁶⁰ *Зач.*: с тонкими губами и прямым носом вдруг побледнело после усиленной краски.

⁶⁶¹ *Зач.*: мать его привезла из заграницы и поселила в Москве.

⁶⁶² *Зач.*: Простых

⁶⁶³ *Зач.*: припав <к обнаженной> к руке Сони выше локтя, целовал ее

⁶⁶⁴ *Зач.*: молчала, грустно смотрела на него. – Ежели архиерей не позволит, – сказала она, – то мне говорили, что можно тайно обвенчаться

⁶⁶⁵ *На полях*: Николай, выйдя из гостиной, пропустив Соню, остался один с Оставшись в этот вечер один с Борисом, Николай, блестя глазами и весь в волнении, подошел к нему и взял его за руку.

⁶⁶⁶ *Зачеркнуто*: Соня еще не боялась ни этих поцелуев, ни объятий, в ней была

⁶⁶⁷ *Зач.*: чувства

⁶⁶⁸ *Зач.*: чего-то

⁶⁶⁹ *Зач.*: сильного

⁶⁷⁰ *Зач.*: напротив знал, отчего ему так хочется целовать, но

⁶⁷¹ *Зач.*: Хочется, ну и все

⁶⁷² *На полях*: с излишним азартом

– Честь выше всего. Да? – сказал Николай,⁶⁷³ вздыхая. И вдруг, очнувшись, быстро: – давайте же, давайте же. Ну, будет. Давай, Наташа, Мими. – Он поставил куклу на деревянный колышек. – Одевайте ее, надо венчать.

– Уйдите, надо одевать, – говорили девочки. Николай и Борис ушли в девичью и с хохотом достали Николаю одежду, похожую на ризу. Хорошо, что Соня не видала, как они доставали у горничной Аннушки юбку для ризы. Николай в то время, как Аннушка влезала в шкаф доставать юбку, обнял ее точно так, как видел, что делал это его молодой гувернер.

– Полноте, сударь, страмник этакий! – проговорила горничная. Борис в это время надевал чулки и башмаки и камзол, которые он достал у камердинера старого графа, готовясь к брачной церемонии.

Куклу одели, убрали померанцовыми цветами и обе девочки всё забыли, исключая того, как бы убрать красивее и приличнее Мими, она для них была живая дочь, потом сами они оделись и отперли запертую дверь. Вера вошла в комнату.

– M-me de Janlis, m-me de Janlis, – прокричали они на нее с недоброжелательством.

– Я вам не мешаю, – сказала Вера⁶⁷⁴ кротко, – я пришла за косынками, – но всем кротость эта показалась оскорблением. Она подошла к зеркалу и долго надевала ее и оправляла прическу.

– Сколько раз я вам говорила, чтобы вы не брали с моего стола моих вещей, я тамап скажу. Где изумрудная брошка? На куклу надели, – и она подошла, чтобы взять брошку, надев тую на куклу.

– Вера, душенька, оставь, сейчас отдам, голубчик, душенька, – завопила Наташа.

Но Лиза подошла и вынула брошку.

– Чорт! – сказала Наташа шопотом. Она подслушала это ругательство у горничн[ых] и, потому что гувернантки приходили в ужас от этого слова, она любила повторять его.

⁶⁷⁵Вера столкнула куклу и ушла.

– Что вам за охота с нами ссориться? – сказал просто Борис. – Нам тут, а вам там весело, – сказал он хитро. Борис был в чулках и кафтане с лентой через плечо.

– Берг будет обедать, так для него мы так охорашиваемся, – сказал Николай, который уже стоял в ризе и с подвешенной из фальшивой косы бородой.

– Nicolas не может без колкостей, – вся покраснев, сказала Вера.

– Ну, всё готово, – говорил один. – Ты посаженная мать? – другой.

– Жениху нельзя быть, уйди, уйди, – кричала Наташа. – Наколка соскочила.

– Ты, Петя, будь дьячок. – И хохот поднялся такой, что Вера слышала его до самой гостиной и гувернантка заглянула в комнату в то время, как Борис, держа за руку куклу, ходил вокруг судна, а Николай с Петей в ризах кричали «Исая ликуе». Гувернантка махнула рукой.

Им было слишком весело, тут уже нечего было мешаться.

– M-r Boris, votre mère est arrivée,⁶⁷⁶ – сказала она только. Борис⁶⁷⁷ вышел.⁶⁷⁸ Николай <вздумал> вслед за ним в ризе повернуться колесом⁶⁷⁹ в дверь и побежал в гостиную, сбрасывая с себя на дороге облаченье.

Княгиня Анна Алексеевна Щетинина, мать Бориса, только приехала из Петербурга.⁶⁸⁰ Княгиня для поездки этой заложила последнюю свою брильянтовую брошку в Московском

⁶⁷³ *Зач.*: быстро вставая.

⁶⁷⁴ *Зачеркнуто*: добродушно

⁶⁷⁵ *Зач.*: Лиза

⁶⁷⁶ [Борис, ваша матушка приехала,]

⁶⁷⁷ *Зач.*: только <кивнул> мигнул ей глазом

⁶⁷⁸ *Зач.*: Не успели еще кончить венчанья, как

⁶⁷⁹ *Зач.*: Все последовали его примеру. Но ему мало было этого, он колесом вкатил в гостиную.

⁶⁸⁰ *Зач.*: куда она почти безуспешно ездила по делам своего 22 [года] тянувшегося процесса с братом министра и по делам

опекунском совете и теперь, вернувшись в Москву, у ней оставалось только 25 рублей ассигнациями, а надо было везти, обмундировать и поместить Бориньку в⁶⁸¹ службу. Княгиня по своим связям была родня и знакомая всей знати Петербурга, но бедность, в которую привели ее покойный взбалмошный муж и процесс, мешала ей пользоваться вполне этими связями. Все сенаторы Петербурга и Московского сената, все обер-прокуроры, все переменявшиеся министры знали ее строгую, грустную и полную достоинства высокую фигуру, большей частью в черном, не стесняясь являющуюся к холостым и женатым. Все знали ее почерк и карточку, на которой она почти мужским почерком писала: «La princesse Shetinin présentant ses respects,⁶⁸² «Княгиня А. А. Щетинина желает знать, в какое время она может иметь удовольствие видеться с г-ном м[инистром] или с[енатором] NN по ее личному делу». Княгиня, как и многие вдовы, оставленные собственным средствам без помощи мужчины, несколько увлекалась своим⁶⁸³ умением вести дела с сильными мира и⁶⁸⁴ гордилась и злоупотребляла этим умением. – Я одна, женщина, – говаривала она, – надо какнибудь устроить дела. И что мне до них? Пусть думают обо мне, как хотят.⁶⁸⁵ Ее знакомые и родные удивлялись ее умению обращаться с министрами и, в особенности, искусству писать бумаги, очень редкому в то время. Другие знакомые и родные, любившие ее, больше удивлялись ее силе характера, деятельности и любви к сыну, для которого она работала день и ночь, переносила всё, и для воспитания которого (она дала ему самое лучшее воспитание тогдашнего времени за границей) она закладывала и продавала брильянты и кружева.

В то время, как сын ее в⁶⁸⁶ новеньком мундире, свежий, блестящий, здоровый, веселый, умный, хорошо образованный, со всеми надеждами впереди, венчался в детской с Наташиной куклой Мими, она в скромном черном шелковом платье, худая и бледная, с слабыми остатками прежней красоты, сидела в гостиной графини, своей подруги детства, и плакала, рассказывая историю своих походов в Петербурге.⁶⁸⁷

Графиня, <но она знала князя лучше А[нны] А-ы, сомневалась в успехе> и твердо решилась сама помочь своей приятельнице.

Старый граф вышел в переднюю.

– Коли у них лучше, зовите молодого Безухова обедать. Непременно зовите.

– Хорошо.

А[нна] А. с сыном села в дрянную извозничью карету, стоявшую у подъезда, и потихоньку перекрестилась под старым лисьим салопом.⁶⁸⁸

5.

Князь М. В. был очень плох.

Консультация всех московских докторов и одного петербургского была в доме. Дом был огромный, на дворе, с статуями в нишах и карьятидами под крыльцами и окнами. У подъезда

определения в службу своего единственного обожаемого Бориньки

⁶⁸¹ *Зачеркнуто:* артил[лерийскую]

⁶⁸² [Княгиня Щетинина, принося уверения в своем уважении,]

⁶⁸³ *Зач.*: мастерством

⁶⁸⁴ *Зач.*: несмотря на неуспех

⁶⁸⁵ *На полях:* Мы остались только для ваших именин, завтра едем.

⁶⁸⁶ *Зач.*: щегольском фраке, платье и белье

⁶⁸⁷ *Далее в рукописи пропуск. Нехватает одного или двух листов.*

⁶⁸⁸ *На полях:* У графа чудак ругатель спорит с Бергом. Граф любит. 6. Она ищет. Завистливый кост. и А. С. Диспозиция. Страсть к службе. Пока они ждали, Борис слышал разговор. Несносны эти попрошайки.

стояли три кареты и сани, но швейцар сказал, что князь болен и не принимают. Княгиня сказала, чтобы доложил, <спросила, кто здесь.> Ей сказали, доктора и князь Позоровской здесь.

Это был тот самый князь Василий, который <брал на воспитанье к себе Борю.> Князь Василий был по жене ближайший родственник Безухого и по случаю его болезни приехал в Москву.

– А молодой князь приехал?

Швейцар неохотно отвечал. Он видел по карете и салопу, что особа должно быть не важная. Борис заметил это и его кольнуло.

– Утром пожаловали, – отвечал швейцар.

– Мне его нужно видеть.

– Пожалуйте, налево по лестнице, через галлерею, – сказал швейцар.

Княгине не нужно было видеть молодого Безухова, она сказала это только для того, чтобы найти предлог проникнуть к умирающему.

Молодой Безухов лежал на диване, положив ноги на мозаиковый стол, в дорожном расстегнутом платье и с сигарой во рту. Увидав гостью, он сконфузился и рассердился в одно и то же время.

– Извините, что вам угодно? Здесь я, а не мой отец. Василий, швейцар! – заговорил он, неловко вставая и запахиваясь. Борису было неловко и неприятно за свою мать.

– Вы не узнаете меня, Аркадий? – сказала княгиня, спокойно и самоуверенно, улыбаясь своей всегда грустной улыбкой, – я бы вас везде узнала, хотя вы очень потолстели. *Vous avez pris de l'âge.*⁶⁸⁹

Аркадий торопливо нагнулся к своему столу, отыскивая очки, надел их и тотчас же размахнул руками, закричал:

– А, милая княгиня, – и не переставая начал шевелить своими толстыми губами, как будто рот у него был полон каши, усаживая княгиню и узнавая Бориса, которого он не видал шесть лет.

Он поцеловал руку княгини, обнял Бориса с добродушием молодости и веселости, заменившим такт в его медвежьей натуре, но ему всё еще видимо было совестно за княгиню и ее сына, посещение которых он не мог объяснить себе.

Между людьми всегда чувствуется неловкость, когда у одного из них есть замысел, в котором неудобно признаться. И неловкость эта чувствуется преимущественно теми, которые не имеют замысла и которым совестно за другого.

Молодому Безухому было досадно тем более, что он не мог равнодушно сносить неловкое положение. Он слишком тонко чувствовал и слишком был для того добр и мягок. Он только два часа, как приехал из Швейцарии, где он жил уже второй год без всякой цели и занятия, а так – ничего дурного не было в этой жизни и никто не мешал ему лежать, задравши ноги, гулять, ходить на охоту, играть в шахматы с женовским пастором, спорить с ним и читать всякую книгу, какая ни попадалась ему под руку, – всё равно с конца или с середины. Он приехал и с досадой (опять с досадой, но не больше) думал о той скучной комедии, для которой выписали его и которую предстояло ему играть при смерти отца, не любимого и не любившего. Теперь начиналась эта комедия с *condoléance*'ами⁶⁹⁰ московских барынь. Он знал княгиню за хорошую женщину, она ему была симпатична, особенно ее мальчик, но зачем она мешала ему – мешала ничего не делать.

Княгиня между тем чувствовала гордость, исполняя свою тяжелую для нее обязанность. Ежели бы ей у умирающего пришлось отрезать палец для того, чтобы, вместе с пальцем, получить состояние, обеспечивающее сына, она ни на минуту бы не задумалась.

⁶⁸⁹ [Вы возмужали.]

⁶⁹⁰ [сочувствиями]

– В каких грустных условиях мы свиделись с вами, – сказала она грустно. – Как здоровье вашего отца нынче? Есть ли улучшение? Я бы давно уже была у вас, но я вчера только сама из Петербурга.

– Вы желаете видеть его? Я пошлю спросить.

– Да, мне бы хотелось. Что он исполнил обязанности христианина?

– Да, кажется, впрочем не знаю... я только приехал...

Княгиня пошла к больному. Аркадий задрал опять ноги на стол.

– Ах, как⁶⁹¹ скучно, как скучно, как скучно здесь, скучно...

– Я думаю, – отвечал Борис холодно, ему оскорбительно казалось положение матери, видимо бывшей в тягость. Тем более, что женщина, приходившая к молодому князю, о чем то шопотом говорила с ним, прежде чем допустили княгиню.

– Не болезнь и смерть скучно. Через нее все пройдем, – продолжал Аркадий, потирая всей рукой глаза под очками, – а вся эта комедия. Я так отвык. Ну умирает человек, оставить бы его в покое. Нет, скачут из Петербурга, из Москвы, чтобы его мучить. И всё за то, что⁶⁹² он богат.

– Не все же едут для денег, богатства, – вдруг вспыхнув, почти закричал, для самого себя неожиданно, Борис. – Уж верно не моя мать... Это нечестно говорить...⁶⁹³

Аркадий вскочил с дивана, покраснел больше Бориса и ухватил его за руку снизу с свойственной ему грубой, решительной, но добродушной манерой.

– Что вы, Борис? Вы с ума сошли. Мог ли я думать о вас?.. Тут столько народа я видел в эти два часа. Вы другое дело, вы родня.

– Родня или нет, мне всё равно, и я пользуюсь случаем сказать вам, что мы бедны, но никогда ни одного рубля я не возьму от вас и от вашего отца. Прощайте. Ежели тамап зайдет, скажите, что я уехал. – Надобно было видеть жалость, нежность и любовь, выступившие мгновенно в глазах и на всех чертах испуганного, растерянного Аркадия, чтобы понять, как не мог не успокоиться Борис, не устыдиться своей выходки и не пожалеть в свою очередь.

– Ах, милый мой, бедный... ради бога... простите, не думайте. Ах, как мне жалко... послушайте... – говорил толстый человек с слезами на глазах.

Вспышка молодости прошла так же неожиданно, как и пришла. Ему стало совестно и он полюбил Аркадия.

– Послушайте, – продолжал Аркадий. – Я вас знал мальчиком и любил вас, я старше много, мне двадцать три, вам, должно быть, шестнадцать, но я не знаю отчего – оттого ли, что вот это случилось, я знаю, что мы будем друзьями. Для меня слишком тяжелое время, на меня нельзя сердиться. Хотите, и тогда вы увидите, что я не мог хотеть оскорбить кого-нибудь, тем более вас, хотите? Хотите? – повторил он, – вы меня узнаете.

Борис улыбался красный еще, но с гордостью чувствуя, как утихала в нем благородная буря.

– Может быть я ошибся, наверное я ошибся, но я горд, вы простите меня. Я знаю, что и вам тяжело.

– Нет, хотите дружбу мою. Не на шутку. А?

Борис подал ему руку. Аркадий притянул его к себе и поцеловал.

– Вот так. Что мне за дело до других, старые люди – другие люди, у вас всё впереди и у меня, может быть, – и он начал говорить совсем иначе, чем прежде, с добродушным оживлением, доходящим до красноречия. – Видите ли, в жизни есть хорошего только спокойствие, книга и дружба. Дружба – не любовь с чувственностью, а чистое, честное сближение без другой

⁶⁹¹ *Зачеркнуто:* я рад вас видеть так

⁶⁹² *Зачеркнуто:* у него деньги

⁶⁹³ *Поперек текста:* Б[орис] хитрит, что оскорбляется.

цели, как счастье того и другого. И дружба может быть только тогда, когда оба молоды, всё впереди и оба чисты. Ты, верно, чист, я – почти.

– Какой вы странной! – только сказал Борис. – Вы мне были милы с первой минуты, я может быть от этого вспылал так. С другим я бы не сделал этого. Я тоже верю в дружбу; но я моложе вас, и я не знаю, будем ли мы друзьями. Я прошу времени сойтись, узнать друг друга.

– Хорошо, хорошо, «ты» всё таки можно говорить, я так люблю. Ну, ты слушай. Узнавай меня как хочешь, будем видеться часто. Оставайся обедать.

– Нельзя. Я у Простых.

– У каких? А, милый, ты верно влюблен? Да? – Ну это всё расскажи. Расскажи, какие твои планы, какие твои убеждения. Верить ли ты? – Планы Бориса были служба, война. Убеждения были убеждения матери. Аркадий улыбнулся и стал рассказывать свои убеждения. Он был пропитан новыми идеями того времени, он был и мистик, и либерал, крайний либерал 1794 года, и поклонник Бонапарта. Борис, впервой слышавший всё это, восхищался и входил в новый мир.

В то время, как такая молодость, и надежда, и бессмыслица, и счастье жило в этой комнате между двумя юношами, княгиня в комнате умирающего делала то самое, что так горячо и гордо отвергал ее сын.

6.

Княгиня вошла в картинную галерею. Тут сидели доктора и говорили между собой по французски, не находя нужным ломать язык по латыни, которую они все позабыли. Петербургский говорил о новостях Петербурга, о известиях из Эрфурта, о последнем бале. Metivier слушал. Другие слушали. Один московской даже и слушать не мог. Он был погружен в соображения, сколько ему дадут за консультацию у такого богача. Они всё решили и знали, что у больного водяная в груди, и что он жить не может более нескольких часов. Однако, они прописали многое и при Позоровском много говорили по латыни и спорили. Позоровской вышел к княгине.

– Вот мы с вами опять встретились. Ну, что наш больной?

Позоровской сделал только знак головой и губами, знак, означавший самую плохую надежду.

– Я очень любила его и он любил моего Борю – он ему крестник, я бы желала его видеть.

Позоровской, светский человек, дипломат, занимавший одну из высших должностей в Петербурге и сам приехавший за тем же, за чем и княгиня, тотчас понял.

– Не были бы тяжелы ему такие разговоры теперь, – сказал он. – Подождем до вечера, доктора обещают кризис.⁶⁹⁴

– Нельзя ждать, любезный князь, женщина нужнее бывает в эти минуты, чем кто бы то ни было. Исполнил ли он последний долг?⁶⁹⁵ Я приготовлю его.

Безухой⁶⁹⁶ лежал в кабинете в волтеровском кресле. Около него стояли табакерки с портретами и лекарства, он тяжело дышал и испуганно оглядывался. Он боялся не смерти, но того, что найдет приговор смерти в глазах других. В комнате была бывшая гувернантка его дочери, французенка, исполнявшая уже давно в доме неопределенную роль лектрисы.

– Не хочу я пить этих гадостей. Лорен (петербургский доктор) точно так же ничего не знает, как и они, – говорил он ей. Ее ловкие, белые руки так же тихо и ловко заткнули склянку, как и открыли, и она отошла.

⁶⁹⁴ *Зачеркнуто:* Я не могу

⁶⁹⁵ *Зачеркнуто:* Мне надо поговорить

⁶⁹⁶ *Зач.*: был екатерининской вельможа

– Как угодно, князь. Не хотите ли чего?

– Одного хочу, – прохрипел он, – чтобы никого ко мне не пускали – особенно этого пролаза кнезь Василья. И зачем он приехал?

В это время дверь тихо отворилась и показался чёрный кружевной чепец и грустное лицо княгини.

– Можно? – Больной подернулся.

– Кто еще?

Княгиня вошла. Ей было далеко идти до кресла, комната была очень велика. Она шла медленно, не на цыпочках и не на всей ноге, но не слышно. Покуда она шла, больной успел и пристально зло посмотреть на нее, и отвернуться, и снова встретить ее приличным, ежели не ласковым, то равнодушным взглядом, спрашивавшим «что вам нужно?». Он умирал, но все условия света были для него так же неизбежно обязательны, как прежде.

– Извините меня, княгиня, что я не встаю. Мне плохо очень, видите, – он показал распухшие, белые, глянцевиые кисти рук.

– Ах, что вы? Ну что же? – Она оглянулась и неприятно встретилась глазами с француженкой.

– Моя *garde malade*.⁶⁹⁷ – Княгиня села.

– А мне сказали, что вы очень плохи, вы свежи, полны, – говорила она.

Больной взял и поднял быстро широкой рукав кафтана. Голая рука была⁶⁹⁸ опухла около локтя.

– А это что? – Он не мог опустить рукава, запыхался, как будто пробежал десять верст, и беспомощно оглянулся на француженку. Княгиня не допустила ее и сама быстро, ловко опустила рукав и еще поправила подушку. Он извинялся.

– Вы мне столько услуг оказывали в жизни, что и я могу оказать вам, – сказала она, оглядывая комнату. Страшна была противоположность роскоши огромного высокого кабинета, полного драгоценностями искусства, бюстов, гравюр, до которых был охотник больной, с жалким существом, которое он представлял в настоящую минуту, и с жалким, зараженным дурным воздухом углом, в котором сидел больной. Он был старый, сморщенный, с широким лицом,⁶⁹⁹ показывавшим остатки замечательной красоты. Седые волосы были курчавы. Он отпустил усы во время болезни, которые вылезли, седые были, нечасты и страшно изменяли его. Он ввалился в кресло, казался страшно грузен. Всё было блестяще вокруг него, а на нем был грязный кашемировой дорогой халат, он очень любил его, и грязное белье. Княгиня не даром пользовалась репутацией замечательно любезной женщины. Она заговорила про старину, не упоминая о крестнике, и о болезни, так естественно и оживленно, что старик ожил, улыбнулся и сам, хрипя, стал сообщать ей свои *ennuis*.⁷⁰⁰ Он даже высрал француженку. И стал ей жаловаться на князя Василья.

– Зачем он приехал? Он говорит, что государь изволил прислать его спросить у меня бумаги. Какие у меня бумаги? У меня и не было, я всё отдал. И зачем хоронить меня, я сам знаю, как умереть, завещанье мое вот, – (он стукнул по столу). – И я его не изменю. – Княгиня и тут не напомнила про крестника. – Ежели князь Василий пользуется доверием его величества, то ему не нужно надоедать мне. Как вспомнишь, Васинька, – важный человек. – Он хотел засмеяться. И он стал говорить про дела нынешнего царствования, про Сперанского, охуждая всё, но с смирением человека, который этого не переделает. – Аркадий приехал, он мне гово-

---

⁶⁹⁷ [сиделка.]

⁶⁹⁸ *Зач.*: страшно худа выше

⁶⁹⁹ *Зачеркнуто*: старик

⁷⁰⁰ [досады.]

рил про Бонапарте и его распоряжения, про дух французов. Не то было 92⁷⁰¹ году. Вы видели Аркадия? – заключил он, устав говорить.

– Я была у него, я оставила вашего крестника у него.

– Гм! – и глаза больного недоверчиво взглянули на княгиню.

– Какой он славный, как похорошел.

– Ну... – сказал отец, – я желал бы его другим, ни малейшей любви к славе, – («к чему тебя привела любовь к славе, жалкий старик», подумала княгиня). – Ну, да какой есть. Ему бы надо родиться мещанином, а не князем Безуховым. А что ваш?

– Я благодарю бога. Одно что наши средства, – она помолчала – у нас нет никаких, а необходимо хоть что нибудь для обмундировки. Вы этого не понимаете. Ну, да это всё устроится, – прибавила она скорее, увидав беспокойный взгляд. Но уж он испугался.

– Ах, мне хуже. Прощайте, – она встала. Он позвонил. Француженка вошла.

– Никого не пускать, чорт возьми! – крикнул он, еще княгиня не вышла. Княгиня зашла к Аркадию и передала поручение графа. Он подумал. «Я зайду к папа».

– Мы поедем, – сказал он, – с Борисом. – Княгиня уехала, грустная и неизвестная.

7.

После княгини был еще с визитом тот самый князь Василий, которого так возненавидел больной, и тоже был позван обедать. Ему нельзя было не поехать.⁷⁰² О нем говорила вся Москва и говорили у графа. Князь Василий был в милости у покойного императора Павла, потом в немилости сенатором в Москве, где он жил шесть лет. Но жил не так, как другие забытые сенаторы. По всему видно было, что он не кончил этим сенаторством. Он не так держал себя. Он не ездил в клубы. У него не собирались ни праздные, ни недовольные. Балов он не давал. Дочь его, девочка – красавица подросток, под руководством настоящей эмигрантки гувернантки и⁷⁰³ два сына, окончив воспитание в пажеском корпусе, были посланы с фр[анцузом] аббатом за границу. Он виделся с умными и учеными, Карамзин был его друг, Сперанской всегда останавливался у него. Он читал все газеты и новые книги, переписывался с министрами, и о государе и высших властях всегда отзывался с холодным и непроницаемым благоговением. Он был жив, боек, умен по французски и в высшей степени обладал искусством такта: догадаться подать государю пулю, которой был убит верный слуга, рекомендовать государыне новую книгу, заметить новую красоту было искусство времени, успех при прежнем государе. С графом он был знаком для детей, которые танцевали на балах и играли на театрах графа. Но о графе само собой он был самого низкого мнения. После того, как он был вызван в Петербург к весьма важной должности, он особенно ласково обращался именно с графом и особенно сухо со всеми москвичами, имевшими претензию на значение и *gens [?] qui se mêlaient de raisonner et de déraisonner*.⁷⁰⁴ Граф был добрый дурак. И на нем то удобно было показать и другим, что новое значение несколько нас не возгордило и не изменило. Он особенно был ласков ко всем во время визита и к детям (хотя в душе он был твердо уверен, что его Иван и Петр, делающие теперь *le grand tour*⁷⁰⁵ с аббатом, не будут знакомы с этими выкормками и олухами) и особенно радушно согласился приехать есть прекрасный обед графа.

Граф сидел в кабинете с приехавшими уже к обеду: кузенком его жены, желчным, известным умником, холостяком Бергом, гвардейским офицером, для которого Вера надевала косыночку, и Аркадием, приехавшим с Борисом; <Аркадий> сидел скромно в гостиной, удивляясь

⁷⁰¹ Цифра 2 написана поверх цифры 3, – 93 году

⁷⁰² Зачеркнуто: <Княгиня> графиня была родня, и он в службу был записан ее

⁷⁰³ Зач.: дети

⁷⁰⁴ [люди, которые пускались обсуждать и говорили вздор.]

⁷⁰⁵ [большое путешествие]

и наивно до неучтивости вглядываясь в лица и наблюдая их⁷⁰⁶ и нехотя, к отчаянию графини, односложно отвечал на вопросы, которыми она хотела занять его и втянуть в разговор.

– Vous êtes arrivé il n'y a pas longtemps?

– Oui, madame,⁷⁰⁷ – и опять глядит в сторону на Веру, изучая, хорошая она или дурная.

– Вы не видали моего мужа?

– Нет, графиня, – и смотрит на гувернантку, соображая, как она учит такую большую.

– Вы были в Париже?

– Нет.

Графиня извинилась, что ей надо идти к мужу, и вышла.

– Измучил меня совсем, вот бирюк-то. – Княгиня с Верой предприняли его, но также неудачно.

В кабинете шел разговор о князе В[асилии]. Граф говорил. Анна Алексеевна рассказывала, что он приехал по поручению государя спросить бумаги у Безухового. Верно и свои дела были.

Шеншин, кузен, с ногами сидя на кушетке, но во фраке, с видом домашнего человека:

– Не верьте, граф, всё врет пролаза, терпеть не могу, приехал вытянуть чтонибудь. Сорок тысяч душ кушик порядочный. А ежели не вытянет ничего, помяните мои слова, женишка поймает дочери. Знаю я этих умных министров.

– Ну, ты всё бранишься. – Граф говорил только, чтоб гости его не молчали и ему хотелось сравить с кузеном Берга и тогда самому слушать, как говорят умные люди. (Он это очень любил).

– Что вы, Альфонс Александрыч, скоро едете в армию? жалко. Бонапарте теперь нас авось оставит в покое. Альфонс Александр[ыч] был прямой, чистый, стройный блондин. Он говорил медленно, обдуманно и правильно, как по французски, так и по русски.

– Я думаю ехать скоро в академию, потому что академия по новому уставу дает нам два чина, так что, ежели я поступаю, – и он с приятной, радостной, эгоистической, сдержанной улыбкой начал длинно рассказывать свои планы и как всё хорошо он устроил и как ему будет хорошо, как будто для всех его счастье и успех были дороже всего на свете. Он так думал. Берг был один из тех добродушных, ограниченных эгоистов, которые всеми силами души заняты своим успехом и так поглощены этой мыслью, что совершенно неизвестны о том, что для других дороги тоже только свои интересы. Берг никогда не думал, что у других есть свои интересы. Граф добродушно слушал, но Шеншин сейчас подметил смешную сторону и насмешливо презрительно улыбался. Берг рассказал всё, как денежные дела он устроил, как он экономен, как он отцу помогает, как его все любят, как товарищи его по кадетскому корпусу остались сзади, а как он всё хорошо делал. То, в чем он полагал успех, было всё хорошо и честно, но он не знал, что не надо этого рассказывать. Такие люди, как Берг, всегда имеют успех этим наивным эгоизмом.

Шеншин перебил его: – а вы думаете, что Наполеон (Шеншин называл Наполеон, а не Бонапарт) вам даст исполнить все эти планы? Нет, батюшка, через год война и опять война.

– Отчего же вы думаете, кажется Эрфурт доказывает нам?

– Доказывает нам, что мы дети и любим в игрушки играть, больше ничего.

В это время вошел Аркадий, который замучил и княгиню Анну Алексеевну и которого она для своего спасенья привела в кабинет.

Граф усадил его с своей радушной лаской и тотчас же начал стравливать на ту же тему, обещая себе много удовольствия от беседы умника Шеншина, офицера, умного, ученого и только что приехавшего из заграницы.

⁷⁰⁶ Зач.: разговор шел о князе Василии

⁷⁰⁷ [– Вы недавно приехали?– Да, сударыня.]

– Вы как думаете: успокоит нас Эрфурт? – Берг был против Наполеона, Без[ухов] за, Шеншин против всего на свете.

Графиня вошла в комнату, молча посидела, послушала, наконец подошла к графу и шепнула ему, он вышел.

– Мне нужно денег, граф.

– Ах, сейчас, – заторопился он, доставая бумажник. Но денег было мало.

– Мне надо пятьсот рублей.

– Сейчас. Дмитрий Васильевич! – закричал граф. Пришел Дмитрий Васильевич, дворянин, занимавшийся делами графа. Граф передал ему требование и потом уже спросил зачем.

– После я тебе скажу.

Дмитрий Васильевич пожал плечами.

– Вы знаете, граф, что нет ничего еще вчера.

– Ну, достаньте, что такое, малость.

– Как вы говорите?

Дмитрий Васильевич сказал, что достанет и через час принес деньги. Он занял их у купца, которому ставили хлеб. Дела графа уже давно шли плохо, особенно благодаря Дмитрию Васильевичу, у которого дела шли хорошо, но граф это не хотел знать и не знал, и деньги были, и всегда были. Графиня, получив деньги, отозвала княгиню в детскую, где стояла брошенная невеста Мими на колышке с лайковым задом, откуда выгнала старуху няню, и отдала княгине.

– Это ничего так мало, но ради бога не откажите мне, – сказала она и сама заплакала. Княгиня тоже. Они стояли, обнявшись в слезах. Слезы были и о том, что графиня чувствовала, что она хорошо поступила, и о том, что они дошли до того, что им нужно заниматься деньгами, и о том, что молодость их прошла, но слезы были приятные, сладкие. Граф застал графиню в слезах.

– О чем вы, графиня? – спросил он. Она улыбнулась сквозь слезы. У него было такое доброе лицо. Княгиня сказала:

– Бог наградит тебя. – Граф был глуп, но в одну минуту понял, что спрашивать не нужно. Он сделался хитрецом, притворился, что не понял, но и в его лице просияло еще больше доброты.

– Что же вы, графиня П. Н., гостей оставили? – сказал он, хитрец, тонко улыбаясь и поцеловал ее руку. (Простые всегда говорили друг другу граф и графиня.) Только ночью, когда они, как всегда не переставая двадцать семь лет, помолившись богу, легли на двухспальную постель, граф тронул графиню за локоть и сказал:

– Я знаю, куда вы дели пятьсот рублей. Вы – ангел.

– Ну, от тебя ничего нельзя скрыть, – ответила графиня, взяла его руку и поцеловала.

8

⁷⁰⁸Именины у графа Простого в Москве 1808 года.⁷⁰⁹

– Да никто вам не говорил, что я считаю Бонапарта хорошим христианином, я этого не сказал, я совсем этого не говорил, я говорю, что он великой человек, – говорил запыхавшись и почти с пеной у рта, но с добродушнейшим озлобленным лицом высокой толстый юноша, сердито отмахиваясь от лакея, из за плеча его с бутылкой в салфетке, сердито и упорно спрашивавшего: – дри-мадеры прикажете? – Это был молодой Безухой в споре о Наполеоне с к[нязем] В[асилием].

⁷⁰⁸ *Зачеркнуто:* В Москве 1 января 1808 года у графа Василия Андреевича Простого обедали за именинным обедом родные и гости. Всех сидело за обедом с детьми, гувернерами и гувернантками тридцать два человека. Обед приходил к концу.

⁷⁰⁹ *На полях:* Предисловие1) Почему кажется, что все закладывали в стену.2) Почему кажутся герои.3) Я изучал памятники.

За именинным столом сидело тридцать два человека своих, родных, гостей, детей и взрослых, гувернеров и гувернанток. Стол, убранный вазами и цветами, был накрыт во всю длину большой залы, приборы были праздничные, саксонские, серебро новое, на одном конце сидел граф Илья Андреич, на другом графиня. Около графини сидели почетнейшие родные и гости, около графа мужчины и с одного края молодежь и дети с гувернерами.

<Споривший юноша Безух[ов] сидел близко к графине. Он был единственный сын князя Безухова, наследник сорока тысяч душ и огромных капиталов бабки>. Он спорил со всеми. Все были против него, но <больше> сердитее всех он обращался к сидевшему подле графини старичку в звезде и белом галстуке с завалившимся лбом и выдвинутой обезьянкой нижней челюстью, который видимо без малейшего усилия отражал редкими и резкими шутками на отличном французском языке нападения молодого Безухового. Это был к[нязь] В[асилий]. Графиня, казалось, чего то боялась, находила что то неприличным и беспокоило ее взглядывала то на соседа, который, отвечая всегда учтиво, взглядывал на нее, приглашая ее принять участие или испрашивая ее одобрения, то на Безухового, несмотря на свою молодость, говорившего слишком громко и положившего оба локтя на стол и один даже в соус, то на дворецкого, всё предлагавшего дрей-мадеру. По ее мнению, надобно же было чем нибудь кончить с этой мадерой. Кроме того она беспокоило поглядывала и на графа, сидевшего рядом с известным ей полковником, любившим выпить лишнее (ей казалось, что он что то часто берет в руки бутылки и становится красен), и на детей, у которых что то такое начиналось неприличное, угрожавшее разразиться громчайшим хохотом. Они шептались, перегибались друг к другу, закусывали губы и даже изредка всфыркивали. Особенно меньшая дочь Наташа, некрасивая,⁷¹⁰ но красная, с пупурщиками, здоровая девочка лет двенадцати, с голыми руками и шеей, как и все что то затевала под столом и фыркала чаще всех. Гувернеры и гувернантки находились в приличном, сдержанном волнении и, продолжая сидеть прямо, отрывисто делали замечания своим воспитанницам и воспитанникам, но бунт видимо разгорался и угрожал общим взрывом неприличного хохота.

– Mon cher! – сказал старичек с звездой, оглядываясь с улыбкой на озабоченную графиню. – Rappelez vous une chose, – и он, как жемчужины, выпустил каждое слово: – la meilleure des causes est perdue du moment que l'on se fâche.⁷¹¹ – И он засмеялся и засмеялись все, графиня выказала тонкую улыбочку и мигнула Гавриле, чтобы он переходил с бутылкой к следующему. Разговор шел по французски.

– ⁷¹² Князь говорит, что Бонапарт великой человек, а пленные в Египте? – сказала графиня. – Нет, я не соглашусь никогда, – и она покачала головой на Наташу, которая совсем нагнулась под стол.

– Что вы думаете об этом, княгиня? – обратился к[нязь] В[асилий] к⁷¹³ А. А., сидевшей недалеко от него. Задумчивые, полузакрытые глаза княгини⁷¹⁴ вдруг вспыхнули приятным блеском.⁷¹⁵

– Я, как женщина, могу ошибаться и смотреть не так, как надо, на политику, – отвечала она, вздыхая, – но я не могу простить ему смерть Енгиенского. Это ужасно. – И она содрогнулась неприятно при одном воспоминании.

Léon неучтиво не обратил никакого внимания на замечания дам.

⁷¹⁰ Зачеркнуто: брюнетка

⁷¹¹ [Милый мой, помните, что самое лучшее доказательство теряет силу, как только рассердишься.]

⁷¹² Зач.: Léon

⁷¹³ Зач.: девушке

⁷¹⁴ Слово: княгини переделано из: княжны.

⁷¹⁵ Зач.: яркой румянец выступил на полное красивое лицо.

– Я не сержусь,⁷¹⁶ но говорю, что это самый великий полководец мира и что нас били всегда и будут бить, и придет в Петербург так же, как в Вену и Берлин, – продолжал он, отдавая тарелку и обтирая запачканный рукав фрака. Дети не могли удерживаться больше и громко захохотали. Léon обратился к ним и тоже засмеялся самым добродушным, здоровым смехом.⁷¹⁷

На другом конце стола граф подливал соседу, рассказывая, что вино это получил он в боченках, а что кипрское трудно достать.

– Об чем они? – спросил полковник, указывая на старичка с звездой.

– Всё об Бонапарте, – отвечал граф. – Он умный, такой славной, этот Безухой молодой. Правда, теперь министром назначен⁷¹⁸ Каракин?

– Какже. Уж его поздравляли. Ловкой человек.

– Шш! – сказал граф, – это его сын. – Он указал на красивого юношу, сидевшего недалеко от них.

– А тот высокий, как аршин проглотил, тоже сын его?

– Какже, тот на службе, славный молодой человек. Этот – шалун большой. Он их за границу посылает. Воспитаны славно, – так говорил граф. Графу, видимо, всё казалось славно. Лицо его бритое, доброе, круглое, с редкими седыми волосами <светлыми> и ясными голубыми глазами и всегда готовой однообразной, но радушной улыбкой, подтверждало его похвалы всему свету.

– Как вы думаете,⁷¹⁹ граф, – обратился к нему⁷²⁰ к[нязь] В[асилий] по русски (граф плохо говорил по французски). – Придет Наполеон в Москву или нет?

– Oui, pas de doute,⁷²¹ – прокричал граф, – très bien, très bien.⁷²² – Все засмеялись.

– Что говорить про это? – отвечал граф, расслышав, – теперь славно, мир бог даст и на долго. Что думать, пускай он там воюет.

– Tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles,⁷²³ – произнес Каракин, улыбаясь.

В другой стороне стола гувернер считал на блюдах кушанья и досадовал, что у него нет нынче аппетита. Родственник из деревни, случайно попавший рядом с вдовой в брильянтовым фермуаре, томился мыслью, о чем бы разговориться с москвитянкою и расспрашивал про улицы. Другой всё прислушивался с подобострастием к тому, что говорили люди в звездах. Молодой князь Каракин, сидя рядом с княжной, видимо, lui faisait la cour.⁷²⁴ Старшая дочь дома Лиза кокетничала с вторым братом, пятнадцатилетним мальчиком. Молодой паж Борис Мещерин прислушивался к Léon и смотрел ему в глаза, одержимый к нему первой страстной дружбой. У детей дело шло в том, что Наташа принесла с собой куклу, но без носа, называемую Мими, и тайно от всех под столом кормила ее.

Entrées, entremets,⁷²⁵ соусы, холодные вины, пирожные шли в таком изобилии и порядке, что только одному немцу гувернеру не наскучило. Он соображал и запоминал, чтобы написать родным в Саксонию о том, на каком обеде он участвовал.

Однако спор, в который под конец вступил и Ш., разгорался всё более и более.

⁷¹⁶ *Зач.*: за то Тильзитский мир

⁷¹⁷ *Зачеркнуто*: – Pardon, мы поговорим об этом после, – сказал он,

⁷¹⁸ *Зач.*: вы знаете кто?

⁷¹⁹ *На полях*: За именинами П[етр] говорит стихи

⁷²⁰ *Зач.*: Каракин

⁷²¹ [Да, несомненно.]

⁷²² [очень хорошо, очень хорошо.]

⁷²³ [Все к лучшему в лучшем из миров.]

⁷²⁴ [за ней ухаживал.]

⁷²⁵ [Различные блюда]

9.

Спор о Наполеоне, о Тильзитском мире, о Эрфуртском свидании, о⁷²⁶ достоинствах Бонапарта продолжался весь обед между Бергом и Шеншиным. Князь Василий отстал от спора, не находя его для себя приличным; тем более, что в последнее время в Петербурге все возгорелись энтузиазмом к Франции и Наполеону, и князь Василий, чуткой всегда на политические *mot d'ordre*,⁷²⁷ теперь получив назначение в Петербург, называл Бонапарта уже императором Наполеоном и профессиононал к нему высокое уважение.

Берг не спорил, но только служил пластроном и Шеншин, выпив другой стакан лафита и озлобленный тем, что князь Василий оставил его, был блестящ злостью и остроумием.

– Поручик артиллерии, – говорил он, – выбирает невест во всех европейских дворах и невесты прихорашиваются. – Князь Василий, не говоривший, счел долгом вступить, полагая видеть намек.

– Нам трудно, не зная, судить о политических делах.

– Еще мало его любят у нас. И странно, как кого побьют, так делается его другом. От Фридланда мы так его полюбили, что уже не знали, как угостить. – Берг вступился за храбрость солдат под Фридландом. Шеншин продолжал: – особенно Пруссаки и Фридр[их] полюбили его нежно, чуть в воду не бросился, чтоб приехать на плот, спасибо казаки удержали. – Графиня делала знаки, замечая, что князю Василью не нравится. – Терпеть не могу, – отвечал⁷²⁸ Шеншин соседу Борису, – этих франтов: покуда мы дрались, ругали Бонапартия, а теперь первый друг. Вот настоящие изменники. Я его потравлю. Нет, надо нас побить хорошенько, чтобы мы очень подружились, а то всё еще мало, и побьют.

– Послушайте, молодой человек, – сказал князь Василий, выведенный почти из себя, – надо знать прежде.

В это время вдруг через весь стол послышался голос Наташи, приподнявшейся и громко кричащей: тапан! Головка ее вся красная, с горящими глазами, с сдержанной улыбкой и с энергической решительностью была обращена к графине.

– Что тебе? – Графиня испуганно, потом, увидав, что это шалость, сердито обратилась к дочери. – Что тебе?

– Мама, что пирожное будет?

Графиня рассердилась и улыбнулась. Гости засмеялись.

– Вот я тебе!

– Мама, что пирожное будет? – прокричала она капризно и весело. Дети и молодежь померли со смеха.

– Я говорил, что она скажет, – сказал кто-то. – Вот и сказала! Проиграли. – Эпизод этот расстроил спор и развеселил всех.

– Мороженое.

– Какое мороженое? Мама! Мама! Какое мороженое, я не люблю сливочное!

– Морковное, – сказал Шеншин. Всем стало веселее.

– Нет, какое?

– Тебе сказали. – Но она до тех пор не отстала, пока не сказали, что ананасное. После обеда все разбрелись более естественными группами, чем кто как сидел. Борис рассказывал про свой визит и про чудака Безухового. Наташа слушала его и врала. Вера ходила с барышней, и обе из всех сил завидовали друг другу. Берг подошел к ним и завел разговор о театре.

⁷²⁶ *Зачеркнуто*: значении

⁷²⁷ [лозунги]

⁷²⁸ *В рукописи* *описка*: К[нязь] В[асилий]

Николай с Соней стали передразнивать их в зале и Nicolas, две капли воды, представлял Берга. Княгиня отошла с князем Васильем в угол к окну. Князь Василий держал чашку с кофеем. Борис смотрел на человека, от которого он будет зависеть, и человек этот ему не нравился. Княгиня решила, что Борис поедет с князем в середу через два дня.

Немного погода заставили молодежь петь. Nicolas сел за фортепьяно, они спели из *Joconde* хор и русскую песню. Берг басил очень верно, но Nicolas и Наташа были артисты.

Вечером еще приехали гости и Наташа вскочила на спину отцу, игравшему в бостон, и потребовала музыки. За музыкой послали и танцы шли до ужина, после ужина старички из за бостона потребовали Данилу Купора и граф с товарищем, с особенно вывернутыми ногами и раскрасневшимся лицом от шампанского, пошел и учил молодежь этому старинному танцу. На другой день Борис должен был ехать.

– Подите проститься с женой, – сказала Наташа. Он пошел, она обняла его и редела до тех пор, пока княгиня вошла, расцеловала эту *chère petite*,⁷²⁹ но не могла утешить и увела сына. Борис молчал и знал, что другой женщины уже он не будет любить во всей своей жизни. Nicolas тоже расцеловался с Борей. Соня поплакала и все разъехались. Наташу насилу раздели и уложили, она в слезах заснула и спала до ночи. Только что княгиня вернулась домой в маленькую⁷³⁰

**** № 20 (рук. № 48).**

<Летом 1805 года в то самое время, когда только объявлялась Россией первая война⁷³¹ еще непризнанному тогда императором Наполеону, в Петербурге во всех гостиных только и было речи, что про Буонапарте, его поступки и намеренья.

За обеденным столом молодых князя, княгини Волконских собралось небольшое и разнообразное общество.

В 1805 году князь Андрей Волконской был молодым человеком и еще более молодым супругом. Возвратившись из турецкой кампании, в которой он,⁷³² несмотря на свою молодость и всем⁷³³ неприятную, аристократическую, наследственную от отца гордость, доходящую до смешного высокомерия, умел заслужить репутацию, хотя и неприятного, но отличного офицера, он имел в петербургском высшем свете блестящий успех, женился на первой в то время по красоте и богатству невесте, *Lise Мейнен*, и⁷³⁴, желая пожить для молодой жены несколько времени в Петербурге, поступил адъютантом к тогдашнему генерал губернатору.

Втихомолку смеялись над высокомерием князя Андрея и не любили его, но в глаза его уважали и боялись даже люди без сравнения старше, чиновнее и образованнее и умнее его.

Как холостым, так еще более женатым человеком, молодой князь вел жизнь безупречной нравственной чистоты в противность обычаям тогдашней молодежи. Он держал себя всегда далеко от⁷³⁵ товарищей, особенно удалялся кутил, и за всю его жизнь никто не мог сказать, чтобы знал за ним хоть ничтожный долг или вечер, проведенный за вином или картами или волокитство за замужней женщиной или девушкой, на которой бы он не имел намеренья жениться.>

⁷²⁹ [милую малютку,]

⁷³⁰ На этом рукопись обрывается.

⁷³¹ На полях: 1) А[ндрей] французская шюшка. 2) Сократить рассказ vicomte. 3) Анатолий красавец вполне и кавалергард. Живет особо. 4) Смерть к[нязя] Без[ухого] не нужно.

⁷³² Зачеркнуто: бывши адъютантом при Кутузове, умел заслужить себе

⁷³³ Зач.: известную

⁷³⁴ Зач.: желая отдохнуть

⁷³⁵ Зач.: всех

** № 21 (рук. № 48).

Летом 1805 года в Петербурге перед одним из новых домов на Владимирской собралось несколько экипажей. Съезжались на маленькой званый обед, по обычаю высшего светского общества, в 6 часов вечера.⁷³⁶ Во втором этаже, в лучшей, заново отделанной и с иголки мебелированной квартире, принимали гостей: молодой красивый мужчина в адъютантском мундире и хорошенькая брюнетка, очевидно беременная, но оживленная и веселенькая, маленькая женщина. Молодой человек был невелик ростом, худощав, но он был очень красив и имел крошечные ноги и руки, необыкновенной нежности и белизны, которые казалось ничего не умели и не хотели делать, как только поправлять обручальное кольцо на безымянном пальце, и приглаживать волосок к волоску причесанные волосы и потирать одна другую. Молодой человек и в том обществе, в котором он жил, поражал необыкновенной отчетливостью и педантической чистотой своей особы. По тому, как он был выбрит, напомажен, причесан, какой белизной блестяли его мелкие зубы, как вычищены были его с иголки сапоги и платье, и какой приятный, легкий запах, душистого⁷³⁷ распространялся вокруг него, видно было, что заботы о своей особе не мало занимали его времени. Молодой человек, казалось, и думал всегда по французски, так естественна была его изящная французская речь. Он говорил немного сквозь зубы и, как будто, лениво и лицо его оставалось постоянно спокойно. Красивые глаза его глядели устало и равнодушно. Во всех приемах его выказывалась неестественная, но видимо умышленно напущенная на себя женская изнеженность. Ходил и двигался он вообще медленно, волоча ноги, садился всегда разваливаясь и даже закатывая глаза, как будто и они уставали смотреть. Он улыбался редко, но когда улыбался, то красивое лицо его делалось неожиданно милым и невольно приходило в голову, что этот молодой человек был бы гораздо приятнее, ежели бы он не говорил так отлично и вяло, всегда по французски, не был бы так хорошо надушен и приглажен, и не напускал бы на себя такого неприятного вида равнодушия, и лени, и⁷³⁸ женственности, за которые враги его прозывали его Шюшкой.

Жена молодого человека была одна из тех, всегда улыбающихся свежих брюнеток, у которых блеск зубов и глаз затмевает все остальные подробности лица и производит одно общее впечатление веселья и привлекательности.

По свежему убранству комнат и в особенности по новизне роскошного столового белья и серебра видно было, что они были молодые супруги. Но в отношении молодого раздушенного мужчины и хорошенькой брюнетки заметна была не только холодность, но и недоброжелательность, которая только при посторонних отвлекалась заботами хозяина дома.

Молодой человек был известный в то время в петербургском высшем обществе князь Андрей Волконской,⁷³⁹ имевший большой успех⁷⁴⁰ прошлую зиму молодым человеком и недавно женившийся на Lise Мейнен, первой по красоте и богатству невесте Петербурга. Он был адъютантом генерал губернатора и на днях, по своему желанию, переведен адъютантом к Кутузову. Война с французами еще не была объявлена, но слышно уже было, что война неминуема и что Кутузов назначался главнокомандующим.

⁷³⁶ *На полях:* P[ierre] смутно говорит итал[ьянцу] о том, что вечный мир вытекает из общего образования, а не политического равновесия. На вечере Ан[ны] П[авловны] он ждет перехода разговора в свою плоскость. Философи[я]. И принимает au sérieux. Тоны уверенных дураков. На кутеже у него страшная сила и кротостью берет Анаст[оль]

⁷³⁷ *Зачеркнуто:* мыла и одеколону

⁷³⁸ *Зач.*: и разочарованности, гордой презрительности

⁷³⁹ *Зач.*: сын

⁷⁴⁰ *Зач.*: в свете

Как и все молодые супруги, князь Андрей любил играть новую для себя роль хозяина дома, любил принимать и⁷⁴¹ к нему ездило всё то, что считалось замечательнейшим в тогдашнем петербургском обществе.⁷⁴²

Как и всегда в молодых домах, у Волконских общество собиралось весьма разнообразное: военные, дипломаты, вновь возникавшее тогда сословие светских чиновников бюрократов, иностранцы, ученые и даже артисты. Молодой князь⁷⁴³ совершенно одинаково принимал важного сановника⁷⁴⁴ и бесчиновного господина, которого он почему нибудь считал достойным своего внимания. Со всеми он обращался с видом усталости и пренебрежения, но с приемами утонченной учтивости, сделавшейся⁷⁴⁵ его привычкой. Глядя на этот всегдашний вид покорной и скучающей усталости, с которой красивой молодой адъютант под руку с хорошенькой⁷⁴⁶ женой, лениво волоча ноги, входил на вечера и рауты (на балы он не ездил) или с которой он принимал у себя знакомых гостей и поддерживал разговор, невольно приходил вопрос, для чего он⁷⁴⁷ хлопочет, когда всё это ему так скучно, но вопрос этот не приходил⁷⁴⁸ в голову, в особенности же тем,⁷⁴⁹ кому нравился молодой князь. И таких людей было не мало. Вообще все, знавшие этого молодого человека, разделялись на два совершенно противоположные лагеря. Или его очень любили и восхищались им, или его ненавидели и смеялись над его ничем не оправданной гордостью и ломанием; но как те, так и другие уважали⁷⁵⁰ его и любили быть с ним в хороших отношениях.⁷⁵¹

В Петербурге жил в то время известный изгнанник abbé Piatoli. Князь Андрей, встретив его как бы нечаянно, пригласил к себе обедать. Кроме аббата обедали в этот день у Волконских: старушка, тетка кн[ягини], светской молодой чиновник, приверженец Сперанского, считавший молодого князя великим человеком только потому, что сам князь видимо считал себя таким.⁷⁵²

Пятый прибор оставался пустым, когда по английскому обычаю, по которому всё было учреждено в доме князя, сели за стол в половине седьмого. Прибор этот назначался другому страстному приверженцу князя Петру Ивановичу Медынскому. Князь Андрей, несмотря на свою чопорность, два раза повторил лакею впустить Петра Ивановича, ежели он приедет во время обеда.

<Петруша Медынской, известный в то время в обществе под именем m-r Pierg'a, был незаконный единственный сын известного богача князя Кирила Владимировича Безухого, воспитывался вместе с князем Андреем в Москве и, несмотря на то, что не имел тогда еще никакого общественного положения и был несколькими годами моложе князя Андрея, и был всем известен за беспутнейшего малого, был лучшим другом молодого князя. Происходило ли это оттого, что князь Андрей любил всегда иметь около себя поклонников, а Петруша Медынской считал князя Андрея образцом всяких совершенств и добродетелей и наивно от всей души

---

⁷⁴¹ *Зачеркнуто:* что бы ни говорили про него, благодаря его удвоенному жениным богатством большому состоянию и необыкновенной, как находили светские люди, distinction [изысканности] его приемов, он – поручик гвардии и адъютант губернатора, хотя и не давал балов, которые он не любил, принимал у себя за обедами и маленькими вечерами

⁷⁴² *Зач.*: Красота, оживленность и французская любезность молодой княгини много способствовали этому.

⁷⁴³ *Зач.*: ставил себе в заслугу

⁷⁴⁴ *Зач.*: что случалось нередко

⁷⁴⁵ *Зач.*: очевидно почти природой

⁷⁴⁶ *Зач.*: оживленной

⁷⁴⁷ *Зач.*: так насилует себя

⁷⁴⁸ *Зач.*: никому

⁷⁴⁹ *Зач.*: кто любил

⁷⁵⁰ *Зач.*: и даже боялись

⁷⁵¹ *Зач.*: В июле месяце 1805 года он по обязанностям службы жил в Петербурге точно так же, как жил зимой, принимая к себе и изредка выезжая с женой в редкие дома, которые он признавал достойными этой чести.

⁷⁵² *Зачеркнуто:* как и многие это делали только потому, что князь считал. <всегда без всякой цели льстивший и унижавшийся и поддельвавшийся к молодому князю без всяких видимых причин на это. Князь его не любил и смеялся.>

обожал его, как это часто бывает с молодыми людьми, или оттого, что эти две натуры были столь противоположны, что дополняли одна другую, но никогда, никто, даже жена, не выводили так молодого князя из его притворного, привычного или естественного состояния усталости и апатии, никто не мог вызывать на его лице той милой, доброй и обаятельной улыбки, открывавшей прекрасные зубы, как добродушный и вы⁷⁵³

*** № 22 (рук. № 48).**

Сношения России с Францией были разорваны в 1804 году, вскоре после убийства герцога Енгиенского, смелой и решительной ногой, поданной при отъезде из Парижа нашим поверенным в делах д'Убрилем.⁷⁵⁴

В ноте выставлялись все причины неудовольствия нашего двора против французского и требовалось удовлетворение.

Париж, 28 августа 1804 года.

Нижеподписавшийся поверенный в делах его величества императора всероссийского, желая дать удовлетворительный ответ на ноту, полученную им от французского министра иностранных дел, почитает себя обязанным сокращенно упомянуть о расположении и поступках всемиловитвейшего государя относительно к Франции. Сие начертание ясно покажет взаимное поведение французского правительства против России.

Его императорское величество по вступлении своем на престол всероссийский употребил всё старание утвердить доброе согласие, издавна господствовавшее между Россиею и Францией. Не пропустив ничего, что могло споспешествовать к восстановлению постоянного и твердого мира, он радовался приятною уверенностью, что, действуя таким образом, приблизит эпоху общего спокойствия в Европе, которое долго было нарушаемо военными потрясениями, прекращенными на некоторое время Люневильским трактатом. Наклонность к миролюбию его императорского величества, обнаруженная им при заключении мира с Францией, в такое время, когда она еще продолжала войну со многими государствами, возобновление прежнего торгового трактата, столь выгодного для Республики, бескорыстное посредство России и содействие к примирению Франции с Портою Отоманскою – суть неоспоримые доказательства доброго расположения его императорского величества и ревностного его желания употребить все средства к восстановлению дружественных связей, весьма нужных для блага обоих государств.

После бедствий, нанесенных войною Германии, многие члены Немецкой империи принуждены были согласиться на разные пожертвования; чтобы приличным образом вознаградить их потери, необходимо надлежало прежде узнать цену и пространство того, чего они лишались; император соизволил вместе с Французским правительством взять на себя посредство в сем деле, ласкаясь искреннею и приятною надеждою, что сие посредство утвердит спокойствие Европы на основании прочном, незыблемом. Приведение к концу сего спасительного предприятия подало повод его императорскому величеству ожидать от Франции исполнения тех обязанностей, которые она добровольно возложила на себя при заключении мира с Россиею. Его императорское величество, исполнив свои в строгой точности, имел право надеяться, что Французское правительство будет столько же справедливым. Но сие заключение, как оно впрочем ни основательно, не было оправдано событием; Французское правительство, вместо того, чтоб приступить к исполнению своих обязанностей, по-видимому, старалось удалить сию эпоху.

---

⁷⁵³ На этом рукопись обрывается.

⁷⁵⁴ Зач.: Нота эта была следующего содержания

Король Сардинский, лишившийся всех владений своих чрез соединение Пиемонта с Франциею, еще до сих пор не получил вознаграждения, хотя Кабинет Тюльерийский торжественно обещался России удовлетворить его сардинское величество, и хотя Россия многократно требовала сего удовлетворения.

Французское войско на некоторое время выведено было из Королевства Неаполитанского; но скоро потом оно опять заняло области его сицилийского величества под предлогом, неизвестным всероссийскому императору. Таким образом упомянутое Королевство лишено своей независимости. Представления, сделанные со стороны России, основывающиеся на торжественном обязательстве Французского правительства, почитать Королевство Неаполитанское Государством неутральным и предоставить ему все выгоды неутралитета, не имели желаемого следствия.

После заключения мирного трактата между Россиею и Франциею, правительство Республиканское ввело важные перемены во всех Итальянских государствах, не сделав предварительных сношений с его императорским величеством; несмотря на то, что в трактате постановлено между обеими державами не приступать ни к каким распоряжениям относительно до Италии, без взаимного согласия.

По возобновлении военных действий между Франциею и Англиею целость и права Немецкой империи нарушены, хотя Франция обязалась, обще с его императорским величеством, покровительствовать оные. Кабинет Сен-Клудский за благо рассудил утверждать, что достоинства короля Английского и курфирста Брауншвейг-Люнебургского, соединенные в одной особе, – суть нераздельны; хотя впрочем Республиканское правительство во всё продолжение прежней войны никогда не оспаривало сего разделения. Следственно, было противно правам народным и справедливости наступать войною на такую область, которая по силе Имперской конституции и публичных актов, составляя часть империи, должна была быть свободною от неприятельского нашествия.

Куксгавен, который ни под каким предлогом не мог быть почитаем английским владением, занят французским войском, а города Анзеатические, чтоб избавиться от подобного угнетения, должны были подпасть принужденным займам. Частые и настоятельные требования, сделанные от императора Французскому правительству об исполнении обязанностей его, в рассуждении России, и о том, чтобы оно наконец успокоило неутральные государства, которые боялись быть замешанными в войну – не имели никаких следствий.

К сим многим причинам неудовольствия, имеющим теснейшую связь с выгодами всей Европы, французское правительство за благо рассудило прибавить еще и такие, которые непосредственно относятся ко двору Всероссийскому. Сюда принадлежат: оскорбительные слова, произнесенные на счет министров, удостоенных доверием его императорского величества; сюда принадлежит случившееся в Тюльери обстоятельство, которого был свидетелем министр Российский; сюда принадлежит утеснение Сен-Клудским кабинетом людей, по препоручению от двора всероссийского исправляющих разные должности в чужестранных государствах; наконец сюда принадлежит поступок беспримерный, который французское правительство позволило себе сделать, принудив папу выдать ему российского подданного, и не уважив ни требований, ни представлений, сделанных со стороны России.

Новый насильственный поступок Французского войска, во владении курфирста Баденского, не без причины заставил его императорское величество опасаться в рассуждении спокойствия и независимости государств Европейских, сопредельных Франции. Его величество соизволил объявить свое мнение, сколь нужно успокоить оные по сему предмету, удовлетворить справедливые требования империи и принять меры к отвращению бедствий, угрожающих Европе. Из ответа, доставленного империи, совсем не видно, чтобы сие посредство имело какой либо успех; напротив того, в нем искреннее и бескорыстное поведение его императорского величества, относительно к делам Европы и в особенности к Франции, перетолковано

несправедливым образом, чем явно обнаружилось решительное намерение раздражить двор всероссийский и препятствовать его действиям.

Такая непреклонность со стороны французского правительства против справедливых требований его императорского величества, такое поведение, несовместное с желанием хранить доброе согласие, существовавшее между обоими государствами, достаточно убеждают Россию в том, что Французское правительство с одной стороны мало уважает сношения свои с упомянутою державою, и, следственно, подает ей причины прекратить оные; с другой, оно поводимому положило твердое намерение поступать в противность народных прав и законов справедливости, а такое намерение не согласно ни с чувствами, ни с правилами его императорского величества.

Не смотря на столь побудительные причины к негодованию, император всероссийский заблагорассудил сделать последнее представление французскому правительству, и соглашался предать забвению все неудовольствия, если оно исполнит упомянутые здесь обязанности свои, давно уже долженствовавшие быть совершенными. На сие последовал ответ неудовлетворительный, наполненный хитрыми увертками и несправедливыми обвинениями, ответ, особенно достойный примечания по странному объявлению, «что российские войска завладели республикою семи островов без ведома Франции»; между тем всем известно и министр иностранных дел имеет перед глазами ясное доказательство, что сия республика занята выведенными из королевства Неаполитанского российскими войсками по согласию Порты, по просьбе жителей, и по следствию предварительного сношения с французским правительством. После всего этого, нижеподписавшемуся остается объявить, что всякое сношение между Россией и Франциею совершенно бесполезно и следственно долженствует прекратиться с сей же минуты, и что его императорское величество ожидает только известия об отъезде из Парижа своего поверенного в делах, по получении которого немедленно предложить французскому посольству оставить российскую столицу.

Его императорское величество не имеет причины упрекать себя; ибо если бы от него зависело, то союз между обеими нациями не только не прервался бы, но еще более укрепился. Он, против воли своей, ныне долженствует прекратить все сообщения с таким правительством, которое отрекается выполнить свои обязанности, которое выступает из пределов должного к нему уважения, и которое, с самого того времени, как возобновились сношения между обоими государствами, старалось только наносить оскорбления России. Его императорское величество, будучи тверд в своих намерениях и желая отвратить пролитие человеческой крови, ограничится такими мерами, которые относительно положение обеих держав принять ему позволяет. Россия и Франция могут обойтись без взаимных сношений, которые необходимо должны основываться на пользе и приличностях; в противном случае гораздо выгоднее прекратить оные.

Французское правительство подало причину к настоящему расположению обстоятельств; следственно от него зависит решить, должна ли быть начата война или нет. Если новыми оскорблениями, дерзкими поступками против России и ее союзников или, наконец, угрозами против безопасности и независимости Европы, оно заставит двор всероссийский отменить свое предприятие, в таком случае его императорское величество приступит к крайним мерам справедливого защищения и будет действовать с усилием, равным терпению, которое прежде обнаруживал при изыскании способов к примирению, способов, приличных чести и достоинству своего престола.

Нижеподписавшийся, сим исполнив повеление своего монарха, просит министра иностранных дел немедленно снабдить его пропуском для отъезда из Франции; пользуясь сим случаем, он возобновляет уверение в высоком почтении, которое он имеет к гражданину министру иностранных дел.

Подписано: *П. Д'Убриль*.

* № 23 (рук. № 48).

⁷⁵⁵ Не обращая никакого внимания на строгие замечания, которые делал господин Дубриль Наполеону, Наполеон вскоре по получении этой ноты принял на себя звание императора, насильно, как говорили, привез папу из Рима и заставил себя короновать в Париже и, не только не думал удовлетворять его Сардинское величество и успокоивать Неаполитанское величество, но не удовлетворившись императорским коронованием в Париже, вместе с папою, поехал в Милан и заставил себя короновать королем Италии.⁷⁵⁶

Летом 1805 года дипломатические сношения России со всеми европейскими державами, за исключением Франции, особенно оживились. Любители политических новостей с особенным нетерпением ждали газет, делали предположения войны против Франции и различные комбинации союзов. Курьеры и уполномоченные из Пруссии, Англии и Австрии особенно часто скакали по русским и прусским нежелезным дорогам и останавливались у подъезда еще старого зимнего дворца. Двор Марьи Федоровны, императрицы-матери, находился в Павловске и приближенные этого двора, известного за свою ненависть к Наполеону, имели вид значительный, довольный и скромный, как будто они все знали что то особенное и важное, что публике еще рано было знать.

Молодой император казался озабоченным и сильно занятым. Смотры и совещания с министрами занимали всё его время. Молодые наперсники и советники императора, Кочубей, Новосильцов, Долгорукой, Чарторыжский смело смотрели в глаза недоверчивым старикам и, видимо, затевали что то решительное и важное. Указ о учреждении министерств, вместо коллегий, уже выдержал бурю гонений со стороны стариков. Над дополнениями его работал уже приобретший известность Сперанской. Преобразования, с свойственной молодости жаром, готовились и приводились в исполнение по всем частям государственного управления. И тогда, как и теперь, как и всегда было и будет, молодое правительство видело одни ошибки во всем старом и боялось отстать от века, старики видели одни ошибки во всяком изменении старого порядка вещей и удивлялись, чтоб возможно было иметь смелость тем, кого они знали ребятами, изменять то, что жило в знаменитой век Екатерины.

Пускай не исполняется и одна сотая из надежд молодости, надежды эти всё так же⁷⁵⁷ необходимы. Пускай из тысячи цветов один только оплодотворяется, природа каждый год воспроизводит их новые тысячи. И зачем нам знать назначение этих красивых, хотя и бесплодных цветов, когда мы любим их.

Как и теперь, как и всегда, так и тогда было, что около молодых людей, борющихся за новое, и екатерининских стариков, борющихся за старое, были толпы людей, в этой борьбе видевших только удобство найти лишние рубли, кресты и чины, и были толпы людей, только

---

⁷⁵⁵ *Зачеркнуто:* Летом 1805 года <политические известия о дипломатических переговорах между Россией и Пр[уссией]> дипломатические сношения России с Европейскими державами становились с каждым днем сложнее и значительнее. Сношения России с Францией были разорваны еще в прошлом 1804 году смелой и решительной нотой, поданной при отъезде из Парижа нашим поверенным в делах д'Убрилем вскоре после убийства герцога Енгиенского <не возобновлялись, но> Нота эта была следующего содержания.

⁷⁵⁶ *Зач.*: В ответ на эту ноту Наполеон <надел на себя императорскую> принял звание императора, заставил признать за собой это звание половину Европы, вытребовал папу из Рима и заставил себя короновать в Париже, составил Рейнский союз, назвав себя протектором его <и одно продолжал: перерисовывать карту Европы по своим соображениям и готовил высадкой на берег в Булонском лагере гибель Англии, не обращая никакого внимания на признание и непризнание законности его прав> и объявив войну Англии, готовил ей гибель и поехал в Италию, чтобы в Милане принять звание короля Итальянского. Наполеон был та же революция, как говорят историки, но с той только разницей, что когда революция была идеей, она спорила и доказывала, теперь же, ставши силой, она вместо ответа на убеждения и рассуждения, победоносно доказывавшие ей ее неправоту, выставила 100 000 штыков и говорила: «Ну-ка попробуйте».

⁷⁵⁷ *Зачеркнуто:* красивы и милы

совершенно отвлеченно разделявших эту борьбу, но работавших не для борьбы, а для своих страстей и потребностей.

Но, несмотря на общий всем временам характер борьбы старого и нового, время это имело для России, как государства, еще особенный характер счастливой и исполненной надежд красивой молодости.

После⁷⁵⁸ короткого царствования Павла и тяжелого чувства революции, воцарился рыцарской, красивой, любезной и всеми любимой, молодой внук Екатерины, и ужаснувшая всех революция уже улеглась в свое русло. Всё страшное неограниченного образа правления в России похоронено было с Павлом, всё ужасное революции похоронено было с Директорией. Оставались славные воспоминания величия Екатерининского царствования и великие идеи революции, проникшие невольно во все благородные души.

Дать конституцию России, освободить крестьян, дать свободу слова и печати были мысли-дети революции, исполнение которых казалось легко и просто молодому и восприимчивому императору. Сделать Черное море русским озером и восстановить величие греческого храма Софии, остановить завоевания Бонапарта и восстановить законное правительство у французов казалось для внука Екатерины только исполнением завещания славной бабки. Было счастливое молодое царствование.

Эти то люди и будут героями этой истории.

—

Несмотря на летнее время, в Петербурге, на дачах в июне 1805 жило всё придворное, служащее, торговое, военное и бездельное население этого города.

Один из таких бездельных людей был незаконный сын знаменитого князя Кирилы Владимировича Безухого, богача, чудака и масона, жившего безвыездно в Москве со времени воцарения Павла. Сын Кирилы Владимировича назывался не Петр Кирилыч, а Петр Иваныч и не Безухой, а Медынской. Отец⁷⁵⁹ давал ему много денег и интересовался им, но не хотел усыновить, желая, чтоб сын сам сделал себе карьеру. Несмотря на неусыновление, m-r Pierr'e, как его звали в свете, был принят в лучшем свете и, приехав из за границы, остановился у знаменитого вельможи и родственника отца, князя Василья Борисыча Курагина,⁷⁶⁰ известного всем под именем кнезь Василья.⁷⁶¹ M-r Pierr'у весной надо было ехать в Москву, где отец его хотел определить в архив. Но <он> жил тут всё лето, сам не зная для чего и каждый день говоря, что он завтра поедет.>

**** № 24 (рук. № 48).**

С 1805 ПО 1814 ГОД.
РОМАН ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО
1805-й год. Часть 1-я
Глава 1.

Тем, кто знали князя Петра Кириловича Б. в начале царствования Александра II, в 1850-тых годах, когда Петр Кирилыч был возвращен из Сибири белым, как лунь стариком, трудно бы было вообразить себе его беззаботным, бестолковым и сумасбродным юношей, каким он был в начале царствования Александра I, вскоре после приезда своего из за границы, где он по желанию отца оканчивал свое воспитание.

---

⁷⁵⁸ *Зачеркнуто:* тяжелого

⁷⁵⁹ *Зач.:* любил по

⁷⁶⁰ *Слово:* Курагина *переправлено* из Курыкина

⁷⁶¹ *Зач.:* Отец уж давно ждал к себе сына из за границы

Князь Петр Кирилович, как известно, был незаконный сын князя Кирила Владимировича Б. В то время первой молодости, о котором я пишу, он еще не был усыновлен отцом и в том высшем кругу общества, в котором вырос, был известен под именем только *monsieur Pierr'a*.⁷⁶² По бумагам он назывался не Петр Кирилыч, а Петр Иваныч, и не Б., а Медынской – по имени деревни, в которой он родился. Говорили, что старый князь по беспечности не позаботился об усыновлении молодого человека при Екатерине, когда ему стоило бы только слово сказать, чтобы его желание было исполнено, а что при Павле старый князь имел свои причины ни о чем не просить государя.⁷⁶³ У старого князя Б. было сорок тысяч душ и никого прямых наследников; поэтому вопрос о том, будет ли или не будет в нынешнее царствование усыновлен *Pierre* (как его звали), казался для многих весьма интересным и производил в обращении знакомых молодого человека смесь фамильярности, ласки, заискивания и пренебрежения. Более всех интересовал этот вопрос петербургского вельможи князь Василья Курагина, бывшего ближайшим родственником старого князя Б. и потому имевшего права рассчитывать на наследство, и меньше всех интересовал этот вопрос самого *Pierr'a*, постоянно увлеченного либо каким-нибудь пристрастием, либо какою-нибудь отвлеченной мыслью. Приехав из-за границы еще в начале мая и остановившись по родственному у князя Василья, *Pierre* тогда же должен был отправиться в Москву, где безвыездно жил его отец, но уже была половина июня, а он всё жил в Петербурге. То у него не было денег, то было слишком много денег, то был *rendez vous*,⁷⁶⁴ то вечер, на который его звали, и он два месяца собирался ехать непременно завтра.

В Петербурге, несмотря на летнее время, жило всё служащее и придворное население города.

Блиzkих знакомых у м-г *Pierr'a* было два дома: князь Василья, у которого вверху он не любил бывать, но с сыном которого он за вином, картами и женщинами проводил петербургские бессумрачные ночи, сам не зная для чего, потому что не любил ни вина, ни карт, ни женщин, и другой знакомый дом был, недавно женившийся адъютант петербургского генерал-губернатора, князь Андрей Волконской, по строгости своей жизни и английской чопорности дома совершенный контраст князя Анатоля Курагина.

М-г *Pierre* проводил большей частью день у князя Андрея, с которым он был не только дружен, но к которому, несмотря на совершенное различие характеров и вкусов, он имел то страстное обожание, которое так часто бывает в первой молодости. С ним он говорил о⁷⁶⁵ войне, о политике, философии, любовался его домашним счастьем, красивой женой, обдумывал свое положение, решался ехать на другой день в Москву, но приходила светлая беспокойная ночь, чего то еще ему хотелось поскорее, что то хотелось забыть, он не мог идти домой, заходил к Анатолю и, пьяный, усталый, и с раскаянием в душе, засыпал уже тогда, когда солнце поднималось из за высоких домов, город оживлялся и по Невскому становилось шумно, пыльно и жарко.⁷⁶⁶ И тем радостнее было ему подъезжать в 6-м часу к⁷⁶⁷ большому дому в Литейной, где в высокой, чистой и роскошной квартире жила молодая чета Волконских, всегда весело встречавшая каждый день заблуждающегося и возвращающегося блудного сына.

20 июля он, точно так же, как и все дни, начиная с 1-го апреля, должен был ехать на другой день в Москву, но его задержало предложение встреченного накануне молодого князя

⁷⁶² *Зачеркнуто*: сына старого Б. и чувствовал себя в неловком и фальшивом положении.

⁷⁶³ *Зач.*: Теперь же предполагали, что при новом царствовании князь уже сделал это или сделает это и потому все, знавшие молодого человека, кроме его самого, считали его лицом очень важным.

⁷⁶⁴ [свидание]

⁷⁶⁵ *Зачеркнуто*: литературе

⁷⁶⁶ *Зач.*: Так день проходил за днем

⁷⁶⁷ *Зач.*: чистому домику

Андрея Волконского приехать к нему обедать и вместе ехать к старой⁷⁶⁸ фрейлине Анне Павловне Шерер, которая очень желала видеть молодого Медынского.

– Ну, что ж, вы и поедете завтра в Москву? – сказал ему накануне князь Андрей,⁷⁶⁹ посмеиваясь. – Вы уж привыкли и мы привыкли, что завтра. Так не изменяйте.

М-г Pierre приехал к обеду, но как всегда опоздал. Лакей, не в камзоле по старинной французской, а по новой, вводившейся тогда английской моде, во фраке, доложил, что кушают, но в то же время послышался из столовой металлической, ленивой и неприятно резкой голос князя Андрея.⁷⁷⁰

– Петр Иваныч? Проси.

М-г Pierre вошел в светлую, высокую, росписанную столовую, с дубовыми, резными буфетами и уставленным хрусталем и серебром столом. За столом сидели князь Андрей,⁷⁷¹ свежий, красивый, молодой человек с сухими чертами лица и глазами, в которых свет казался потушенным. Эти глаза, смотревшие и ничего не хотевшие видеть, поражали невольно. На другом конце стола сидела его жена, хорошенькая, оживленная и заметно брюхатая брюнетка. В середине гости: какая то барышня, старичок, видимо иностранец, которого м-г Pierre сначала не заметил, и молодой чиновник, которого м-г Pierre видал и знал *comme un jeune homme de mérite et qui promet*.⁷⁷² Он знал еще, что молодой чиновник этот принадлежал к клике Сперанского. Тогда это был первый чиновник не дипломат, которого м-г Pierre видел в свете. Прибор для м-г Pierre'a стоял накрыт и новенький, как и всё, что было в доме, стул был придвинут высокой, резной спинкой к краю белейшей и тоже новой скатерти.⁷⁷³

На стенах, на серебре, на белье, на мебели, на слугах и их жилетах, на рамах и задвижках окон, на коврах, на сертуке и эполетах хозяйина, на серьгах и воротничк[e] хозяйки, на всем в этом доме был тот особенный, светлый отпечаток, который бывает у *молодых*. Всё, от отношений мужа к жене и их положению, до последнего ковра и лампы на лестнице – всё было свежо и ново и всё говорило: мы тоже молодые князь и княгиня. От этого в доме было особенно весело. М-г Pierre, кроме симпатии к хозяевам, от этого, может быть, еще больше любил бывать у Волконских.

М-г Pierre, как домашний человек, был знаком со всеми собеседниками,⁷⁷⁴ исключая старичка иностранца, и не обратил на него внимания.

– Извините, что я опоздал, – заговорил, бубуркая ртом,⁷⁷⁵ толстый юноша, как будто рот у него был набит чем то, доброй улыбкой открывая испорченные зубы и таким тоном, что видно было, он знал, что его извинят.⁷⁷⁶

⁷⁶⁸ *Зач.*: штатс-даме

⁷⁶⁹ *Зач.*: <трепля его> улыбаясь, как всегда лениво и добродушно

⁷⁷⁰ *Зач.*: который всегда был таким, когда относился к прислуге.

⁷⁷¹ *Зачеркнуто*: чистенькой, маленькой, аристократической человек.

⁷⁷² [как молодого человека с достоинствами и подающего надежды]

⁷⁷³ *На полях*: <Хотя князь Андрей никого никогда не поражал особенным блеском ума, он любил ум и образование, и в его гостиной встречалось всё, что бывало замечательного в Петербурге. Чиновник действительно считался замечательным <дельцом> молодым человеком в бюрократическом мире, скромный же чистенькой старичок иностранец был еще более замечательное лицо. Это был l'abbé Piatoli, которого тогда все знали в Петербурге. Это был изгнанник, философ и политик, привезший в Петербург проект совершенно нового политического устройства Европы, которое, как сказывали, он уже имел счастье через кн. Адама Чарторыжского представлять молодому императору.>

⁷⁷⁴ *Зач.*: и мало интересовался ими. Молодой чиновник только, казалось, был для него <новость> интересен и он тотчас же, не доев супа, вступил с ним в горячий разговор, начавший принимать характер спора.

⁷⁷⁵ *Зач.*: подходя к руке княгини, доброд[ушный]

⁷⁷⁶ *Зач.*: – Когда ты уедешь из Петербурга, чего я очень желаю для тебя и очень жалею для себя, – сказал князь Андрей по французски и, как и всегда, тихим, приятным и ровным голосом, спокойно округляя периоды своей речи, – тогда вы сразу извинитесь за всё, это будет для вас удобнее.– Суп подать, – опять сказал металлической неприятный голос, обращаясь к слугам.

– Когда же вы не опаздывали, *mon cher m-r Pierre*, – сказал голос князя Андрея,⁷⁷⁷ мелодический и нежный, совсем другой, чем тот, которым он сказал: «проси». На лбу его распустилась какая то складка и просияло лицо.

– Когда вы будете уезжать, тогда извинитесь. Суп подать, – как будто с трудом, по-русски, прибавил он лакею грубым, неприятным голосом, один звук которого составлял оскорбление.

– Тогда вы вместе и извинитесь в том, что вы мне забываете привезть «*Coginne*», которую обещали, – сказала княгиня звонким голоском и улыбаясь яркой улыбкой брюнетки, с белыми, прекрасными зубами.

Pierre, севший было на стул, вскочил и всплеснул руками.

– Ах, забыл, *pardon, princesse*, опять забыл. Нет, я поеду, сейчас привезу,⁷⁷⁸ – прибавил он вопросительно.

Княгиня засмеялась так, что все засмеялись с ней вместе.

– Нет, сидите, обедайте.

Барышня, старичок иностранец и чиновник прилично и приятно улыбались, глядя на эту домашнюю сцену, которая видимо была очень знакома всем.

Видно было, что *m-r Pierre* уже давно освоился с своей ролью беспутного, беспорядочного, рассеянного, но милого и любимого друга дома, молодой князь с ролью покровительствующего, снисходительного друга, а княгиня с ролью невинно, кокетливо задирающего и ласкающего друга женщины.

– Вы знаете, – прибавила она, – что этот молодой человек вот уж третий месяц едет завтра в Москву. Так?

– Так, – улыбаясь и печально махнув рукой, подтвердил *Pierre*.⁷⁷⁹

Разговор зашел о том, о чем все тогда говорили, о чем говорят всегда, думая говорить о важных предметах: о преобразованиях, замышляемых в России, о конституции.

– Как же вы хотите,⁷⁸⁰ – говорил чиновник, – чтоб такое преобразование могло совершиться быстро.⁷⁸¹ Теперь положим учрежден Совет и Министерства⁷⁸² и они имеют свои недостатки, кто в этом спорит. Не так ли, князь?

– *Je vous avoue, mon cher*, – пропустил сквозь зубы князь,⁷⁸³ отламывая красивой рукой корочку хлеба, – *que je suis parfaitement indifférent au nom Collège ou ministère. Il nous faut des gens sarables et nous n'en avons pas.*⁷⁸⁴ Он говорил ленивым тоном старого вельможи, который смешон был в нем, в молодом человеке, но говорил с такой уверенностью, что его слушали.

– Извините, князь, ежели теперь, – продолжал чиновник, видимо отвечая преимущественно на те возражения, которые он привык слышать от большинства старых служащих, а не на те, которые делали ему, – ежели теперь не замечается единства и представляется разрозненность в новых учреждениях, то это происходит оттого, что только часть их могла быть введена в действие. – Он оглянулся на княгиню, – положим, вы бы портного упрекали за то, что рукава фрака безобразны и не в пору, когда они не пришиты еще к фраку. Не так ли?

⁷⁷⁷ *Зачеркнуто*: ленивый по-франц[узски]

⁷⁷⁸ *Зач.*: Лицо его выражало отчаяние.

⁷⁷⁹ *На полях зачеркнуто*: Еще *Pierre* не успел доесть супа, как вступил в спор с молодым чиновником.

⁷⁸⁰ *Зач.*: Петр... <Кирилыч> Иваныч... кажется

⁷⁸¹ *Зач.*: и с одного раза войти в свою колею

⁷⁸² *Зач.*: впоследствии могут быть образованы и *Chambres* [Палаты] и все те права, которых благоразумный гражданин может требовать в наше время и могут быть даны просвещенным и следящим за развитием политической науки правительством

⁷⁸³ *Зач.*: предлагая вместе с тем вино даме

⁷⁸⁴ [Признаюсь, милый мой, мне нет никакого дела до названия: коллегия или министерство. Нам нужны способные люди, а их у нас нет.]

Князь, в ответ на пристально и долго устремленный на него взгляд, не моргнув, не изменил своего красивого,⁷⁸⁵ спокойного лица и⁷⁸⁶ продолжал прямо смотреть на чиновника,⁷⁸⁷ княгиня учтиво улыбнулась.

– Согласитесь, – продолжал чиновник, все и совершенно забыв возражения Pierr'a и отвечая на мнимые привычные возражения, – что нельзя требовать, чтобы работы по такому громадному делу окончены были вдруг. Где у нас люди,⁷⁸⁸ я с вами согласен, – говорил чиновник за 50 лет тому назад точно так же, и совершенно в том же смысле, как говорят это теперь, т. е. стараясь показать, что из людей есть один только я, да еще несколько, – где у нас люди. Ведь Михаил Михайловичу (Сперанскому) верно никто не откажет в⁷⁸⁹ желании добра и любви к отечеству, однако он работает почти один и что же, мы можем помогать ему.⁷⁹⁰

М-г Pierr'e любил спорить и, несмотря на свою распушенность и слабость в жизни, в деле мысли и спора он⁷⁹¹ обладал логически последовательностью, которая, казалось, против его воли влекла его в самые поразительные соображения.

Pierr'e⁷⁹² по наружности составлял резкую противоположность князю Андрею. В сравнении с тонкими, твердыми и определенными чертами князя Андрея, черты Пьера казались особенно пухлы, крупны и неопределенны. Особенно оживленные и умные глаза, отчасти скрытые очками, составляли главную черту его физиогномии.

Взглянув на его лицо, всякой невольно говорил: какая умная рожа. А увидав его улыбку, всякой говорил: и славный малый, должен быть.⁷⁹³ Лицо его, вследствие серьезности выражения его умных глаз, казалось⁷⁹⁴ скорее угрюмо, чем ласково, особенно когда он говорил, но стоило ему улыбнуться и открыть порченные зубы, чтоб вдруг лицо это приняло неожиданно такое наивно, даже глупо доброе выражение, что, глядя на эту улыбку, его даже жалко становилось. И улыбался он не так, как другие улыбаются, так что улыбка сливается с неулыбкой почти незаметно. У М-г Pierr'a улыбка вдруг, как будто по мановению волшебника, уносила обыкновенное, умное, несколько угрюмое лицо и приносила другое, детски, наивно доброе, просящее прощения как будто, и всё отдающееся⁷⁹⁵ лицо и выражение.

М-г Pierr'e считался либералом не только того времени, в своем путешествии нахватавшимся идеей революции, но неспособным ни на какое дело.

Чиновник имел репутацию человека дела, благоразумного либерала, умеющего прилагать мысли к жизни.

Pierr'e во время этого разговора ел суп и прислушивался.

– А я вот как думаю, – торопливо и быстро заговорил он и, с свойственной молодости поспешностью и хвастовством мысли, обобщив предмет, начал доказывать чиновнику, что Совет и ответственность министров не хороши, потому что большая степень свободы народа не может быть дана ему, но должна быть завоевана им.

---

⁷⁸⁵ *Зачеркнуто:* нежного

⁷⁸⁶ *Зач.*: потухшим взглядом

⁷⁸⁷ *Зач.*: очевидно не желая принимать никакого участия в этом разговоре и думая о совершенно другом <и считая всё это ничтожным>.

⁷⁸⁸ *Зач.*: я вас прошу

⁷⁸⁹ *Зач.*: трудолюбии и деятельности

⁷⁹⁰ *Зач.*: – Я не про то говорю, – сказал м-г Pierr'e и начал возражать

⁷⁹¹ *Зач.*: был необыкновенно силен и обладал непоколебимой логикой

⁷⁹² *Зач.*: М-г Pierr'e был толст, пухл, курчав, с крупными и вялыми чертами лица и имел замечательно оживленные глаза, отчасти скрытые очками. Князь Андрей в насмешку называл его Мирабо.

⁷⁹³ *Зачеркнуто:* право этот м-г Pierr'e.

⁷⁹⁴ *Зач.*: в спокойные минуты

⁷⁹⁵ *Зач.*: вам

Когда м-г Pierre начал возражать, чиновник⁷⁹⁶ спокойно замолк, в уме, как будто, приготавливаясь разбирать по номерам и статьям возражения.

Подвести по пунктам возражения м-г Pierre'a было затруднительно. Он⁷⁹⁷ имел свойство обобщать предмет и выводить спор из мелочей, подробностей и потому часто впадал в неясность. Он и не думал спорить о том, хорошо ли, дурно ли работает Михаил Михайлович или Иван Иванович, что было лучше – коллегии или министерства, даже вопрос об ответственности министров был для него ничтожен, он говорил, что конституция и вообще права, большая степень свободы не может быть дана народу, но должна быть взята, завоевана им.⁷⁹⁸ Конституция, данная по прихоти монарха, может быть и отнята по той же прихоти.⁷⁹⁹ Аббат стал смотреть внимательно на Pierre'a. L'homme de beaucoup de mérite спросил [?]:⁸⁰⁰

– Что же отменено? Напротив, эти пять лет всё с учреждением минист[ерств], отменой Совета всё идет вперед.

– Я не упрекаю новые учреждения в отсутствии единства, – говорил он, глядя через очки,⁸⁰¹ – но я говорю, что все эти изменения дают ложные понятия всем нам, когда еще мы не знаем своих прав. И не знаем сами, чего требовать. В государстве, где миллионы рабов, не может быть мысли об ответственных министрах и представительной каморе депутатов. Чиновник возражал.⁸⁰²

– Но всё не может сделаться вдруг.

Старичок чистенькой аббат держал себя всё время учтиво, уверенно и скромно, как будто чувствуя, что он знаменитость, которой не нужно себя выказывать.⁸⁰³ Несмотря на эту неловкую роль знаменитости, старичок иностранец поражал однако своим односторонне умным, сосредоточенным выражением горбоносого, сухого лица. Видно было, что этот человек знал или думал по крайней мере, что уж так насквозь знает людей, что с первого взгляда он составлял о них мнение и ими не интересовался, и что уже давно давно у этого человека была одна мысль, для которой одной он жил, считая всё остальное ничтожным.

⁷⁹⁶ *Зач.*: учтиво

⁷⁹⁷ *Зач.*: всегда

⁷⁹⁸ *Зач.*: как она была завоевана в Англии и Франции. Он говорил, что

⁷⁹⁹ *Зач.*: и что поэтому учреждение Совета и министерств не принесет пользы

⁸⁰⁰ *На полях*: Чиновник испуг[анно] посмотрел

⁸⁰¹ *Зачеркнуто*: что всегда было признаком большого оживленья

⁸⁰² *Зач.*: Во время обеда и после его <оба молодые человека> чиновник и Pierre, под видом спора, высказывали друг другу и присутствующим свои мысли. Княгиня, занимая других гостей, изредка делала вид, что слушает споривших, но занималась преимущественно рассматриванием различных выражений, которые принимало лицо Pierre'a, и, улыбаясь, украдкой указывала на него мужу, особенно в те минуты, когда Pierre был более всего оживлен и потому смешон для веселой маленькой княгини. Старичок иностранец иногда делал головой знаки спокойного одобрения, но видимо не хотел вступать в спор. Молодой князь <слушал спор, но не говорил своего мнения> изредка вставлял в разговор презрительную французскую шуточку и, видимо, не скрывал, что скучал. Молодой князь был один из тех людей, которые никогда не тяготеют молчанием и, глядя на молчание которых, вам никогда не придет в голову упрекнуть их в этом молчании, а вы всегда упрекнете себя. Он вообще говорил очень немного. Иногда о городских слухах, о родных, о придворных делах и больше всего о войне, военном деле, которое он знал очень хорошо, и Наполеоне, которого он, как то странно соединяя эти два понятия, ненавидел, как врага законной монархии, и обожал, как величайшего полководца мира, при всех же остальных разговорах он больше спокойно слушал, как будто отдыхая <от вечной усталости> и только наводил других на разговоры, которые ему казались занимательны. И в середине разговора князь встал, взглянув на часы, вышел в кабинет. Через <полчаса> 10 минут вернулся, ленивым, спокойным, в еще более новом адъютантском мундире, на котором были три военные ордена <доказывавшие, что он был не новичок в военном деле>, полученные им в Турецкой кампании. – Eh bien, mon cher, vous n'avez pas oublié que nous passons la soirée chez m-me Cherer. Elle veut vous confesser [Ну, мой милый, вы не забыли, что вечером мы у г-жи Шерер. Она хочет вас исповедывать] – сказал он, подходя к Pierre'у. Аббат и чиновник встали и простились. Князь проводил их до двери. – Ах, André, как они мне надоели с своим спором, – сказала жена. – Он скучен, этот м-г. – Вы знаете, что я не люблю говорить дурно ни про кого, особенно про людей, которые у меня бывают, – сказал кн. Андрей строго и холодно и в тоне, с которым он обратился к жене, было заметно больше чем сухость, а что то недружелюбное. – Да не забудьте 8 часов, вам надо одеваться, чтоб мне вас не ждать и чтоб нам не опаздывать, как Pierre'у, – прибавил он, оправляя эполет. Действительно князь никогда ни про кого не говорил дурно и никогда не опаздывал. Княгиня улыбаясь <выпорхнула> расквашивая вышла из гостиной.

⁸⁰³ *Зач.*: но созерцанием которой он предоставляет пользоваться тому обществу, в которое он приехал.

С этим вместе у него было спокойное уменье обхождения, очевидно приобретенное не рождением и воспитаньем, как у светских людей, но долгим навыком обращаться с людьми всякого рода. Он с учтивой, но оскорбительной по своей давнишней притворности улыбкой всегда обращался к дамам и с⁸⁰⁴ пронизательным спокойным взглядом, не останавливавшимся ни на чем, обращался к мужчинам. Княгиня, желая ввести его в разговор, спрашивала его за столом, как нравятся ему русские кушанья, как переносит он климат Петербурга и т. п. вопросы, которые всегда делают иностранцам, он на всё с своей для дам приготовленной улыбкой отвечал коротко и вновь молчал, прислушиваясь к разговору м-г Рieгг'a, которого личность по-видимому заинтересовала его настолько, насколько еще могло что-нибудь заинтересовывать этого, видимо, прошедшего столько превратностей, странного итальянца. Когда вышли из [за] стола и князь спросил, не курят ли, все отказались, а аббат попросил позволения из крайней учтивости понюхать. Он достал золотую табакерку с изображением какой то коронованной особы, понюхал, уложил табакерку в жилетный карман и подсел ближе к м-г Рieгг'у, перевертывая на сухом, старом, белом пальце дорогой изумрудный перстень, очевидно, тоже подарок важной особы.

Экс-аббат пользовался, видимо, прекрасным здоровьем свежей старости и испытывал приятное чувство пищеварения после хорошего обеда, выпив чашку кофе, пожелал видимо посондировать этого курчавого умного юношу, столь легкомысленно опровергающего всё на основании идей революции.

Он остановил его в то время, как м-г Рieггe доказывал, что основанием всего государственного благоустройства может быть только признание за каждым гражданином прав человека, – *les droits de l'homme*, – сказал он.

– Позвольте мне сказать, – сказал экс-аббат своим итальянским выговором с учтивым движением головы и тихим голосом, но таким, который невольно заставил⁸⁰⁵ Рieгг'a остановиться и выслушать речь старичка, – позвольте мне заметить, что права человека были вполне признаны во Франции, но мы не можем сказать, чтобы это государство пользовалось⁸⁰⁶ образцовой свободой ни во времена⁸⁰⁷ Конвента, – он остановился, – ни во времена директории, – он остановился, – ни теперь. – Он улыбнулся.

L'homme de beaucoup de mérite с благодарностью посмотрел на итальянца, как будто говоря: «я это самое и говорю».

– Кто же виноват? – отвечал м-г Рieггe, с тою же горячностью,⁸⁰⁸ шамкая⁸⁰⁹ ртом и почти не замечая перемены собеседника, – разве по теперешнему положению дел во Франции можно судить о том, что бы она была, ежели бы идеи революции могли свободно развиваться.

Экс-аббат имел искусство внимательно и чрезвычайно спокойно слушать и прерывать именно в тот момент, когда это было выгодно.⁸¹⁰

– Позвольте узнать ваше мнение, кто же помешал развитию этих идей? – перебил он так же тихо, как и прежде, – и кто же установил настоящий порядок вещей, который, я полагаю, вы согласитесь назвать военным деспотизмом, противным всякой свободе.

– Порядок этот установился сам собою.

– *Sans doute*,⁸¹¹ – говорил экс-аббат, видимо только ожидая времени опять вставить свое победительное возражение.

⁸⁰⁴ *Зачеркнуто*: спокойно рассеянным

⁸⁰⁵ *Зач.*: споривших

⁸⁰⁶ *Зач.*: образцовым благоустройством. Чиновник, уже давно обобщениями М-г Рieгг'a выбитый из своей колеи обсуждения канцелярских работ, с трудом поддерживавший спор, с благодарностью обратился молча на Рieгг'a и иностранца.

⁸⁰⁷ *Зачеркнуто*: директории

⁸⁰⁸ *Зач.*: с которой он спорил против чиновника

⁸⁰⁹ *Зач.*: слюнявым

⁸¹⁰ *Зач.*: для того, что он хотел доказывать

⁸¹¹ [Несомненно]

– Деспотизм возник от того, что Франция была поставлена в необходимость защищать свои установления против всей Европы.

– Sans doute, – закрывая глаза, говорил аббат.

– Даже жестокости Конвента и Директории всё это произвело европейское вмешательство.

– Sans doute, но отчего же европейские державы вмешались в дела внутреннего устройства Франции? – сказал аббат с улыбкой спорщика, приведшего противника именно к тому пункту, у которого он ждал его.

Pierre на минуту не знал, что ответить.⁸¹² Он улыбнулся.

– Allez le leur demander,⁸¹³ – сказал он, но тут же оправившись продолжал: – Впрочем, вы говорите, отчего? Оттого, что свобода невыгодна деспотам, оттого что учение революции не проникло еще во все умы.

– Sans doute, – повторил аббат. – Но позвольте у вас спросить, ежели бы нам с вами предоставлено было устроить судьбу⁸¹⁴ мира, чего бы мы желали и к чему бы стремились: к благоустройству Франции или к благу всего человечества? Я думаю, что к последнему.

Pierre замолчал, не понимая, к чему ведет его противник.

– Я тоже думаю, – только сказал он.

– Sans doute. Вы говорите, что признание прав человека есть начало и основание всякой свободы и государственного благоустройства, я с вами совершенно согласен. Теперь я говорю, что признание прав человека во Франции, в одной Франции, не только не повело человечество к большому счастью и благоустройству, а повело и Францию, и человечество к величайшему из зол, к войнам, к убийству ближнего и к попранию всех тех прав человека, которые были так торжественно признаны. Это я говорю и вы со мной согласны. Не так ли?

– Теперь, стало быть, нам остается решить вопрос: каким образом устроить судьбу человечества так, чтобы права человека были признаваемы одинаково всем образованным миром и чтобы уничтожалась возможность войны между народами.

– Это будет тогда, когда идеи справедливости и свободы проникнут во все углы, – возражал м-г Pierre, – для этого нужны общества распространения этих идей, нужна пропаганда...⁸¹⁵

Иностранец посмотрел на⁸¹⁶ руки Pierre'a, как бы отыскивая что то.

– Как масонские ложи, вы думаете, – сказал он улыбаясь. – Sans doute. Но мне кажется, что до тех пор пока в руках королей и императоров будет власть посылать на войну своих подданных, до тех пор у них будет и власть подавлять всех этих подданных, те идеи, которые невыгодны для власти.

– Так вы думаете, что человечество вечно останется таким же?⁸¹⁷

– Избави меня бог это думать, – спокойно, самоуверенно отвечал итальянец и лицо его приняло то выражений важности и поглощения всего в мысли, которое бывает у сумашедших, когда их наводят на пункт их помешательства. – Меня бы не было здесь, ежели бы я это думал, – продолжал он, как то таинственно оглядываясь. – Я думаю, напротив, что именно здесь, в Петербурге, и теперь именно, в нынешнем 1805 году, есть возможность навсегда избавить человечество от всех зол деспотизма и злейшего из зол, родоначальника всех других – от войны.

⁸¹² *Зач.*: и вдруг из мрачного, с пеной у рта проповедующего Мирабо, сделался жалкий и добрый, добрый русский юноша.

⁸¹³ [Подите, спросите их об этом]

⁸¹⁴ *Зач.*: людей

⁸¹⁵ *Зачеркнуто*: как общества масонов

⁸¹⁶ *Зач.*: масонское кольцо с мертвой головой, которое было надето на пальце М-г Pierre'a.

⁸¹⁷ *На полях*: <В это время на помощь подоспела А[нна] П[авловна], она спросила итальянца о климате, он отве>

– Какие же это средства? – пробурлил m-r Pierre, оживленно заинтересованный. Аббат долго помолчал, как бы раздумывая, стоит ли высказывать свои задушевные мысли перед такой ничтожной аудиторией и потом, как бы махнув рукой и подумав: «отчего же и не сказать», начал говорить:

– Средства очень простые: европейское равновесие и *droit des gens*.⁸¹⁸ Стоит одному могущественному государству, как Россия – прославленному за варварство – стать бескорыстно во главе союза, имеющего цель равновесия Европы, и она спасет мир.

– Но что такое равновесие и какая цель его? – спросил Pierre, еще не зная, верить ли или не верить.

– Когда я жил дома, – сказал аббат, доставая табакерку со вздохом, – когда я был свободен, я был охотник до домашней птицы, особенно до индеек, я прошу извинить меня за эти тривиальные детали, – обратился он к княгине. – Я долго учился их выкармливать и не мог этого достигнуть оттого, что брал старых и молодых индеек вместе и сажал их в одно отделение. Чтож происходило? Сильные нападали на слабых, отбивали их от корма, даже нападали на них, воевали, и слабые чахли, умирали, а сильные в борьбе ослабели. Я разделил индеек по категориям. В каждой категории были индейки одинакового роста и силы. И с тех пор индейки стали велики, сыты и счастливы. В природе, *mon cher monsieur*, – продолжал он, – всё живет и множится только вследствие закона экилибра сил. Когда будет этот экилибр сил и в системе государств, тогда только человечество будет счастливо.⁸¹⁹

И экс-аббат, как и все маниаки, видимо оживленный страстным вниманием Pierre'a, в тысячный раз, без малейшей скуки, рассказал весь свой план переустройства Европы, тот самый, который через Чарторыжского был подаваем государю. План состоял вкратце в следующем: чтоб удержать Францию от завоеваний, ей должны были быть поставлены на севере и на юге два новые государства, как преграды. На севере Голландия и Бельгия, соединенные в одно, на юге независимая Италия. Германский союз должен был быть отделен от Австрии и Пруссии. Польша в прежних пределах должна была быть сделана независимым государством. До малейших подробностей было обдуманно переустройство всех государств Европы, таким образом, чтобы могущество одного не могло быть опасно для соседей. Кроме того, все ученые мира должны были на общем конгрессе составить новое право народов, в котором постановлено бы было, что война не может никем быть начата без согласия и посредничества соседних держав. Всё было так хорошо обдуманно и так ясно излагалось в устах этого тихого, сосредоточенного человека, что перед воображением слушателей невольно возникал новый век счастья для человечества. Pierre казался поглощенным вновь представленным ему рядом мыслей. Княгиня даже была заинтересована, один князь слушал так же, как он всё слушал, с своим потухшим взглядом, как будто или всё это он знает и презирает, или ничего не понимает, но не заботится о том, чтобы казаться понимающим.

– *Et la guerre est impossible*,⁸²⁰ – окончил аббат.

– Что ж мы, военные люди, будем делать, любезный аббат, – спросил князь Андрей, лениво улыбаясь.

Аббат, как и все маниаки, был так уверен в возможности того, что он предполагал, что насмешка над его планами не оскорбляла его, напротив, он с другими готов был тонко посмеяться, зная, что от насмешки толпы его великие идеи не умалются.⁸²¹

⁸¹⁸ [право народов]

⁸¹⁹ *Зачеркнуто*: Но разве возможе[н], в это время подошла А. П.

⁸²⁰ [Война – немислима,]

⁸²¹ *На полях*: в это время <вошло новое лицо> подошла А. П. и спросила о климате России. <На помощь подошла>

– Vous irez planter des choux à la campagne avec votre charmante épouse,⁸²² – сказал итальянец с своей притворной улыбкой, как будто отгоняя от себя серьезность настроения, которого он считал недостойной свою аудиторию.

– Oui, c'est comme ça, mon cher monsieur,⁸²³ – только прибавил он к Pierr'у, чувствуя, что здесь только семя упало на плодородную землю.

– Однако и исполнение этой великой мысли невозможно без войны, – сказал Pierre. – Vous comptez sans votre hôte.⁸²⁴ Наполеон не разделит этих мыслей.

– Этого я не знаю. Я полагаю, что Россия, Австрия и Пруссия довольно сильны, чтобы заставить его принять эти основания.

– Австрия показала уже, как она мало сильна в войне,⁸²⁵ – сказал князь Андрей,⁸²⁶ – что было в прошлую войну?

У каждого из этих 4-х собеседников, исключая князя, был свой дада в разговоре и, как следует в каждом хорошем обществе, каждый⁸²⁷ умел коснуться своего предмета. Чиновник изложил свои преобразовательные бюрократические соображения, Pierre – свою либеральную философию, аббат свои новые идеи народного права и политического устройства, теперь завладел князь Андрей разговором, когда он перешел на его любимое военное дело.

– Я не говорю про одну Австрию, а про соединенные силы всей Европы.

– Разве силы, соединенные в первую войну, не были втрое сильнее армии Буонапарте, – сказал князь Андрей⁸²⁸ и усмехнулся, (князь, несмотря на свой восторг к гению Наполеона, называл его, как и все в Петербурге, Буонапарте) – и что ж вышло. Кроме науки войны, которая учит нас тому, что победа остается за тем, у кого больше пешек и кто их лучше расставит, поверьте, что есть еще бог войны и есть гений, которым одарен этот необыкновенный человек. Вы говорите о союзе в Европе, а завтра может быть мы получим известие, что французская армия в Ирландии и идет на Лондон.

Аббат ничего не отвечал и, насколько позволяла учтивость, презрительно улыбнулся.

Чиновник, давно тяготившийся молчанием, обратился к князю Андрею.

– Неужели вы думаете, князь, что эта булоньская экспедиция может удасться?

– Я ничего не думаю, – резко отвечал князь⁸²⁹ с вдруг вспыхнувшим огнем во взгляде, как только разговор коснулся его любимого предмета – войны, обращаясь к аббату и Pierr'у, – я знаю только, что у него теперь 25 кораблей, не считая испанских, что у него сосредоточена двухсоттысячная армия, обученная, обстреленная и сформированная и снабженная провиантом, как ни одна армия в мире.⁸³⁰ Что у этого человека генералы дивизионные такие, каких нет⁸³¹ у Австрии ни одного главнокомандующего, не говоря уже⁸³² про Пруссию и про нас. Нужен счастливый ветер и туман, который бы перенес Буонапарте через па-де-Кале, и всё ваше равновесие европейское погребло, любезный аббат, прежде чем родилось, – сказал князь насмешливо. Все замолчали. Князь подробно, видимо по основательному изучению, описал все преимущества всего состава французской армии и все шансы за успех булоньского предприятия.

⁸²² [Вы будете сажать капусту в деревне вместе с вашей очаровательной супругой.]

⁸²³ [Да, это так, мой дорогой.]

⁸²⁴ [Вы рассчитываете, не спросясь хозяина.]

⁸²⁵ *Зачеркнуто:* Contre le génie il n'ya pas de force qui tienne [Нет силы, которая бы устояла против гения]

⁸²⁶ *Зач.*: теперь входивший в свою колею, как только вопрос коснулся войны. – Разве в 1800 году Россия, Пруссия и Австрия и Англия не были соединены?

⁸²⁷ *Зач.*: проездил на своем дада.

⁸²⁸ *Зач.*: вдруг оживляясь

⁸²⁹ *Зачеркнуто:* видимо недовольный, считая чиновника недостойным слушателем в военном деле, – я знаю

⁸³⁰ *Зач.*: артиллерии 11 (?), 80 полков пехоты, 20 кавалерии

⁸³¹ *Зач.*: ни у Пруссии

⁸³² *Зач.*: про Англию

Аббат сказал, что в случае войны есть человек, который по гению военному не уступит Бонапарту. Это Моро. Заговорили о слухе, что в Америку послан⁸³³ генерал для приглашения Моро в русскую службу. Князь Андрей доказывал, что Моро капун и не имеет того огромного полета, который составляет силу Наполеона, и привел доказательства из подробного разбора некоторых кампаний этих полководцев. Разговор перешел на последние политические события.

– Читали вы, князь, последние известия о короновании Буонапарте в Милане?⁸³⁴ – сказал чиновник. – Какая смелость: надеть самому на себя корону.

– Да,⁸³⁵ – задумчиво сказал князь, как будто воображая себе перед глазами⁸³⁶ Наполеона. – Dieu me la donne, gare à qui la louche,⁸³⁷ – сказал он, повторяя сказанные Наполеоном слова при надевании короны и⁸³⁸ поднимая голову, как будто подражая движению Наполеона в то время, как он произносил эти слова. – Gare à qui la touche, m-r l'abbé. Le nouveau royaume Cisalpine ne sera si facile à former, quand le petit caporal dira non! Vous avez beau dire, c'est le plus grand homme de l'histoire ancienne et moderne⁸³⁹

– Le plus grand homme, – повторил m-r Pierre.

– Le prince est partisan de Buonaparte?⁸⁴⁰ – вопросительно и презрительно поднимая брови, сказал аббат.

– Vous avez [vu] le buste de Buonaparte qu'il a dans son cabinet?⁸⁴¹ – сказала княгиня.⁸⁴²

Князь⁸⁴³ презрительно посмотрел на жену, как будто досадуя на то, что она толкует о том, чего не понимает.

– Il n'y a pas d'homme au monde que je haïsse et que j'admire autant que cet homme, voilà ma profession de foi à son égard,⁸⁴⁴ – сказал⁸⁴⁵ он.

---

⁸³³ *Зач.*: Вيني

⁸³⁴ *Зач.*: вмешался опять

⁸³⁵ *Зач.*: оживленно

⁸³⁶ *Зач.*: любимого героя

⁸³⁷ [Бог мне дал корону, горе тому, кто ее тронет,]

⁸³⁸ *Зач.*: величественно

⁸³⁹ [Горе тому, кто ее тронет, г-н аббат. Нелегко будет образовать новое цизальпинское королевство, если маленький капрал скажет: «Нет!». Что вы ни говорите, он самый великий человек древней и новой истории.] *Зачеркнуто*: m-r Pierre любился одушевлением своего друга, однако не мог удержаться, чтоб не возразить ему. – Это ваш герой. Не понимаю, как можно так любить человека нехорошего, – сказал он. – Ну да уж это <ваша> наша слабость, le petit caporal [маленький капрал], – сказал Pierre.

⁸⁴⁰ [Князь, вы сторонник Буонапарте?]

⁸⁴¹ [Вы видели бюст Буонапарте в его кабинете?]

⁸⁴² *Зач.*: – Нет портрета, нет бюста Наполеона, которого бы не было у André, – сказала княгиня, – посмотрите у него в кабинете.

⁸⁴³ *Зач.*: злобно и

⁸⁴⁴ [Нет на свете человека, которого я так бы ненавидел и которым бы так восхищался, как им. Вот мой откровенный взгляд на него,]

⁸⁴⁵ *Зач.*: князь и в потухших глазах его, взгляд его загорелся таким ярким блеском, что видно было, что он говорил не только то, что думал, но что чувствовал всем существом.

ВАРИАНТЫ К ТОМУ ПЕРВОМУ «ВОЙНЫ И МИРА»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

* № 1 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. I—VI).

В начале 1805-го года первая европейская коалиция против Буонапарте была уже составлена.⁸⁴⁶

– Eh bien, mon prince, que dites vous de la nouvelle atrocité de cet homme. Italie n'existe plus. Non, mais comment expliquez vous l'indifférence de l'Europe à la vue de toutes les horreurs qui se commettent impunément au temps que nous vivons. Ditez vous encore que la guerre n'est pas un devoir d'honneur pour tous ceux qui ont conservé un reste de dignité. Bientôt ce sera le tour de la Hollande, de Rome, que sais-je. Il n'y a plus de foi, plus de rois, plus de justice <il n'y a plus de dieu>. Je vous prévien que si vous ne me dites pas que nous avons de bonnes nouvelles de Haugwitz et que [nous] aurons la guerre et la guerre à outrance avec ce monstre, cet antichrist – ma parole d'honneur j'y crois – si vous ne me dites pas que nous avons la guerre, si vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies de cet homme, ce n'est pas un homme, que dieu me pardonne, c'est pire – je ne vous connais plus, vous n'êtes plus mon ami, мой верный раб, comme vous dites.

Ah, si j'étais homme!!⁸⁴⁷

– Ну здравствуйте, здравствуйте. Je vois que je vous fais peur.⁸⁴⁸ Хотите чаю?

Так говорила фрейлина и приближенная императрицы Марьи Федоровны, отпросившаяся от службы на один вечер для того, чтобы сделать у себя в этот вечер un thé,⁸⁴⁹ на который, разосланными накануне записочками с⁸⁵⁰ красным лакеем, приглашены были, по мнению фрейлины, самые замечательные люди Петербурга, цвет общества, la crème de la société.⁸⁵¹ В записочках было написано: Si vous n'avez rien de meilleur à faire, Monsieur le comte или mon Prince, je serais bien charmée de vous voir chez moi entre 7 et 10 heures.

Annette D.⁸⁵²

⁸⁵³ Кроме желания воспользоваться свободным вечером, Annette Д., может быть и не без основания, считала себя⁸⁵⁴ государственным лицом, на котором лежали политические обязанности. Она желала сообщить впечатления, произведенные в ней последними известиями о пре-

---

⁸⁴⁶ *На полях:* Взгляд высш[его] общ[ества] на Бон[апарта], на причину и необход[имость] войны.dans ses vastes pensées (se rapportant à des territoires vastes) [в его обширных мыслях (относящихся к обширным областям)]

⁸⁴⁷ [Ну, князь, что вы скажете об этом новом ужасном поступке этого человека? Италия больше не существует. Нет, как вы объясняете себе равнодушие Европы при виде тех безобразий, которые в наше время творятся безнаказанно? И будете ли вы попрежнему утверждать, что война не долг чести для всех тех, у кого сохранилась еще хоть капля достоинства? Скоро наступит очередь Голландии, Рима, почем знать. Нет больше ни веры, ни королей, ни справедливости <ни бога>. Предупреждаю вас, что ежели я не услышу от вас хороших вестей о Гаугвице и что война будет, и война беспощадная против этого чудовища, антихриста – даю вам слово, что я так думаю – ежели вы не скажете мне, что будет война и решитесь по прежнему извинять все гнусности, совершаемые этим человеком, да это не человек, прости меня, господи! а хуже, то я больше вас знать не хочу, вы больше мне не друг, не верный раб, как вы себя зовете.Ах, если бы я была женщиной!!]

⁸⁴⁸ Я вижу, что я вас пугаю.

⁸⁴⁹ [чай]

⁸⁵⁰ *Зачеркнуто:* камер-фурьером

⁸⁵¹ [сливки общества]

⁸⁵² Если у вас, граф (или князь), нет в виду ничего лучшего, то буду очень рада видеть вас нынче у себя, между семью и десятью часами. Аннета Д.

⁸⁵³ *Зач.*: Записочки были посланы к

⁸⁵⁴ *Зач.*: политическим и

бывании Бонапарта в Италии, вчера только полученные при дворе императрицы Марьи Федоровны.⁸⁵⁵ Некоторые из гостей, долженствовавших приехать на этот вечер,⁸⁵⁶ принадлежали⁸⁵⁷ к самым влиятельным придворным и государственным людям и все к одному и тому же лагерю, знаменем которого было убеждение в призвании России восстановить законность и святость самодержавия в Европе и презрение к Наполеону, называемому не иначе, как Буонапарте.

Разговор в этом обществе, конечно, происходил на французском и даже на том особенном французском языке, секрет которого, по мнению знатоков дела, теперь уже утрачен.

– Dieu! Quelle virulente sortie!⁸⁵⁸ – отвечал, тихо улыбаясь, тот, к которому была направлена речь фрейлины. Нисколько не смутясь такой встречей, вошедший, известный в то время сановник, в придворном шитом мундире, чулках, башмаках и звездах, подошел к Annette Д., поцеловал ее пухлую ручку, подставив ей свою надушенную и сияющую⁸⁵⁹ белизной, даже между седыми волосами, лысину и сел подле нее.

– Avant tout, прежде всего, дайте мне чашку чаю, – сказал он, – потом, ежели вы обещаете взять назад вашу страшную угрозу – прогнать меня, я вам расскажу новость. Из за угрозы – ничего. Без угрозы – все.

– Хорошая новость для меня?

– Да.

– Пойдите, успокойте меня, – Annette наливала чай из серебряного самовара – отчего вы в таком gala?⁸⁶⁰ Надеюсь, что je ne vous en impose jusqu'à ce point,⁸⁶¹ – сказала она, указывая на его звезды и башмаки. – Вы верно хотите убежать от меня?

– А вечер английского посланника – нынче среда. Мне надо показаться там. Я поеду так поздно, как только можно.

– Я думала, что нынешний вечер отменен.

– Ежели бы знали, что вы этого хотите... – Князь был один с Annette Д. Он улыбался приятно и говорил приятные вещи,⁸⁶² но из за этой улыбки и слов совершенно ясно было видно его полное презрение к своей собеседнице, которое он не только не старался скрывать, но старался как будто выказать, говоря такие вещи, как то, что вечер посланника был бы отложен, ежели бы знали, что Annette Д. этого не хочет.⁸⁶³ «Я государственный человек. Я дело делаю, а ты болтушка», казалось говорили все его приемы и, несмотря на то, он с почтительностью обращался к фрейлине и, перемешивая шуточками и глотками чаю, рассказал Annette Д. всё, что он знал о содержании депеши из Берлина, привезенной в тот день утром.

– Buonaparté a brûlé ses vaisseaux depuis l'affligeante événement d'Ettenheim,⁸⁶⁴ – сказал князь. – Больше ждать нечего, кроме насилия во всех отношениях. Нынче утром на выходе я сказал это⁸⁶⁵ Н., а он видит еще возможность мира.

– Совершенно справедливо. Il a brûlé ses vaisseaux, il faut que nous brûlions les nôtres. A propos.⁸⁶⁶ Нынче у меня будет очень интересный человек, le comte de Mortemart, il est allié aux

⁸⁵⁵ *Зач.*: Особы, которые должны были собраться

⁸⁵⁶ *Зач.*: все, исключая двух родных, которых нельзя было исключить

⁸⁵⁷ *Зач.*: посредственно и непосредственно

⁸⁵⁸ Господи! Какое горячее нападение

⁸⁵⁹ *Зач.*: чис[тотой]

⁸⁶⁰ [парадном наряде]

⁸⁶¹ [я не в такой мере внушаю вам почтение к себе]

⁸⁶² *Зачеркнуто*: как придворный

⁸⁶³ *Зач.*: И несмотря на то, он был почтителен.

⁸⁶⁴ [Буонапарте сжег свои корабли после прискорбного события в Эттен гейме]

⁸⁶⁵ *Зач.*: гр[афу]

⁸⁶⁶ [Он сжег свои корабли, мы должны сжечь наши. Кстати]

Montmorency par les Rohans,⁸⁶⁷ одна из лучших фамилий Франции. Он был при Monseigneur le Duc d'Enghien⁸⁶⁸ во время его⁸⁶⁹ плена.

– On dit qu'il est très bien, ce jeune homme. J'ai prié S. de me l'amener. Toutes nos dames en raffolent.⁸⁷⁰

– Кроме вас, разумеется. Я его видал в свете. Скажите, правда это, – продолжал князь, уже с видимым интересом, не так как прежде, когда он, видимо, исполнял только тяжелую для него обязанность взаимности рассказывая, – правда, что l'impératrice mère⁸⁷¹ говорила его величеству о бароне З. и о его назначении? – вопрос этот был, видимо, личной и живой для князя. – C'est un pauvre sire,⁸⁷² всё что я могу сказать. Как вы думаете?

Annette Д. строго ответила, что барон этот был рекомендован ее величеству⁸⁷³ à l'impératrice mère. Лицо Annette выразило глубокое, искреннее выражение преданности и уважения, соединенные с грустью, когда она назвала императрицу. Она сказала, что ее величество оказала барону beaucoup d'estime.⁸⁷⁴

Вопросы внутренних интриг видимо мало интересовали Annette. Она потухала и делалась⁸⁷⁵ достойно печальна. Она искренно вся была предана только одной страсти – ненависти к Наполеону и желанию войны во что бы то ни стало.⁸⁷⁶

Она делалась совсем другая, как только разговор касался войны. Она делалась оживлена, красноречива и увлекательна.

[Далее в рукописи нехватает одного листа]

– Сердце то это⁸⁷⁷ занято... и вы знаете, кто в этом виноват...

– Перестаньте шутить. Я серьезно недовольна вашим меньшим сыном. Я его совсем не знаю, но он кажется il a pris à tâche de se faire une réputation scandaleuse.⁸⁷⁸ Между нами будь сказано, – лицо ее приняло грустное выражение, – об нем говорили у ее величества и жалели вас.

Князь Василий⁸⁷⁹ поморщился и с живостью и волнением стал рассказывать.

– Что вы хотите, чтоб я делал? Я обоих мальчиков отправил три года тому назад за границу, вы знаете, я себя лишил многого; я сделал для их воспитания всё, что может отец по обязанности, а не по чувству. Старший был и приехал молодым человеком хорошего дома, теперь он в иностранной коллегии, ну страсть его смешная к гербам... но всё он хорош. Правда, что между нами будь сказано – он глуп и очень даже глуп, что я, в скобках, считаю счастьем для отца et il fera son chemin,⁸⁸⁰ вы увидите; но Anatole – воспитывался так же, за границу поехал так же, с тем же abbé Brignole, те же примеры, те же влияния и вышло совсем другое. Son malheur ou plutôt le mien c'est qu'il a de l'esprit ce garçon,⁸⁸¹ – сказал он, улыбаясь.

⁸⁶⁷ [граф Мортемар, он в свойстве с Монморанси через Роганов]

⁸⁶⁸ [его высочестве герцоге Энгиенском]

⁸⁶⁹ *Зач.*: убийства

⁸⁷⁰ [Говорят, что этот молодой человек очень мил. Я просила С. мне его привести. Все наши дамы без ума от него.]

⁸⁷¹ [вдовствующая императрица]

⁸⁷² [Ничтожный человек]

⁸⁷³ *Зачеркнуто*: и что она

⁸⁷⁴ много уважения

⁸⁷⁵ *Зач.*: спокой[ной]

⁸⁷⁶ *Зач.*: Никто, никогда так всей душой не скорбит о ужасах войны, когда война начата, как женщины. Никто так сильно не желает войны, как женщины, до тех пор, пока война еще не начиналась.

⁸⁷⁷ *Зач.*: всегда

⁸⁷⁸ [он старательно устанавливает о себе скандальную репутацию].

⁸⁷⁹ *Зач.*: оживился

⁸⁸⁰ [и он пойдет своей дорогой]

⁸⁸¹ [Несчастье его, или скорей мое, в том, что он умен, этот мальчик]

– И зачем рождаются дети у таких людей, как вы? Ежели бы вы не были отец, я бы ни в чем не могла вас упрекнуть.

– Сколько раз я это себе говорил, – подхватил князь. – Je suis votre верный раб et à vous seule je puis l'avouer.⁸⁸² Элен, моя дочь, для меня хорошенькая jeune personne que je trouve du plaisir à voir,⁸⁸³ и больше ничего; но мои мальчики se sont les entraves de mon existence,⁸⁸⁴ которая без этого слишком бы была счастлива. Это мой крест. Я так себе объясняю. Que voulez vous?... —⁸⁸⁵ Он помолчал, выражая жестом свою покорность судьбе.

– Pour en revenir à mes moutons,⁸⁸⁶ – продолжал он, – ou plutôt à ce mouton,⁸⁸⁷ Анатолий еще до поездки за границу вел себя⁸⁸⁸ бог знает как. Вы знаете, что он пятнадцати лет соблазнил гувернантку своей сестры, une charmante petite et de bonne maison,⁸⁸⁹ которая жила у нас, и⁸⁹⁰ на все свои карманные деньги покупал вино и сигарки. Voilà.⁸⁹¹ Потом il a fait la cour, tout bonnement la cour à sa soeur.⁸⁹² Так что я должен был их разлучить.

– Ah Dieu,⁸⁹³ quel horreur!⁸⁹⁴

– Я его отправил за границу. Они мне писали письма с описаниями достопримечательностей городов, нравов, искусства et tout ce qui s'en suit,⁸⁹⁵ помните ces lettres si bien tournées que nous colportions ici, il se trouve que c'est l'abbé qui leurs faisait ces lettres à la Sévigné que nous admirions et lui ne sait pas écrire deux mots en français.⁸⁹⁶ И что ж? сам l'abbé был совершенно развращен Анатолием. Оказывается, что там они с l'abbé пили, ездили по балам, играли и le cher Anatole⁸⁹⁷ – завел интригу с какой то une de ces princesses italiennes et s'est trouvé être en concurrence avec un cardinal.⁸⁹⁸ И был посажен au château de St. Ange. Voilà. Tout cela est très triste, mais que voulez vous, c'est un très beau garçon et qui malheureusement ne manque pas d'esprit. Très beau garçon!⁸⁹⁹ прибавил он.⁹⁰⁰

– Вы никогда не думали о том, чтобы женить его? Говорят, что старые девицы ont la manie des mariages.⁹⁰¹ Я еще не чувствую этой слабости за собой, но у меня есть одна petite personne,⁹⁰² которая очень несчастлива с отцом, une parente à nous, une princesse В.⁹⁰³

⁸⁸² [Я ваш верный раб и одной вам могу в этом признаться]

⁸⁸³ [молодая особа, которую мне приятно видеть]

⁸⁸⁴ [они обуза моего существования]

⁸⁸⁵ [Что делать?]

⁸⁸⁶ [Чтобы продолжать о чем была речь]

⁸⁸⁷ [или именно к нему]

⁸⁸⁸ *Зачеркнуто*: comme un paup [как язычник]

⁸⁸⁹ [прелестную девочку и из приличной семьи]

⁸⁹⁰ *Зач.*: уносил вино

⁸⁹¹ [Вот]

⁸⁹² [стал ухаживать, настоящим образом ухаживать, за сестрой.]

⁸⁹³ *Зач.*: quel tempérament [какой темперамент]

⁸⁹⁴ [Боже, какой ужас!]

⁸⁹⁵ [и так далее.]

⁸⁹⁶ [прекрасно написанные письма, которые мы распространяли здесь, а оказалось, что это аббат писал в стиле Севинье те письма, которыми мы так восхищались, а сам он не может написать двух слов по французски.]

⁸⁹⁷ [этот милый Анатолий]

⁸⁹⁸ [с одной из итальянских княгинь и оказался в соперничестве с кардиналом]

⁸⁹⁹ [в тюрьму Св. ангела. Вот. Всё это весьма грустно, но что поделаешь, он очень красив и, к сожалению, не лишен ума. Весьма красивый мальчик!]

⁹⁰⁰ *Зач.*: невольно радостно

⁹⁰¹ [имеют манию женить]

⁹⁰² [девушка]

⁹⁰³ наша родственница, княжна В.

Князь Василий не отвечал, хотя, с свойственной светским людям быстротой соображения и памятью, движением головы показал, что он принял к соображению это сведенье. Он продолжал о меньшем сыне:

– Нет послушайте, теперь он живет у меня в доме, я им даю каждому по десять тысяч, наследство их матери; у Иполита всё это выходит на гербы и разные странности, у Анатолия на танцовщицу, на скакунов, на пиры, и он играет... – Он помолчал. – Что будет через пять лет, ежели это пойдет так? *Voilà l'avantage d'être père.*⁹⁰⁴ Она богата, ваша княжна?

– Отец очень богат и скуп, он живет в деревне. Знаете, этот знаменитый князь В., оставленный еще при покойном императоре и прозванный прусским королем. Он очень умный человек, но с странностями и тяжелый. *La pauvre petite est malheureuse comme les pierres.*⁹⁰⁵ У нее⁹⁰⁶ брат, вот что недавно женился на Ляпиной, бывший адъютант Кутузова – он будет нынче у меня – и она одна дочь.

– *Oui, ma chère, les affaires avant tout. Une fois que les choses en sont à ce point et qu'on en parle même à la cour, il faut que j'y mette ordre. Je sais bien que vous avez été, vous êtes et que vous serez toujours mon bon ange. La seule chose que je ne puis vous pardonner c'est de n'avoir jamais voulu de moi.*⁹⁰⁷

Эту фразу князь сказал в ту самую минуту, как придворный лакей доложил: – князь и княгиня В[олконск]ие (Это был тот самый князь В[олконский], брат пред[по]лагаемой невестки князю Василью). Князь Василий чувствовал, что ничем он не мог так душевно польстить Annette Д., как намеком на супружество, но он выбрал, чтоб сказать это, такую минуту, когда входили гости, и потому дальнейшие объяснения, могущие быть неприятными для него, были невозможны.

Князь Василий был государственный человек, человек сильный в совете и при дворе, человек, одаренный великим даром для успеха в том мире, где он искал успеха, даром фамильярности. Он был короткой приятель всех. Так, по крайней мере, казалось всем сильным мира того времени. Каждый из министров, придворных, вельмож, влиятельных женщин, даже великих князей был уверен, что князь Василий со всеми остальными, исключая самого его, в самых коротких отношениях и что права на эту короткость даны князю на основании его серьезных и прекрасных качеств и достоинств. Ежели я и не нахожу в нем особенных достоинств, думал тот, который рассуждал таким образом, то это происходит, должно быть, от того, что я мало знаю его; но, судя по близости его ко всем и по простоте и фамильярности его обращения и со мной, он должен быть очень нужный и важный человек и им нельзя пренебрегать. Точно так, хотя и не отдавая себе в том отчета, думал каждый из людей, короткость с которыми нужна была князю. Дар фамильярности князя состоял в том, что он имел⁹⁰⁸ искусство быть с каждым настолько и в такие минуты⁹⁰⁹ фамильярным, что показать ему удивление в этой, ничем не оправдываемой короткости, которую он позволял себе, было невозможно, и что, вместе с тем, вид этой короткости действовал на других. На выходе он подходил к высшему сановнику государства, к удивлению его, брал его под руку и увлекал его ходить по зале, близко наклоняя к нему голову и конфиденциально что то сообщая ему. Старичок сановник только сбирался выразить неудовольствие за такие приемы непривычной короткости, как князь умел в ту же минуту сказать старичку такие вещи, которые заставляли его слушать с интересом и прощать

⁹⁰⁴ Вот выгода быть отцом

⁹⁰⁵ [Бедняжка несчастлива, как камни.]

⁹⁰⁶ *Зачеркнуто:* один сын

⁹⁰⁷ [Конечно, милая моя, дела прежде всего. Раз положение таково, что о нем говорят даже при дворе, я должен навести порядок. Знаю хорошо, что вы были, есть и всегда будете моим добрым ангелом. Единственное, чего простить я вам не могу, это, что вы никогда не хотели принять моего поклонения.]

⁹⁰⁸ *Зачеркнуто:* чутье

⁹⁰⁹ *Зач.*: за панибрата

неловкость короткости. От старичка он подходил к великому князю и, без вызова со стороны его высочества, начинал, опять низко наклоняя лицо, говорить смешное и заставлял смеяться его высочество. Сановник⁹¹⁰ говорил себе: *il doit être très bien en cour*,⁹¹¹ глядя на его отношения с его высочеством, а его высочество, заметив его прогулку под руку с старичком, думал себе: он, видимо, в больших связях с этим сановником. Потом князь подходил к новому лицу, молодому человеку, только что начинающему выплывать при дворе, и князь⁹¹² совсем незнакомый с ним, на всякий случай трепал по плечу и ласкал удивленного, но благодарного новичка.

Князь Василий совершенно справедливо говорил, что, ежели бы не дети, он бы был совершенно счастлив. Счастлив он был оттого, что дело его жизни совпадало с его вкусами, с его страстью к свету, к новым знакомствам, к изящной и разнообразной болтовне, к ненасытному любопытству, равнявшемуся только его памяти. Annette Д.,⁹¹³ с которой он пятнадцать лет в разговорах и переписках играл умной чувствительностью и надеждой на супружество, была одним из самых влиятельных лиц старого двора императрицы Марьи Феодоровны. Он знал, что Annette Д. была одна из тех придворных, которые от долгого пребывания при дворе и долгой, одинокой, т. е. холостой или девической жизни, делаются нравственными кастратами, не имеющими других интересов, как интересы своих покровителей, но которые взамен этого и утрачивают всё дурное придворной жизни – зависть, интригу, страсть к повышениям, и приобретают полное доверие своих господ.

Annette Д. была верным другом, как старая собака, старый дворовый, не признающие другой жизни, как жизнь при господине или госпоже.⁹¹⁴

Притворяться и выказывать то, что она не думала или не чувствовала, она не могла. Она была слишком честная и хорошая натура; и потому с свойственной женщинам гибкостью, она раз навсегда отреклась от себя, от всей своей жизни и полюбила всеми силами души одну свою госпожу и, потому уже, искренно думала и чувствовала только то, что думала и чувствовала ее высокая покровительница. Искренность ее, отсутствие всякого искательства так редки везде и особенно в том мире, в котором она жила, что эти качества были оценяемы и чем меньше она желала делать для себя и для других, тем больше она могла сделать, и чем реже она высказывала свое особенное мнение,⁹¹⁵ тем оно более уважалось. Князь Василий, не упускавший молодого флигель-адъютанта, не приобрета на всякой случай его поддержку, не мог не ценить своих отношений с нею.

Но и в этом случае, как и в других, он действовал не вследствие обдуманного макьявелического плана, но по какому то ему самому необъяснимому влечению, которое инстинктивно тянуло его в короткость к тем, которые более всего ему были нужны. Как образуется механик, музыкант, воин, так точно образуется человек придворный и государственный.⁹¹⁶ Успех в этом свете есть следствие характера, а не искусства.

Вслед за князем и княгиней Волконскими провозглашены были имена графа Б., графа Mortemart, княгини Л., князя Д., сына князя Василья, и гостиная наполнилась мушкетерами и

⁹¹⁰ *Зач.*: глядя на него

⁹¹¹ [его положение при дворе должно быть хорошо,]

⁹¹² *Зач.*: почти

⁹¹³ *Зач.*: кроме того, что была его другом женщиной, таким полу-другом, полу-любовницей в хорошем смысле, которые бывали у всех образованных людей того времени

⁹¹⁴ *Зачеркнуто*: Вследствие этого ей легко было жить, во-первых потому, что не нужно было ни думать, ни чувствовать от себя, а делать только то, что внушала ей ее глубокая не только преданность, но страсть к своей высокой покровительнице, во вторых, потому что искренняя любовь и преданность ее была оценена и все знали, что Annette Д. всегда искренна.

⁹¹⁵ *Зач.*: ее было противоположно мнению царствовавшему

⁹¹⁶ *Зач.*: Это характер более, чем искусство

женщинами, большей частью в шифрах, брильянтах и бальных платьях и мундирах. Многие с чаю Annette ехали к посланнику.

– Вы не знакомы с *ma tante*, — говорила Annette Д. некоторым из гостей и весьма серьезно подводила их к маленькой старушке в высоких бантах, выплывшей из другой комнаты, как скоро стали приезжать гости, называла их по имени и, медленно переводя глаза с гостя на *ma tante*, стояла около и потом отходила.

Как правоверный однообразно, серьезно и значительно совершает обряд преклонения и целования перед камнем Мекки, так все гости совершали обряд приветствования никому неизвестной, никому не интересной и не нужной тетушки. Как строго мог требовать от правоверных тот мулла, который стоит при камне, приличия поклонения, так требовала того же Annette Д. от своих гостей, с грустным участием следя за их приветствиями и молчаливо одобряя их. Как мало камень Мекки мог чувствовать, оценивать целования и отвечать на них, так же мало *ma tante* понимала что-нибудь из того, что говорилось вокруг нее. Неизменно каждому говорила она о его здоровье, о своем здоровье и о здоровье ее величества, которое нынче слава богу лучше. И все подходившие, из приличия не высказывая поспешности, с чувством облегчения исполненной тяжелой обязанности отходили от нее, чтобы уж во весь вечер ни разу не подойти к ней.⁹¹⁷

Тот, кто бывал в гостиных на маленьких вечерах избранного общества без карт и танцев и находил, что все человек пятнадцать присутствующих мужчин и дам, разместившись, кто у чайного стола, кто в уголку за трельяжем, кто у окна – все разговаривают и свободно переходят от одной группы к другой, тот, ежели он сам не принимал у себя, верно думает, что это размещение гостей и их разговоры происходят сами собой. Но тот, кто принимал сам или сама, тот знает, что это размещение и этот кажущийся свободным и неумолкаемым разговор, слышащийся с разных концов гостиной, есть дело искусства и предусмотрительности и быстроты соображения хозяйки. «N надо свести с M., а M. надо познакомить с B. Тем более, что M. всегда рад с ним видеться и они близки. G-на Z. надо завести на его любимую тему о новых романах, он займет этих девиц, которые остаются у меня на руках», думает хозяйка. «Они и пускай сидят в этом уголке, ежели у них станет замирать разговор, я подпущу к ним болтуна Ф. Он оживит, и притом A. и D. останутся *en tête à tête*, чего им и нужно. Ну, эти, кажется, сами нашлись», думает она, глядя на разговаривающих у окна. «Да, Лиза хотела познакомиться с D., ну да это можно сделать после, а пока она мне нужна, чтоб занять старую княгиню. Пристроить еще этого юношу, который не знает, что делать из своей особы, и тогда я ее выручу, приведу ей на смену Z. и тогда буду хоть на минутку свободна, чтоб поговорить с M.». Так думает хорошая хозяйка вечера и, пустив в ход всех своих гостей, она ходит, приглядываясь и прислушиваясь, готовая подать помощь на тот пункт, в котором главное дело такого вечера – разговор – ослабеет. Ежели вы человек, который умеет жить, то, сказав два три слова, отходите от хозяйки и не делайте неловкости, наивно вступать с ней в какой-нибудь разговор, выражая какую-нибудь мысль или вызывая ее на спор. Ей некогда, она во всем согласится с вами или шуточкой выбьет вас из колеи рассуждений. Она все прислушивается, приглядывается, как хозяин прядильной мастерской, посадив работников по местам, прохаживается по заведению и примечает, все ли вертят веретена, так хозяйка вечера прислушивается, все ли языки болтают. Как хозяин прядильной, замечая неподвижность или непривычный скрипящий, слишком громкой звук веретена, торопливо идет, сдерживает или пускает его в надлежащий ход, так хозяйка вечера подходит к замолкнувшему или слишком громко говорящему кружку и

⁹¹⁷ *На полях*: Как держать дом? Княгиня Волконская брюхатая с работой. Ее муж недов[ольно] смотрит на нее. Княгиня хлопочет о сыне. Mortemart. Как подать на блюде литератора. Рассказ о Енгиенском. Дурак дипломат. Некоторые молчат и [1 *неразобр.*]

одним словом или перемещением опять заводит равномерную, приятную для нее разговорную машину.⁹¹⁸

Вечер Annette Д. был пущен, веретена с разных сторон равномерно и не умолкая шумели. Кроме *ma tante*, около которой сидела одна только пожилая дама, бедно одетая и, видимо, несколько чужая в этом блестящем обществе, кроме двух мужчин, отдельно стоявших, общество разбилось на три кружка. В одном центром была красавица княжна Ж., дочь князя В., в другом сама Annette, в третьем – маленькая, хорошенькая, румяная, слишком полная по своей молодости дамочка с⁹¹⁹ брюхом, которого уж нельзя было скрыть и которое хорошенькая будущая мать видимо и не заботилась скрывать, судя по покрою ее платья.

–

Дама эта была та самая княгиня Волконская с мужем, которую провозгласил лакей во время разговора Annette с князем Васильем. Князь Волконский, брат той барышни, которую Annette из жалости сватала за беспутного Анатоля, вошел с женой под руку с приемами человека, которому, несмотря на его молодость и неважный чин (он был в мундире гвардейского⁹²⁰ адъютанта), скорее будет скучно, чем весело, и который надеется встретить в этом обществе скорее низших, чем высших. Семейный князь Василий даже не мог никогда быть семейным с Андреем Волконским. Он и не очень желал этого, так как Андрей Волконский был сын Екатерининского генерала, находящегося в немилости, и бывший адъютант Кутузова, поручик гвардии. Сказав несколько слов Annette, Андрей Волконский холодно и презрительно (это была его привычка) обратился к князю Василию и слегка поклонился, держа себя далеко от него.

– Здравствуйте, *mon cher*,⁹²¹ как вы? – сказал князь Василий, подавая ему руку, и, не дожидаясь ответа, обратился к княгине.

Волконский подал свою маленькую почти женскую ручку, но не пожал, а предоставил ее пожатую, и лениво, как будто устало, сел в кресла. Между тем жена его, которая, переваливаясь, маленькими быстрыми шажками вошла в гостиную с рабочей сумочкой на руке, усевшись на диване, куда ее, соображаясь с ее положением, усадила Annette, тотчас же начала, не переставая, говорить со всеми вдруг приятным грудным и веселым голосом.

«Она очень мила, даже в этом положении», подумал князь Василий,⁹²² придвигая кресло к столу, «даже милее, чем прежде», и он сказал ей это, что заставило ее покраснеть и засмеяться.

– Я приехала с работой, – сказала она, – смотрите, Annette, *ne me jouez pas un mauvais tour*. *Vous m'avez écrit que c'était une toute petite soirée*. *Voyez comme je suis attifée*,⁹²³ – и она развела руками, чтобы показать свое в кружевах прекрасное шелковое платье.

– *Soyez tranquille, Lise, vous serez toujours la plus jolie*.⁹²⁴

Княгиня Волконская, которую Annette называла просто Lise, была урожденная Мейнен. Никто не знал, кто был ее отец (говорили, что музыкант) и никто не хотел знать, кто он был. Знали только, что *la petite Meinen* покровительствуема императрицей, и этого было бы довольно, но кроме того она прекрасно говорила по французски, была жива и необыкновенно милостива. Князь Волконский, узнав ее в Петербурге у своего генерала, где она бывала, влюбился в нее, просил согласия отца и, не получив его, женился на Мейнен к общей радости всех придворных друзей Лизы, а их было много. Все, кто не завидовали ей, все любили ее.

⁹¹⁸ *Зачеркнуто*: и самодовольно поглядывает, прислушивается к звуку говора и еще лучше смеха

⁹¹⁹ *Зач.*: животиком

⁹²⁰ *Зач.*: обер-офицера

⁹²¹ *Зач.*: – *Comment allez vous?* [как вы поживаете?] – *Très bien, mon prince, et vous?* [очень хорошо, князь, а вы?]

⁹²² *Зачеркнуто*: любивший хорошеньких женщин

⁹²³ Не сыграйте со мной злой шутки: вы мне писали, что у вас совсем маленький вечер. Видите, как я укутана.

⁹²⁴ Будьте спокойны, Лиза, вы всё таки будете лучше всех.

Молодая княгиня не умолкала с той минуты, как приехала, и не переставая работала что то маленькое своими крошечными беленькими ручками и беспрестанно смеялась и тому, что сама говорила, и тому, что говорили другие.

«Какой я должно быть любезный и веселый», думал про себя каждый, кто говорил с ней и видел на каждом чуть чуть забавном слове ее светлую улыбочку и блестящие белые зубы, которые и так виднелись беспрестанно. Ее хорошенькая с чуть видными усиками верхняя губка, как будто была коротка, но тем милее она открывалась и тем еще милее стягивалась иногда и опускалась на нижнюю. Как это бывает у счастливых женщин, вся ее наружность была так мила, что недостаток ее казался ее особенной, собственной ее, красотой.

Всем казалось весело смотреть на эту брюхатую, полную здоровья и живости, хорошенькую женщину. Старикам и скучающим мрачным и некрасивым людям, смотревшим на нее, казалось, что они сами делаются похожие на нее, побыв и поговорив несколько времени с нею. Один старичок, поговорив с ней, веселый и счастливый, сходил с лестницы и голосок ее звучал у него в ушах и молодая улыбка ее была в его глазах, когда он по привычке посмотрелся в зеркало, забывшись и смутно воображая, что он увидит перед собой ее лицо. Ах, как ему гадко сделалось, увидав свое скучное, с подлыми неизгладимыми морщинами, худое и отталкивающее лицо!

Такое впечатление она произвела на всех и у Annette Д. Когда собралось больше гостей, она положила работу и, усевшись за самовар, любезно объявила, что она разливает чай. Все захотели чаю, кружок около нее составил самый большой. У всех разглаживались морщины, всем хотелось улыбаться, глядя на нее, исключая ее мужа, молодого князя Андрея Волконского. На него, казалось, вид жены производил совершенно противоположное действие.⁹²⁵ Ежели он начинал улыбаться или оживляться, взглянув на жену, губы его вдруг принимали строгий склад и брови чуть изменяли положение и появлялась презрительная морщинка на чистом высоком лбе. Когда он слышал похвалы своей жене, лицо его принимало еще более презрительное выражение. Не ревность заставляла его так меняться в лице, заметно было, что он совершенно равнодушно смотрел на увивающихся около княгини и еще равнодушнее смотрел на нее. В карих глазах его как будто потушен был кем то давно свет и нужно было много его, чтобы зажечь его. Он только смотрел и слушал с глубоким презрением тех, кто восхищался его женой. Как будто он думал: «как вы глупы и непроницательны, что льнете к ней и думаете найти что-нибудь за этим внешним блеском и оживлением. Ничего, ничего там нету. Это я, который к несчастью слишком хорошо это знаю, говорю вам».

– *Quelle délicieuse personne, que cette petite princesse!*⁹²⁶ – сказал князь Василий, проходя мимо Annette.

– Вы знаете, *il a rompu avec son père pour l'épouser. Le père n'a jamais voulu consentir à ce mariage,* – отвечала Annette, – *André en est fou amoureux.*⁹²⁷

– Она стоит того, – отвечал князь Василий.

–

В том кружке, где президировала Annette, сидел *le vicomte de Mortemart* и видимо держал *le fil de la conversation*,⁹²⁸ который искусно передала ему хозяйка. Она очевидно – и это было не неприятно *vicomt'u*, угащивала им своих гостей и угащивала в самом изящном и приятном виде.

Только такие дамы высшего общества, как Annette Д., умеют в лучшем виде сервировать замечательных гостей. Они умеют так подать обществу писателя, артиста, путешественника,

⁹²⁵ *На полях:* брови вскакивают

⁹²⁶ – Что за милая особа эта маленькая княгиня!

⁹²⁷ [он порвал с отцом, чтобы жениться на ней. Отец не давал согласия на этот брак. Андрей влюблен в нее до безумия.]

⁹²⁸ [нить разговора]

эмигранта или вообще такое лицо, которое не есть член общества, но которое украшает общество, что это лицо, как бы незначительно оно ни было, кажется чем то особенным обществу. Как хороший метр-д'отель подаст вам тот же кусок говядины, который вам есть не захочется, увидав его в грязной кухне, так, что вам этот кусок кажется чем [то] даже сверхъестественно прекрасным, так в нынешний вечер Annette подала своим гостям vicomte'a – как что то сверхъестественно утонченное, тогда как князь Андрей Волконский, игравший с ним каждый день на бильярде, видел в нем только мастера карамболировать и плохого плательщика в случае проигрыша.

– Mais c'est connu – l'entrevue du duc d'Enghien avec Buonaparte chez m-lle Georges,⁹²⁹ – говорил vicomte.

– Ah, racontez nous cela, vicomte,⁹³⁰ – сказала Annette. Так приятно отзывались слова: racontez nous cela, vicomte, Лудовиком XVI и Rambouillet'ом, vicomte отговаривался тем, что l'histoire est un peu scabreuse,⁹³¹ но Annette настояла, сделала большой круг вокруг vicomte'a и пригласила всех слушать рассказ vicomte'a о том, почему погиб герцог Энгиенский.

– Le vicomte a été personnellement connu de monseigneur,⁹³² – шепнула Annette одному.

– Le vicomte est un parfait conteur,⁹³³ – проговорила она другому.

– Il est très bien, n'est ce pas?⁹³⁴ – сказала третьему.

Кружок собрался красивый и vicomte был подан на блюде в самом изящном виде.

– Известно, что гениальные актрисы, как и m-lle Georges – я большой ценитель ее – подвержены так же, как и другие женщины, еще более других, стрелам бога любви. Иногда стрелы эти⁹³⁵ вылетают из золотого колчана, но... и актриса – женщина и может иметь любящее сердце, – так начал виконт свой изящный рассказ, с тонкой улыбкой оглядывая слушателей.⁹³⁶

[Далее со слов: – Переходите сюда, chère Sophie, – сказала Annette Д. – Le vicomte va nous raconter,⁹³⁷ – красавице княжне, дочери князя Василья... кончая: и опять успокаивалась в улыбке. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. III.]

Когда маленькие часы пробили на камине, она медленно приподняла брови, посчитала и, видимо, озаботилась чем-то, хотя это было в самую патетическую минуту рассказа. Боялась ли она опоздать на бал и делала свои соображенья о времени первой anglaise,⁹³⁸ но vicomte заметил ее совершенное равнодушие к рассказу. Она на пальчиках, обтянутых перчаткой, делала как будто вычисления, чуть шевеля ими.⁹³⁹ Когда в середине рассказа к ней обратился кто то с вопросом, как она находит это, она, хотя и не изменила своей улыбки,⁹⁴⁰ видимо испугалась чего то.

⁹²⁹ [Свидание герцога Энгиенского с Бонапартом у мадемуазель Жорж – это широко известно]

⁹³⁰ Расскажите нам это, виконт.

⁹³¹ [рассказ будет немного неприличен]

⁹³² Виконт был лично знаком с герцогом,

⁹³³ Виконт удивительный мастер рассказывать

⁹³⁴ [Он очень хорош, неправда ли?]

⁹³⁵ *Зачеркнуто*: не совсем чисты

⁹³⁶ *Зач.*: и видимо собираясь рассказывать длинно и так, как рассказывают в романах. Кружок сдвинулся ближе. Еще подошло несколько человек. – У m-lle Georges была толпа поклонников, – продолжал он. Все слушали с вниманием и уважением даже, улыбкой и жестом показывая, что они понимают и рассказ и ценят прелесть рассказа. Один только очень молодой человек с большой, вытянутой в зад головой, застенчивый и рассеянный, видимо не обращал никакого внимания на рассказ и рассказчика. Он вертелся на своем стуле. Прежде, чем передать историю виконта, весьма распространившуюся впоследствии, я должен описать некоторых из слушателей его тем более, что эти некоторые, кроме того, что замечательны сами по себе, не раз встретятся читателю в продолжении этой истории.

⁹³⁷ [Виконт нам будет рассказывать].

⁹³⁸ *Зачеркнуто*: но никак не могла счесть, что сколько минут останется до <бала> первой anglaise, ежели она выедет в без четверти 11, а начнут в половине 12-го.

⁹³⁹ *Зач.*: и всё сбивалась.

⁹⁴⁰ *Зач.*: но в душе очень испугалась: ей вспомнились недавние уроки истории гувернантки и требования повторить урок.

После нее подошел ее старший брат⁹⁴¹ Иполит и задержал начатой рассказ. Несмотря на необыкновенное сходство с сестрою красавицею, этот брат был положительно дурен собою. Черты его лица были те же, как и у сестры, но у той всё освещалось жизнерадостной, самодовольной, молодой неизменной улыбкой и необычайной античной красотой тела, у брата напротив то же лицо неизменно выражало досаду и самоуверенную брюзгливость. Глаза, нос, рот – всё сжималось как будто в одну неопределенную и скучную гримасу. Кроме того, некрасивость его лица увеличивалась еще его странной манерой ходить, сидеть, говорить, брать и подавать руку и вещи и еще более странной одеждой. Этот молодой князь дипломат как будто дал себе обещание делать всё не так, как другие люди. Странности его еще тем поразительнее были, что они вытекали видимо не из особенности характера, а из заданного себе правила, так как странности эти постоянно переменялись. Он только приехал из-за границы и потому⁹⁴² некоторые люди полагали, что всё, что он делает, так должно делаться по новому, и даже⁹⁴³ подражали ему.⁹⁴⁴

Молодой дипломат, приехав из-за границы, ходил не иначе, как чрезвычайно вывертывая и припадая на левую ногу, как будто она у него болела, садился не иначе, как в самую глубину кресла, вытягивая прямо перед собой ноги, подавал руку не иначе, как два пальца,⁹⁴⁵ говорил он не иначе, как отрывисто и очень скоро, смотрел всегда и на всё, даже на чай, который брал, в лорнет, одевался всегда в синий фрак, застегнутый на все бронзовые пуговицы, палевые панталоны и в жабо такой вышины, что оно видимо мешало ему свободно дышать. Кроме того главное занятие его по приезде из-за границы состояло в том, чтобы списывать родословные, собирать все возможные гербы и печати и переписывать эти книги самому. Многие из слабых людей, выдавших его, соблазненных той самоуверенностью, с которой он производил это, уже переняли многие его привычки, полагая, что в этом состоят приемы (*bon ton*⁹⁴⁶ тогда не существовало) *de la bonne compagnie*,⁹⁴⁷ когда вдруг князь Иполит стал ходить не хромя и чрезвычайно большими шагами и стал носить совсем другой жабо, с одним концом накрахмаленным и направленным кверху, а другим опущенным перпендикулярно книзу, стал сидеть иначе и стал заниматься не гербами, а гравюрами, которые он покупал и собирал везде и сам гравировал.

[*Далее со слов: Ce n'est pas une histoire de revenants?*⁹⁴⁸ *кончая:...* потом весь оборачивался быстро, как он всё делал, и смотрел долго на угол кресла. – *близко к печатному тексту*. Т. I, ч. I, гл. III.]

– *Moi je vais prendre mon ouvrage*,⁹⁴⁹ – прокричала беременная Лиза от чайного стола и переваливаясь перешла в кружок *vicomte*'a, который в третий раз собирался начинать, и, несмотря на недовольное презрительное лицо мужа, которого она скорее не умела, чем не хотела замечать, произвела перестановку и, усевшись, весело поправила, приговаривая: «теперь мне хорошо» и попросила начинать.

– Когда я имел счастье видеть последний раз блаженной и печальной памяти герцога Энгиенского, – начал виконт, – в Етенгейме, я знал и он был так милостив ко мне, что наметнул на свое восхищение к таланту и к особе *m-lle Georges*. Я выразил свое удивление, когда он мог узнать ее, не бывши в Париже эти последние года. Герцог улыбнулся, как он один умел

Она, как и тогда так и теперь, ничего не понимала и не слушала.

⁹⁴¹ *Зач.*: дипломат, которого отец считал глупым и эксцентричным.

⁹⁴² *Зач.*: недалёковидные

⁹⁴³ *Зач.*: находились такие, которые

⁹⁴⁴ *Зач.*: но другие, так же как и отец его, считали его дураком, а самые недоброжелательные – идиотом.

⁹⁴⁵ *Зач.*: вальсировал не иначе

⁹⁴⁶ [хорошего тона]

⁹⁴⁷ [хорошего общества]

⁹⁴⁸ Это не история о привидениях?

⁹⁴⁹ Я возьму мою работу,

улыбаться, и сказал мне, что Париж не так далеко от⁹⁵⁰ Мангейма, как это кажется, и я заметил un regard d'intelligence,⁹⁵¹ который он бросил на Тюмери, который жил с ним. Я не смел настаивать, полагая, что не имел права вызывать на доверенность.⁹⁵²

– Ваше высочество, – сказал я ему, – хотя я и не имею никакого права говорить вам свое мнение, но я считаю, что имя мое и верность королю et la sainte cause⁹⁵³ позволяют мне сказать вам: Monseigneur, vous, votre vie appartient au roi et la France et⁹⁵⁴ вы не имеете права рисковать ничем.

– Неужели вы думаете, что Буонапарте решился бы на чтонибудь против меня. Мое имя и мой характер слишком обеспечивают меня.

– Я всего жду от друга цареубийц et un parvenu ambitieux. Il ne reculera devant rien.⁹⁵⁵ Я сказал его высочеству, что я имел известие о открытии несчастного героя и мученика Кадудалю и о том, что полицейские агенты рыскали в Етенгейме и один из служителей его высочества мне казался подкупленным. Я высказал свое сомнение, но его высочество с этим рыцарством и отважностью, составляющей отличительную черту его фамилии...

– La maison Condé, branche de laurier greffé sur l'arbre des Bourbons, comme disait dernièrement m-r Pitt,⁹⁵⁶ – перебил князь Василий.

– Monsieur Pitt a très bien dit,⁹⁵⁷ – лаконически прибавил его сын Иполит, решительно поворачиваясь к окну и в лорнетку глядя на сторону.

– Bref,⁹⁵⁸ – продолжал vicomte, обращаясь преимущественно к княжне и княгине, которые обе не спускали с него глаз, – как открылось потом, он ездил в Париж до этого несчастного дня и сделал честь m-lle Georges посещать ее.

– Но у него было un attachement⁹⁵⁹ к princesse Charlotte de Rohan Rochefort? – сказала Annette вопросительно. – Говорили, что он тайно был женат на ней.

– Одна привязанность не мешает другой, – отвечал vicomte, тонко улыбаясь. Княжна улыбнулась так же.

– В третьем году мне друзья писали из Парижа, что m-lle Georges не имела недостатка в поклонниках и что между толпами всех новых людей parvenu de la finance,⁹⁶⁰ администраторов и всей этой дурной новой породы людей, которые теперь царствуют в Париже, она никого еще не выбрала, чтобы кинуть свой платок, когда в один вечер ее поклонники увидели Roustan, cette âme damnée, ce valet de cet autre valet qui s'appelle Buonaparte⁹⁶¹ у дверей новой богини.

– Charmant! – прошептала маленькая княгиня, втыкая иголку.

– Почему же вы называете⁹⁶² Наполеона лакеем? – спросил вдруг толстый молодой человек весьма скромной и застенчивой наружности, который молча сидел до сих пор за спиной дам.⁹⁶³

⁹⁵⁰ *Зачеркнуто:* Страсбурга

⁹⁵¹ [значительный взгляд]

⁹⁵² *Зач.*: Но он заметил это и с своей ангельской добротой сказал Тюмери, что он может рассказать мне всё. Тюмери в этот вечер рассказал мне, что его высочество ездил уже раз в Париж под чужим именем и на другой день намерен был опять ехать.

⁹⁵³ [святому делу]

⁹⁵⁴ [Ваше высочество, вы, ваша жизнь – принадлежите королю и Франции и]

⁹⁵⁵ [и честолюбивого выскочки. Он ни перед чем не остановится.]

⁹⁵⁶ [Дом Конде – ветка лавра, привитая к дереву Бурбонов, как говорил недавно Питт].

⁹⁵⁷ [Господин Питт очень хорошо выразился]

⁹⁵⁸ [Словом]

⁹⁵⁹ [сердечная привязанность]

⁹⁶⁰ [богатых выскочек]

⁹⁶¹ [Рустана, эту окаянную душу, лакея другого лакея по имени Буонапарте]

⁹⁶² *Зачеркнуто:* первого консула и главу государства, великого человека.

⁹⁶³ *Зачеркнуто:* Я считаю его великим человеком...

Все глаза обратились на молодого человека. Князь Иполит ловил лорнетку, которую он упустил из руки, и, как только поймал, торопливо уставился на молодого человека.

Он покраснел, как краснеют только очень полнокровные и молодые люди, и с видимой борьбой и усилием, но как будто исполняя обязанность, проговорил:

– Я считаю его великим человеком, – и крупные капли пота выступили на носу и лбу юноши. Он оглядывался на всех, чувствуя, что сделал неловкость, но видимо готовый перенести всю тяжесть своей выходки.

– У каждого свое мнение, m-г Pierre, – подхватила Annette. – Я знаю, что вы защитник этого человека, но вы одни своего мнения. Продолжайте же, vicomte, не томите нас.

M-г Pierre испуганно, как пойманный школьник, оглядывался на всех и ничего не нашелся сказать. Он был смешон. Заметив его смущение, все, исключая князя Иполита, поне-многу отвернулись от него, удивляясь, для чего было высказывать мнение противное всем, не умея поддержать его и, главное, зачем не уметь жить до такой степени, чтобы перебивать изящный рассказ, всем доставляющий удовольствие, выражением своих мнений.

– Когда все эти⁹⁶⁴ gens de dessous terre,⁹⁶⁵ добивавшиеся bonnes graces⁹⁶⁶ великой актрисы, узнали, что соперником их делается их господин, все эти plats pieds⁹⁶⁷ с подбострастием оставили поле свободным и исчезли, – продолжал vicomte с презрением, доказывавшим, что он никогда и никому бы не уступил места, – как я верно знаю, *этот человек* после всех своих ужасных поступков, которые он называет управлением государством, нашел не неприятным посвятить свои досуги и отдыхать от своих iniquités⁹⁶⁸ в обществе самой прекрасной и даровитой женщины Франции. Несчастливая m-lle Georges a dû faire de nécessité vertu.⁹⁶⁹

Посещения Бонапарте бывали большей частью вечером, через два или три дня. Он приезжал, отсылал кабриолет с Roustan и ужинал. В это самое время его высочество тайно ездил в Париж, видел m-lle Georges в театре и захотел быть у нее.

В слушателях произошло волнение. Все предчувствовали страшное столкновение.

– Ah! j'ai la chair de poule,⁹⁷⁰ – пожимая плечиками, как будто от озноба, сказала маленькая княгиня. Муж ее, как будто удивившись, взглянул на нее.

– Очень интересно, – сказал он и, чуть заметно приподняв брови и эполеты, опять замолк в своей грациозной и ленивой позе.

– Ах, как он отвратителен мне, *этот человек*, – с искренним и страшным озлоблением сказала Annette.

Княжна красавица, оглянувшись на хозяйку, сочла нужным перестать улыбаться и выразить тоже отвращение. Пожилая дама, сидевшая весь вечер подле ma tante и перешедшая к кружку рассказчика, покачала головой, значительно и грустно улыбаясь.

– Это ужасно, не правда ли? – сказала она.⁹⁷¹

Князь Иполит с своей привычной находчивостью объявил быстро и громко.

– Я был в театре, когда она играла Клитемнестру. Я лучше люблю Corneille.

– В один вечер, – продолжал, оглядывая слушателей и оживляясь более и более, vicomte, – Клитемнестра эта, прельстив весь театр своей удивительной передачей Расина, возвратилась

⁹⁶⁴ Зам.: эта сволочь, вчерашние мещане в дворянстве,

⁹⁶⁵ [люди неизвестно откуда]

⁹⁶⁶ [благосклонности]

⁹⁶⁷ [подлецы]

⁹⁶⁸ [беззаконий]

⁹⁶⁹ [М-ль Жорж должна была сделать из необходимости – добродетель]

⁹⁷⁰ [Ах, мне становится жутко.]

⁹⁷¹ *На полях*: (Волк[онский] свое мнение). Смерть герцога причина войны. Напол[сон] не поздоров[ался] в Париже, не смел [?]

домой и думала одна отдохнуть от усталости, когда ей доложили, что незнакомец желает ее видеть.⁹⁷²

Служанка актрисы была дочь старого дворника из дома Condé. У отца ее был портрет, привезенный им из изгнания, и сходство молодого человека с портретом, хранившимся как святыня у ее отца, было до такой степени поразительно, что служанка стояла перед незнакомцем, как заколдованная, не имея сил говорить и не спуская глаз с прекрасного молодого человека.

– Скажи своей прекрасной госпоже, что l'ex vicomte de Rocroi желает передать ей очень важное поручение.

– Он был принят... – сказал vicomte и помолчав несколько⁹⁷³ секунд, чтобы дать понять, что он не всё рассказывает, что знает, он продолжал. – На третий день вечером ему был дан другой rendez-vous⁹⁷⁴ и, верный своему слову, как и все члены этого благородного дома, незнакомец, которого актриса узнала через свою служанку, явился ровно в полночь. Его ждал ужин, был накрыт на два прибора, но едва только он взошел, как послышался другой звонок и испуганная горничная, вся дрожа, бежит объявить, что это – страшный мамелюк, раб Буонапарте и что⁹⁷⁵ страшный господин уже подъехал к подъезду.

Здесь француз, одушевленный видимым участием аудитории и вспомнив должно быть те счастливые минувшие времена, когда он декламировал Расина в гостиных Faubourg St. Germain и играл там на домашних спектаклях (драматическое искусство было специальностью виконта), вздумал окончательно прельстить своих слушателей и, сосредоточившись на минутку, сам импровизировал и продекламировал разными голосами следующую сцену:

« – Во имя бога, бегите! – сказала m-lle Georges, – бегите от того, кто приехал.

– Бежать! я? что вы говорите? я – бежать!

– Моя жизнь... что я? ваша жизнь в опасности!

– Но бежать... Я!»

– Хорошо сказано! – пробормотал князь Иполит.

Vicomte продолжал:

– Да, ваше высочество, вы должны бежать. Vous devez votre épée à votre roi et à la France,⁹⁷⁶ – сказал vicomte, забыв, что он уже от себя сказал эту фразу.

– Вы знаете, кто я?

– Знаю: герцог Енгиенской, а знаете ли вы, кто ждет у крыльца теперь? Буонапарте.

– Что я слышу? Он – мой соперник!

Гениальная актриса повторила перед ним одну из великих патетических сцен, которые она создавала; она бросилась на колени и умоляла его спрятаться.

– Герцог сдастся (продолжал vicomte уже в настоящем времени), его отводят в маленькую комнатку и накрывают корзиной для белья, на корзину кидают платья. И еще не кончена эта операция, как дверь откидывается сердитой рукой. Его злейший и беспощаднейший враг вошел.

Неожиданно в этом месте князь Иполит два раза произвел звук, который одни приняли за хохот, другие за кашель, и замолк. Остальные слушатели следили за каждым движением лица vicomte. Брови vicomte'a нахмурились и зрачки опустились вниз. Все поняли, что он в эту минуту изображал Буонапарте и собирался говорить за него.

⁹⁷² Зачеркнуто: – Я не принимаю, ты знаешь, – отв[ечала]

⁹⁷³ Зач.: минут

⁹⁷⁴ [свидание]

⁹⁷⁵ Зач.: маленький человечек стоит

⁹⁷⁶ Ваша шпага принадлежит вашему королю и Франции.

– Tu m'attendais?⁹⁷⁷ – сказал Буонапарте. Лицо vicomt'a растянулось и притворная улыбка показалась на углах губ. Это говорила m-lle Georges.

– Je suis comme les anciennes châtelaines qui ne se mettaient jamais à table sans y faire placer les couverts pour le nombre connu des personnes. Je ne sais quand il vous plaît de m'honorer de vos visites et je tâche de pouvoir toujours vous offrir à souper.⁹⁷⁸

– Теперь всем известно, – продолжал уже в эпическом роде рассказчик, – что Буонапарте подвержен припадкам падучей, которые находят на него после минут бешенства. День, в который он приехал к m-lle Georges, был одним из тех дней. Едва он сказал два слова и выпил стакан вина, как с ним сделался припадок и он, не успев крикнуть Rustan, который был в передней, без чувств падает на землю. Можете себе вообразить ужас двух женщин: позвать Roustan – он может убить их, ежели он умрет, они подпадут подозрению отравления. И потом присутствие в комнате герцога. Что делать? Герцог, из своего убежища услышав голос Буонапарте, потом рыдания двух женщин и наконец молчание, осторожно вошел в комнату.

[Далее со слов: L'ennemi de sa maison⁹⁷⁹... кончая:... Буонапарте велел изобресть предлог заговора, схватил в Баденском герцогстве мученика героя и убил его. – *близко к тексту* Русск. Вестн. Т. I, ч. 1, гл. VI].

– Un bâton de gueules, engrêlé de gueules,⁹⁸⁰ – пробурлил князь Иполит.

– Насколько справедливы все подробности этой встречи – я не знаю, так они мне переданы людьми верными, но положительно то, что я сам слышал из уст герцога. Он раз сказал нам: да, от меня зависело подставить к носу Буонапарте пистолет вместо флакона. Но еще положительнее то, – заключил vicomte, – что в этой истории характеры лиц мученика героя и злодея узурпатора совершенно верны. L'ange et le démon.⁹⁸¹

Действие, произведенное рассказом vicomt'a, было полное. Разговор, которым владел он один во время рассказа, рассыпался на мелкий говор изыщных проклятий и ругательств на⁹⁸² бедного Наполеона. Плохо было бедному Наполеону. И хорошо, что он не слышал этих разговоров. Он впрочем не любил таких разговоров. И часто за такие, переданные ему, разговоры во Франции, так наказывал маркизов и виконтов, дюшес и графинь, что они вперед уж этого не делали, молчали. Тех же маркизов и виконтов, которые вели себя хорошо и не рассказывали таких историй, он награждал званиями камергеров, камер-фрейлин и т. д. при своем дворе. И таких, ведущих себя очень хорошо, было очень много, гораздо больше, чем таких, как vicomte. И Choiseul и Baroche Jaquelin и Chevreuse и с gueules d'azur и с bâton de gueules et de lys,⁹⁸³ которые все знал князь Иполит, все так охотно пошли в придворную службу и прекратили рассказывать истории, что Буонапарте откровенно выразился, вспоминая свой призыв к дворянству Франции во время Египетской кампании и их отказ, что quand je leur ai montré le chemin de la gloire, ils n'en ont pas voulu. J'ai ouvert mes antichambres, ils se sont précipités en foule.⁹⁸⁴ Так что в то время, как у Annette Д. его так бранили, он жил спокойно в Лувре, считая себя самым лучшим человеком Франции и законнейшим наследником Карла Великого.

⁹⁷⁷ [Ты ждала меня?]

⁹⁷⁸ [Я – как владелицы замка в старину, которые никогда не садились за стол, не поставив на стол приборы для определенного количества лиц. Мне неизвестно, когда вам будет угодно удостоить меня своим посещением, и я стараюсь, чтобы ужин для вас был всегда наготове].

⁹⁷⁹ Враг его дома...

⁹⁸⁰ Палка из пастей, оплетенная пастями,

⁹⁸¹ Ангел и демон

⁹⁸² *Зачеркнуто:* на того человека, который, спокойно живя в Луврском дворце в Париже и считая себя наследником Карла Великого и величайшим владыкой мира, считал такие разговоры вредными для Франции, строго запрещал их и часто за такие разговоры

⁹⁸³ [с лазоревым львиным зевом и палками львиного зева и лилий]

⁹⁸⁴ я показал им путь славы, они не хотели. Я открыл им мои передние – они бросились толпой.

Никто из присутствующих не только не признавал его императором, никто не признавал его даже⁹⁸⁵ человеком. В глазах vicomte'a и его слушателей это был какой то изверг рода человеческого, Cartouche, Пугачев, Кромвель, до сих пор еще ускользавший от заслуженной петли, которая одна была для него достойным наказанием.

– Это ужасно! – говорила маленькая княгиня, что то скребя в своей работе иголкой. – *Quel monstre que cet homme!*⁹⁸⁶ Неправда ли? Подвиньте мне эту свечу.

– *L'assassinat du Duc a été plus qu'un crime, ça été une faute,*⁹⁸⁷ – сказал вдруг⁹⁸⁸ князь Иполит, слышавший эту фразу в Париже.

– Да, но отчего ошибка? – спросил вдруг князь Андрей, с своей гордой манерой откидывая голову. Князь Иполит стал смеяться, глядя на свою правую руку.

– Надеюсь, что это было его последнее преступление, – сказала Annette Д.⁹⁸⁹ – *Les souverains ne peuvent pas laisser impuni un pareil crime et laisser un Néron souiller le trône de la France.*⁹⁹⁰

– Государи пришлют посланников присутствовать при коронации⁹⁹¹ узурпатора, – сказал виконт иронически.

– Кроме России, – почти вскрикнула ожесточенная Annette Д.

– Что они сделали для Лудовика XVI, для Лудовика XVII, для королевы, для Madame Elisabeth? – ничего. Поверьте, ничего.⁹⁹²

– *La tyrannie a toujours eut d'heureuses prémices,*⁹⁹³ – опять прочел он стихи из Британикюса.

– Да, счастливые начинания, – подхватила Annette, – но теперь дело дошло до той степени, что монархи не оставят этого. Война будет решительная и не может же, *à moins que ce ne soit une punition du ciel,*⁹⁹⁴ не может же он победить всю Европу.

– Я бы пошла на войну, – сказала маленькая княгиня, – ежели бы меня приняли. Я бы завоевала этого злодея. Я рада, что André идет.

Князь Иполит, долго смотревший на маленькую княгиню в лорнет, вдруг вскочил, пересел к ней и стал показывать ей, рисуя на столе, как нарисован герб Конде. Княгиня улыбалась, как ни странно ей показался переход разговора.

Маленькая княгиня с князем Иполитом отделились от общего разговора, остальные продолжали казнить бедного Наполеона. Его частная жизнь, его семья, его привычки – всё было разобрано и всё было дурно. Только один толстый юноша, обративший на себя внимание своим неудачным вмешательством во время рассказа, не принимал участия в хулах на Буонапарте, хотя и подсел ближе к vicomte'у с видимым намереньем вступить в разговор, но только краснел и, как кот, оглядываясь то на того, то на другого, всякой раз на того, кто говорил.⁹⁹⁵

⁹⁸⁵ *Зачеркнуто:* великим человеком или полководцем

⁹⁸⁶ [Какое чудовище этот человек!].

⁹⁸⁷ Убийство герцога было более, чем преступление, это была ошибка

⁹⁸⁸ *Зач.*: кто то, повторяя слова Талейрана.

⁹⁸⁹ *Зач.*: грустно

⁹⁹⁰ [Государи не могут оставить безнаказанным такое преступление и позволить Нерону осквернять престол Франции.]

⁹⁹¹ *Зач.*: Бонапарта, – сказал князь Волконский, презрительно и лениво поворачиваясь в кресле.

⁹⁹² *Зач.*: Государи понесут наказание, которое им посылает небо за то, что они покинули Лудовика XVI и его семейство. И Нерон будет царствовать.

⁹⁹³ [Начала тирании всегда были счастливы.]

⁹⁹⁴ [если только это не наказание свыше.]

⁹⁹⁵ *Зачеркнуто:* Он видимо ждал и не находил случая вцепиться, чего ему очень хотелось. Князь Волконский, муж маленькой княгини, заметив разговор своей жены с князем Иполитом, подсел тоже ближе к Annette и, поймав налету одно из проклятий против Буонапарте, вставил защиту его, как полководца. Он выразил сомнение, чтобы у нас и у австрийцев нашлись генералы, способные противостоять ему.– А вы кажется намерены идти на войну? – сказала Annette иронически, – и вы пойдете с той мыслью, что будете биты?– Пойду делать свой долг.– Отчего же вы, адъютант Кутузова, не считаете его способным...–

– Всё таки он – величайший полководец, – сказал князь Андрей.

– Полноте, всё дело в счастии и в слабых противниках, – отвечал виконт.

– Слава богу, император австрийцев назначил Макка главнокомандующим, – сказала Annette. – Говорят, что он великий полководец. Ежели бы был жив Суворов.

– О, Макк – великий человек.

– Надежда не на Макка, как бы он искусен ни был, – сказал Андрей Волхонский, – война, как шашки, где больше, те выиграют. У нас будет 600 тысяч против 250.

– Неужели оставят его на престоле Франции? – сказал виконт.

– Император будет тверд в своем намерении, – с грустью. свойственной ее речам о императоре, [сказала Annette]. – Он исполнит то, что объявил, он предоставит Франции избрать род правления. Он оставит именья эмигрантов за теми, кто их купил.

– Не продаем ли мы шкуру на живом медведе, – сказал князь Андрей. – А как вы думаете, какое правление пожелают французы, вы это знаете, виконт. Бурбонов?

Несмотря на свое одушевление в разговоре, Annette Д., как любезная хозяйка,⁹⁹⁶ заметила молчавшего юношу и захотела *le mettre à son aise*.⁹⁹⁷

– Как вы думаете, захотят ли опять республики, вы еще недавно были в Париже, – спросила она.

Юношу вдруг прорвало.

– Я думаю, что вся нация умрет за величайшего человека мира, – начал он так быстро, как будто боялся, что опять ему придется молчать и что он не выскажет всего, что знает.

– Отчего? Почему вы так думаете? вы шутите? – посыпались восклицания. Но молодой человек, казалось, еще более одушевился этими воспоминаниями.

– Да, я был в Париже год тому назад, – продолжал он, – и не в Faubourg St. Germain, который весь теперь перешел на сторону императора и которому нужны только придворные титулы, а в народе, в армии.

– Ну, не все, m-g, позвольте вам заметить, – сказал vicomte.

Annette не знала, куда смотреть от неловкости и не могла себе простить, что пригласила этого юношу, не узнав его. Она пригласила его из уважения к его отцу. Юноша был незаконный сын знаменитого богача и вельможи и не носил еще его фамилии. «Коли бы я знала, что он такой *mal élevé*⁹⁹⁸ бонапартист». Но молодой человек был хуже, чем *mal élevé* и бонапартист. Он был якобинец.

– Всё равно, – продолжал он, – почти все. Он сам сказал: *quand j'ai ou[vert] mes a[ntichambres]*.....⁹⁹⁹

Ежели он казнил герцога Енгиенского, то это не ошибка и не преступление, *они* казнили многих и никто не знал. А человек, который подавил величайшую революцию – революция была великое дело. – Тут юноша показал свою молодость этим отчаянным и вызывающим отступлением. Ему всё хотелось сказать. – Он преступен не в том, что казнил герцога, а в том, что уничтожил республику, не он отдаст власть, которой злоупотребляла Директория. Его вызывали, он должен собрать все силы. И всех побил и еще побьет, потому что он представитель великих идей.

– Идей царевубийства? – воскликнула [Annette].

– Ну, это было дурно, но нельзя без крайностей. Величайшее дело мира. Убивая герцога, он выбирал между своей погибелью и погибелью ничтожного человека. – Он много и долго

Кутузов не имеет тех случаев.– А ргорос [кстати] вы слышали, что он назначен?– Да.

⁹⁹⁶ *Зач.*: пожалела этого

⁹⁹⁷ [чтоб он не чувствовал себя стесненным.]

⁹⁹⁸ [невоспитанный]

⁹⁹⁹ когда я открыл мои передние *Многоточие в рукописи.*

говорил, но никто не одушевился, один князь Андрей зажег огонь в глазах, любясь на него.¹⁰⁰⁰ Сначала ужаснулись, но когда Annette увидела, что vicomte удерживается и что замять невозможно, она напала на него.

– А 18 brumaire, разве это не обман?¹⁰⁰¹

Vicomte: – Разве герцог был виноват, как сказал кто то, ежели бы он и был герой. Un héros de moins, un martyr de plus.¹⁰⁰²

Маленькая княгиня: – А пленные в Египте?

Иполит: – Отец его был roturier.¹⁰⁰³

Один князь Андрей не нападал. Молодой человек огрызнулся на всех и не успевал.

Молодой человек: – Он желает мира и равенства.

Князь Андрей: – Разумеется хорошего, иначе равенство ниже себя, с ловкостью человека, знающего, с кем [имеет] дело, a pont d'Arcole [2 неразобр.] au pays de sa personne.¹⁰⁰⁴ И великая мысль grandioso.

Он ступил на нападки Андрея. Разошлись недовольные. Князь Андрей выходил с ним.

– Ну как ты выстрелил, Петруша, ты никогда так ужасен, красен не был.

– Не могу.

М[аленькой] к[нягине] надевали сапоги. К[нязь Андрей] подавал, Иполит оглаживал воротник.

– И вчера вы совсем не то говорили. Вы всё меняетесь.

– Пускай, я говорю, что думаю.

Андрей презрительно на жену. Иполит уверяет ее, что он не поехал к посланнику для нее. Она: – Напрасно.

– Поедем, Lise, – строго.

Lise проходит. Иполит подсаживает. Андрей Пьеру (сзади): поедem чай пить ко мне.

Лиза из кареты: – Прекрасно, поедemте все.

Андрей: – Нет, спать пора. Пошел же, дурак! – на кучера.

Иполит поехал к посланнику, никак понять не может, как открыться в любви, (чувствует, что не то, а слышал). Нет холостяка, который бы скверно не смотрел на жену.

Пьер жалеет еще, что многого не сказал. В карете она заигрывает:

– Что ты, милый, я что-нибудь сделала, я всё готова.

– Ничего, ничего. Всё хорошо. «Боже мой, на что я женился».

И со всей, не найденной в жене любовью, переходит к другу. Разговор о князе Василии. Он – идиот. Confidences¹⁰⁰⁵ отношений к жене.

– Ты слаб, но я завидую. О поэзии. Андрей не понимает. Об intérieur'e¹⁰⁰⁶ князя Василья.

– Брось кутежи с ним.

– Брошу.

Пьер едет домой, оргия Анатоля. Он принимает участие. Девка умнее его. Анатолий: гадость для гадости. Он, как красивая кукла, ничего нет в глазах.

¹⁰⁰⁰ На полях: (Андрей как будто всё знает, что будет, оттого горд.)

¹⁰⁰¹ На полях: Он не застенчив, но Мирабо.

¹⁰⁰² Одним героем меньше, одним мучеником больше.

¹⁰⁰³ [не дворянин.]

¹⁰⁰⁴ [а Аркольский мост [2 неразобр.] в стране его личности]

¹⁰⁰⁵ Признания]

¹⁰⁰⁶ [доме]

* № 2 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. V—VI).

26.

М-г Pierre был неуклюж. Когда он встал, еще заметнее стала его неловкость. Толстый, сутуловатый, с жирными руками, висевшими как плети и которые он не знал, куда девать, он, как говорится, «не умел войти в салон» и еще менее из него выйти. Когда Annette Д. просталась с Лизой и он, дожидая времени откланяться,¹⁰⁰⁷ переминался с толстой ноги на ногу, оглядываясь на всех и цепляя стулья, он был жалок. И еще удивительнее казалось, глядя на него, что такой человек, не умеющий совершенно держать себя в гостиной, тоже позволял себе иметь свое мнение и говорить неприличные речи.

Когда наконец Annette Д. повернулась к нему и с христианской кротостью, выражая прощенье ему за его выходку, кивнула ему и сказала:

– Надеюсь вас увидеть еще, но надеюсь тоже, что вы перемените свое мнение, – когда она сказала ему это, он ничего не нашелся сказать, только наклоняясь замигал под очками и показал всем еще раз, как не пристала ему его выходка. Он сам, казалось, чувствовал это – краснел и смеялся.

Князь Андрей Болконский взял его за руку, проходя через столовую (Он, видимо находившийся с м-г Pierr'ом в близких отношениях).

– Ну, mon cher, я совсем не ожидал, как ты вдруг пустил в ход все каскады... – сказал он ему.

Князь Андрей подле м-г Pierr'a поражал еще больше своей изящной,¹⁰⁰⁸ изнеженной и неприступно-гордой¹⁰⁰⁹ осанкой. Он не был так развязан, как князь Иполит, который везде разваливался, хватал всё руками, и везде близко совал свой нос, но видно было, что ничто в мире не могло заставить этого невысокого, с маленькими ручками и ножками человека заставить смутиться, заторопиться или иначе, как высоко, нести голову и иначе, как сверху, смотреть на всех в мире.

Он отстал от жены, которая шла впереди, и взяв за руку м-г Pierr'a шел с ним, волоча по светлomu паркету свою саблю, которую этот изнеженный человек, казалось, не мог и поднять, и чуть позванивая маленькими серебряными шпорами на маленьких женских ножках.

– Vous n'avez jamais été si terrible. Ты никогда не был так ужасен, – сказал он, утешая его.

– Не могу, – заговорил м-г Pierre, опустив голову, глядя через очки и останавливаясь.

– Вы совсем не то говорили месяц тому назад, м-г Pierre, – сказала маленькая княгиня, оглядываясь, – вы всё меняетесь, всё меняетесь.

– Говорю, что думаю, пускай меняюсь, – продолжал м-г Pierre. – Какже не видеть ничего ни в революции, ни в Наполеоне, ничего, кроме личных интересов Бурбонов, потому что...

Князь Андрей не стал слушать продолжение этой речи, которую м-г Pierre начал с такой же живостью как в гостиной, и готов был в зале продолжать. Князь Андрей, вышел в переднюю и, подставив плечи лакею, накидывавшему ему бобровую шубу, хмурясь смотрел на пустой угол, прислушиваясь к болтовне своей жены с князем Иполитом, своей новой,¹⁰¹⁰ растянутой походкой выбежавшим тоже в переднюю.

Он близко стоял подле беременной хорошенькой княгини, бормотал не шопотом, но и не так громко, как говорят обыкновенно, близко к ее лицу нагибая свое лицо.

¹⁰⁰⁷ Зачеркнуто: ей вертелся

¹⁰⁰⁸ Зач.: грациозной

¹⁰⁰⁹ Зач.: и величавой

¹⁰¹⁰ Зачеркнуто: безобразно

Два лакея, один княгинин, другой его, дожидаясь, когда они кончат говорить, стояли с шубами и слушали с непроницаемыми лицами их непонятной для них французской говор. Княгиня, как всегда, говорила улыбаясь и смеясь слушала.

– Я очень рад, что не поехал к посланнику, – говорил князь Иполит, – что? скука...

– Прекрасный вечер. Неправда ли?

– Говорят, что бал будет очень хорош, – отвечала княгиня, предоставляя лакею обувать ноги теплыми сапогами. – Все красивые женщины общества будут там.

– Не все, потому что вас там не будет, – достало соображения сказать у князя Иполита и эта репарти так понравилась ему, что лицо его всё просияло от радости и он схватил салоп ее у лакея, толкнул даже его, и стал надевать княгине от неловкости или умышленно, никто бы не мог разобрать этого, долго не отпуская рук, когда салоп уже был надет, как будто обнимая ее.

Она, грациозно улыбаясь, отстранилась, повернулась и взглянула на мужа.¹⁰¹¹

– Ты готова, Lise? – спросил он, не глядя на нее.

Князь Иполит торопливо надел соболью шубу, которая у него тоже не по людски, а по новому, на два вершка была длиннее пяток, и путаясь в ней, побежал на крыльцо за княгиней, которую лакей подсаживал в карету.

– Princesse, au revoir,¹⁰¹² – кричал он, путаясь языком так же, как ногами.

Княгиня, подбирая платье, садилась в темноте кареты, муж ее оправлял саблю. Иполит,¹⁰¹³ под предлогом подсаживанья, мешал всем.

– Так приедешь ко мне ужинать, Pierre? – сказал князь Андрей¹⁰¹⁴ молодому человеку, вместе вышедшему на крыльцо.

– Позвольте, – обратился он по русски к Иполиту и резко металлически произнося это слово.

– Приеду, – сказал голос Pierr'a.

Дверца захлопнулась.

– И прекрасно, приезжайте. Я спать не хочу, – сказал голос княгини. – Приезжайте же, m-g Pierre.

– Ainsi vous permettez, madame,¹⁰¹⁵ – пробурлил князь Иполит.

– Дурак! – опять так же резко послышался голос князя Андрея. Никто не знал, к кому относилось это слово.

«Разумеется, не ко мне», убедился князь Иполит.

– Пошел, – опять прозвучал металлический голос и форейтор тронул и карета закрипела по снегу.

Князь Иполит смеялся отрывисто, стоя на крыльце, дожидаясь своей кареты. Когда он сел, он еще смеялся чему то.

27.

Князь Иполит, как настоящий светский человек и человек очень элегантный,¹⁰¹⁶ не мог не знать, что человеку его сорта прилично иметь любовную связь в свете.

Пример успехов его брата всегда возбуждал в нем зависть, которой он не мог удовлетворить. До сих пор он был несчастлив в светской любви. Он не мог похвастаться хоть сам перед

¹⁰¹¹ *Зач.*: Князь Андрей отвернулся от нее и при

¹⁰¹² [Княгиня, до свиданья,]

¹⁰¹³ *Зач.*: подсаживал спотыкаясь

¹⁰¹⁴ *Зач.*: отталкивая почти Иполита

¹⁰¹⁵ [Так вы разрешаете, сударыня,]

¹⁰¹⁶ *В рукописи*: еленгантный

собой (он был не хвастун, а в душе правдивой молодой человек), не мог похвастаться ни одной победой в том обществе, к которому сам принадлежал. И это мучало его.

Приехав из за границы, он решил, что в Петербурге по крайней мере, где он – сын вельможи и только что возвратившийся из чужих краев – *merveilleux*¹⁰¹⁷ (как называли львов того времени), ему не трудно будет успеть. Выбор его пал на маленькую княгиню Б.

подавала ли эта маленькая веселая женщина или не подавала ему повод сделать этот выбор, этого он не мог сообразить, да и не находил нужным. Точно так же, как в толпе пьяной черни при виде красивой молодой женщины оскаливаются рожи и слышится цинический смех, соединяя какую то нечистую мысль с видом женщины,¹⁰¹⁸ точно так же *в свете*, только иначе выражаясь, в толпе молодежи, танцоров, говорунов, дипломатов, явление женщины производит тоже нечистое впечатление. И нет того юноши, который бы, глядя на нее, не сказал себе:¹⁰¹⁹

– Elle est très bien! Elle est gentille. Charmante! Quel pied, quelle bouche! Quelle gorge...¹⁰²⁰ И улыбочки, и знаки. Les jeunes gens font la cour aux jeunes femmes.¹⁰²¹ Что ж тут дурного? И князь Иполит делал честь маленькой княгине *de lui faire une cour très assidue*.¹⁰²² Эта *cour* продолжалась уже всю зиму. Некоторые дамы и товарищи его, радуя его, посмеивались ему о его страсти к княгине Болконской, но он признавался себе, что дело его нисколько не подвигается и что должно быть у других это делается иначе.¹⁰²³ Ему смутно казалось, что необходимо предпринять что нибудь решительное, но при мысли о том, что он предпримет, его обхватывал страх чего-то и он начинал мычать что то и вертеться.

Отправляясь все таки к посланнику, он обдумывал свои поступки в этот вечер и <остался> ими не доволен. «Надо предпринять...» Но тут какой то страшный, непреодолимый внутренний голос говорил ему: «Чтоо? Смотри!» и он пугался и, ужимаясь в шубе в угол кареты, он жался и смеялся робко и отрывисто.

28.

Князь Андрей, между тем, сидел нахмуренный и мрачный в своем углу кареты далеко от жены, уверенный, что никто не видит его в темноте. Он не отвечал ни слова на веселое щебетанье своей жены, которое не изменялось ни в гостиной при толпе, ни в карете с глазу на глаз.

– Как хороша была княжна! Какие у нее два брильянта в волосах! Я люблю брильянты, что ни говори. А *vicomte* очень мил.¹⁰²⁴ Что *Annette* не выйдет замуж? Как глупы все мужчины, что никто на ней не женится.

Так болтала она. Молчанье мужа однако и при ее совершенном отсутствии наблюдательности поразило ее.

– *André!* Милый! Отчего ты молчишь? Уж я не сделала ли что нибудь? Не сердись ли ты на меня? – вдруг обратилась она, придвигаясь к нему.

– Нет, за что же мне сердиться. Нет, ты ошибаешься... Все хорошо, – отвечал тот же голос мужа, сухо, холодно, после непродолжительного молчания, своим звуком уничтожая смысл слов и давая им противоположное значение.

¹⁰¹⁷ [щеголь]

¹⁰¹⁸ *Зачеркнуто*: прямо не оскорбляя ее

¹⁰¹⁹ *Зач.*: а что, ежели бы взять ее любовницей?

¹⁰²⁰ [Она очень хороша! Она мила. Очаровательна! Что за ножка, что за рот! что за шея...]

¹⁰²¹ [Молодые люди ухаживают за молодыми женщинами]

¹⁰²² [настойчиво ухаживая за ней.]

¹⁰²³ *На полях*: <Князь В. говорит: идиот. А И. [?] влюблен в нее.>

¹⁰²⁴ *Зачеркнуто*: Только знаешь, во время самого рассказа у меня опять зашевелился

И что ему было сказать? Он ни в чем не мог упрекнуть свою верную, милую, добрую жену, которая под сердцем уже носила залог своей любви и верности. Она дала ему всё, что обещала: красоту, веселость, любовь, верность и обещала потомство. В чем же было упрекать ее? Никто не может помешать человеку из толпы скалить зубы и хихикать, глядя на хорошенькую женщину, ни князю Иполиту *faire la cour à une jolie femme*.¹⁰²⁵ Она не будет ни виновата в том, ни менее чиста. Это знал князь Андрей и он слышал и видел это зубоскаленье уже год. Он знал, что это естественно и иначе быть не может.¹⁰²⁶ В нынешний вечер он в первый раз почувствовал, что ему тяжело, что ему стыдно. И стыдно от человека, которого он считал ничтожнейшим идиотом.

И гордость, безграничная гордость его возмутилась, расстроила¹⁰²⁷ привычное спокойствие и спутала все его мысли и чувства. Он стал несправедлив и зол, убеждаясь, что он только справедлив.

«Боже мой, зачем я связал себя навеки с этим бездушным, пошлым существом?», думал он, отстраняясь от жены и без причины чувствуя ненависть к ней. «Я думал спастись от ничтожества и¹⁰²⁸ низостей жизни в счастье семьи. Я думал, она будет достойна, как я, и что вместе с ней легче будет презирать всё; и, вместо этого, вся пошлость мужа или дурака, слепого и равнодушного к своей чести, или придиричвого ревнивца, унижающего самого себя сомнением в себе. И нет выхода! Ужасно», думал он. «И ничего, ничего, кроме порханья, болтанья и этой вечной веселости, прикрывающей тупость и бесчувственность. Она не в состоянии ни почувствовать, ни понять моих страданий. А я не в состоянии унизиться, чтоб сказать ей. Боже мой, зачем я женился».

Как будто в подтверждение его мыслей, маленькая княгиня с своей ясностью понимания, в словах его не слышала ничего, кроме успокоительного значения слов и не поняла тона, которым они были сказаны.

– А я боялась, что тебе что нибудь не понравилось во мне, – сказала она, придвигаясь к нему. Она взяла его руку и, заворотив перчатку, поцеловала ее. – Ты знаешь, милый, я всё тебя боюсь и всё готова для тебя сделать.

– Ах, да, – продолжала она, – ты видел я смеялась за чаем. Можешь себе представить, наш маленький князек всё время ворочался, пока я разливала чай. Он будет чай любить, André! – И она засмеялась своим звучным смехом и, взяв за голову, поцеловала¹⁰²⁹ мужа¹⁰³⁰.

– «А я ее не люблю», подумал князь Андрей Б[олконский] с тоской в сердце. «Да я не люблю ее!»¹⁰³¹

29.

Карета остановилась у подъезда большого дома на Фонтанке. Вслед за княжеской каретой подъехали сани m-г Pierr'a и он вошел за ними.

Княгиня прошла в свои комнаты, князь читал письма, без него привезенные с почты.

– Извини, Петруша, – сказал он, отрываясь от письма. – Накрывайте ужинать, – обратился он к лакею.

Они прошли в кабинет.

¹⁰²⁵ [ухаживать за хорошенькой женщиной.]

¹⁰²⁶ *Зач.:* но до сих пор еще нигде и ничем не <сломленная> оправданная природная гордость этого молодого человека мучительно страдала, страдала все больше и больше и в нынешний вечер не то страдал, с каждым днем больше и больше

¹⁰²⁷ *Зач.:* его невозмутимое душевное

¹⁰²⁸ *Зачеркнуто:* мелочей

¹⁰²⁹ *Зач.:* еще раз

¹⁰³⁰ *Зач.:* – Да, как тебе будет рожать без меня, – сказал князь Андрей, – Я т[ебя]

¹⁰³¹ *Зач.:* Она мучает меня

Петруша взял между тем первую попавшуюся ему книгу с полки, это были записки Кесаря, и сдвинув два стула, на один поставил ноги и открыв книгу из середины,¹⁰³² читал, облокотившись или скорее повалившись на руку, с таким спокойным вниманием, как будто он часа два читал не отрываясь и собирался читать еще столько же. М-г Pierre имел это странное свойство читать всегда и всё с одинаковым интересом.¹⁰³³

– Хорошие вести, Pierre, – сказал князь Андрей, подавая ему одно письмо, – прочти. А другое от отца. – Одно письмо было от Кутузова, который соглашался принять князя Андрея опять в адъютанты, другое от отца, который в первый раз после свадьбы сына писал, посылал благословение молодым и даже приглашал их приехать.

– А! – сказал Pierre и, разложив письмо на страницы Кесаря, так же внимательно стал читать его. – Так ты идешь на войну, это решено?—сказал он, поднимая голову и глядя через очки.

– Да. А вот от отца.¹⁰³⁴

Pierre прочел также лежа.

– Хорошо, – сказал он и хотел продолжать читать Кесаря, когда в соседней комнате зашумело платье княгини и он, скинув ноги, оправил очки и волосы.

Я сказал, что нет того молодого холостого человека, который, встречая в свете или часто ездя в дом к молодой красивой женщине, не подумал бы хоть раз: «А что как я вдруг влюблюсь в эту даму и она [в] меня влюбится?» Но м-г Pierre, почти живший у князя Андрея во время своего пребывания в Петербурге, никогда не думал об этом.

Он в простоте своей души радовался <на> этих двух людей, на их семейное счастье, которое ему казалось совершенным, и даже никогда не спрашивал себя: могло ли бы ему достаться такое счастье, и потому никогда не завидовал. Мысли м-г Pierre'a постоянно были заняты самыми важными <философскими> и государственными и военными вопросами. М-г Pierre мечтал быть оратором, государственным человеком в роде Мирабо или полководцем в роде Кесаря и Наполеона. Он, менее всех в мире рожденной к такой деятельности, считал себя рожденным для нее. На все житейские события жизни он смотрел кротко и равнодушно, как будто из неизмеримой дали. Ему было всё равно, только бы не трогали его умственных интересов.

Андрея Б[олконского] и его жену он любил, но никогда не спрашивал себя, что они за люди, как и зачем живут. Они его любили. У них было хорошо, весело, молодо, всё ново с иголочки, начиная от квартиры и посуды, до их лиц, с тем лоском свежести, который всегда бывает у молодых, *jeunes mariés*.¹⁰³⁵ И он любил бывать [у них] больше, чем у когонибудь в городе. Он так сжился с ними, что у одних у них ему не бывало неловко.¹⁰³⁶

30.

Несмотря на хорошие вести писем, лицо князя Андрея отразило опять ту же гордую, холодную¹⁰³⁷ презрительность, которая выражалась в нем во весь вечер, и огонь, загоревшийся было в глазах при чтении писем, потух опять при входе жены.

Узнав о содержании писем, она выразила радость, но радость ее была незаметна. Она всегда была радостна. Тот же смех. Тот же блеск глаз и белых зубов из под короткой губки. Она села в кресло у камина на привычное свое место в кабинете мужа и, сложив маленькие

¹⁰³² *На полях:* <забыл шляпу и взял военную>

¹⁰³³ *Зачеркнуто:* Оба письма, полученные князем Андреем, были приятны для него

¹⁰³⁴ *Зач.:* Читай вслух.< Любезный Князь> любезный мой сын, Князь Андрей!

¹⁰³⁵ [новобрачных.]

¹⁰³⁶ *Зач.:* и он не делал неловкостей.

¹⁰³⁷ *Зачеркнуто:* мрачно[сть]

ручки над возвышением талии (уже поздно было работать) устремила глаза на огонь. И глаза эти смотрели, как будто вглубь в себя – глаза смотрели кротко, радостно и серьезно, что так странно было с ее всегдашним оживлением, глаза смотрели *матерински*. Чувала ли она опять движения ребенка, или думала о предстоящей разлуке с мужем, но она молчала.

– Да собственно он что, Кутузов? – сказал Pierre.

– Главнокомандующий!¹⁰³⁸ Он назначен. Я говорил, – сказал князь Андрей с своим видом всезнания. – Он оглянулся на жену. Ему неприятно было, что она пришла, неприятно было, что она ничего не говорит о предстоящей разлуке.

– И вы выступите против Наполеона?! – сказал Pierre. – Я не понимаю.

– André!¹⁰³⁹ – сказала Лиза, улыбаясь. Она всегда улыбалась, такая у нее была привычка, а улыбка эта раздражала мужа, – разве ты поедешь в армию?

Он пожал плечами.

– Нет не поеду, я буду в Петербурге ездить по балам, – сказал он сухо.¹⁰⁴⁰

– Нескоро еще? – сказала она. – Князь Иполит мне говорил, что война никогда не бывает зимой.

– Ты не будешь ужинать, Lise? – не отвечая спросил муж. – Ты бы шла спать.

– Нет, не буду,¹⁰⁴¹ я пойду. Прощайте, m-g Pierre. Какой вы спорщик. – И она всё улыбалась. – Bonsoir, André.¹⁰⁴² – Она поцеловала его в лоб. Он поцеловал ее руку. Она, шумя платьем, молча вышла из комнаты.

Князя Андрея что то кольнуло в сердце при звуке последней двери, которую она за собой затворила. Как будто он виноват был перед ней. «Милое существо», думал он, «но я не могу любить его», и опять унижение мысли князя Иполита о его жене и о нем мучало его. Они помолчали.

Андрей снял мундир, надел кафтанчик и, как будто стряхнув с себя тяжелые мысли, совсем другой, веселый и спокойный, вышел в столовую.

Когда он сидел за ужином, глядя на добродушное толстое лицо Pierr'a, сидевшего против него,¹⁰⁴³ глаза его горели непривычным блеском оживления – всё таки гордого оживления, и дружбы, и все гордой, покровительственной дружбы. Казалось, чем больше в нынешний вечер он потерял надежды на счастье с женой, тем сильнее в нем становилась¹⁰⁴⁴ потребность дружбы. Он не спускал глаз с доброго круглого лица Pierr'a и постоянно заигрывал с ним и ласкал его, как заигрывают и ласкают любимую женщину.

Pierre¹⁰⁴⁵ иногда отрывался от еды, чтобы¹⁰⁴⁶ высказать всё, что он хотел, иногда отрывался от разговора, чтобы есть очень много и быстро, почти не жуя, всего, что подавали.

31.

– Ты был очень хорош, – говорил князь Андрей. – Тебя, как плотину, прорвало¹⁰⁴⁷ и m-
Le Annette надо было видеть.¹⁰⁴⁸ То хорошо, что ты один из всех говорил. Коли бы не ты, то во
весь вечер мы бы живого слова не услышали.¹⁰⁴⁹

¹⁰³⁸ *Зач.:* Пстой, в бумаге сказано, куда

¹⁰³⁹ *Зач.:* Когда ты поедешь

¹⁰⁴⁰ *Зач.:* Когда же

¹⁰⁴¹ *Зач.:* сказала она кротко, как бы покоряясь его желанию

¹⁰⁴² [Прощай, Андрей.]

¹⁰⁴³ *Зачеркнуто:* лицо

¹⁰⁴⁴ *Зач.:* очарованье

¹⁰⁴⁵ *Зач.:* много ел и много говорил

¹⁰⁴⁶ *Зач.:* много говорить все длинно

¹⁰⁴⁷ *Зач.:* И что рожу сделал этот французик

– Да, нет, – поднимая голову и пережевывая сказал Pierre. – Нет, ты заметил анекдот Иполита. Очень хорош. Очень хорош...

Князь Андрей не отвечал. Он был слишком горд, чтобы смеяться над кемнибудь за глаза, особенно над таким жалким человеком, как князь Иполит.

Замечательно было, что князь Андрей, который часто бывал mordant¹⁰⁵⁰ в глаза, никогда за глаза ни про кого не говорил того, чего бы он не мог сказать ему в глаза.¹⁰⁵¹ И это было не правило, но инстинкт, вытекавший из того же убеждения, что равных ему никого не было.

– Знаешь, что я открыл? – продолжал Pierre. – Я у них живу теперь и выдаю его часто. – (Pierre, приехав в Петербург, остановился у князя Василья по желанию отца, который был дядя князю Василью.) – Я прежде думал, что Иполит только странен, но все таки человек, как человек, теперь я открыл,¹⁰⁵² что он просто идиот, да, просто идиот. Ты знаешь, он не может счесть 25 и 36. Ни за что, я пробовал. Вот странно-то.

Князь Андрей поморщился.

– Ну, что говорить про *это*. Скучно.

– Но он добрый и честный малый. Право, но совсем, совсем идиот. Это он с детства.

– Одного я не понимаю, для чего ты остановился у них и отчего ты ко мне не переедешь.

– Граф хотел, чтоб я у них остановился. (Pierre называл графом своего отца). Ну, а потом неловко. Да и чтож, они славные люди.

– Гм, – сказал князь Андрей.

– Я знаю, – подхватил Пьер, – строго смотреть на них, вся эта семья такая comme il faut и grand seigneur,¹⁰⁵³ вся эта семья грязнее грязи. Анатолий это какой то кусок мяса, с одними физическими похотями. Иполит идиот. Отец ни то ни се, а сестра... Это удивительно... я никогда не видал, чтоб она чемунибудь была рада или чемнибудь огорчена. Я никогда не видал, чтоб она взяла книгу. Я ей дал раз потихоньку от отца la Nouvelle Héloïse. Она говорит скучно, Radcliffe скучно, Adèle de Sénange скучно. Вот не знаю, на ком бы я не мог жениться, только не на ней. Это тот же Анатолий, красивый кусок мяса в юпке.

– Ты не знаешь женщин, – сказал князь Андрей. – Одно, моя душа, – прибавил он ласково и покровительственно. – Зачем ты водишься с князем Анатодем К[урагиным]. Зачем? Я знаю, что тебя все любят, но тебе не надо любить всех. Ну, что у тебя с ним общего? Зачем эти кутежи?

– Да это правда, твоя правда. Сколько раз я говорил сам себе, что не буду с ним кутить. И голова болит, и гадко вспомнить, и денег стоит это пропасть. У меня опять нет, – сказал он, как будто удивленно.

– Я тебе дам еще, – сказал князь Андрей. Он достал красивый, новенькой портфель, разложил его, открыл пергаментную тетрадку. – Вот твой счет. Сколько тебе, 100 р. довольно? – Он достал кошелек с золотом из кармана и отсчитал деньги, потом неторопливо, чисто записал в пергаментную тетрадку и уложил в карман.

– Да сколько же я тебе должен? – тяжело вздыхая и преступно улыбаясь сказал Pierre. – Я забуду и забыл.

– Не бойся, я за тебя помню. За тобой нянька хорошая, – и ласковый, особенно поразительный нежностью, взгляд князя Андрея остановился на Пьере.

¹⁰⁴⁸ *Зач.*: она тебя съест хотела

¹⁰⁴⁹ *Зач.*: Бессмысленные истории vicomt'a и анекдот...

¹⁰⁵⁰ [язвитель]

¹⁰⁵¹ *Зач.*: За то в глаза о[н]

¹⁰⁵² *На полях*: ласков к Piere'у, все ласковы

¹⁰⁵³ [аристократическая и барская.]

– Нет, я даю честное слово, что я больше не буду кутить с ним, – отвечал он на этот взгляд. – Этот Анатоль...

– Ну, они славные люди и оставь их в покое, – улыбаясь сказал князь Андрей, видимо умышленно переменяя разговор, – ты ведь мне тоже дал Гете¹⁰⁵⁴ баллады и велел прочесть. Я прочел.

– Ну чтож? неправда ли удивительно.¹⁰⁵⁵

– Это не моя книга, не для меня. Я нахожу, что все это неправдиво, утрировано. И потом, *comme dit Voltaire, tous les genres sont bons hors le genre ennuyeux*,¹⁰⁵⁶ а это скучно.

– Как, это скучно! – И Pierre начал декламировать *Gott und die Baiadere*. – Нет, я не понимаю, как ты умен, чувствителен и ты не понимаешь. Прежде, когда ты мне говорил, что Paesillo для тебя хуже генерал-марша, я думал, ты шутишь, или в ушах у тебя чего нибудь недостает, но выходит, ты просто лишен поэзии.

– Не думаю. Расина я люблю. Это поэзия. Вольтера... но эти ручейки для меня всё равно, что сонаты. *Que me veut cette sonate? et que me veulent ces vers?*¹⁰⁵⁷ Voltaire другое дело и Rousseau я люблю, но только не *Nouvelle Héloïse*, а *Contrat social*. Эту поэзию я понимаю. *C'est grand*.¹⁰⁵⁸ Я понимаю и твое одушевление к революции. Я аристократ, да, но я люблю великое во всем. Я не разделяю этих мыслей, но тут есть поэзия, я понимаю. Я понимаю, как можно обожать такого человека, как *le petit sarogal*, хотя и не обожаю его, и с удовольствием пойду драться против него. Эту поэзию я очень понимаю. А остальное¹⁰⁵⁹ эти Илиады и Шекспиры и *m-me Suza* все это для дамских альбомов. Ну эта твоя *Gott und die Baiadere*. *Was soll das eigentlich bedeuten?*¹⁰⁶⁰ И когда это было, и зачем это все. И отчего это неясно. Признак величия – ясность.

Pierre с ужасом слушал святотатственные для него речи своего приятеля, но улыбался через очки, глядя на него.

– Нет, ты лишен этого. В тебе нет этого чувства. Подумай пожалуйста. Я понимаю и Гете, и Вольтера, и *Nouvelle Héloïse*, и *Contrat social*. Отчего же ты только одно? Ты лишен большого счастья. Вот я прочел эту пьесу и мне слезы выступили и не оттого, что я выпил. (Я выпью сколько хочешь <и мне не будет так хорошо, как от этого>).

32.

Князь Андрей спокойно улыбнулся, давая этой улыбкой чувствовать своему собеседнику, что он угадывал и ждал это возражение.

– Я тебе и¹⁰⁶¹ завидую. Ты все любишь, и тебя всё и все любят. Ты слаб характером, ты каждый день изменяешь мнения, ты бестолков, но я бы желал быть таким, как ты, да видно каждому свое. Ты¹⁰⁶² счастливее меня.

– Этак князь Иполит еще счастливее нас, – шутя сказал Пьер. Князь Андрей нахмурился. Он встал и велел подать вино в кабинет. Pierre хотел ехать, но князь Андрей задержал его.

¹⁰⁵⁴ Во второй редакции вместо зачеркнутого: Гете – Rauber'ov [«Разбойников»] Шиллера.

¹⁰⁵⁵ Зачеркнуто: Набор слов, фразы, скука.

¹⁰⁵⁶ [как говорит Вольтер, все жанры хороши, кроме скучного.]

¹⁰⁵⁷ [На что мне эта соната? и на что мне эти стихи?]

¹⁰⁵⁸ [Это великое.]

¹⁰⁵⁹ Во второй редакции вместо зачеркнутого: Эти Илиады и Шекспиры и *m-me Suza* всё это... – твои Шиллеры и Матисоны и наши Мерзляковы и всё это... это хорошо.

¹⁰⁶⁰ [Бог и баядерка. Что это должно означать?]

¹⁰⁶¹ Зачеркнуто: завидовал бы, ежели бы я тебя не любил

¹⁰⁶² Зач.: лучше

– Погоди, посидим, допьём это вино.¹⁰⁶³ – И он задумчиво глядел на налитой стакан. Пьер никогда еще не видал его таким. Спросить, что с ним, разговорить его, Пьер не смел и на него, на ближайшего человека, так действовало это взятое о себе убеждение всеобщего превосходства, что и Пьеру оно казалось несомненным.

Они молчали.

– Скверно жить, душа моя, – сказал князь Андрей, прямо взглянув на Пьера, вызывая его.¹⁰⁶⁴

– Отчего?¹⁰⁶⁵ Je suis un bâtard,¹⁰⁶⁶ я незаконный сын без замены, без положенья, в долгах,¹⁰⁶⁷ а всё я ни с кем не променяюсь. А ты, всё то, что люди называют счастьем, то у тебя есть. Чего тебе¹⁰⁶⁸ еще?¹⁰⁶⁹

– Никогда не женись, вот что, – вдруг начал князь Андрей,¹⁰⁷⁰ приходя мгновенно в сильнейшее нервное раздражение, глаза его блстели, голос дрожал. – Не женись до тех пор, пока ты не скажешь себе, что я сделал всё, что мог, и до тех пор, пока ты не¹⁰⁷¹ перестанешь любить женщину и не увидишь ее ясно. Женись стариком и женись без любви. Да. Ежели ты ценишь себя,¹⁰⁷² то тебя на каждом шагу мелкими булавками будут пронизывать твое сердце. Ежели ты ждешь от себя чегонибудь впереди, то на каждом шагу ты будешь чувствовать, что для тебя всё кончено, всё закрыто, кроме гостиной, где ты будешь стоять на одной доске с придворным лакеем и идиотом. И где идиот нечаянно тебя будет мучать так, что ты не будешь в состоянии избавиться от него. – Пьер снял очки, отчего лицо его изменилось, еще более выказывая доброты, и удивленно глядя на друга. – Моя жена, – продолжал князь Андрей, глядя на его удивленное лицо, – моя жена прекрасная женщина, я ни в чем не могу упрекнуть ее, но что бы я дал, чтобы разжениться. Ежели я тебе говорю, то я и ей говорил. Карьера моя – а, бог знает, какая она могла быть, я на малом не помирюсь – карьера погублена. Отец – видел его письмо – он мой лучший друг, и нет лучше его человека.¹⁰⁷³ Нет другого. Отца я потерял почти; карьеры не может быть и не будет, и за всё это что? Видеть, как какойнибудь идиот хохочет из за угла, глядя на мою – на мою жену и ждет чего... чтоб я ему уши выдрал? Нельзя, я осрамлю себя.¹⁰⁷⁴ Нет, это ужасно.

– Я тебя не понимаю, решительно не понимаю, – отвечал Пьер, растирая себе переносицу.

– Не будем говорить об этом... не будем.

Разговор не шел дальше.¹⁰⁷⁵

– Когда Кутузов едет?

– Через месяц. Поеду к отцу, коли он полюбит Лизу, оставлю ее у него и поеду. Иначе я должен отказаться от всего. Она должна родить.

Вошел лакей: княгиня¹⁰⁷⁶ приказали просить к себе.

¹⁰⁶³ *Зачеркнуто:* Мне очень скучно, грустно нынче.

¹⁰⁶⁴ *Зач.*: Он начал [1 неразобр.]

¹⁰⁶⁵ *Зач.*: Ты говоришь, мне завидуешь, за что

¹⁰⁶⁶ [Я внебрачный сын,]

¹⁰⁶⁷ *Зач.*: бестолковый человек, никому не нужный, а ты богат, хорош, умен, знатен, милая жена, будешь отец, любишь военное дело – дороги тебе открыты

¹⁰⁶⁸ *Зач.*: Отчего тебе может быть дурно

¹⁰⁶⁹ *Зач.*: Стало быть есть что то другое, счастье выше того. И тебя опутывает пошлое людское счастье, связывает тебя и тебе нужна свобода... Да?

¹⁰⁷⁰ *Зач.*: превращаясь весь в один комок напряженных нервов

¹⁰⁷¹ *Зач.*: узнаешь

¹⁰⁷² *Зач.*: свою честь

¹⁰⁷³ *Зач.*: которого бы я уважал больше его. Это сила

¹⁰⁷⁴ *Зачеркнуто:* Нет, душа моя, не женись.

¹⁰⁷⁵ *Зач.*: Что же ты скоро поедешь?

¹⁰⁷⁶ *Зач.*: нездоровы

– Сейчас.

Князь Андрей не шел и молчал.

– Ты странный нынче, – сказал Pierre, – прощай до завтраго.¹⁰⁷⁷

– А ты долго не будешь спать, я вижу по твоим глазам, – прибавил Pierre, оглядываясь.

– Да,¹⁰⁷⁸ долго. Прощай.

– André, я не могу заснуть, ты на меня сердисься? – сказала княгиня, розовенькая, в белом чепце и кофточке, лежа высоко на подушках. – André, за что ты меня не любишь? Да? не любишь? – И она заплакала.

Но князь Андрей не сказал, как он обещал своему другу, не сказал, что он ее не любит, хотя он больше чем когда нибудь чувствовал это в эту минуту. «Она беременна, слезы могут повредить ей», и он насильно целовал хорошенькую плачущую женщину.

33.

Князь Василий, у которого гостил m-г Pierre, жил у Обуховского моста в огромном казенном здании, занимаемом тем управлением, в котором он был начальником. Внизу, с улицы, была его огромная квартира. Во дворе были подъезды квартир его сыновей. Пьер жил в комнате, занимаемой прежде секретарем князя, на том же подъезде, где была и квартира Анатоля.

Когда он подъехал, он заметил свет в окнах Анатоля и у кры[льца] карету и несколько саней.

«Опять кутеж и игра верно. Не зайти ли?», подумал он и совершенно забыв обещание, данное князю Андрею, разорвать сношения с Анатодем. <«Спать не хочется, книжки нет, все прочел», подумал он и> так ему скучна показалась своя квартира, которую он себе живо представил с сводами на потолке, с одной свечкой, заспанным лакеем, он вошел к Анатолю. Дверь была незаперта. В передней никого не было; валялись пустые бутылки, в углу гора изогнутых карт, плащи и шубы, догоревшие две свечи, которые, верно, начал переменять лакей и бросил, оторванный за другим делом. Он скинул шубу на ларь. Из покоев слышалась возня, хохот, крики, удары по чем то, как молотком, и опять говор и¹⁰⁷⁹ крики, не менее шести или восьми человек вместе.

Он вошел. Всякому, не видавшему того прежде, человеку показалось бы то, что он увидел, домом сумасшедших. А это были все молодые, красивые и, многие из них, умные, образованные и даровитые люди. Человек шесть мужчин,¹⁰⁸⁰ только по штатским или кавалерийским с кантиками панталонам можно было различить¹⁰⁸¹ их звание, толпилось около окна, все что то кричали, принимая участие в работе лакея, выставявшего раму.¹⁰⁸²

– Я держу за¹⁰⁸³ сер Чаплица 100 рублей, – кричал один.

– И, смотри, не поддерживать!¹⁰⁸⁴

– А я за Долохова. Разними, Анатоль. Одним духом, иначе проиграно.

– Выбей. Скучно. Петров,¹⁰⁸⁵ давай бутылки... так кричали все эти люди, перебивая один другого.

– Стойте, господа, вот он, Pierre, – закричал Анатоль. – Он будет судья. Согласны?

---

¹⁰⁷⁷ *Зач.*: Прощай, смотри же, ты мне обещал разорвать все связи с князем Анатодем К[урагиным], – сказал князь Андрей, всегда называя из презрения Анатоля всем именем. – Слово закон.

¹⁰⁷⁸ *Зач.*: Ты угадал

¹⁰⁷⁹ *Зачеркнуто*: дикие

¹⁰⁸⁰ *Зач.*: все молодых, без сертуков

¹⁰⁸¹ *Зач.*: военных и штатских

¹⁰⁸² *Зач.*: Лица были красны, волоса всклокочены, глаза мутные, голоса неровные, рубашки растерзаны

¹⁰⁸³ *Зач.*: англичанина

¹⁰⁸⁴ *Зач.*: кричал другой.

¹⁰⁸⁵ *Зач.*: брось играть

– А Петр! Петруша! Pierre le grand. Pierre le gros!¹⁰⁸⁶ – закричали со всех сторон, обступая его. Видно, князь Андрей был прав. Все любили этого Pierr'a и на всех¹⁰⁸⁷ красных, бледных и с красными пятнами лицах выразилась¹⁰⁸⁸ радость при виде толстого лица Pierr'a, который, сняв очки и протирая их, улыбаясь смотрел на всю эту толпу.

– Ничего не понимаю; в чем дело? – сказал он.

Как это часто бывает с пьяными, как с детьми или с баранами, чувство, выраженное одним,¹⁰⁸⁹ мгновенно сообщается всем. Шумная радость Анатоля сообщилась всем его гостям.

– Качать его! – послышался голос.

– Качать! Качать! Федька, простыню. Нет, ковер.

– Стойте. Он не пьян. Дай бутылку целую.

Анатоль взял бутылку шампанского, отбил горлушко и с стаканом подошел к Pierr'у.

– Прежде всего, пей!

Pierre стал пить стакан за стаканом и покорно выпил почти всю бутылку. Анатоль стоял подле, серьезно глядя своими оловянными большими глазами попеременно на стакан, на бутылку и на рот Pierr'a.

Анатоль был красавец. Большой ростом, полный, белый, румяный; грудь у него была так высока, что шар – голова¹⁰⁹⁰ у него всегда откидывалась назад и что он, как будто, не мог сгибаться. Небольшие усы,¹⁰⁹¹ густые, русые волоса и навывкате черные глаза, которые похожи были на стеклянные глаза кукол. Глаза эти, казалось, были сделаны не столько для того, чтобы смотреть, сколько для того, чтобы на них смотрели. Они и губы никогда не изменяли выражения. Что он был пьян, видно было только по красному лицу, по еще более неестественно выпученной груди и по большей, чем обыкновенно, разинутости глаз.

– Ну пей же всю, а? – сказал он серьезно, как он все и всегда делал, подавая последний стакан Pierr'у. – А? – прибавил он, по своей привычке к каждому слову прибавлять вопросительное «А?».

– Нет, не хочу. Ну, в чем дело?

– Пей же всю. А? – продолжал Анатоль, разевая больше глаза и поднося своей мохнатой, белой, голой до локтя рукой недопитой стакан.¹⁰⁹² Он имел вид человека, делающего важное дело, и вид происходил в особенности от того, что он всю энергию свою в эту минуту употреблял на то, чтобы держать стакан прямо и сказать именно то, что он хотел сказать.

– Говорю, не хочу, – отвечал Pierre, надевая очки и отходя прочь. – Об чем вы кричите?

Анатоль постоял, подумал и, сообразив, что Pierre так и не выпьет стакану бросил его на пол.

– Эй! подбери!¹⁰⁹³

34.

Вот в чем было дело. Они из театра приехали к Анатолю. Играли в фараон. Анатоль проиграл немного и бросил. Он не имел страсти к игре, а играл по привычке. Один конногвардеец проиграл много, а Долохов выиграл у всех. После игры стали ужинать.¹⁰⁹⁴ Англичанин, кото-

¹⁰⁸⁶ [Петр великий. Петр толстый!]

¹⁰⁸⁷ *Зач.*: пьяных

¹⁰⁸⁸ *Зач.*: веселая

¹⁰⁸⁹ *Зач.*: быстро

¹⁰⁹⁰ *Зачеркнуто*: стояла

¹⁰⁹¹ *Зач.*: курчавые

¹⁰⁹² *Зач.*: Он делал это так серьезно и степенно, как будто совершал важное дело.

¹⁰⁹³ *Зач.*: Остальные обступили Pierr'a и рассказывали, как могли, в чем дело.

¹⁰⁹⁴ *На полях*: P[ierre] терпим иначе замер [?] история [?]

рый был в этом обществе, хвастал, что он перепьет всех.¹⁰⁹⁵ Англичанин предложил пари, что сразу выпьет бутылку рома.¹⁰⁹⁶ Долохов, который больше всех выиграл, сказал, что это выпьет всякой и что он предлагает выпить бутылку рому, не отпуская от рта и сидя на окне пятого этажа и спустив ноги наружу. Англичанин предложил пари. Анатолий держал за Долохова, т. е. что он выпьет, другие – против, т. е. что не выпьет; и в ту минуту, когда вошел Рiette, лакеи выставляли раму в окне, которое, хотя было только в третьем этаже, было достаточно высоко от тротуара, чтобы упавший с него убился до смерти. С разных сторон пьяные, но дружелюбные лица рассказывали Пьеру в чем дело, как будто видя в том, что Пьер будет знать дело – какую то важность.

Когда Пьер с трудом понял, он¹⁰⁹⁷ улыбнулся своей доброй и гнилозубой улыбкой,¹⁰⁹⁸ ничего не сказал и только посмотрел на Долохова. Граф Долохов, тот, который выиграл в нынешний вечер и готовился делать опыт, был¹⁰⁹⁹ гвардейского пехотного полка офицер, среднего роста, мускулистый, весь сбитый, с широкой и полной грудью, чрезвычайно курчавый, с светлыми голубыми глазами. Ему было лет двадцать пять. Он не носил усов, как и все пехотные офицеры, и рот его, составлявший поразительную черту его лица, был весь виден. Рот этот был чрезвычайно приятен, несмотря на то, что почти никогда не улыбался,¹¹⁰⁰ линии его, это[го] рта, были чрезвычайно тонко изогнуты. В середине верхняя губа энергически опускалась на толстую нижнюю острым клином; в углах образовывались постоянно что-то вроде двух презрительных улыбок, по одной с каждой стороны, а все вместе, и особенно в соединении с прямым, несколько наглым, но огненным и умным взглядом, составляло впечатление такое, что никто не проходил мимо этого лица, чтоб не заметить его и не¹¹⁰¹ сказать себе:– вот так рожа! Красивое и странное лицо. Женщинам, без исключений, Долохов нравился так, что он искренно смеялся, когда ему говорили о безупречной женщине. Он еще не встречал таких, которые бы для него не готовы были¹¹⁰² забыть всё. Долохов был молодой человек хорошей фамилии, но не богатый, однако он жил роскошно и постоянно играл. Он почти всегда выигрывал, но никто, и в отсутствие его, не смел бы приписать его постоянный успех чемунибудь другому, кроме [как] счастьем и, главное, постоянно среди попок, светлой голове и¹¹⁰³ непоколебимой силе воли. Ежели он говорил раз, что сделает чтонибудь, то все знали, что он исполнит свое слово. Теперь, когда он затеял свою опасную штуку, пьяное общество приняло особенное, живое участие в его намерении именно потому, что знало, что сказанное им будет сделано. «Так я и знал – лихо!» сказала молчаливая улыбка Пьера. Остальное общество состояло из трех офицеров, англичанина моряка, известного своей способностью много выпить, одного москвича, старого кутилы и игрока, и одного известного в то время музыканта и повесы. Бутылка рома была принесена, раму выставлял лакей,¹¹⁰⁴ привыкший ко всему, не робея и грубо отмахиваясь от советов господ.

Из всех этих людей, за исключением старого кутилы москвича и англичанина, человека¹¹⁰⁵ иссушенного и уже не первой молодости, из всех этих людей, казалось, выпирал избы-

¹⁰⁹⁵ *Зач.*: Составился пари на 500 рублей.

¹⁰⁹⁶ *Зачеркнуто*: Анатолий поддержал пари

¹⁰⁹⁷ *Зач.*: приятно

¹⁰⁹⁸ *Зач.*: и обратился к Долохову по русски

¹⁰⁹⁹ *Зач.*: Семеновского

¹¹⁰⁰ *Зач.*: и тонко энергически был сжат и изогнут

¹¹⁰¹ *Зач.*: спросить себя, что за человек этот курчавый

¹¹⁰² *Зач.*: броси[ть]

¹¹⁰³ *Зач.*: страшной

¹¹⁰⁴ *Зачеркнуто*: торопясь и робея

¹¹⁰⁵ *Зач.*: уже истасканно [го]

ток молодости¹¹⁰⁶ и энергии. Несмотря на пьяное их состояние, все они были разнообразны, но все в своем роде хороши собой и преисполнены силы, которую не знали куда девать, и какойнибудь государственный человек, полководец или молодая одинокая женщина, ежели бы подсмотрели их в эти минуты, одинаково бы пожалели, что не нашли этим силам более сообразного с выгодами каждого употребления.

35.

Бросив стакан, Анатолий, не перемня выражения, с выпученной грудью, не обходя и не прося сторониться, продавил своим тучным телом толпу у окна, подошел к раме и, так же бесстрастно как он все делал, обернув обе белые руки сертуком, валявшимся на диване, ударил в стекла и пробил в двух местах обе рамы.

– Ну, вот, ваше сиятельство, – сердито сказал лакей, – только мешаєте и ручки порежете.

– Пошел, дурак! А? – Анатолий видел, что то, что он сделал, было напрасно, и рассердился.

Кто то догадался взяться за перекладины рам и тянуть наружу. Несколько рук взялись, потянули и выломали рамы так, что можно было сесть.

– Сломай верхнюю перекладину, а то скажет, что я держусь, – сказал Долохов.

Анатолий отвел Пьера в сторону.

– Понимаешь... Англичанин хвастался... А? вот национальность... А? Хорошо?

– Хорошо, – сказал Пьер, с замиранием сердца подходя к окну, из которого вдруг понесло холодом и на которое с бутылкой рому в руке влезал Долохов. Кое кто надел сертуки. Анатолию все еще было жарко. Долохов вскочил на подоконник и стоял выше всех.

– Слушать! – крикнул он. Все замолчали.

– Я держу пари с мистером Чеплицом – (он говорил по французски, чтоб его понял англичанин, и не слишком хорошо) – на 50¹¹⁰⁷ имперьялов – так?

– Оо! – сказал англичанин.

– что я выпью бутылку рому всю, не отнимая ото рта, выпью, сидя за окном, вот на этом месте. – (Он нагнулся и показал покатый выступ каменной стены за окном) – и не держась ни за что. Так?

– Оо! – сказал англичанин.

[Далее со слов: Анатолий повернулся к англичанину, кончая: Лицо его было бледно и весело. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. VI.]

– Пуста. – Он кинул бутылку англичанину и спрыгнул с окна.

Долохов¹¹⁰⁸ велел себе облить голову водой.¹¹⁰⁹

– А? Каково? А? – спрашивал у всех Анатолий, как будто он это сделал.

– Чорт вас возьми совсем, – говорил старый кутила.

Англичанин расспрашивал Долохова о впечатленьи, испытанном им. Один офицер обещался сделать то же в первый раз, как он будет не пьян.

Пьер поцеловал Долохова и в совершенно растерянном виде ходил по комнате, улыбаясь.

– Господа! Кто хочет со мной пари. Я то же сделаю, – вдруг заговорил он. – И пари не нужно. Вели дать бутылку.¹¹¹⁰

Все расхохотались.

– Что ты, с ума сошел? У тебя на лестнице голова кружится.

¹¹⁰⁶ Зач.: удали

¹¹⁰⁷ Зач.: золотых

¹¹⁰⁸ Зачеркнуто: выпил еще ви[на]

¹¹⁰⁹ Зач.: и взял деньги

¹¹¹⁰ Зач.: Пьер был пьян

– Это подло, что мы оставили одного Долохова рисковать жизнью. Нет, я пойду. – Его с хохотом схватили за руки.

– Ты пьян.

– Господа, вы знаете новость? – сказал Pierre. – Война!

– Ну, чорт с ней.¹¹¹¹ Кто то хотел ехать домой. Кто то предложил ехать не домой, а всем вместе куда то еще. Все согласились, надели шубы и поехали. Pierre поехал с ними. Англичанин уехал домой, а Долохов, пьяный, бесчувственным сном заснул на диване у Анатоля.

36.

¹¹¹²Я пишу до сих пор только о князьях, графах, министрах, сенаторах и их детях и боюсь, что и вперед не будет других лиц в моей истории.

Может быть это не хорошо и не нравится публике; может быть, для нее интереснее и поучительнее история мужиков, купцов, семинаристов, но со всем моим желанием иметь как можно больше читателей, я не могу угодить такому¹¹¹³ вкусу, по многим причинам. Во первых потому, что памятники истории того времени, о котором я пишу, остались только в переписках и записках людей высшего круга – грамотных; интересные и умные рассказы даже, которые мне удалось слышать, слышал я только от людей того же круга. Во вторых потому, что жизнь купцов, кучеров, семинаристов, каторжников и мужиков для меня представляется однообразною, скучною, и все действия этих людей, как мне представляется, вытекающими, большей частью, из одних и тех же пружин: зависти к более счастливым сословиям, корыстолюбия и матерьяльных страстей. Ежели и не все действия этих людей вытекают из этих пружин, то действия их так застилаются этими побуждениями, что трудно их понимать и потому описывать.

В третьих потому, что жизнь этих людей (низших сословий) менее носит на себе отпечатка времени.

В четвертых потому, что жизнь этих людей некрасива.

В пятых потому, что я никак не могу понять, что думает будочник, стоя у будки, что думает и чувствует лавочник, зазывая купить помочи, галстуки, что думает семинарист, когда его ведут в сотый раз сечь розгами, и т. п. Я так же не могу понять этого, как и не могу понять того, что думает корова, когда ее доят, и что думает лошадь, когда везет бочку.

В шестых потому, наконец,¹¹¹⁴ (и это, я знаю, самая лучшая причина), что я сам принадлежу к высшему сословию, обществу и люблю его.

Я не мещанин, как смело говорил¹¹¹⁵ Пушкин, и смело говорю, что я аристократ,¹¹¹⁶ и по рождению, и по привычкам, и по положению. Я аристократ потому, что вспоминать предков – отцов, дедов, прадедов моих, мне не только не совестно, но особенно радостно. Я аристократ потому, что воспитан с детства в¹¹¹⁷ любви и уважении к¹¹¹⁸ высшим сословиям и в любви к изящному, выражающемуся не только в Гомере, Бахе и Рафаэле, но¹¹¹⁹ и во всех мелочах жизни. Я аристократ потому, что был так счастлив, что ни я, ни отец, ни дед мой не знали нужды и¹¹²⁰ борьбы между совестью и нуждою, не имели необходимости никому никогда ни

¹¹¹¹ *Зач.*: Перешли в другую комнату

¹¹¹² *Зач.*: Прошло два месяца. В Москве у графа Простого <были> праздновались именины жены.

¹¹¹³ *Зач.*: желанию

¹¹¹⁴ *Зачеркнуто*: что мне это кажется вовсе не занимательным, что

¹¹¹⁵ *Зач.*: с горд[остью]

¹¹¹⁶ *Зач.*: и говорю это теперь с меньшей смелостью, чем

¹¹¹⁷ *Зач.*: знанию

¹¹¹⁸ *Зач.*: образованию

¹¹¹⁹ *Зач.*: в любви к чистым рукам, к красивому платью, изящному столу и экипажу

¹¹²⁰ *Зач.*: не должны были бороться между

завидовать, ни кланяться, не знали потребности образовываться для денег и для положения в свете и т. п. испытаний, которым подвергаются люди в нужде. Я вижу, что это большое счастье и благодарю за него бога, но ежели счастье это не принадлежит всем, то из этого я не вижу причины отрекаться от него и не пользоваться им.

Я аристократ потому, что не могу верить в высокой ум, тонкой вкус и великую честность человека, который ковыряет в носу пальцем и у которого душа с богом беседует.

Все это очень глупо, может быть, преступно, дерзко, но это так. И я вперед объявляю читателю, какой я человек и чего он может ждать от меня. Еще время закрыть книгу и обличить меня, как идиота, ретрограда и Аскоченского, которому я, пользуясь этим случаем, спешу заявить давно чувствуемое мною искреннее и глубокое нешуточное уважение.

***№ 3 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XVII, XIX—XXI).**

Раздвинули бостонные столы, разобрались партиями и гости графа разместились в двух гостиных, диванной и¹¹²¹ библиотеке. Марья Дмитриевна ругала Шиншина, который играл с нею.

– Вот ругать всех умеешь, а догадаться не мог, что тебе с дамы суровой итти надо. Граф, распустив карты, с трудом удерживался от привычного послеобеденного сна. Кое кто сидел еще в кабинете. Молодежь, надзираемая графиней, собралась около клавикорд и арфы.¹¹²² Старшая дочь Марьи Дмитриевны сыграла на арфе; старшие девицы попросили Наташу и Nicolas спеть чтонибудь. Наташа, к которой обратились прежде других, не соглашаясь и не отказываясь, отошла к сторонке и, пробуя свой голос, взяла несколько нот из арии *Joconde*, которую она любила.

– Можно, можно, у меня нынче голос прекрасный, – сказала она, весело встряхивая кудрями, которые валились ей на глаза. Pierre, отяжелевший от обеда, плюхнувшись на первый попавшийся ему стул, не спускал глаз с некрасивой, но милой девушки ребенка, прелесть которого, ему казалось, он один открыл.

– Что за голос славный, – сказал он Борису, который ему почти так же нравился в этот вечер, как и Наташа. Пьер находился, после скуки уединения в большом доме отца, в том счастливом послеобеденном состоянии сильного молодого человека, когда всех любишь и видишь во всех людях одно хорошее. Кроме того он, с свойственной ему способностью увлекаться, в этот вечер был сразу влюблен в двух: в Наташу, которая ему тем более нравилась, что он был убежден, что он один открыл ее прелесть, и в Бориса, который еще утром пленил его своей решительностью и честностью и который, чем больше он смотрел на его милое, всегда спокойное лицо и слушал его умные речи, всё более и более нравился ему. Еще за обедом он с петербургской высоты презирал, на сколько способно было его доброе простое сердце, всю эту московскую публику. Теперь же ему уже казалось, что здесь только в Москве и умеют жить люди, здесь только и найдешь настоящую поэзию жизни, думал он.

Борис, как и все очень молодые люди, дорожил внезапной дружбой Пьера, который был старше его, и старался выказывать перед другими, и особенно перед Наташей, близость своих отношений с Пьером.

– Nicolas! – сказала Наташа, подходя к роялю, – что бы спеть?

– Хоть «Ключ,» – отвечал Nicolas скучливо, который, видимо, был грустен.

– Ну, давайте, давайте. Борис, идите сюда. А где же Соня? – она оглянулась и, увидав, что ее друга нет в комнате, побежала за ней.

¹¹²¹ Зачеркнуто: бильярдной

¹¹²² Зач.: Семейство Ростовых было известно своей музыкальностью.

«Ключ», как называли его у Ростовых, был старинный кватюр, которому научил их Димлер, они пели его вчетвером, Наташа, Соня, Nicolas и Борис, который хотя и не имел собственно таланту и голоса, но имел верный слух и, с свойственной ему во всем точностью и спокойствием, мог выучить партию и твердо держал ее.

Пока Наташа ушла, стали просить Nicolas, чтоб он спел чтонибудь один. Он отказывался¹¹²³ почти неучтиво и мрачно. Старшая дочь Марьи Дмитриевны Ахросимовой, хорошенькая¹¹²⁴ брюнетка, сидевшая с ним рядом за обедом и видимо кокетничавшая с ним, подошла к нему:

– *Pourquoi faites vous le beau ténébreux?*¹¹²⁵ – сказала она. Nicolas морщился, его, видимо, тревожило отсутствие Сони.

– *Nicolas, ne vous faites pas prier, c'est ridicule,*¹¹²⁶ – сказала графиня.

Nicolas порывистым движением, как он и всё делал, вскочил, подошел к клавикордам, стукнул крышкой, открывая их.

– Что у него хороший голос? – спросил Pierre у Бориса.

– Не особенно, но у них в семействе музыкальное дарование; он с уха всё, что услышит, играет и поет. Втору, бас, что хотите.

Nicolas задумался на минутку и начал¹¹²⁷ песенку Кавелина.

«На что с» (в записках студента 260 стр., 1-й куплет).

Голос у него был ни хорош, ни дурен и пел он лениво, как бы исполняя скучную обязанность; но несмотря на то в комнате всё замолкло, барышни покачивали головами и вздыхали и Пьер, открыв свои порченные зубы нежной и слабой улыбкой, которая особенно смешна казалась на его толстом лице, так и остался до конца песни.

Всяк пляшет, да не так, как скоморох, говорит пословица. Всяк поет, да не так, как поет тот, у кого талант. После до можно взять фа, но для того, чтобы настроить до и настроить фа на скрипке, надо поворотить колышек чуть чуть, еще чуть чуть, еще чутьчуть, чтобы это было совершенно *фа* и *до*, которые суть математические точки в пространстве звуков; но, и не поворачивая колышка, будет фа и до, только не совсем верные. Для голоса не нужно ворочать колушка, можно сразу попасть на настоящий, совсем верный фа и до, тогда как не совсем верных фа и до, таких, при которых вертят колышки, есть тысячи, миллионы, бесконечность. Фа надо тянуть одну четверть секунды, но можно тянуть и одну четверть секунды без одной сотой или с одной сотой и никто не скажет, что темп не верен. Талант тем отличается от неталанта, что он сразу берет одно единственно верно из¹¹²⁸ бесчисленности несовсем верных фа и тянет его *ровно* одну четверть секунды, ни на одну тысячную не больше и не меньше, и усиливает или уменьшает звук ровно, в каждую одну сотую секунды, по одной десяти тысячной силы звука. Достигнуть этой точности человеку невозможно. Ее достигает только бог и талант. И тем то отличается талант от неталанта. И затем выдуманно такое, кажущееся странным и неточным, название *таланта*. Nicolas пел с талантом, но пел лениво, и, несмотря на то, его слушали покорно, не судя его, а только радуясь на его звуки.

[Далее со слов: Между тем Наташа, вбежав в Сонину комнату кончая: Пойдем. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. XVII.]

Они засмеялись, оправились, отряхнули пух. Соня спрятала в пазуху стихи, и легкими веселыми шагами с раскрасневшими лицами пришли в гостиную, где Nicolas допевал еще

¹¹²³ *Зачеркнуто*: видимо, чувствуя всю неловкость отказа, но

¹¹²⁴ *Зач.*: кокетка

¹¹²⁵ [Зачем вы напускаете на себя интересную мрачность?]

¹¹²⁶ [Николай, не заставляй себя просить, это смешно.]

¹¹²⁷ *Зач.*: известную

¹¹²⁸ *Зачеркнуто*: тысячи

последний куплет песни. Он увидел Соню, глаза его оживились, на открытом для звуков рте готова была улыбка, голос стал сильнее и выразительнее. Он пел последний куплет (Дневник студента 260 и 261). Песенка эта, еще мало известная в Москве, понравилась необыкновенно. Марья Дмитриевна встала из за бостона и остановилась в дверях, чтоб слушать.

– Ай да Никола, – сказала она, – славно! поди сюда, поцелуй меня.

[*Далее со слов:* После песенки спели квартет «Ключ» *кончая:* Ай да Данила Купор, – сказала Марья Дмитриевна. – *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. I, гл. XVII.]

Перед ужином лакей пришел доложить Пьеру, который всё более и более пленялся московской жизнью, что князь Василий прислал за ним, что велено сказать – графу хуже.

– Partons, partons, mon cher,¹¹²⁹ – говорила Анна Михайловна, быстро и энергически собираясь, – faites avancer.¹¹³⁰ – Pierre в рассеянности прощался с Марьей Дмитриевной, принимая ее за графиню, и просил позволения бывать и, наконец, найдя настоящую хозяйку, полный веселых и молодых впечатлений, со вздохом сел с Анной Михайловной в карету и приехал домой.

Швейцар протянул руку к звонку.

– Зачем? не надо, голубчик, – сказала княгиня Анна Михайловна.

– Князь Василий Сергеевич приказали доложить, когда вы изволите приехать, – сказал швейцар.

– Ах нет, не надо, не надо. – Княгиня остановила руку швейцара.

– Au revoir, mon cher, – сказала она, – je lui parlerai de vous, c'est mon devoir,¹¹³¹ – сказала она печально Пьеру, когда они расходились на лестнице. Pierre промычал что то, не понимая и желая не понимать, зачем говорить о нем, какая это обязанность и всё, что делалось в этом большом роскошном доме. Молодое чутье его говорило ему, что все действующие здесь люди неестественны и чем то таинственно заняты. Ему приятно было, что его не звали и позволяли ни в чем не участвовать. Он прошел к себе, ему еще не хотелось спать, и открыв в середине только что вышедшую тогда Corinne Mme de Staël, начал читать лежа. Княгиня на ципочках пошла в комнату больного.

Pierre лежал на диване в любимом своем положении, задрал ноги на стол, читал, прислушивался ко всем звукам дома и думал. То он живо воображал себе полногрудую и чернокудрую Коринну, везомую в триумфе в Колизей, и отрывался от книги, чтоб подумать о ней, то он думал о неправильном милом лице Наташи, которую он один умел оценить, то думал о том, что делалось теперь в большой комнате отца, и всё читал. В те промежутки чтения, когда он думал об отце, он чувствовал, что ждет чего то с страхом, с тоской, но ждет и с нетерпением, с досадой нетерпения. «Чего ж это я жду так давно, со времени приезда в Москву и так сильно?» вдруг спросил он себя. «Неужели я жду смерти отца? Это было бы слишком дурно. Но чего еще и ждать мне?» Он не ответил себе и опять принялся читать. Римляне бежали за Коринной, она выражала на своем лице скромность, робость и сознание своего достоинства. Pierre подумал об этом выражении, сам попытался воспроизвести это выражение на своем лице. «Ах да, о чем бишь это я думал и не додумал?», спросил он себя. «Я чего то ждал. Да. Поскорее, как можно бы поскорее это всё кончилось». «Что кончилось?», спрашивал другой голос. «Да, я желаю, чтобы как можно скорее умер мой отец и кончилось бы всё это неестественное положение. Я желаю как можно скорее смерти своего отца», повторил он нарочно вслух, как бы наказывая себя и сам себе ужасаясь. И опять он читал, и Коринна начинала импровизировать, и Наташа начинала петь; но неотвязный вопрос опять приходил в голову: «Неужели ты, который считаешь себя добрым и новым, образованным человеком, ты желаешь смерти отца? – Да, желаю и

¹¹²⁹ [Едемте, едемте, милый мой.]

¹¹³⁰ [велите подавать.]

¹¹³¹ [До свиданья, дорогой мой, я буду говорить с ним о вас, это мой долг].

не могу не желать, – отвечал он себе с ужасом. – Я буду богат, я буду свободен. – Но это было слишком страшно, он встал, перевалился на другой бок и опять стал читать и опять встал и стал ходить по комнате, стараясь отогнать свои мысли. Он прислушался, ему показалось, что он слышит стон. Невозможно было слышать того, что делалось в комнате больного, но ему подумалось, что это стон умирающего отца, и звук этот ему был страшен и радостен. Звук этот был не стон, но женские приближавшиеся шаги. Значенье их было для него то же, что и стон. Большая, высокая дверь беззвучно отворилась и вошла Анна Михайловна с платком в руке и слезами на глазах.

– Что вы? Что? – испуганно спросил Pierre, почти подбегая ей навстречу.

– Venez,¹¹³² – сказала Анна Михайловна, закрывая лицо платком и садясь на стул у двери. – Ah, Pierre, la bonté divine est inépuisable, – сказала княгиня Анна Михайловна. – C'est un saint, votre père. Venez. Ayez du courage. Soyez homme.¹¹³³

Pierre не отвечал, не понимал ничего, но, чувствуя себя преступным, готов был итти за ней. Анна Михайловна встала и они пошли вниз, наверх и через анфилады комнат. Много людей всякого сорта было в гостиной и в маленькой комнате, предшествовавшей спальней. Pierre узнал докторов, одного молодого петербургского, и заметил священника с длинной бородой, сидевшего в углу на плетеном стуле и державшего что то завернутое в епитрахили. Все люди эти смотрели на проходившего Pierr'a больше чем с любопытством и участием,¹¹³⁴ они смотрели на него, как казалось Pierr'у, с страхом и ужасом. Ему казалось, что все они знали его тайну, но, несмотря на то, он был здесь первое лицо, обязанное совершить какой то обряд, которого все ждали. Ему оказывали уважение, которого никогда прежде не оказывали. Одна дама вскочила, чтоб отворить перед ним дверь в спальную,¹¹³⁵ другая подняла платок и подала ему. Он хотел предупредить даму и самому отворить дверь, но ему чувствовалось, что это было бы неприлично, что он должен был давать им услуживать себе. Князь Василий встретил его в двери. Лицо его было серьезно, как будто он делал большие усилия над собой. Князь Василий пожал в первый раз в жизни руку Пьеру и проговорил: courage, mon ami.¹¹³⁶ Pierre чувствовал, что отвечать не надо и надо предоставиться вполне на волю тех, которые руководили его. В комнате было почти темно. Одна свеча горела по сю сторону ширм и за ширмами, где стояла большая кровать, на которой лежал больной, светилося еще что [то] с абажуром. Пахло нехорошо и странно. Было очень жарко. Чем ближе он подходил, тем сильнее становился запах. За ширмами слышались звуки каких то тяжелых старческих усилий, звук, источник которого не понял Pierre.

Анна Михайловна неслышными шагами обогнала Pierr'a, пошептала с князем Василием, зашла за ширмы. И из за ширм, из-за вдруг прервавшихся звуков усилий, послышался хриплый, умоляющий, разбитый голос – de grace¹¹³⁷ – сказал голос. Но это не мог быть граф, говоривший всегда резко и строго. Pierre в эту же минуту вступил за ширмы. На высокой постели, на горе подушек, он увидел что то белое, огромное и страшное,¹¹³⁸ и в середине подушек, прижатую к пуховому изголовью, увидел седую голову отца, всегда такую гордую и насмешливую, теперь жалкую и беспомощную. Это был он – отец.¹¹³⁹ Сколько нужно было сказать друг другу этому умирающему отцу и испуганному сыну! Давно уже между ними накопилось многое невысказанное и всё откладывалось и откладывалось. Отец никого в жизни так

¹¹³² [Идемте,]

¹¹³³ [Ах, Пьер, милосердие божие неисчерпаемо. Ваш отец – святой. Идемте. Ободритесь. Будьте мужчиной.]

¹¹³⁴ *Зачеркнуто:* и уважением

¹¹³⁵ *Зач.*: другие вздыхали, глядя на него

¹¹³⁶ [не унывай, мой друг.]

¹¹³⁷ [ради бога]

¹¹³⁸ *Зачеркнуто:* и понял, что это был его отец. Последнее впечатление, произведенное отцом на сына

¹¹³⁹ *Зач.*: – Pierre, – сказал отец.

не любил, как мать этого *Pierr'a*, с которой он был в связи до ее смерти. Он любил и сына, но держал себя далеко от него, полагая лучшим не стеснять его молодой свободой и не считая сына способным понять его чувства. Кроме того, он боялся упреков сына за незаконность его происхождения. Сын понимал эти *scrupules*,¹¹⁴⁰ хотел сколько раз высказать свою любовь отцу, просить его помощи и совета, но боялся, и еще многое, многое накопилось недосказанное между двумя людьми. Теперь пришла минута всё высказать. Князь Василий и княгиня Анна Михайловна отошли за ширмы и что то пошептали. Умиравший с трудом поднял глаза и в глазах, всегда гордых, умных и презрительных, была одна робость, мольба о чем то и стыд перед чем то. Молодому человеку вспомнилось то, что он думал за пять минут в своей комнате, он поглядел на этот взгляд, слезы подступили ему к горлу и он нагнул голову к опухлой, огромной руке отца. Очки его упали на подушку. Он торопливо их снял и сунул в карман. Теперь они всё бы сказали друг другу; но отец только поднял с трудом руку, положил ее на волосы сына, в лице выразилась улыбка мольбы и стыда перед собой и он хрипло сказал:

– *Pierre, pourquoi ne pas être venu chez votre père? Il y a si longtemps que je souffre.*¹¹⁴¹ Никто его не звал, на вопросы об отце ему всегда отвечали уклончиво. Отец никогда не выражал нежности и не позволял ее выражения сыну. Всё это подумал сын, но ничего не сказал. *Pierre* положил голову к его лицу и рыдал.

– *Je ne sais pas,*¹¹⁴² – сказал он только. И на лице умирающего показалась улыбка, выражавшая сознание того, что говорить некогда, что всё теперь видится и чувствуется иначе, что тяжело, больно, страшно и всё уже кончено. Больше они не говорили.

Подожли княгиня Анна Михайловна и князь Василий и сказали, что довольно. Анна Михайловна взяла за руку *Pierr'a*, отводя его от постели. Как будто отец с сыном что то делали важное и как будто отцу еще оставалось что то делать еще важнее. *Pierre* вышел из спальни. Все чего то ждали еще с большим нетерпением, чем он ждал. Он смотрел сквозь¹¹⁴³ очки на докторов и священника, Анну Михайловну и князя Василия, входивших и выходивших из двери. Все ждали недолго. Анна Михайловна, рыдая, вышла из спальни. «О чем она рыдает?», подумал *Pierre*. Две женщины прошли в спальню. Он прошел за ними. Отец его тянулся и содрогался, но еще дышал. Он хотел подойти к нему, сам не зная, что он будет делать, как его взяли и вывели.¹¹⁴⁴ В эту минуту он заметил, что князь Василий и Анна Михайловна о чем то спорили, держа в руках бумаги [?]

Не раздеваясь, он лег на диван и заснул до другого утра. Когда он проснулся, граф в гробе уж лежал на столе и князь Василий в трауре пил кофе в своем кабинете. У подъезда стояли цуги. Княгиня Анна Михайловна первая зашла к нему.

– *Oui, mon cher, c'est une grande perte pour nous tous, je ne parle pas de vous. Mais dieu vous soutiendra, vous êtes jeune et vous voilà à la tête d'une immense fortune. Je vous connais assez pour savoir que cela ne vous tournera pas la tête, mais cela vous impose des devoirs et il faut être homme.*¹¹⁴⁵

Pierre молчал. Ему было неприятно.

– *Peut-être plus tard je vous dirai, mon cher, que si je n'avais pas été là dieu sait ce qui serait arrivé.*

¹¹⁴⁰ [шепетильность,]

¹¹⁴¹ [Пьер, почему было не прийти к отцу? Я так давно страдаю.]

¹¹⁴² [Я не знаю,]

¹¹⁴³ *Зачеркнуто:* слезы

¹¹⁴⁴ *Зач.:* Он рад был этому.

¹¹⁴⁵ [Да, мой друг, это великая потеря для всех нас, не говоря о вас. Но бог вас поддержит, вы молоды, и вот вы теперь обладатель огромного богатства. Я довольно вас знаю и уверена, что это не вскружит вам голову; но это налагает на вас обязанности и надо быть мужчиной.]

Vous savez que si nous n'avions pas trouvé le testament, qui vous fait héritier, et la supplique à l'empereur, vous savez bien que le prince Basile aurait hérité de tout.

Je ne dis pas qu'il aurait pu soustraire le testament et la supplique, il est trop chevalier pour pouvoir être soupçonné, mais on aurait pu le faire pour obtenir ses bonnes grâces. Et vous savez...¹¹⁴⁶

Pierre ничего не понимал и молча, недружелюбно смотрел на княгиню Анну Михайловну. Только гораздо позже он узнал, что до смерти отца никаких распоряжений о наследстве не было сделано, и князь Василий считал себя наследником, но что в то время, как мертвого стали одевать, князь Василий под изголовьем нашел бумагу: завещание и письмо государю, в котором умирающий просил усыновить сына Петра¹¹⁴⁷ и передать всё именье. Княгиня Анна Михайловна потребовала у князя Василья бумагу. Князь Василий отказал было, но княгиня Анна Михайловна, как бы ненарочно, повторила свою просьбу при докторе и священнике и бумага была положена на бюро и дверь запечатана. Весь этот день княгиня проспала от усталости, а на другое утро рассказывала всем, как удивителен был отец и какой был необыкновенно трогательный его конец и какие необыкновенные слова он¹¹⁴⁸ сказал сыну, который был необыкновенно трогателен и чувствителен. Князь же Василий писал своей жене:

«Enfin le V. Б[езухов] n'est plus. Il est mort comme je voudrai mourir. J'ai mis les scellés sur tout et compte quitter Moscou le sept. Le jeune homme a été très bien, je compte l'emmener avec moi pour le distraire».¹¹⁴⁹

* № 4 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXII).

Екатерининский генерал аншеф князь Николай Андреич Волхонской, по прозванию в обществе le roi de Prusse,¹¹⁵⁰ отец князя Андрея, в осень 1805 года не поднимался из деревни в Москву по обыкновению, а ожидая к себе сына, который должен был заехать примириться и проститься перед отъездом в армию, и невестку,¹¹⁵¹ намерен был прожить всю зиму в деревне. Князь был вдовец и в отставке со времени Павла, немилость которого он заслужил, как рассказывали, дерзким ответом. Павел предложил князю жениться на г-же Д. «Сыщите кого другого, чтоб жениться на вашей б...», будто бы отвечал князь. И за этот ответ, достоверность которого никто не знал, но который был совершенно сообразен с чрезмерной гордостью и раздражительностью князя, он был сослан. При воцарении Александра князю разрешен был въезд в столицы, но молодые люди не любившие [?] князя за его надменность и он был забыт. Князь жил зиму в Москве в своем доме, видая только ближайших родных, и лето в Лысых горах, которые он, с свойственной его возрасту (свежей старости) страстью обстроивал, обсаживал и украшал. С ним жила его единственная, некрасивая дочь (княжна Марья), та самая, которую сватала m-lle Annette Анатолю, и¹¹⁵² молоденькая, хорошенькая француженка m-lle¹¹⁵³ Bourienne, компаньонка княжны, одна из бывших у княжны восемнадцати гувернанток, которая умела удержаться в доме более двух лет.

¹¹⁴⁶ [После я, может быть, расскажу вам, что, еслиб я не была там, то бог знает, что бы случилось. Вы знаете, что если бы мы не нашли завещания и прошения на имя государя, которое делает вас наследником, то все наследство получил бы князь Василий. Я не говорю, что он бы мог похитить завещание и прошение, он слишком благороден, чтоб его можно было подозревать, но это могли сделать другие для того, чтобы снискать его благосклонность. А вы знаете...]

¹¹⁴⁷ *Зач.*: Вла[димировича]

¹¹⁴⁸ *В рукописи*: она

¹¹⁴⁹ [Наконец граф В. Б[езухов] скончался. Он умер, как и я хотел бы умереть. Я всё опечатал и собираюсь выехать из Москвы седьмого. Молодой человек держался очень хорошо. Намереваюсь увезти его с собой, чтобы развлечь его.]

¹¹⁵⁰ [пруссский король,]

¹¹⁵¹ *Зачеркнуто*: которую он не знал

¹¹⁵² *Зач.*: бывшая гувернантка

¹¹⁵³ *Зач.*: Enitienne

Roi de Prusse князь был прозван за то что, говорили, он не только подражал, но и воображал себя столь же великим человеком, как великой Фридрих. Жизнь князя проходила в городе, как и в деревне, так же правильно и аккуратно для себя, как и для окружающих, от которых, начиная с дочери, он строго требовал той же методичности во всем. В 5 он вставал, до 7 гулял, в 7 кушал чай, в 12-ть завтракал, отдыхал, в 3 обедал, час сидел с дочерью, кушал чай, занимался делами и в 10 ложился. В 1805 осень была теплая. В сентябре в конце еще ходили без шуб. Был заморозок.

* № 5 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXII).

Между семейством Марьи Дмитриевны Ахрасимовой и семейством князя Николая Андр[еевича] Волхонского, отца князя Андрея, существовала старинная связь. Говорили в обществе: *qui se ressemble s'assemble, le roi de Prusse et le terrible dragon*,¹¹⁵⁴ так прозывали князя Волхонского и Марью Дмитриевну. Говорили про того и другую, что, хотя они и люди, достойные уважения, никто не желал бы быть на месте их сыновей или дочерей. Близость сношений родителей и, может быть, одинаковая участь неволи и строгости сблизила дочерей князя Волхонского и Марьи Дмитриевны. Между старшей дочерью Марьи Дмитриевны, Julie, и единственной дочерью князя завелась дружба и переписка, продолжавшаяся без перерыва¹¹⁵⁵ 25 лет. В осень 1805 года она только что начиналась, так как князь не ездил в Москву.

Вскоре после обеда у графа Ростова и смерти графа Безухова вот что писала Julie Ахрасимова.

«La grande nouvelle du jour et qui occupe tout Moscou est la mort du vieux comte Б[езухов] et son héritage. On prétend que le prince Basile a été dégoûtant et que malgré tous les efforts tant permis qu'impermis pour accaparer l'immense fortune du défunt ont été infructueux; mais que néanmoins il s'est complètement compromis vis-à-vis des gens de cour. Je vous avoue que je comprends très peu toutes ces affaires de legs et de testament; ce que je sais c'est que depuis que le jeune homme, que nous connaissions tous sous le nom de m-r Pierre tout court est devenu comte Б[езухов] et possesseur de l'une des plus grandes fortunes de la Russie, je m'amuse fort à observer le changement de ton des mamans, accablées de filles à marier et des demoiselles elles même à l'égard de ce jeune homme qui, par parenthèse, m'a toujours paru être un pauvre sire. Il n'y a que maman, qui continue à le traiter avec sa rudesse habituelle, qui ne décourage pas le jeune homme à venir chez nous, ce qui parle fort en sa faveur.¹¹⁵⁶

Comme on s'amuse depuis deux ans à me donner des promiss que je ne connais pas le plus souvent, la chronique matrimoniale de Moscou me fait comtesse В[ésouhoff]. Mais vous sentez bien que je ne me soucie nullement de le devenir.

Vous plaisantez sur mes relations avec le petit comte Nicolas Rostoff. Eh bien je vous avouerai que malgré l'extrême jeunesse de ce prétendant, c'est celui que j'aurais choisi le plus volontiers. (Je n'ai pas besoin de vous recommander la discrétion.)¹¹⁵⁷

¹¹⁵⁴ [С кем схож, с тем и дружен – прусский король и страшный дракон,]

¹¹⁵⁵ *Зачеркнуто*: 20

¹¹⁵⁶ Главная новость, занимающая всю Москву – смерть старого графа Безухова и его наследство. [Говорят, князь Василий держал себя отвратительно; несмотря на то, что он пустил в ход все средства, чтобы присвоить себе громадные богатства покойного, все усилия его оказались тщетными, он себя совершенно уронил в глазах двора.] Признаюсь вам, я очень плохо понимаю все эти дела по духовным завещаниям, знаю только, что с тех пор» как молодой человек, которого мы все знали под именем просто Пьера, сделался графом Безуховым и владельцем одного из лучших состояний России, я забавляюсь наблюдениями над переменной тона маменек, у которых есть дочери невесты, и самих барышень в отношении к этому господину, который (в скобках будь сказано) всегда казался мне очень ничтожным. [Одна моя маменька продолжает с ним обращаться с своей привычной суровостью, это не мешает молодому человеку бывать у нас, что хорошо его характеризует.]

¹¹⁵⁷ Так как уже два года все забавляются тем, чтобы приискивать мне женихов, которых я большею частью не знаю, то брачная хроника Москвы делает меня графиней Безуховой. Но вы понимаете, что я нисколько этого не желаю. [Вы шутите по поводу моих отношений с молодым графом Ростовым. Так и быть, признаюсь: несмотря на чрезвычайную молодость этого

[*Далее со слов: Il a tant de noblesse... кончая словами: mais j'ai cru de mon devoir de vous en avertir. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. XXII.*]

Le jeune homme a soupé chez nous avant hier. Il vient d'arriver de Pétersbourg et compte accompagner son père dans sa tournée et pousser jusqu'à chez vous comme si c'était en passant. Il est très beau, c'est tout ce que je puis dire, car j'ai été si occupée ce soir que je n'ai pas eu le temps de lui adresser la parole après sa présentation.

Karamsine a soupé chez nous le même soir. Quel homme! Chère amie, je n'ai jamais cru pouvoir rencontrer tant de perfection dans un être masculin. Maman me fait chercher pour aller dîner chez les Apraksines, je vous quitte. N'oubliez pas de lire le livre de... que je vous ai envoyé. Voilà la religion que je comprends.

La mort de votre bonne, comme je m'en aperçois d'après votre dernière [lettre], a dû vous donner des idées bien noires. Lisez ce livre et vous sentirez que la mort n'est que le passage au bonheur de l'éternité.¹¹⁵⁸

Княжна отвечала:

1805 год 12 Août. Lissi Gori.

Nous voilà parvenus à la fête de mon père, jour de réjouissance chez nous, comme vous le savez, chère bonne amie. Nous l'avons passé assez tristement, car la veille même du 11, une heure après la messe, j'ai vu finir ma pauvre bonne. Elle a terminé sa longue et pénible agonie d'une manière digne d'envie pour tout bon chrétien, pas moins; comme je lui ai été fort attachée, sa mort quelque préparée que j'y aie été, n'a pas laissé que de me déranger sensiblement. Accoutumé à elle depuis ma naissance je la pleure amèrement. Vous avez tort, chère amie, d'attribuer à des idées noires produites par la maladie le sens où j'avais conçu la lettre qui vous l'avait apprise. Je vous assure qu'elle n'y était pour rien; mais depuis que je suis à la campagne, une réunion de plusieurs circonstances, telle, par exemple, que le spectacle continu d'une femme mourante. (Quoique logée dans l'aile pendant sa maladie et malgré la défense de mon père, je ne pouvais m'abstenir de ne pas aller la voir deux fois par jour et elle [est] morte sur mes bras.) Ce spectacle, dis-je, a dû donner à mon esprit une teinte moins frivole, moins éloignée de ce que l'on regarde communément dans le monde comme un sujet effrayant dont il faut détourner sans cesse sa pensée, tandis que c'est le seul peut être qui mériterait toute notre attention. Je désirerais conserver cette disposition autant que je vivrai et dans quelque position que je me trouve. Malheureusement je ne puis pas répondre de moi même. Un genre de vie plus dissipée, des distractions souvent répétées, que sais-je moi, mille choses différentes pourront m'enlever à moi même et me rendre à cet étourdissement dans lequel nous vivons tous du plus au moins.¹¹⁵⁹

искателя, я бы его охотно выбрала среди других. Надеюсь, это останется между нами.]

¹¹⁵⁸ [Молодой человек ужинал у нас позавчера. Он приехал из Петербурга, собирается сопровождать своего отца в его поездке и посетит вас, как будто проездом. Он очень красив – вот все, что могу сказать, так как я была занята в тот вечер и не успела с ним поговорить после того, как его мне представили. В тот же вечер у нас ужинал Карамзин. Что за человек! Милый друг, я никогда не думала, что столько совершенства может быть в мужчине. Маменька прислала за мной, чтоб ехать обедать к Апраксиным. Прочтите непременно книгу, которую я вам посылаю. Вот – понятная для меня религия. Смерть няни, как я вижу по вашему последнему письму, навеяла вам черные мысли. Почитайте эту книгу и вы почувствуете, что смерть – только переход к вечному блаженству.]

¹¹⁵⁹ Вот мы и достигли именин моего отца, дня увеселений у нас, как вы знаете, мой милый добрый друг. Мы провели этот день довольно грустно, потому что накануне, 11-го, час после обедни, я видела, как кончилась моя бедная няня. Она окончила свою длинную и тяжелую агонию достойно зависти для каждого хорошего христианина. Несмотря на то, как [ни] была я приговорена, смерть ее меня очень расстроила, так [как] я была к ней очень привязана. Я привыкла к ней с детства и потому горько оплакиваю ее. Напрасно вы, милый друг, приписываете черным мыслям, произведенным болезнью, смысл письма, в котором я извещала вас о ней (о болезни). Уверяю вас, что она (болезнь) тут не при чем, но с тех пор, как мы в деревне, соединение обстоятельств, как например, постоянное зрелище умирающей (хотя она жила со времени болезни во флигеле и отец мой запрещал мне видеть ее, я не могла удержаться, чтобы не видеть ее, [дважды в день] и она умерла на моих руках). Это зрелище, говорю я, не могло не дать моему уму оттенок менее легкомысленный и менее отдаленный от того, на что в свете обыкновенно смотрят, как на предмет страха, от которого нужно отдалять взоры, между тем как он один (предмет) заслуживал бы всего нашего внимания. Я бы желала удержать это настроение на всю мою жизнь и в каком бы положении я ни была. К несчастью, я не могу отвечать за себя. Образ жизни, более рассеянной, и часто повторенные удовольствия, и другие причины могут отнять меня у меня самой и возвратить меня к тому отуманению, в котором мы все живем более или менее.

Mille grâces, chère amie, pour la proposition de me procurer l'ouvrage qui fait si grande fureur chez vous.¹¹⁶⁰

[*Далее со слов:* Cependant puisque vous me dites... *кончая словами:*...et plutôt il nous en accordera la découverte par son divin esprit. – *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. I, гл. XXII.]

Il y a cependant des livres excellents, dont la lecture nous est profitable; mais ceux-là sont clairs, ne traitant que de ce que nous devons chercher à connaître parce [que] Jésus-Christ lui-même nous a dit qu'il jugerait tout le monde d'après ce qu'on a fait, sans demander ce qu'[on] aura su.

Du nombre de ces livres est un ouvrage parfait du Averendissime Père Innocent le Masson, général des¹¹⁶¹... Il y a pour livre «Introduction à la vie intérieure et parfaite, tirée de l'Écriture Sainte, de l'Introduction à la vie dévote de St. François de Sales et de l'Imitation de Jésus Christ». Je vous prierais même, chère amie, ainsi que M. Louskoy, de le chercher dans les librairies de Pétersbourg et si vous l'y trouvez, d'en faire aussitôt l'emplette. Vous le garderez chez vous.

Mon père ne m'a pas parlé du prétendant, mais il m'a dit seulement qu'il attendait une visite du prince Basile.¹¹⁶²

J'ai reçu une lettre de mon frère qui m'annonce son arrivée chez nous pour le 15 avec sa femme. Ce sera une joie de courte durée puisque il nous quitte pour prendre part à cette malheureuse guerre. Je [meurs] d'envie de faire connaissance avec ma belle soeur, on la dit charmante.

Si elle pouvait plaire à mon père, c'est le seul vœu que j'adresse au bon dieu.

M-lle Bourienne se rappelle à votre souvenir.¹¹⁶³

* № 6 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXII).

Княжна ничего не сказала, вздохнула, как будто этим вздохом выражая свою преданность воле божьей и привычку незаслуженного страдания, и сошла вниз своей тяжелой ступней. Пройдя через официантскую, в которой вскочило два сидевших в кафтанах, чулках и башмаках слуги, княжна остановилась перед массивной, в два роста княжны, затворенной, коричневой дверью кабинета и, пригнув руку к груди, как будто она опраивала платье, она незаметно перекрестилась два раза и, остановив глаза, прошептала молитву. Ручка двери слегка визгнула под рукой княжны и тотчас кто то изнутри отворил ее. Дверь эта не вела еще прямо в кабинет, а в маленькую прихожую, в которой сидел всегда камердинер князя. Тихон, камердинер, с проседью, тоненькой человечек с тихими движеньями и всегда испуганным лицом, отворил дверь.

---

¹¹⁶⁰ *Зачеркнуто:* J'en aurai peut-être profité, si je devrais rester sur place et m'en occuper tranquillement pour vous le renvoyer tout de suite après. Mais n'ayant plus que trois semaines à passer ici, il n'arriverait <à Tamboff> chez nous que lorsque je n'y serai plus et serait obligée de courir bien du pays avant que de me parvenir. [Я может быть ею и воспользовалась бы, ежели бы осталась на месте и могла спокойно ею заняться и вернуть ее вам тотчас же по прочтении. Но я проживу здесь всего еще три недели и книга придет к нам <в Тамбов>, когда меня уже не будет здесь. Ей пришлось бы не мало попутешествовать прежде, чем я получу ее.]

¹¹⁶¹ *Пропуск в рукописи.*

¹¹⁶² *Зач.:* Adieu, chère bonne amie, je vous embrasse ainsi que maman et vos charmantes soeurs. [Прощайте, милый, добрый друг. Целую вас, матушку и ваших прелестных сестер.]

¹¹⁶³ [Тысячу раз благодарю вас, милый друг, за предложение прислать мне книгу, которая наделала у вас столько шуму. А между тем есть превосходные книги, чтение которых нам полезно. Книги эти – ясны, в них пишется только о том, что нам должно знать, ибо сам Иисус Христос сказал, что он будет судить по делам, а не по знаниям их. Из числа таких книг – прекрасное сочинение преподобного отца Иннокентия-Каменьщика, главы... Эта книга: «Введение в духовную совершенную жизнь. Извлечено из: св. писания, «Вступления к благочестивой жизни св. Франциска Сальского» и «Подражания Христу». Я вас попрошу даже, милый друг, так же как и г-на Лузского, поискать ее в книжных лавках в Петербурге. Если вы ее найдете, купите ее тотчас же. Оставьте ее у себя. Отец мне ничего не говорил о женихе, но сказал только, что ждет посещения князя Василия. Я получила письмо от брата, который мне объявляет о своем приезде к нам 15-го числа вместе с женой. Радость эта будет непродолжительна, так как он оставляет нас для того, чтобы принять участие в этой несчастной войне. Я умираю от нетерпения познакомиться с моей невесткой. Говорят, она прелестна. Если бы только она понравилась багюшке, это – единственная просьба, с которой я обращаюсь к богу. Мадемуазель Бурьенн просит меня напомнить вам о себе.]

– Ваше сиятельство, их сиятельство изволят быть заняты, приказали пожаловать к завтраку, – сказал шопотом Тихон.

Когда князь не принимал дочь поутру, это значило, что он был очень не в духе. Княжна Марья знала это. Она вышла в столовую и сложив, странным для женщины, но свойственным ей движением, руки за спиной, стала ходить от двери к буфету и опять к двери.¹¹⁶⁴ Скоро вышла m-lle Bourienne и три официанта.¹¹⁶⁵

– Ну, каков князь? – спросила m-lle Bourienne.

– Я не видала отца, кажется, он здоров, – отвечала княжна, видимо желая показать, что она не желала бы слышать рассуждения о расположении духа отца. M-lle Bourienne, видимо не желая, или не умея понимать, продолжала рассказывать, как Михаил Иванович говорил с князем в саду и как она боялась. Княжна не слушала свою компаньонку.

Вдруг дворецкой всполохнулся, мотнул головой официантам, которые взяли за спинки стульев, и¹¹⁶⁶ m-lle Bourienne, говорившая что то княжне, замолкла на середине речи и вызвала на своем лице приятную улыбку, обращенную к двери. Княжна подошла к своему стулу.

В столовую¹¹⁶⁷ нервическими,¹¹⁶⁸ быстрыми шагами вошел коротконогой, сухой и прямой старичок¹¹⁶⁹ с звездой на кафтане, в манжетах и пудре. Платье и вся особа его были необыкновенной чистоты. Он оглянул двух девиц и официантов. Княжна криво подошла к нему. Он дал поцеловать свою небольшую белую руку дочери и сел,¹¹⁷⁰ нервически подергивая рукав и переставляя стоявшие перед ним солонку, стакан и приборы. Девушки сели на торопливо пододвинутые стулья.

– Что ты делала утро? – спросил он у дочери.¹¹⁷¹

– Читала, mon père, потом...

– Я знаю. – Он поморщился. – Что ты делала перед завтраком? Отчего ты опоздала ко мне?

– Я писала письма, – отвечала княжна тихо, робко и чуть взглядывая на отца.

– Кому?

– Julie A[hrossimoff], mon père.¹¹⁷²

– Этой дуре, – сказал он, взглянув на m-lle Bourienne. Француженка приятно улыбалась.¹¹⁷³

Все молчали и на лицах всех, даже лакеев,¹¹⁷⁴ выразилось чувство затаенного страха.

Одна компаньонка, казалось, ничего не видела и видеть не хотела. Она¹¹⁷⁵ глядела на князя такими глазами, которыми можно было глядеть только на молодого, красивого и веселого шутника. Как будто он только что подарил ее самыми забавными ласковыми словами. Она развернула белейшую салфетку еще более свежими и белыми ручками и, грасируя, обратилась к князю:

¹¹⁶⁴ *Зачеркнуто*: Видно было, что много передумала уж эта девушка и что мысль никогда не оставляла отдыхать ее голову.

¹¹⁶⁵ *Зач.*: – Вы не видали князя?

¹¹⁶⁶ *Зач.*: торопливо, быстро подошли к буфету

¹¹⁶⁷ *Зач.*: быстрыми, твердыми

¹¹⁶⁸ *Зач.*: медленными

¹¹⁶⁹ *Зачеркнуто*: старик

¹¹⁷⁰ *Зач.*: <ни на кого> нахмуренно, из под густых бровей, глядя перед собой

¹¹⁷¹ *Зач.*: — Занималась музыкой, геометрией

¹¹⁷² [Жюли Ахрасимовой, батюшка.]

¹¹⁷³ *Зач.*: Все молча кушали первое блюдо

¹¹⁷⁴ *Зач.*: кроме компаньонки

¹¹⁷⁵ *Зач.*: весело и прямо

– Il nous vient du monde, mon prince, – сказала она. – Le prince K[ouraguine] vient vous présenter ses respects. Il est ministre, n'est ce pas?¹¹⁷⁶ Она даже прямо с вопросами обращалась к нему.

Как на диких зверей действуют их укротители преимущественно своей смелостью и убеждением, что тигр или лев не посмеет съесть их, так и на князя действовала компаньонка. Он с укоризной посмотрел на княжну и потом на m-lle Bourienne, как будто этим взглядом он хотел сказать: «Вот дура дочь, ничего не умеет сказать. Хоть бы у этой француженки поучилась».

– Значительное лицо!¹¹⁷⁷ – насмешливо повторил князь. – Теперь все значительные люди. Он мной выведен в люди. – M-lle Bourienne с удивлением и подобострастием посмотрела на князя.

– Впрочем князь[?] этот порядочный человек, всегда ко мне с глубоким уважением, по старой памяти боится.¹¹⁷⁸

M-lle Bourienne выразила в лице убеждение, что это не могло быть иначе.

– Смешно, – продолжал князь, – что здешний дурак губернатор присылал ко мне узнать, когда будет Курагин? Я ему велел сказать, что он дурак, – и князь замолчал, видимо сообразив, что не перед кем было говорить всего, что он знал, и энергически оттолкнул от себя тарелку, которую на лету подхватил Тихон, вышедший за ним и служивший за его стулом. M-lle Bourienne была одна из тех женщин, которые, как бы легко и просто нельзя было сделать и сказать вещь, всегда любят сказать или сделать ее тонко и хитро. Она знала про планы сватовства князя Анатоля и теперь, с целью навести на этот предмет разговор, начала о приезде Курагина. Она взглянула на княжну Марью, на князя и опять на княжну Марью, как глядят на французском театре актрисы, играющие хитрых субреток.

– И он не один едет, я слышала, а с молодым князем. Куда едет молодой человек? я бы желала знать. – Князь посмотрел тоже на дочь. Несмотря на тот строгий и спокойный взгляд на супружество, который княжна Марья выразила в письме к приятельнице, она под взглядом отца и компаньонки опустила глаза и голову к тарелке и лицо ее внезапно покрылось красными пятнами.

– Шестьдесят лет я прожил на свете, – начал князь сердито, насмешливо, – и никогда не видал барышни, которая бы не думала, что всякий молодой человек, который ей встречается, сейчас влюбится, станет на коленки и предложит ей руку и сердце. Вот княжна Марья тех же мыслей... Не правда ли?¹¹⁷⁹ – Княжна Марья не отвечала и продолжала краснеть, только робко взглянула, как бы прося помилованья.

– У меня была кузина, у которой нос был больше этой бутылки, – сказал князь, – и синий. – M-lle Bourienne звонко засме[ялась].>

* № 7 (рук. № 49. Т. I, ч. 3, гл. III).

– Il nous vient du monde, mon prince,¹¹⁸⁰ – сказала¹¹⁸¹ она, светло улыбаясь, развертывая салфетку такими же свеженькими ручками, как и сама салфетка.¹¹⁸²

¹¹⁷⁶ К нам гости едут, князь. Князь Курагин едет свидетельствовать вам свое почтение. Он министр, очень значительное лицо, не правда ли?

¹¹⁷⁷ *Зач.:* мною было <всунут> выведено в люди, – сказал князь. – Пустой мальчишка.

¹¹⁷⁸ *Зачеркнуто:* Князь замолчал, видимо сообразив, что некому было говорить того, что он знает.

¹¹⁷⁹ *Зач.:* Этот молодой человек сейчас влюбится.

¹¹⁸⁰ [К нам едут гости, князь.]

¹¹⁸¹ *Зач.:* M-lle Bourienne, не замечая дурного расположения духа князя и

¹¹⁸² *Зач.:* Oui, c'est le fils d'un ami à moi [Да, это – сын моего друга.]

– Должно быть Курагин молодой, – отвечал князь. – Сын князя Василья – он министром теперь¹¹⁸³ – добрый малый, но пустой, я¹¹⁸⁴ про отца говорю. Он тут в городе, делают ревизию.¹¹⁸⁵ Он писал, что завтра будет сюда, – прибавил <князь не без удовольствия.>¹¹⁸⁶

– А сын куда же едет, mon père?¹¹⁸⁷ – спросила княжна, вдруг вся вспыхнув.¹¹⁸⁸

– С отцом едет, – совсем другим тоном, сердито и грубо отвечал князь. – Эй,¹¹⁸⁹ – обратился он к дворецкому. – Это что? А? и он нахмурился, указывая на пятнушко на тарелке. – А? – Дворецкий, изогнувшись, хотел взять тарелку, но князь¹¹⁹⁰ остановил его. – Смотри! – Складка опять обозначилась между бровями. Княжна опустила глаза и побледнела.

M-lle Bourienne быстро¹¹⁹¹ обернулась к князю.¹¹⁹²

– Il vient vous présenter ses devoirs.¹¹⁹³

<– Убрать,¹¹⁹⁴ – сказал князь и продолжал начатый разговор. – Сын едет в имение, отец отделил ему, – отвечал он дочери. – Говорят, нашалил в Петербурге.

– А я думала, что это едут наши молодые, – сказала m-lle Bourienne. – Княжна так было обрадовалась.>

– Тишка, посмотри, кто едет, – сказал князь.

– C'est le prince A[ndré] peut être.¹¹⁹⁵

Княжна побледнела, хотела выскочить, но оглянулась на князя, у которого лицо стало еще серьезнее, чем прежде.¹¹⁹⁶

Тишка вернулся, сказав, что коляска четвериком.¹¹⁹⁷

Княжна побледнела.¹¹⁹⁸

– Mon père, permettez que j'aïlle voir.¹¹⁹⁹

Она встала и, тяжелой ступней, сбегала вниз навстречу брату, как она воображала. Князь начал кушать¹²⁰⁰ и на высоком лбу его вдруг сделалось содрогание кожи, как будто защелкнутой за что то и вдруг расправившейся. Это движение на лбу князя знали все его домашние и знали, что это был хороший признак. В коляске подъезжал, однако, не молодой князь Волхонской, а князь Анатолий Курагин, которого отец после того, как его выслали за историю с квартальным из Петербурга, отец не зная, что с ним делать, вез с собой¹²⁰¹ в деревню и намерен был посватать на княжне Марье. Анатолий ехал один, а отец должен был съехаться с ним на другой день у князя Волконского. Анатолий был один из тех счастливых людей, которые с рождения

¹¹⁸³ *Зач.*: сказал князь презрительно

¹¹⁸⁴ *Зачеркнуто*: его мальчишкой знал

¹¹⁸⁵ *Зач.*: какую то, и заедет ко мне.

¹¹⁸⁶ *Зач.*: Капитан исправник скакал уж тут.

¹¹⁸⁷ [батюшка]

¹¹⁸⁸ *Зач.*: Князь не отвечал.

¹¹⁸⁹ *Зач.*: крикнул он

¹¹⁹⁰ *Зач.*: бросил ее об землю и подперся руками, чтоб встать

¹¹⁹¹ *Зач.*: вскочила, нагнулась

¹¹⁹² *Зач.*: — Mon prince, vous vous ferez du mal. Est ce que ces gens peuvent mériter votre colère, voyez? [Князь, вам это вредно. Неужели эти люди достойны вашего гнева, взгляните?] – Она показала на княжну. Князь сел спокойно. – Подобрать! – крикнул

¹¹⁹³ [Он просит прощения.]

¹¹⁹⁴ *Зач.*: сто палок!

¹¹⁹⁵ [Может быть это князь А[ндрей,]]

¹¹⁹⁶ *Зач.*: Он, казалось, делал себе point d'honneur [делом чести] быть всегда холодным.

¹¹⁹⁷ *Зач.*: Это был не князь Андрей, но Анатолий, который, растарашив глаза, весело, прямо, выпучив грудь, сидя в коляске, победительно подъезжал к дому, где он должен был по желанию отца смотреть себе невесту

¹¹⁹⁸ *Зач.*: Elle se trouve mal [Она плохо себя чувствует]

¹¹⁹⁹ [Батюшка, позвольте мне пойти посмотреть]

¹²⁰⁰ *Зач.*: – Узнай, кто?

¹²⁰¹ *Зачеркнуто*: по ревизии

и до смерти смотрят на жизнь, как на¹²⁰² празднество, на которое они так же необходимо приглашены, как они бывают необходимо приглашены на всякие балы в городе. Ежели в жизни¹²⁰³ случается то, что называют несчастьем, то люди, как Анатолий, смотрят на это не больше, как на неудачу, расстраивающую на время празднества. Они не более как досаждают <ежели даже смерть бывает та особа, которая расстроивает пикник. Самые важные и сложные исторические элементы жизни, как то> правительство, религия, война, брак представляются для этих людей только удобствами, придуманными для празднества. Умерла, например, недавно тетка, оставив ему наследство. Он был призван на похороны. Не будь религии, он не знал бы, какую *contenance*¹²⁰⁴ держать, а тут панихида и можно креститься и до земли дотрогиваться костяшкой руки, и он всё это сделал с спокойной уверенностью и приличием и очень было удобно.¹²⁰⁵ Правительство в глазах Анатолия было учреждение, назначенное для того, чтобы его отцу, а посредством его отца и ему самому, давать почет и деньги. Война для того бывала, чтобы ему иметь случай получить золотую саблю и Георгий, когда он этого пожелает. Брак – было учреждение, предназначенное для того, чтобы дать ему возможность иметь опять много денег после того, как он промотает все свои деньги.

Теперь однако, хотя у него и было очень уж много долгов, он не полагал еще, чтобы брак был нужен для поправки его дел, и считал, что отец слишком рано начинает для него эту часть празднества. Однако, так как ему деваться было некуда, он повинился отцу, и в этой поездке находя удовольствие. Он ехал¹²⁰⁶ *à la campagne voir les promises*¹²⁰⁷ и, выпучив грудь и разинув глаза, он¹²⁰⁸ здоровый, красивый [?] и всегда веселый ехал из самого Петербурга и теперь подъезжал к дому князя. От самого Петербурга празднество было очень удачно для Анатолия. В¹²⁰⁹ Новгороде нарочно для него стоял гусарской полк и знакомые Анатолия, с которыми он выпил так много вина, что при отъезде был положен на дно коляски и¹²¹⁰ не помнил, каким образом он доехал до Твери.¹²¹¹ В Москве еще смешней было то, что ему удалось увезть¹²¹² француженку актрису, которую он продал приятелю за ящик шампанского. Даже под самым именем князя Волконского произошло увеселение.¹²¹³ Удалось очень весело прибить зрителя. Теперь он подъезжал к дому князя по усыпанному песком проспекту.¹²¹⁴

– *Tout cela est très bien, très bien,*¹²¹⁵ – говорил он, оглядывая кругом сад и новые строения. – *Mais très bien, ma parole d'honneur.*¹²¹⁶ Он был доволен князем, устроившим так всё для

¹²⁰² *Зач.:* что то в роде пикника

¹²⁰³ *Зач.:* что-нибудь не удастся

¹²⁰⁴ [вид]

¹²⁰⁵ *Зач.:* Однажды Ригге, вообразив себе, судя по образу жизни Анатолия, что он держится религии разума, позволил себе пошутить над святыней; Анатолий, выпучив глаза, рассердился и, выпучив глаза, сказал, что смеяться можно, но надо знать что, а это – нехорошо.

¹²⁰⁶ *Зач.:* теперь так себе пошутить, посмеяться

¹²⁰⁷ [в деревню посмотреть невест]

¹²⁰⁸ *Зач.:* чистый, опрятный, модный

¹²⁰⁹ *Зач.:* Твери

¹²¹⁰ *Зачеркнуто:* он проснулся только в

¹²¹¹ *Зач.:* что было очень смешно по мнению Анатолия

¹²¹² *Зач.:* купчиху и в Подольске передал ее другому

¹²¹³ *Зач.:* Гнали партию рекрут в Минск. Несколько рекрутов плясали на привале. Анатолию, который был выпивши с предшествовавшей станции, это очень понравилось. Он остановился, поднес вина офицеру, выпил с ним, рекрутам дал водки и заставил всех рекрутов плясать, сам проплясал с ними, сел в коляску и уехал.

¹²¹⁴ *Зач.:* Он был очень весел.

¹²¹⁵ [Всё это очень хорошо, очень хорошо.]

¹²¹⁶ [Да, ведь очень хорошо, честное слово.]

его приезда. Ежели и княжна мила, можно пошутить. Nous verrons.¹²¹⁷ Лакей соскочил с козел, а Анатолий, разинув глаза, сидел, оглядываясь.

По лестнице слышались тяжелые шаги княжны, она всегда ступала на всю ногу, потом¹²¹⁸ вся ее некрасивая фигура. Княжна была близорука и увидела свою ошибку только тогда, когда¹²¹⁹ подбежала близко к коляске.¹²²⁰

* № 8 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXIV—XXV).

– Точно своих генералов нет. Удивленье, что творится. И на какого героя собираются? Подумаешь. Мальчишка, который понятия не имеет о военном деле.

Как ни уважал А[ндрей] своего отца, он не мог воздержаться от высказывания своего мнения.

– В этом не могу согласиться с вами, батюшка.

– Да где ж он показал себя? Что безмозглых австрийцев побил, так это не удивительно. Кабы Суворов был жив, давно бы уж и перестали говорить про вашего Буонапарте. – Так шел разговор во время обеда и после все, как будто отпущены на воздух из душного погреба,¹²²¹ свободно дохнули, когда князь вышел на свою вечернюю прогулку.¹²²² А[ндрей] пошел к себе делать приготовления к отъезду. Княжна Марья повела своего друга сестру к себе, и там в глубокие сумерки А[ндрей] застал их без свечей, с ногами на диванах, без умолку, весело, счастливо лепечущих что то все по французски. Он постоял, послушал, но ничего не мог разобрать. Тут и общие знакомые, и планы будущего, и confidences,¹²²³ но по звуку голосов, по позам видно было, что им обоим было необыкновенно хорошо. Оттого ли, что, присутствуя сейчас только при укладывании, А[ндрей] живо вообразил себе, что завтра он оставит свою жену, может быть на долго, или оттого, что, сам испытав тяжесть дурного расположения духа отца, он понял, как тяжело бывало и его жене, или оттого, что он видел, как сестра его нежно полюбила его жену, или так просто в эти сумерки проснулось в нем чувство справедливости к своей бедной жене, только она ему показалась в полусвете, маленькая, толстенькая, с ногами сидящая на диване и неумолчно болтающая, как будто после слишком долгого воздержания, она ему показалась такою жалкою, что он в темноте, никем невиденный, кротко улыбнулся, глядя на них.

– Как у вас славно! – сказал он. Они замолчали, потом засмеялись. Княжна Марья встала.

– Ах, André, – сказала она, взяв его за руку. – Quel petit trésor de femme vous avez.¹²²⁴ – Он вздохнул.

– André, ты не уходи, а то я завтра не успею, – прибавила она. – Ты там, что хочешь думай, а для меня это сделай. Сделай пожалуйста. Я тебя благословлю образом и ты не снимай его, André, пожалуйста, во всё время.

– Ежели икона целая, я не ручаюсь, – отвечал А[ндрей]¹²²⁵ шутливо. Но голос его звучал нежно.

– Отчего ты думаешь, Marie, qu'il n'a pas de religion,¹²²⁶ – заступилась маленькая княгиня, – он только не любит показывать. – А[ндрей] в темноте улыбался.

¹²¹⁷ [Посмотрим.]

¹²¹⁸ *Зач.*: показались ее глаза, которые невольно

¹²¹⁹ *Зач.*: Анатолий откинулся от нее прочь.

¹²²⁰ *Зач.*: – Pardon, monsieur, – сказала она [?]

¹²²¹ *Зач.*: вышли в гостиную

¹²²² *Поперек текста написано:* Об Апраксиных. Страх опять. Перед отъездом только о себе.

¹²²³ [откровенности]

¹²²⁴ [Какое сокровище твоя жена.]

¹²²⁵ *Зачеркнуто:* кротко

¹²²⁶ [что он не религиозен.]

– Куда ты, Marie? – Княжна Марья неловко, тяжело влезла на диван, отворила киоту и при свете одной лампадки разыскивала образок.

– Я знаю, – говорила она на ходу, – его правила, но для меня он это сделает. – В это время княгиня поднялась на коленки, придвигаясь к мужу, и тихо, чтоб княжна не слыхала:

– André, какая прелесть твоя Marie. Ах, какая прелесть.

А[ндрей] улыбался, улыбался и вдруг ему¹²²⁷ так грустно и сладко стало на душе. Он в первый раз после многих месяцев взял за плечо жену, пригнул ее к себе и не поцеловал, а головой прижал ее к себе.

– Вы обе славные, славные, – сказал он.

– А... А... А... André – сквозь слезы проговорила Lise и радостно рыдая, стала обнимать мужа. В это время княжна Марья зажгла бумажку о лампадку и, тяжело спрыгнув, зажгла свечу.

– Что с вами? – удивленно спросила она. Lise так и сидела на коленках, маленькая, толстенная, раздуманная, она отирала слезы и смеялась.

– Мы знаем что, Marie, – сказала она. André выпустил ее руку и прошелся по комнате.

– Как у тебя славно, уютно в комнатке, – сказал он. – Ну, который же образок? – и чуть заметная, насмешливая складка показалась на его губах. Княжна Марья перекрестила его и велела перекреститься, исцеловать и надеть небольшой, в ризе, образок Спасителя. André всё это исполнил и потом посидел с ними, болтая весело, как давно уж ему не случалось.

На другой день старый князь подставил опять свои, еще раз выбритые, щеки сыну и простился с ним.

– Уж она тебя верно и благословила, и всё, – сказал старый вольтерьянец, – я этих штук не люблю, ну, а вот тебе мой подарок. Он¹²²⁸ указал на мешок с золотом, который держал сзади дворецкой на подносе. – Вели уложить. А еще помни одно, что ты сын князя Николая Волконского и что, ежели я узнаю, что ты убит или ранен, мне тяжело будет, но ежели я узнаю, что ты в чемнибудь отстал от кого бы то ни было, то мне будет стыдно за тебя. А я никогда ни перед кем не стыдился. Прощай, пиши каждую почту. Жена твоя будет успокоена. Я не пойду тебя провожать.

В другой комнате А[ндрей]¹²²⁹ поцеловался с женой и сестрой.¹²³⁰ Все были холодны. Уже когда экипаж отъехал, князь вышел в гостиную и, увидав, что Лизе было дурно и княжна Марья терла ей виски, нахмурился, сердито повернулся и ушел в кабинет, хлопнув дверью.

Разговор сестры с братом о ней. Княжна Марья защищает ее.

Старый князь позвал к себе Андрея.

– Жена твоя дура. Ну, нечего делать. Они все такие. Помни одно. – Он прослезился.

* № 9 (рук. № 50. Т. I, ч. I, гл. XXII—XXV).

– Ah, chère amie, – отвечала княжна Марья. – Je vous ai prié de ne jamais me prévenir de l'humeur dans laquelle se trouve mon père. Je ne me permet pas de le juger et je ne voudrais pas que les autres le fassent.¹²³¹

M-lle Bourienne закусила розовенькую губку.

– Не забудьте, ваше время играть на фортепьяно.

Княжна взглянула на часы и заметив, что она пять минут уже пропустила, с испуганным видом пошла в диванную.

¹²²⁷ *Зач.*: плакать

¹²²⁸ *Зачеркнуто*: дал

¹²²⁹ *Зач.*: холодно

¹²³⁰ *Зач.*: и едва они успели выйти на крыльцо, как он сел и поехал.

¹²³¹ Ах, милый друг мой. Я просила вас никогда не говорить мне о том, в каком расположении духа батюшка. Я не позволю себе судить его и не желала бы, чтоб и другие это делали.

В этот же день князь отдыхал до обеда, а княжна по расписанию играла на клавикордах.¹²³² Княжна играла хорошо, но музыка была для нее, как и хотел того отец, только механическая работа. Он не любил музыки, но требовал, чтобы его дочь, которая всё должна была делать не так, как другие, играла самые трудные вещи и без пропусков и неправильностей. Она должна была упрямым трудом преодолевать трудности, и княжна покорялась ему.

Седой камердинер сидел, дремля и прислушиваясь к храпению князя, в приемной кабинета, в дальней стороне дома в диванной из-за затворенных дверей слышались по двадцать раз повторяемые трудные пассажи Дюссековой сонаты. В это время подъехали к крыльцу карета и бричка и из кареты вышли князь Андрей и маленькая княгиня, его жена. Узнав, что отец спит, князь Андрей, зная порядок дома, и не подумал о том, чтобы возможно было разбудить отца. Притом и седой Тихон, высунувшись из двери, таким тоном сказал, что князь почивают, что видно было, что, только перешагнув через труп Тихона, можно было нарушить покой князя и никто, не знавший даже порядка дома, не попытался бы будить.

– Allons chez Marie, – говорила княгиня, улыбаясь и Тихону, и мужу, и официантам, провожавшим их. – C'est elle qui s'exerce, allons doucement, il faut la surprendre.¹²³³

Андрей шел за ней с тем видом, который ясно показывал, что ему было всё равно *surprendre*¹²³⁴ или не *surprendre*. Он с видимым отвращением давал целовать свои руки дворовым, всякой раз обтирая ее батистовым платком,¹²³⁵ и морщась и брюзгливо выставляя нижнюю губу, что то мурлыкал себе под нос. Маленькая княгиня была весела и оживленна, какою она бывала при входе в гостиную. Возвышение талии княгини сделалось больше, она больше перегибалась назад и растолстела, но глаза и короткая губка с усиками улыбались так же весело и мило.

– Mais c'est un palais,¹²³⁶ – говорила она, оглядываясь кругом,¹²³⁷ как будто она входила в бальную залу, для нее так хорошо убранную. Проходя одну из комнат, к ним выскочила хорошенькая белокурая француженка m-lle Bourienne, очевидно уже успевшая надеть лишнюю ленточку в косу и другие воротнички.

– Ah quel bonheur pour la princesse, – заговорила она, грацируя, – il faut que je la prévienne...¹²³⁸

– Non, non, de grâce. Vous êtes m-lle Bourienne, je vous connais déjà par l'amitié que vous porte ma belle soeur...¹²³⁹ – проговорила княгиня. – Elle ne nous attend pas,¹²⁴⁰ – и пошла на ципочках. Они подошли к двери диванной, из которой слышался опять и опять повторяемый пассаж. Андрей остановился, видимо не охотник до чувствительных сцен, которую он ожидал.

– Passez, mon prince,¹²⁴¹ – сказала француженка, давая ему дорогу. Он насмешливо оглянул m-lle Bourienne, которая казалась в восторге и улыбалась ему, как другу.¹²⁴²

¹²³² *Зачеркнуто:* В доме было совершенно тихо.

¹²³³ [Пойдем к Мари. Это она упражняется, тише, застанем ее врасплох.]

¹²³⁴ [застать врасплох]

¹²³⁵ *Зач.*: и его отношения к жене, судя по его обращению, казалось, оставались те же.

¹²³⁶ [Да это – дворец,]

¹²³⁷ *Зач.*: когда проходили анфиладу высочайших, оригинально расположенных комнат, с зимним садом и комнатой чучел птиц и зверей.– У него страсть строить, – сказал лаконически князь Андрей.

¹²³⁸ – Ах, какая радость для княжны. Надо ее предупредить...

¹²³⁹ – Нет, нет, пожалуйста... Вы – мадемуазель Бурьен; я уже знакома с вами по той дружбе, какую имеет к вам моя невестка...

¹²⁴⁰ – Она не ожидает нас,

¹²⁴¹ [Проходите, князь,]

¹²⁴² *Зачеркнуто:* что француженка обратилась исключительно к его жене.

[*Далее со слов:* M-Ile Bourienne прошла вперед, ... *кончая:* ... чувство страха и почтения, которое возбуждал этот старик во всех своих приближенных. – *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. I, гл. XXIII—XXIV.]

Он обласкал княгиню, погладил ее по голове, потрепал рукой по затылку, приговаривая: «я рад, я рад» и видимо не зная, что говорить дальше, быстро отошел и сел на свое место. В его отношении к невестке заметно было нескрываемое совершенное презрение к ней, как к женщине, то есть, как к вещице, вероятно на чтонибудь годной для его сына и которую потому он готов был соблюсти как можно лучше, для которой он построил дом, которую он готов был кормить и одевать, но с которой говорить очевидно было нечего. Один только вопрос относительно ее занимал его, это были ее предстоящие роды.¹²⁴³ Он терпеть не мог вида чужого страдания, которое возбуждало в нем раздражение, похожее на злобу.

– Го, го, – сказал он, оглядывая ее округленную талию. – Поторопились, нехорошо. Ходить, ходить надо, как можно больше, как можно больше, – сказал он. Княгиня не слыхала или не хотела слышать его слов, она молчала. Он спросил ее об отце и княгиня заговорила о общих знакомых Петербурга, передавая князю поклоны и городские сплетни.¹²⁴⁴

– La comtesse Apraksine, la pauvre, a perdu son mari, et la pauvre a pleuré les larmes des yeux.¹²⁴⁵

Видно было, что кроме как в рассказах о том, что было, княгине неловко. В этих же рассказах она была дома.¹²⁴⁶

[*Далее со слов:* По мере того, как она оживлялась, князь всё строже и строже смотрел на нее..., *кончая:* Вечером старый князь, не отступая от своего порядка жизни, ушел к себе. – *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. I, гл. XXIV—XXV.] Андрей, одевшись опять в дорожный сюртук, распорядившись с своим камердинером,¹²⁴⁷ сам осмотрев коляску и уложив погребец, шкатулку и саблю, которая, он полагал, ему нужна будет, велел закладывать. В комнате оставались только те вещи, которые князь Андрей всегда брал с собой: шкатулка, большой серебряный погребец, два турецких пистолета и шашка, подарок отца, привезенный из под Очакова. Всё это было ново, чисто, в суконных чехлах, старательно завязано тесемочками. Все эти дорожные и вообще жизненные принадлежности были всегда в большом порядке у князя Андрея.

В минуту отъезда и перемены жизни на людей, способных обдумывать свои поступки, обыкновенно находит серьезное настроение мыслей. В эти минуты обыкновенно поверяется прошедшее и делаются планы будущего.¹²⁴⁸ Видно не в радостном свете представлялось

¹²⁴³ *Зач.:* – Вот что я должен сказать тебе, – сказал он ей. – Была одна злая женщина и обманщица, она выдумала, что рожать очень больно, и стала кричать, все ей поверили и с тех пор женщины стали себя и других уверять, что это больно, ты пожалуйста не верь им, а поверь мне, старику: сморкаться не больно и глотать не больно, как и все, что натурально. – А как же, топ рёге, сказано в Библии, что в муках рождаю чада свои, – сказала маленькая княгиня, блестя своими белыми зубами. – А, в Библии, ну так это правда, – сказал князь, значительно поднимая и опуская брови. – Княжна Марья тверда по части Библии, с ней поговори, тверже, чем в подобии треугольников, то то разговоров будет. Я об одном думаю, как вы будете с княжной Марьей разговаривать в то время, как вы рот полоскать будете, – и он засмеялся сухо, холодно, неприятно, как он всегда смеялся, одним ртом, а не глазами.

¹²⁴⁴ *Зач.:* Она оживилась, вспоминая

¹²⁴⁵ [Княгиня Апраксина, бедняжка, потеряла мужа и выплакала все глаза.]

¹²⁴⁶ *На полях:* Князь входил быстро, беспорядочно, весело, как будто торжество и порядок не им, а кем то другим были заведены.

¹²⁴⁷ *Зачеркнуто:* укладкой вещей на завтра, сидел, облокотившись на обе руки, перед столом в большой комнате, которая была отведена ему. Лицо его было больше, чем грустно, на нем выражалась безнадежная печаль.

¹²⁴⁸ *Зач.:* И то, и другое казалось князю Андрею безнадежно грустно. Он чувствовал, что ничего не любил, ничего ему не хотелось. В прошедшем представлялась ему однообразная петербургская жизнь в гостиницах, среди людей, которых он давно выучился презирать всех без исключения, успехи в свете, которых так легко было достигнуть, и успехи у женщин, которые не доставляли ни удовлетворения, ни наслаждения, а только чувство, похожее на раскаяние. Он вспомнил свою женитьбу, которая сделалась бог знает зачем и как будто против его воли, «Точно такой же, как и все люди», сказал он сам себе, «un fils de famille qui a fait un très bon mariage et qui est en train de faire une très jolie carrière militaire» [молодой человек из хорошей

Андрею ни то, ни другое. Лицо его было очень задумчиво и грустно. Он, заложив руки назад, с несвойственным ему искренним и детским жестом, быстро ходил по комнате из угла в угол.

[Далее со слов: Страшно ли было ему идти на войну... кончая: Андрей строго посмотрел на нее. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 1, гл. XXV.]

– Moi, j'aime cette galerie. C'est si mystérieux. Je m'y promène le soir ordinairement.¹²⁴⁹

– Боюсь, что ваши прогулки отвлекали вас от обязанности при моей сестре.

– Я вас не понимаю, – сказала m-lle Bourienne.

– Извините, мне некогда объяснять вам подробности, – проговорил он, своим потухшим взглядом оглядывая ее лоб и волосы, но не глядя ей в лицо.

Когда он подошел к комнате сестры, княгиня уже проснулась. И ее веселый голосок, торопивший одно слово за другим, слышался из отворенной двери. Она говорила, как будто после долгого воздержания ей хотелось вознаградить потерянное время.

– Non, mais figurez vous la vieille comtesse Zouboff avec de fausses boucles et fausses dents comme si elle voulait défier les années et même les souvenirs de son terrible mari.¹²⁵⁰ Хе, хе, хе.

Точно ту же фразу о графине Зубовой и тот же смех уже раз восемь слышал при посторонних князь Андрей от своей жены. Он тихо вошел в комнату. Княгиня говорила одна, перебирая петербургские знакомства, воспоминания и даже фразы. Она сидела толстенькая, румяная, с ногами на диване и неумолкаемо болтала. Она жалка показалась мужу. Он погладил ее по голове и спросил, отдохнула ли она от дороги. Когда Андрей присоединился к ним, ее разговор не переменился, она перебирала знакомых, только теперь вспомнила о княгине Д., которая жила в деревне с мужем и рожать приехала в Петербург.

– C'est l'opposé de ce qui m'arrive,¹²⁵¹ – сказала она.

– Неужели ты в самом деле в ночь едешь? – сказала она.

– Что делать... – он помолчал и прибавил, – мой друг, – видимо стараясь быть как можно мягче.

– Андрей, поезжай в воскресенье, для меня.

– Нельзя, ma chère amie¹²⁵²... я и так просрочил отпуск. Ежели я не догоню Кутузова на границе в Радзивилове, мне будет очень трудно.

– А мне так страшно, так страшно. Одной.

– А Marie – ты ее и не считаешь, а она тебя так любит.

Княгиня подвинулась к Marie и засмеялась своим милым смехом и пожала ей руку и поцеловала ее.

семьи, который удачно женился и теперь на пути к блестящей военной карьере]. И он вспомнил Бонапарте, начало его карьеры и его брак с Жозефиной. «Нет, он был не в тех условиях, как я», сказал он сам себе, «у него не было этих пяти лет праздной, убийственной жизни, и Жозефина не была похожа на эту ничтожную Лизавету Ивановну», сказал он с озлоблением, мысленно называя по имени и отчеству свою жену, «Лизавету Ивановну, которая жива только в гостиной, у которой понятия об величии не распространяются дальше папеньки-сенатора и которая не умеет желать для меня другой славы, как славы первого петербургского болтуна и танцора. Нет, она не Joséphine Beauharnais и мне при таких условиях трудно быть тем, чем стал Бонапарте. Да, мне должно перейти во фронт», продолжал он размышлять, «взять отряд и тогда... Бонапарте начал с Тулонской осады» и ему представлялся уже отряд, с которым он решает участь сражения, назначение его в главнокомандующие, блестящий прием его при возвращении в Россию, замешательство отца, обязанного признать большим полководцем, нежели Суворов... экспедиция в Индию... Александр Македонский, императорская корона, я и Бонапарте. Он встал и, отдав последние приказания о чемоданах Петрушке-камердинеру, пошел посмотреть, что делают дамы.

¹²⁴⁹ [Я люблю эту галерею. Здесь так таинственно. Я гуляю здесь обыкновенно по вечерам.]

¹²⁵⁰ Нет, представьте себе, старая графиня Зубова с фальшивыми локонами, с фальшивыми зубами, как будто издеваясь над годами [и даже над памятью своего ужасного мужа.]

¹²⁵¹ [Как раз наоборот, чем со мной.]

¹²⁵² [мой милый друг...]

– А я как полюбила *cette chère Marie*,¹²⁵³ – сказала она мило и с тактом, поправляя сделанную неловкость. Но почему то казалось, что эта любовь к Мари, о которой она говорила, не имела никакой цены.

[*Далее со слов:* На дворе была темная осенняя ночь, *кончая:* Мне и так совестно, что я вам на руки оставляю беременную... – *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. 1, гл. XXV.]

– Петербургскую манеру оставь. Скажи: сделайте то то и то то.

– Ну так вот что сделайте: когда жене будет время родить, в последних числах ноября, пошлите в Москву за акушером – он предупрежден. Чтоб он тут был.

Старый князь остановился и, как бы не понимая, уставился строгими глазами на сына.

– Я знаю, что никто помочь не может, коли натура не поможет, я согласен, и что из миллиона случаев один бывает несчастный, но это ее и моя фантазия. Ей наговорили, она во сне видела и она боится.

– Она и есть, – про себя проговорил старый князь и продолжал дописывать. – Я сделаю. Она и есть, она и есть, – повторял он.

– Кто она?

– Твоя жена.

– Что она?

– Дура, – коротко, как один слог отрезал князь и, расчеркнув свою подпись, начал свертывать письмо.

– Вы бы могли мне этого не говорить, батюшка, – печально и строго сказал Андрей.

– Я за обедом вникал. Да нечего делать, дружок, – сказал князь, – они все такие. Ты не бойся,¹²⁵⁴ никому не скажу, а ты сам знаешь.

Он схватил его за руку выше локтя костлявой маленькой кистью и потряс ее и засмеялся своим неприятным смехом. Потом он начал складывать и печатать письмо, с своей привычной быстротой хватая и бросая сургуч, печать и бумагу.

– Что делать. Она – добрая бабочка. Красива. Я все ей сделаю. Ты будь покоен, – говорил он отрывисто во время печатания. Андрей сидел, недовольно морщась и потирая себе лоб и глаза рукою. Старик встал и подал письмо сыну.

– Слушай, – сказал он. – Об дуре жене не заботься, что возможно сделать, то будет сделано. Теперь слушай. Отдай письмо Михаилу Илларионовичу. Я пишу, чтоб он тебя употреблял в хорошие места и долго не держал адъютантом.¹²⁵⁵ Скверная должность. Скажи ты ему, что я его помню и люблю. Да напиши, как он тебя примет, весь разговор напиши. Коли хорош будет, служи у него. А коли жаться будет ни то, ни се, напиши. Николая Андреича князя Волконского сын из милости ни у кого служить не будет. Понял? Теперь поди сюда. – Он говорил еще больше скороговоркой, чем обыкновенно. Он подвел сына к бюро, откинул крышку, выдвинул ящик и вынул исписанную его крупным длинным почерком тетрадь.

– Должно быть мне прежде тебя умереть. Знай, тут мои записки, их передать государю после моей смерти. Баста. Теперь здесь вот ломбардный билет и письмо. Это – премия тому, кто напишет историю суворовских войн. Переслать в академию. Здесь мои ремарки, после меня читай, для себя найдешь пользу.

– Что вы это, батюшка, умирать собрались?

– Ну, теперь прощай, – он дал поцеловать свою руку, щеку и обнял сына. – Помни одно: коли тебя убьют, где следует, хоть и с Буонапарте теперь деретесь, а и его пушки бьют – коли убьют, скучно мне будет старику, скучно. Очень скучно. – Он неожиданно замолчал. И вдруг

¹²⁵³ [эту милую Мари.]

¹²⁵⁴ *Зачеркнуто:* я ей рад, я ее успокою

¹²⁵⁵ *Зач.:* Лакейство.

крикливым голосом продолжал: – а коли узнаю, что князь Андрей Волконский¹²⁵⁶ хуже других, мне будет стыдно. А мне до 72-го года стыдно не бывало. Это помни.

Сын презрительно улыбнулся.

– Вам не будет стыдно. Это верно. – сказал он. – А ежели меня убьют и ежели у меня будет сын, не отпускайте его от себя. Пускай она с вами останется. Но сына не отпускайте.

– Да, скучно одинокому старику, очень скучно, очень скучно, очень скучно. – И вдруг старый князь начал сопеть громко и часто, как запаленная лошадь, как будто что-то засело у него в носу. – Ступай, ступай, ступай. Простились, ступай. Ступай, я тебе говорю, – закричал он сердитым, громким голосом и вытолкал сына в дверь кабинета.

[Далее со слов: Что такое? Что? кончая: сердитые звуки стариковского сморканья. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. XXV.]

«Все это я вижу может быть в последний раз», пришло в голову князю Андрею. «Но кто ж будет мною, кто сделает все то, что я могу сделать?» вслед за этим пришло ему в голову. «Меня не убьют? Наполеона не убили на Аркольском мосту».

* № 10 (рук. № 51. Т. I, ч. I, гл. V—VI).

28.

Князь Андрей молча сидел в углу коляски, закрыв глаза.

– Отчего Annette не вышла замуж, я все думаю, – говорила маленькая княгиня. – Как вы глупы все мужчины, что на ней не женились. – Муж посмотрел на нее, как будто удивляясь, что тут кто то сидит подле него, и опять отвернулся.

– Где ты был, André, ты не слыхал, как хорошо рассказывал vicomte? – сказала княгиня. Андрей пожал удивленно плечами.

– Ты знаешь ли, André, – сказала она вдруг грустно, – мне скоро никуда нельзя будет ездить. Мне так тяжело становится от ребенка.

– Не ездь, – как будто сквозь сон после непродолжительного молчания отвечал муж. – Поедешь к отцу, там ездить некуда будет.

Княгиня насупилась и лицо ее совершенно переменилось.

– Я думаю иногда, не затем ли ты меня везешь в деревню, не ревнив ли ты?

– К кому? Уж не к этому идиоту ли? – сказал князь Андрей, отворачиваясь. – К кому? – повторил он насмешливо, как будто не было и не могло быть человека, которому он сделал бы эту честь.

– А он опять шевелился нынче вечером.

– Гм! – сказал муж.

– André, je crains les couches, seule à la campagne. André, je crains, je crains.¹²⁵⁷ Она почти закричала.

Опять муж пожал плечами с видом, говорившим: «мне тут делать нечего».

– André, ты только об себе думаешь, – сказала она, недоброжелательно посмотрев на мужа.

<Муж ничего не отвечал и лицо его все больше хмурилось и, ежели бы в карете было светло, княгиня бы увидела, как он морщился, как будто гадил[?] чем то в то время, как она ему это говорила. Но хотя она и не видела, она почувствовала, что говорить больше нечего и, тяжело вздохнув, замолчала.

¹²⁵⁶ Зачеркнуто: не храбрый

¹²⁵⁷ [Андрей, я боюсь рожать, одна в деревне. Андрей, я боюсь, я боюсь.]

29.

Карета остановилась у подъезда на Владимирской. Вслед за ними вошел m-r Pierre.

– Мне спать не хочется, я у вас долго посижу, – сказал он весело.

Андрей, не отвечая, ласково и покровительственно потрепал по животу Pierre'a. И лицо его прояснилось. Он провел его в кабинет, а сам прошел в другую комнату переодеваться. Pierre взял [книгу].

Княгиня прошла в свою комнату. Князь Андрей нахмуренный прошел за нею.

Молодая женщина раздевалась, взглядывая на мужа, который нахмуренный стоял посередине комнаты.

– Что, André?

– Надо, чтоб это кончилось, – сказал он своим дурным голосом, злобно глядя на нее.

– Да что, André?

– Что André? – повторил муж, не сдерживая голоса.¹²⁵⁸ – Не думал я, чтоб *мне* пришлось говорить это моей жене. А должно.

– Да что я сделала, André?

– Я не хочу, чтоб вы ездили в это глупое общество, где вы можете встречать всякую дрянь.

– Какое же дурное общество у Annette?

– Самое гадкое. И я не хочу, чтоб вы ездили. Слышите? Я могу принимать к себе тех, кого я считаю достойными. А ездить я не хочу, чтоб встречать всякой народ с улицы.¹²⁵⁹ Вам это может быть обыкновенно...

Княгиня заплакала и ничего не говорила.

Князь Андрей вышел от жены еще бледный, но на вид спокойный. Он сел за письменный стол и стал писать.

Князь запечатал написанные два письма, он хлопнул в ладони.

– Послать Фадея. – Князь встал, отдал письмо Фадею. – Слышишь ли, завтра утром поезжай с малого подъезда второе крыльцо, спроси швейцара, покажи адрес, отдай по адресу и доложи, что князь приказали просить ответа. Другое письмо, вот это, отвези к князю И[политу] и подожди ответа. Понял? Повтори. – Фадей повторил, но не так. Князь заставил его повторить еще раз и тогда только отпустил его.

Князь скинул мундир, надел сертук и крепко стал растирать себе лоб и глаза ладонью.

– Pierre, – сказал он, отрывая от чтения своего друга, – знаешь, что я прежде тебя уеду из Петербурга.

– Куда? – спросил Pierre, отрываясь от книги и глядя через очки.

– В армию. Я перехожу адъютантом к Кутузову.

– Не может быть? Когда же вы это решили?

– Сию минуту.

– Удивительно! А княгиня куда же поедет?

– Она поедет к отцу.

– Да зачем же это вдруг?

– Так надо.

Pierre по странному чувству никогда не мог решиться говорить своему другу ты, несмотря на то, что уже давно они сошлись и Андрей говорил ему ты.

– Это удивительно! – повторял он.

В спальне княгини произошла страшная сцена.

¹²⁵⁸ *Зачеркнуто:* – Это порханье, это кокетничанье, это гадкое обращение с мужчинами.

¹²⁵⁹ *Зач.:* который бы смел ухаживать за моей женой

Князь Андрей видел, как Иполит положил записочку в ридикюль княгини. Он достал ее оттуда и в спальне княгини произошла страшная сцена между мужем и женой. М-г Pierre спокойно лежал в кабинете, не подозревая того, что делалось в спальне.>

* № 11 (рук. № 51. Т. I, ч. I, гл. V—VI).

30.

Переодевшись, князь Андрей медленно и <аккуратно>, как он и всё делал <отложил письмо в сторону, сложил письменные матерьялы по местам>, [сел] в кресла перед столом и, обернувшись к Pierr'у, расправил морщины. Pierre тотчас же оставил книгу и поверх очков смотрел на своего друга с видом покорной готовности¹²⁶⁰ слушать то, что скажет князь Андрей.

– Да, довольно этой жизни, – сказал князь Андрей¹²⁶¹ оживленно и желчно. – Эта жизнь была не для меня. Я чувствовал, что падаю все ниже и ниже. Я становился такой же, как все.

Pierre недоверчиво улыбнулся, показывая этим, что друг его не мог сделаться таким, как все.

– Нет, право. Я чувствовал, что эта жизнь не по мне... Ну, теперь довольно. Война. И я знаю, где мое место.¹²⁶² Через две недели я буду в армии.

– Когда же вы это решили?

– Сейчас.

– А жена? – робко спросил Pierre.

– Она будет в деревне у отца.

В это время зашумело в соседней комнате женское платье. Лицо князя Андрея отразило опять ту же гордую, холодную злобу, которая выражалась в нем во весь вечер, и огонь, загоревшийся было в глазах при начале разговора, потух опять при входе жены.

Княгиня, все так же улыбаясь белыми зубами из под короткой губки, сложила свои маленькие ручки над возвышением талии¹²⁶³ и села на кресло в кабинете мужа.

Pierre, спустив ноги, посмотрел на князя и его жену и, видимо, желая спросить еще что то, воздержался от вопроса, полагая, что решение князя еще должно оставаться тайной для жены. Князь Андрей понял его и видимо нарочно продолжал тот же разговор.

– Да, – сказал он, – странно будет, что я, я буду драться с Наполеоном.

Княгиня рассеянно смотрела вперед и, казалось, не слушала и не понимала того, что говорилось.

– Неужели вы думаете, что мы победим? – наивно спросил Pierre.

– Гм! – отвечал князь Андрей. – Мой долг сделать всё, что я могу, а там что будет. Но война теперь решительно объявлена и до зимы понюхаем пороху, – прибавил он, оглядываясь на жену и с досадой отворачиваясь от ее равнодушно спокойного и радостного лица. Она, видимо, не понимала того, что говорилось, глаза ее смотрели, как будто вглубь себя, кротко, радостно и серьезно, *матерински*... Она чуяла движение ребенка¹²⁶⁴ и все казалось ей так ничтожно в сравнении с тем первым чувством матери, которое она испытывала.

– Что ж вы будете адъютантом Кутузова? – спросил Pierre.

¹²⁶⁰ *Зачеркнуто*: восхититься всем тем

¹²⁶¹ *Зач.*: возбужденный страстным вниманием своего друга.

¹²⁶² *Зач.*: – Ты знаешь, что в этом письме? – прибавил он, грациозным и небрежным движением перекинув написанное и запечатанное письмо на раскрытую книгу. – Прочти. Pierre прочел адрес Кутузову и вопросительно посмотрел на князя Андрея.

¹²⁶³ *Зач.*: с рабочими ридикюлями на руке

¹²⁶⁴ *Зачеркнуто*: и гнев мужа и его жестокие слова, сказанные ей в спальне, все было не то что забыто, но было

– Да, он предлагал мне прежде. Во фронте я не могу служить, слишком мерзко наше воинство.

– Да собственно он что, Кутузов? – спросил Pierre.¹²⁶⁵

– Это ты только можешь не знать, – сказал князь Андрей. – Главнокомандующий!

Он оглянулся на жену. Ему неприятно было, что она пришла, неприятно было, что она ничего не говорит.¹²⁶⁶

– Чем замечателен этот Кутузов, где он был?

– Он? Везде от Измаила до Праги. Правая рука Суворова. Он был губернатором здесь, потом уехал в деревню, известная история. Много говорят, но я¹²⁶⁷ лучшего не желаю главнокомандующего. Служить с ним в военное время можно.

– André! – сказала Лиза, улыбаясь и блестя зубами из под короткой губки. Она всегда улыбалась, такая у нее была привычка, а улыбка эта теперь еще более раздражала мужа, – я нынче говорила о Marie.

Он пожал плечами и не отвечал.¹²⁶⁸

Они помолчали.

– Знаешь что, André – сказала опять жена. – Для твоей сестры Маши есть жених очень хорошей фамилии.

– Оставим ее самую о себе заботиться, – сказал муж. – Ты бы шла спать.¹²⁶⁹ – Княгиня продолжала сидеть.

– Первое время я соглашаюсь быть его адъютантом, но потом я должно быть возьму отдельный отряд, – продолжал князь Андрей, обращаясь к Pierre'у.

– André, разве ты едешь в армию? – вдруг испуганно спросила княгиня.

– Нет. Русские будут драться, а я буду ездить в Петербурге на обеды к вашим родственникам, – сказал он резким раздраженным голосом.

– М-г Pierre, он точно едет? – спросила княгиня, готовая плакать. Pierre удивленно через очки смотрел на эту сцену, не зная, что отвечать.

– Я три часа при вас об этом говорю, – продолжал князь, все более и более раздражаясь, – да вы видно заняты так мыслями о разговорах князя Иполита Курагина, что вам это не интересно.

– André, за что ты ко мне так переменялся?¹²⁷⁰

– Ежели вы хотите делать сцены, то увольте от этого Pierre'a. Идите спать.

– Ты е-дешь в ар-ар-мию... а я?...

– Когда вам нужно будет знать, вы всё узнаете, идите спать

– Пойду. Прощайте m-г Pierre. Какой вы спорщик, – сказала она, покорно вставая и улыбаясь.

Она поцеловала его в лоб и, шумя платьем, вышла из комнаты. Она сопела и, как ребенок, едва могла держать слезы.

«Что же делать, что я не могу ее любить», сказал он сам себе.

¹²⁶⁵ *Зач.*: Князь Андрей засмеялся.

¹²⁶⁶ *Зач.*: И вы с Кутузовым выступите против Наполеона?! – сказал Pierre. – Я не понимаю!

¹²⁶⁷ *Зач.*: ты знаешь, не стал бы служить у человека, которого бы можно было упрекнуть.

¹²⁶⁸ *Зач.*: Она замолчала и взялась за работу. Рука ее наткнулась на розовую записку

¹²⁶⁹ *Зач.*: Lise, ты не будешь ужинать

¹²⁷⁰ *На полях*: Л[иза] говорит о браке belle soeur [золовки].

* № 12 (рук. № 51. Т. I, ч. I, гл. VII).

– André, не говори этого, не говори больше, – рыдая проговорила княгиня, – я не буду больше говорить, я уйду, я сделаю всё, что ты хочешь, я не буду говорить, чтобы ты не ездил в армию, – и она встала и собиралась выйти.

Pierre дышал тяжело и готов был плакать. Он не мог переносить вида чужого страдания и встал тоже в нерешительности.

– Прощайте, прощайте, – заговорил он, протягивая руки. – Извините меня пожалуйста. Мне надо поскорее.

– Куда надо? – спросил князь Андрей.

– Я обещал к Анатолю. Прощайте.

– Да ты мне дал честное слово не ездить к нему больше.

– Я не поеду, я домой. Прощайте, – и он торопливо вышел.

Оставшись одни, князь с княгиней замолчали, как будто, как это часто бывает, они только для постороннего говорили то, что они говорили.

– Пора спать, – сказала княгиня. – Я ухожу. Ты не сердись на меня, André. Я никогда не сержусь.

– Я только замечу тебе, – сказал князь Андрей уже мягче, чем при Pierr'e (и он говорил уже *ты*, а не *вы*. Хорошо ли, дурно было его положение,¹²⁷¹ он видно понял, что надо сносить его). – Я замечу тебе только то, что ежели бы я разлюбил тебя, как ты говоришь, такие сцены, как сейчас, не способны заставить меня полюбить тебя. Напротив...

– André, ты верно опять полюбишь меня? Верно всё вернется. Я это чувствую. Рано или поздно, а всё вернется. Я чувствую это, потому что я не переменилась к тебе.¹²⁷²

– Идите, идите и выпейте этих капель, что Lograin вам прописал...

Она вышла.

– André, только когда ты вернешься, не было бы поздно, – сказала она, остановившись у двери.

– Выпейте капель.

Княгиня была в слезах и держала в руке розовую записку Иполита.

– André, c'est un billet doux!¹²⁷³ – говорила она сквозь рыдания, подавая ему записку. – Я не знаю за что, чем я виновата. Я ничем не дала повода. Ей богу. Не будем ездить.

Князь взял записку, прочел.

– А я этого ждал, – сказал он, сжег записку, она была без подписи, и опять пошел в кабинет за письменный стол. Он был еще бледнее и написал Иполиту. «Ежели вы когданибудь посмеете показаться на глаза мне или моей жене, то я вам выдеру при всех уши. Ежели вам не нравится это приказанье, то соглашаюсь один раз еще видеться в тот день и в тот час, который вы назначите». Написав письмо и отослав его с Фадеем, князь¹²⁷⁴ долго, облокотившись на руки, сидел в кабинете.

* № 13 (рук. № 51. Т. I, ч. I, гл. XIX—XXI).

Перед ужином лакей пришел доложить Пьеру, который находился в самом веселом и приятном расположении духа, что князь Василий Сергеевич прислал за ним и велено сказать, что графу хуже.

¹²⁷¹ *Зачеркнуто:* оставшись с глазу на глаз

¹²⁷² *Зач.:* Идите раздеваться.

¹²⁷³ [– Андрей, это – любовная записка!]

¹²⁷⁴ *Зач.:* вернулся в спальню. Жена его еще не спала и плакала. Он лег подле нее.

– Partons, partons, mon cher,¹²⁷⁵ – заговорила Анна Михайловна, по петербургски энергично собираясь. – Faites avancer.¹²⁷⁶ Pierre простился с графиней, прося позволения бывать. Графиня сказала, что она очень рада. Граф почему то обнял Пьера и несмотря на то, что во весь день не говорил с ним, просил, чтобы он с ним был, как с родным, и говорил, что он очень полюбил его. Полный¹²⁷⁷ веселых, молодых и чистых впечатлений, Пьер сел с Анной Михайловной в карету и приехал к дому графа Б., перед которым было настлано соломы.

Швейцар протянул руку к звонку.

– Не надо, голубчик, – сказала княгиня Анна Михайловна.

– Князь Василий Сергеевич приказали доложить, когда вы изволите приехать, – сказал швейцар.

– Ах нет, не надо, не надо, – сказала княгиня, торопясь и конфузясь. Она остановила руку швейцара.

– Allez vous coucher, mon cher ami. Je vous ferai chercher quand il sera temps,¹²⁷⁸ – сказала она Пьеру. – Croyez que je ferai tout dans votre intérêt,¹²⁷⁹ – сказала она расстроено и печально Пьеру, и на ципочках, чуть не бегом направилась к половине больного. Pierre остановился от удивления на слова Анны Михайловны. Он не понимал ничего, что делалось в этом большом доме. Чутье его говорило ему, что что то тут нехорошо, и он не старался вникать дальше, даже старался не думать. Княгиня сказала ему, что она будет хлопотать в его интересах. Он понял из этого только то, что она была занята в этом доме тем же, чем заняты были три княжны. На этом он успокоился.

С ним случилось в этот вечер то, [что] часто случается, особенно с детьми. Чем печальнее была обстановка его окружающая, тем ему было веселее и всё казалось смешно.¹²⁸⁰ В ушах его все звучали скрипки и фаготы, отхватывавшие Данилу Купора, и изредка квартет голосов, из которых выдавался голосок Наташи, в глазах представлялась¹²⁸¹ то Марья Дмитриевна, подрагивающая плечами, то граф с мягкими движениями, то Борис с своей красивой улыбочкой, то Наташа с своими кудрями и быстрыми ножками. Старик слуга пришел раздевать Pierre'a.

– Ты был музыкантом, знаешь ты играть Данилу Купора? – сказал он в то время, как старик снимал с него сапоги.

– Уж я забыл, сударь, всё, что знал, – отвечал старик и. ободренный вопросом барина, он сам вступил в разговор.

– Папинуку не изволили видеть? – спросил он. (Слуги в доме и сам Pierre иногда называли графа отцом, иногда графом.) «Опять об этом», подумал Pierre: «Когда это всё кончится? Хоть бы поскорее он умер». – Нет не видал.

– Очень плохи, – сказал слуга. – Духовник приехали из Симонова монастыря.

Пьер лег в постель, слуга пожелал ему покойной ночи и спросил, не нужно ли ему чегонибудь.

¹²⁷⁵ [Едем, едем, мой милый,]

¹²⁷⁶ [Велите подавать.]

¹²⁷⁷ *Зач.*: в первый раз в жизни

¹²⁷⁸ [Ступайте и прилягте, мой милый друг. Я пришло за вами, когда будет нужно.]

¹²⁷⁹ [Поверьте, что я буду блюсти ваши интересы,]

¹²⁸⁰ *Зачеркнуто*: Старик слуга, пришедший раздевать его, показался ему забавен. Он

¹²⁸¹ *На полях*: открылся новый мир, самый русской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.